

Олег
ГОНЧАРЕНКО

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Олег
ГОНЧАРЕНКО

ИЗГНАННАЯ АРМИЯ

Полвека военной
эмиграции.
1920–1970 гг.

ИЗГНАННАЯ АРМИЯ
Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг.

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Д.Г. ГОНЧАРЕНКО

**ИЗГНАННАЯ
АРМИЯ**

Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг.

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 66.3(2Рос)-4*63.3
Г65

Гончаренко, О.Г.

Г65 Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920—1970 гг. / О.Г. Гончаренко. — М. : Вече, 2012. — 384 с. : ил. — (Военный архив).

ISBN 978-5-9533-5866-8

Перед вами новая книга О.Г. Гончаренко, рассказывающая о нелегкой жизни солдат и офицеров Русской армии в вынужденной эмиграции в 1920—1970 гг. Автор, используя малоизвестные источники, подробно воссоздает быт и жизнь изгнанников в лагерях на турецкой земле и в странах рассеяния, рассказывает о процессе превращения Русской армии в Русский общевоинский союз (РОВС), борьбе активной части эмиграции против спецслужб СССР. Особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны и участию в ней чинов РОВС, а также судьбам этих людей после 1945 г. Книгу дополняет рассказ о политическом и духовном наследии офицерских союзов и воинских организаций.

Книга издается в авторской редакции.

УДК 94(47)
ББК 66.3(2Рос)-4*63.3

ISBN 978-5-9533-5866-8

© Гончаренко О.Г., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Мукою четырнадцати поколений научились мы духовно отстаиваться и в беде, и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастье собирать силы; умудряться... творчески расти от поражения; жить в крайней скудности, незримо богатея духом; не иссякать в истощении, но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить жизнь до расцвета.

И.А. Ильин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Массовая эмиграция из России в начале 1920-х годов прошлого века в течение двух последующих десятилетий оказала решающее влияние на весь ход развития европейской и даже мировой цивилизации за счет возникновения новых культурных интеллектуальных центров, где возникли новые научные школы и направления в искусстве и философии. Достижения видных представителей русской культуры и науки за границей легли в основу тотальной модернизации европейской и мировой жизни в период между двумя мировыми войнами. Участие в этих процессах русской эмиграции значительно ускорило их развитие, что помогло многим государствам не только удержаться в рамках традиционных путей развития, но и усовершенствовать собственные экономические модели и вывести науку на новый качественный уровень.

Русская военная эмиграция первой и второй волны стала хранителем не только важных для себя и будущего России национальных традиций, но и привнесла их наиболее важные составляющие в культурную жизнь стран пребывания, деятельно участвуя в развитии всех форм искусства. По своей практической значимости этот опыт интеллектуальной подпитки оказался непревзойденным в новейшей истории человечества.

Познание среды обитания, широты географического расселения и объема участия в мировых геополитических процессах русской военной эмиграции, понимание её идеологической и духовной основы является одной из актуальных познавательных задач современной военной истории. Открытие этих, еще мало исследованных страниц жизни русской военной эмиграции, позволит будущим исследователям объективно восполнить имеющиеся немногочисленные пробелы в современной военно-исторической науке, создав документальную базу материалов одинаково полезных как для деятельности российского военного ведомства, так и в работе тех государственных институтов, которые призваны популяризировать данный раздел отечественной истории. Цель данного труда как раз и состоит в том, чтобы отобразить основные вехи жизни русской армии за рубежом в рамках материалов, имеющихся в распоряжении автора на сегодняшний день. Необходимость выстраивания хронологической последовательности вызвана тем, что для создания последовательной линии исследования важно было указать основные моменты жизнедеятельности русской армии в изгнании, отобразив динамику и логику их развития.

В целом вопросы миссии русской военной эмиграции и её влияния на мировые гуманитарные и геополитические процессы нельзя считать достаточно разработанными в отечественной и зарубежной научной литературе. Таким образом, правильнее будет говорить лишь о характеристике научных публикаций по ряду обозначенных проблем. А именно, при анализе темы исследования возникла необходимость изучения особенностей деятельности военной эмиграции, специфика её участия в мировых политических процессах, так как сама по себе эта тема требует исследования в рамках работы по осмыслению феномена массовой эмиграции из

России в 1920-х и середине 1940-х годов. Фундаментальных работ, посвященных этим вопросам, оказалось на сегодняшний день не так много.

Среди отечественных авторов, внесших несомненный вклад в данный раздел исторической науки, следует упомянуть монографию К.А. Залесского «Иностранные добровольцы в частях вермахта и СС», где дан подробный анализ участников национальных формирований в годы Второй мировой войны, в том числе, военных эмигрантов — выходцев из России. В работе представлены очерки о добровольцах — бывших гражданах СССР и эмигрантах первой волны, что в совокупности дает ключ к познанию мировоззрения, присущего значительной части русских в зарубежье тех лет. Именно эта часть людей представляла свое участие в войне против советской власти как борьбу за восстановление России в её исторических традициях, с использованием временных союзников — немцев. Исследование этого сложного для равнозначной оценки вопроса является особо важным и выделено автором в отдельную главу, поскольку с ним связано изменение многих методологических принципов оценки идеологии русской эмиграции и появление новой парадигмы осмысления исторических процессов в ходе мировой войны 1939—1945 годов.

В этом отношении знаковыми являются исследования Б.К. Ганусовского и В.Г. Науменко, полковника Б.И. Кузнецова, а также графа Н.Д. Толстого-Милославского, посвященные завершающему этапу противостояния старой эмиграции и советской системы по окончании войны. Эти события более известны в историографии как череда массовых выдач казачества, эмигрантов и бывших советских граждан в период с 1945 по 1947 год британскими и американскими союзниками советской правительственной комиссии генерала Ф.И. Голикова¹.

Неофициальная позиция советской стороны в отношении эмиграции достаточно емко представлена в воспоминаниях генерал-

¹ Ганусовский Б.К., Науменко В.Г. Сборник «Великое предательство». СПб.: Нева, 2003; Кузнецов Б.М. В угоду Сталину. Нью-Йорк, 1993, 2-е издание; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1995.

лейтенанта МГБ П.А. Судоплатова, всецело посвятившего себя борьбе с русской зарубежной политической эмиграцией в рамках поставленных ему задач ИНО НКВД¹ в 1930—1940-е годы. Анализ изменившихся характеристик деятельности военных и политических организаций русской эмиграции в послевоенный период в результате изменившихся мировых геополитических процессов дал М.В. Назаров в одном из разделов монографии «Вождю Третьего Рима»².

Данная тема рассматривалась и зарубежными авторами, причем, что немаловажно, в преломлении к такому значительному пласту русской диаспоры, как дальневосточная эмиграция, такими, например, как П.П. Балакшин, Б.Б. Филимонов, И.И. Серебренников³.

Как известно, часть русской эмиграции, преимущественно военные, претерпели за ряд десятилетий вынужденного изгнания эволюцию взглядов на методы противостояния с идеологическим противником — коммунистами. Начиная с участия в вооруженной борьбе в 1920—1930-х годах, в любой точке мира, где идеи социализма вступали в конфликт с национальной идеологией и имманентным укладом жизни, с течением лет борьба военных эмигрантов приняла форму мировоззренческих соревнований, характерных для 1960—1970-х годов. Этот период можно условно назвать «войной литератур» и запоздалых попыток НТС из-за рубежа путем листовок и «книжек-обманок», нелегально ввозимых в страну, воздействовать на умы представителей советской общественности. Наиболее яркое отражение эти периоды нашли в исторических очерках и воспоминаниях самих участников⁴, а

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гейя», 1996.

² Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

³ Балакшин П.П. Финал в Китае. Книга первая. Мюнхен, 1956; Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Вашингтон: изд. В. Камкина, 1971; Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий 1919—1923 гг. Харбин: изд. М.В. Зайцева, 1936.

⁴ Берестовский В.В. Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра—Тирана 10—26 декабря 1924 года в сборнике «Русская армия в изгнании» М.: Центрполиграф, 2003; Яремчук 2-й А.П. Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско: Globus Publications, 1982, и др.

также сборниках, составленных чинами военных объединений, возникших в Европе в период Второй мировой войны для борьбы с большевизмом. К ним в первую очередь можно отнести фундаментальный труд есаула Д.П. Вертепова «Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—1945 гг.», увидевший свет в издательстве «Наши вести» в Нью-Йорке в 1963 году.

Указанная литература помогла в целом составить основу авторской концепции монографии.

Отдельную группу материалов составляет мемуарное наследие военных и государственных деятелей, выехавших за рубеж в эмиграцию, представляющих собой правящую элиту Российской империи, в руках которой находилось управление огромной и могущественной страной. В самостоятельные подгруппы выделяются записки русских военачальников и высших офицеров императорской армии, а также воспоминания лиц из числа православного духовенства, позволяющие рассматривать историю эмиграции во всем её многообразии, а также эволюцию роли и значения этих социальных групп за границей. Важное место в числе источников занимают неопубликованные рукописные мемуары, дневники и письма, освещающие общественную жизнь русской эмиграции в период Второй мировой войны. Основной массив документального материала по истории эмиграции составляют записанные рассказы со слов участников и очевидцев событий — эмигрантов, проживавших в разных странах и пересылавших свои записки для опубликования в периодических заграничных изданиях. Особенно ценные сведения по жизни военной эмиграции содержатся в журналах «Военная быль», издаваемых в Париже лейтенантом императорского флота А.А. Герингом на протяжении двадцати лет. К схожим источникам можно отнести и «Морские записки», выходявшие в Нью-Йорке в течение почти четверти века под редакцией старшего лейтенанта российского флота барона Г.А. Таубе. Журнал «Часовой», под многолетней редакцией капитана В.В. Орехова и «Родимый край», собравший под своей обложкой замечательных казачьих авторов Н. Евсеева и Н. Туроверова, содержат важные сведения из жизни военного и казачьего сословий. Кроме того, очень информативны газеты «Русский инвалид», аль-

манахи «Армия и Флот», и ряд повременных изданий полковых объединений императорской гвардии и армии. Существенным дополнением к вышеуказанным материалам являются публикации эмигрантских авторов, осуществленные в сборниках «Архивы русской эмиграции» (т. I—V), изданные в 1972—1974 годах калифорнийским издательством Faculty Press в пору наивысшей, естественной убыли эмигрантов первой волны. Эти свидетельства во многом дополняют общую картину истории русской эмиграции обилием дополнительных частных фактов. Отдельно стоят выпущенные примерно в этот же период книги личных воспоминаний частных лиц, к которым можно отнести воспоминания В. Верещагина, Г.В. Месняева, судебного доктора Русской эскадры в Бизерте Н.Н. Кнорринга, генерал-майора М.Г. Георгиевича, генерал-майора В.Н. фон Дрейера, князя П.П. Ищеева и многих других. Хороший материал для детального анализа представляют собой полковые издания различных объединений частей императорской гвардии, содержащие массив биографических данных русского офицерского корпуса в изгнании, и являющиеся летописным сводом жизни отечественного офицерства на чужбине. Среди прочих особую ценность представляет «История Лейб-гвардии Конного полка» под редакцией полковника В.Ф. Козлянинова и герцога Лейхтербергского, а позже Вуича и Тучкова, сборник воспоминаний «Драгуны дома и на войне». На роль полноценного научного исследования могут претендовать труды «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» В.Н. Звегинцова и «Лейб-гвардии Казачий полк в революцию и Гражданскую войну» генерал-майора И.Н. Оприца. Существенные детали о повседневной жизни эмиграции содержат и прозаические произведения представителей русской эмиграции, среди которых наиболее информативен Ю. Галич (генерал-майор Г.И. Гончаренко), а наиболее пространны по широте изображения внутренних общественных процессов генерал от кавалерии П.Н. Краснов и Н. Белогорский (генерал-майор Н.В. Шинкаренко). Отдельную группу источников образуют памятные выпуски бывших императорских учреждений, ведомств и заведений, а также частей и подразделений, сформированных русской эмиграцией в годы Второй мировой войны. К ним отно-

сятся памятные книжки лицеистов, слушательниц Бестужевских курсов, учащихся Училища правоведения, Донского Мариинского института, Николаевского кавалерийского училища, Елисаветградского кавалерийского училища, Виленского и Павловского пехотного училищ, Хабаровского графа Муравьева-Амурского и Полоцкого кадетского корпуса, Русских кадетских корпусов за границей. Среди прочих наиболее информационно насыщены работы Объединения ижевцев и воткинцев, чинов Конвоя Его Величества, Корниловского ударного полка, Марковцев, и в том числе марковцев-артиллеристов, Дроздовцев и Русского корпуса на Балканах.

Представляя источники, принадлежащие к разным обозначенным выше группам, можно охарактеризовать их следующим образом.

При написании глав, посвященным двум первым исходам русской военной эмиграции и беженцев в период 1920—1922 годов, огромное значение имели документы, объединенные в многотомной серии «Россия забытая и неизвестная». Тома выходили в виде тематических сборников, посвященных этапам перемещения русской армии из Крыма в Галлиполи, на греческий остров Лемнос и в тунисский порт Бизерту, а также личные воспоминания участников исходов, опубликованные в 1960—1980-х годах в рамках полковых историй Марковских, Дроздовских, Корниловских и гвардейских полков¹ в изгнании. Это ценнейший источник, в котором через призму индивидуального восприятия событий воссоздается мозаичная история великого исхода.

В этих источниках представлены материалы, которые позволяют оценить точки зрения разных сторон — от консервативно-монархической части эмиграции до либеральной и откровенно «левой». В них включены как мемуарные фрагменты, так и крат-

¹ *Левитов М.В.* Материалы к истории Корниловского ударного полка 1917—1974. Париж, 1974; *Павлов В.Е., подполковник.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Париж, 1964; *Розеншильд-Паулин В.А.* В сборнике «Кирасиры Его Величества». Париж: изд. «Возрождение», 1944; *Даватц В.Х. Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. 2-е издание. Нью-Йорк, 1985 и др.

кие исторические очерки, позволяющие детально последить периоды сосредоточения русских войск и беженцев в трех основных центрах — в Турции, в Югославии и в Болгарии. Все это позволяет сделать вывод о неоднородности идеологии эмиграции ещё в самом начале исхода.

В ходе подготовки главы о пребывании русской армии в странах Юго-Восточной Европы и на севере Африканского континента, а также становлении духовной основы эмиграции, определяемой Российской православной церковью за границей, помимо мемуарных и публицистических источников использовались и биографические материалы российского Первоиерарха Тихона и архипастырей в зарубежье. Используемые материалы позволили раскрыть неоднозначность положения церкви в СССР и отсутствие её влияния на представителей эмиграции. В ряде исследований, впервые опубликованных в РФ в наше время¹, содержится информация, характеризующая нарастающее противостояние между эмигрантскими организациями и советской политической разведкой, объясняющее усиление борьбы за сферы влияния в эмигрантских средах.

Исторические сведения, еще не опубликованные в современной России², использованные в качестве источников для написания второй и третьей глав, содержат подборку материалов о жизни эмиграции, были впервые введены автором в научный оборот. Одним из главных информационных источников по тематике четвертой и пятой глав является сборник о русских военно-учебных заведениях в Юго-Восточной Европе в период, предшествующий началу Второй мировой войны, под общим названием «Кадетские корпуса рубежом 1920—1945». Это издание, увидевшее свет в Нью-Йорке под редакцией А.М. Росселевича в 1970 году, даёт возможность читателю проследить пути построения системы подго-

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004.

² Убийство Войкова и дело Бориса Коверды. Июнь 1927 года // Перевод с польского с дополнениями. Париж: Возрождение, 1927; *Геринг А.А.* Материалы к Библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968; *Соллогуб А.А., граф.* Русская православная церковь за границей 1918—1968. Нью-Йорк: изд. Русской Духовной миссии, 1968.

товки военных кадров для России будущего, так и не оказавшихся востребованными в прошлом столетии. В сборнике в хронологическом порядке отмечены вехи воссоздания и работы кадетских корпусов, относящиеся к периоду пребывания русской эмиграции на Балканах в течение почти четверти века.

Помимо этого автором использованы воспоминания русского армейского и флотского офицерства, опубликованные в разные годы в эмигрантских и повременных изданиях, позволившие приоткрыть завесу над сравнительно мало изученной темой участия русских в Чакской войне 1936—1939 годов между Парагваем и Боливией. Не менее важным документальным источником стали выходившие в течение двадцати лет в Нью-Йорке «Морские записки», издаваемые Обществом российских морских офицеров в Америке. В них наряду с исследованиями по морской тематике публиковались очерки из жизни русской морской эмиграции, участии её представителей в испанской Гражданской войне (1936—1939), а также в воинских формированиях периода Второй мировой войны (1939—1945).

Аналитический характер многих статей старейших эмигрантских журналов «Часовой» и «Военная Быль», задействованных автором в ходе написания пятой главы, отражает тенденцию, характерную для взглядов консервативной части эмиграции на предвоенные политические события в мире и в Европе. В периодике тех лет представлены пространные характеристики лидеров европейских держав, дана оценка их политической деятельности на текущем историческом этапе. Помимо этого в помещенных статьях рассматривается роль русской эмиграции¹ в неизбежном столкновении коммунистической и национал-социалистской политических систем. В последнее предвоенное десятилетие темы многих статей русских журналов были посвящены вопросам намечающегося выбора эмиграцией своего места и роли в беспрестанно происходящих столкновениях левой и правой идеологий, включая локальные войны и вооруженные конфликты, имевшие место в это период.

¹ «Часовой», № 199. IX год издания. 5 ноября 1937 г.

Большой блок источников, используемый в монографии, представляет собой эмигрантская публицистика. Первостепенное информационное значение имеют работы признанных деятелей русской эмиграции¹, получивших широкое признание своих историко-софских трудов по осмыслению миссии российских изгнанников в мировом историческом процессе. Авторские комментарии к ряду работ позволяют выявить менее официальный спектр оценок, которые в какой-то степени сами по себе могут отражать их личное мнение в отношении событий описываемого периода времени. Кроме того, фундаментом аналитической части работы служат и справочные источники. Это, как правило, официальные эмигрантские издания и отчеты соответствующих комиссий о численности русских общественных и полковых объединений, а также их филиалов в других странах мира. В частности, выпуски «Вестник гвардейского объединения» использовались автором для анализа параметров и масштабов военных союзов, а также количества их участников, служивших в определенных частях императорской гвардии, на момент опубликования списков, структурированных по этому признаку в соответствующие подгруппы. Этот метод в полной мере можно отнести и к работе над материалами «Памятной книжки лицеиста», позволяющими составить количественный, хронологический, профессиональный и именной перечень выпускников Лицея за последние сто лет (по состоянию на 19 октября 1937 года), включая здравствующих и рассеянных по странам мира.

Для характеристики деятельности выпускников привилегированных учебных заведений императорской России за рубежом автором были использованы материалы, опубликованные до 1975 года в США и Франции общественными объединениями Бестужевских научных курсов и Мариинского Донского института.²

¹ *Карташов А.В., проф.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; *Лампе фон А.А.* Пути верных. Париж, 1960; *Ищев П.П., князь.* Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1960.

² Мариинский Донской Институт. Издание Объединения бывших воспитанниц МДИ за рубежом. Нью-Йорк, 1975; Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Издание Объединения бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971.

Биографические данные о знаковой фигуре в среде эмиграции — генерале А.П. Кутепове и периоде руководства им Российским общевоинским союзом в Париже проанализированы на основании статей, содержащихся в сборниках, опубликованных в качестве первых биографических опытов парижским издательством «Возрождение» в 1930-е годы¹.

Критический анализ деятельности руководства первого военного союза за рубежом (РОВС) в период 1920—1924 годов, содержится в ряде работ исследователей леволиберального толка, опубликованных в периодических изданиях исследуемого отрезка времени. Осмысление деятельности полувоенных и воинских организаций в эмиграции оппонентами генерала Кутепова приходится на первую половину 1920-х годов². Основополагающим источником являются письма эмигрантов, помещенные в периодических изданиях и посвященные основным вехам в жизни русского зарубежья. Часть опубликованных писем касается роли «бывших советских» граждан, перебравшихся на Запад, отношения с которыми у эмиграции «первой волны» оказались весьма натянутыми в силу ряда объективных причин, включая право на определение миссии русской эмиграции. В этой связи научный интерес представляют открытые письма казаков в парижском журнале «Родимый край», где, например, в начале 1960-х годов развернулась полемика о деятельности бывшего советского гражданина Доманова в качестве походного атамана в последний период Второй мировой войны³.

¹ *Сталь фон Гольштейн А.И., барон.* В сборнике «Генерал Кутепов» // Под ред. поручика М. Критского. Париж, 1933; *Трубецкой С.Г., князь.* Генерал Кутепов как общественный деятель. В сборнике «Генерал А.П. Кутепов». Париж, 1933.

² *Федоров Г.* Путешествие без сантиментов. Сборник «Константинополь—Галлиполи». М. 2003; *Чебышев Н.Н.* Близкая Даль. Сборник «Константинополь—Галлиполи». М.: изд. РГГУ, 2003; *Достовалов Е.И.* Записки. Сборник «Константинополь—Галлиполи». М., изд. РГГУ, 2003.

³ *Астахов И., Аверкиев А. и др.* К сведению казачьей общественности. «Родимый край» за июль—август 1962 года. Париж; Письмо под псевдонимом. «Новый офицер» в №41 (июль—август 1963 г.). «Родимый край», Париж.

К мемуарным источникам, позволившим автору дополнять общие характеристики эпохи важными деталями, стоит отнести, воспоминания генерала В.К. Витковского¹, князя М.Д. Каратеева (Карачаевского)², Н.Н. Краснова³ и Ю.И. Макарова,⁴ дающие исчерпывающую картину не только осмысления миссии русской эмиграции, но и персонифицирующие собой целую эпоху Русского зарубежья. Значимость указанных источников состоит, прежде всего, в том, что они помогли выявить этапы деятельности эмиграции, определить её политических стиль, имманентный для подавляющего большинства представителей «первой волны», и выстроить модель взаимоотношений эмигрантских организаций с советской системой.

¹ *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963.

² *Каратеев М.Д., князь.* Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977.

³ *Краснов Н.Н.* Незабываемое 1945—1956. Нью-Йорк: изд. «Книжный магазин» Р.М. Васильева, 1957.

⁴ *Макаров Ю.И.* Моя служба в Старой гвардии 1905—1917. «Мирное время и война». Буэнос-Айрес, 1951.

Глава первая

РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.

Георгий Иванов

1.1. ОБЗОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ, СОЗДАВШИХ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПЕРИОД 1917—1920 ГОДОВ

В феврале 1917 года Россия оказалась не только на переломе своей великой исторической судьбы, но и, как показало время, встала перед выбором будущего. Путь нейтралитета, избранный народом в февральские дни, почти на три четверти века определил судьбу государства и вызвал бурю невероятных внутренних потрясений, по существу, разломив общество на несколько противоборствующих политических сил. Часть народа, выступавшая военными средствами за сохранение державных позиций, покинула пределы государства после нескольких лет ожесточенной борьбы.

Мировая история XX века не знает ни одной иной страны, которая, как Россия, испытала бы на себе тяжелейшие последствия величайшего социального разлома, на фоне которого все прочие исторические события покажутся будущему историку свободной России малозначительными.

Поскольку вместе с самодержавным строем в стране стали стремительно разрушаться духовные и нравственные законы, века до этого определявшие не только линию поведения подданного императоров, но часто и его место в системе симфонического управления государством. Характер общественной жизни и условия, сформировавшие её, на протяжении долгих лет питали и давали творческую подпитку национальной культуре, научной мысли и тому особому образу государственного правления, где верховное лицо было подлинным «отцом народов».

Православная монархия в России, по образу и подобию Византии, была тем государственным строем, что расширял критерии своих «земных» задач за пределы исключительно «земных» интересов народонаселения, видя в каждом подданном бессмертное существо, созданное по образу и подобию Божию, предназначенное для спасения и вечной жизни в Царстве Божием. В этом случае эффективность государственных задач измерялись не столько экономическими показателями и политическими свободами, но и тем, насколько государство помогало собственному народу спастись для жизни вечной. В этой теории православного правления и заключался тот идеал государственности, облегчающий церкви служение по спасению человеческих душ. Эта модель государственного устройства еще со времен Византии представляла собой симфоническое правление светской и церковной властей, вместе служащих единой идее различными средствами. В ней церковь боролась с внутренним злом в человеке, а государство защищало церковь и народ от разрушительного воздействия зла внешнего, персонифицированного противниками данной формы правления и исповедниками иных убеждений.

Высокое духовное предназначение к марту 1917 года было потеснено идеей «Великой России», предусматривавшей копирование опыта западных стран для создания экономически конкурен-

госпособного государства. В глазах приверженцев этой идеи она обладала несомненной привлекательностью за счет гипотетической возможности построения сильного государства, доминирующего среди стран мирового сообщества. Энергичные защитники её, начиная со времен П.А. Столыпина, не желали признавать очевидную многим истину, что бурное экономическое развитие страны по ряду причин неизбежно будет происходить в ущерб духовному развитию нации. Это не замедлило подтвердиться в ту пору, когда, приближаясь к пику материального благополучия общества накануне Великой войны 1914—1918 годов, Россия стала всё чаще обнаруживать явные признаки духовного упадка, проявившегося, и, прежде всего, в легкомысленном отношении правящих классов и дворянства к религиозному смыслу самодержавия, как к отжившей условности.

Навязчивая идея русской интеллигенции начала XX века стать неотъемлемой частью «цивилизованной» Европы, быть признанной ею и сподобиться её сомнительной похвалы постепенно подвели страну к последней черте духовного упадка. И даже насущный вопрос о единстве народа в период Великой войны и соборном преодолении военных трудностей уже во второй половине 1915 года утратил в народе своё значение. Либеральные политики поспешили объявить в прессе, что «народ устал». Впрочем, «...русского народа не стало, — утверждал профессор Иван Александрович Ильин. — Это бессвязные толпы, мятущиеся, ненавидящие друг друга, охваченные каким-то наваждением». «...Волевое невежество свергло безвольную интеллигенцию: трезвый хам сверг мечтательного барина, революционный невежда сбросил радикального теоретика...», — подводил печальные итоги февральской революции 1917 года Ильин. Часть подданных российского императора, еще недавно так жаждавшая перемен, неясно представляла себе, на что обрекала себя, поддавшись общей истерии сокрушения духовных устоев жизни, а власть в государстве тем временем воровато подобрали государственные преступники и международные проходимцы, волею судеб вынесенные мутным потоком русской революции на поверхность общероссийской жизни. Не с ними ли должен был примириться остальной народ,

признав тем самым их право отныне бесконтрольно пользоваться узурпированной властью? «По делам их узнаете их», — гласит известная евангельская истина, и в значительной мере она предопределила отношение к установлению новой власти в октябре 1917 года нравственно здоровой части российского общества, чинов его флота и армии, не пожелавшей становиться безропотным материалом для готовившихся социальных экспериментов. Своевременное признание собственных заблуждений и общенациональная сплоченность, верность историческому пути и здравствующему ещё тогда монарху могли бы изменить ход истории, но вместо этого разгорелось пламя невиданной доселе общественной смуты. Бывший министр исповеданий Временного правительства профессор Антон Карташов признавался читателям спустя почти полвека: «Потеряв Русь национально-государственную, православную, по грехам нашим, по слепоте и небрежению, мы жестоко наказаны за наш пассивизм, за неорганизованность, за непредусмотрительность, за незащищенность»¹. Ему вторил другой соотечественник, человек монархических взглядов, участник неудачного покушения в эмиграции на либерала П.Н. Милюкова, поручик Георгий Ишевский: «В мгновение ока была сметена монархия, сметены три века национальной чести России. К власти тянулись кровавые руки каторжан, уголовных преступников, воров, интернациональных авантюристов, будущих цареубийц. Каины совершили каиново дело: уничтожили церковь Христову, армию, семью, честь и понятие о Родине, заменив прекрасное слово “РОССИЯ” похабными буквами Р.С.Ф.С.Р.»².

Спустя всего десять лет после октябрьского переворота причину неожиданной лёгкости произошедшего объяснил соотечественникам в изгнании молодой ветеран Гражданской войны Иван Савин. «...Мы всю жизнь свою ныли. Смешно сказать: пережарит ли кухарка жаркое, падут ли 0,003 акции какого-либо банка, случайно купленные и полузабытые, суше, чем обычно, поздно-

¹ *Карташов А.В., проф.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. С.7.

² *Ишевский Г.П., поручик.* Честь. Мюнхен: издание Общекадетского объединения, 1957. С. 302.

ровается Она, — мы неизменно ворчали: “Ну и жизнь! Вот, кто-нибудь перевернул бы её верх дном!” Теперь её перевернули. Кажется, надолго... И только теперь... мы поняли, наконец, что “ну и жизнь!” — была настоящей жизнью... Революцию подготовили и сделали мы. Революцию подготовили и сделали кавалеры ордена Святой Анны третьей степени, мечтавшие о второй, студенты первого курса, завидовавшие третьекурсникам, и наоборот: штабс-капитаны до глубины души, оскорбленные тем, что Петр Петрович уже капитан... учителя математики, презиравшие математику и всем сердцем любившие что-нибудь другое, судебные следователи, страстно мечтавшие быть послезавтра прокурорами...»¹

К этому можно добавить лишь обобщение профессора Ильина, рисующего социальную составляющую ниспровергателей самодержавного строя: «...Неустроившиеся семинаристы, недоучившиеся студенты, писаря, фельдшера, школьные учителя, фармацевты, приказчики, конторщики, почтальоны, “квалифицированные” рабочие и всевозможный “третий элемент” (пресловутые земские статистики из политических ссыльных). Из них-то и вербовался основной кадр коммунистов — всех этих “кожаных” комиссаров, револьверных комендантов и одержимых “товарищей”».

1.2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЭМИГРАНТОВ

В мартовские дни 1917 года часть русских крестьян, вдохновляемых либеральной интеллигенцией на сокрушение устоев, в предчувствии грядущего общероссийского хаоса учинила в разных губерниях такие бунты, «бессмысленные и беспощадные», против законных землевладельцев-помещиков, что по степени жестокости многие из них превзошли все иные, случавшиеся в России досе-

¹ *Савин И.И.* Моему внуку. В сборнике «Только одна жизнь 1922—1927» // Под редакцией Людмилы Савиной-Сулимовской. Нью-Йорк, 1988. С.129.

ле. Дух «пугачёвщины» снова носился над пылающими усадьбами России 1917 года. Не отставали от крестьянства и «просвещенные» классы. Представители русской интеллигенции, сея в обществе семена недоверия и враждебности к самодержавию, армии и флоту, его естественным защитникам и охранителям, пускались во все тяжкие, где устно, где печатно, натравливая солдат и матросов на офицеров, генералов и адмиралов в армии и на флоте. Впрочем, и иные генералы из числа разночинцев, быстро перестроившись в «друзей народа», спешили делать громкие заявления: «...ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы (от чего свободы? — *Примеч. авт.*)! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска в бой под нашими старыми боевыми знаменами, с которых — не бойтесь — стерто имя Самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его больше нет (доклад делался за год до расстрела царской семьи 16 июля 1917 года. — *Примеч. авт.*), но есть Родина»¹. Некоторые генералы, принадлежавшие к высшей военной среде, повели себя недостойно.

Русский публицист утверждал: «Одни еще до 2 марта (генерал Лукомский) сочиняли манифесты об отречении, другие (генерал-адъютант Алексеев) подсказывали ответы соратникам об отречении, а третьи (генерал Рузский) прямо употребили насилие... Старшие восначальники (генерал Брусилов) стали срывать с себя царские вензеля и топтать их ногами на глазах и в угоду черни; стали разъезжать (генерал Гутор) по фронту в грузовиках в обнимку с обозниками; стали пожимать руки солдатам-комитетчикам и перестали подавать руку офицерам»².

Часть интеллигенции и профессура не отставала от либеральных военных. Именно ей был преподан разлагающий пример бесцеремонного отношения к национальным духовным святыням, оправдывавшим разрушение известным утверждением героя Достоевского о том, что «теперь все позволено».

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1926. Т. II. С. 186.

² Кириенко И.К., генерал-майор. 1613 г. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917 г. Воспоминания. Сан-Паулу, 1963.

«Отмена» самодержавия нашла неожиданную поддержку в среде православных иерархов. Словно бы стремясь превзойти образовавшееся в России Временное правительство по части политических нововведений, 5 марта 1917 года. Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему Дому «отныне не провозглашалось». А всего за несколько дней до выпуска первого обращения — 6 марта 1917 года Митрополит одной из главных кафедр страны — Киевской — Владимир (Богоявленский) поспешил направить от своего имени по всем епархиям телеграммы с распоряжением о том, что «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство Ея».

В церковных богослужебных книгах определениями Синода от 7 и 18 марта 1917 года предписывалось упразднение молитв о царской власти, и таким образом Дом Романовых в сознании молящегося как бы «утрачивал» свои сакральные права. Это свидетельствует лишь о том, что и вторая составляющая симфонического правления в России поразительно скоро утратила монархические черты, перейдя на положение «республиканского» института.

А через год с небольшим в Петрограде прошли первые публичные лекции консультанта наркома юстиции Шпицберга. Из них потрясенная аудитория узнала, что правительством уже готовятся декреты о запрещении церковного причастия, как «колдовского акта»¹. Лектор озвучил планы об изъятии священных сосудов и готовящемся закрытии церквей, прямо объявляя духовенство «контрреволюционным». У всякого слушавшего Шпицберга не

¹ Шпицберг Иван Анатольевич, бывший присяжный поверенный и специалист по бракоразводным делам, в первые годы нового режима прославился как циничный и злобный гонитель христианства. В комиссариате юстиции наблюдал за бракоразводными делами в Церкви, проводя партийную линию по разрушению ее канонических оснований (советские работники требовали, чтобы развод разрешался священноначалием по первому требованию одного из верующих супругов). В 1920-х годах И.А. Шпицберг был руководителем советского «научного общества «Атеист». — *Примеч. авт.*

возникало сомнений в неизбежности готовящихся крупных гонений на церковь, ибо докладчика уже ни раз привлекали в качестве «специалиста по церковным вопросам» перед очередным антицерковным мероприятием.

Слушавшие и посещавшие лекции не протестовали: столь невероятным казались им «химические замыслы» большевиков на второй год их правления. Хотя еще в самом начале большевистской эры общей реакцией населения на произвол властей был поток «писем протеста», манифестации, забастовки на производстве и даже стихийное повстанческое движение в сельских местностях. В дальнейшем социальный протест принял радикальную форму в виде создания армии на добровольческих принципах, призванной восстановить в государстве порядок вещей. Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что на всём протяжении Гражданской войны участниками антибольшевистской борьбы двигала скорее «идея высшего подвига», выразившаяся в изгнании ложных социальных учений из пределов страны и проведения Учредительного собрания для определения дальнейшего исторического пути развития страны.

Великобритания и Франция — союзники бывшей императорской армии и её условных правопреемников — армий Белого лагеря делали все, чтобы не оказывать военную и финансовую помощь в объемах, которые бы позволили им победить своего противника. Возрождение былой экономической мощи России в случае победы военных над международными авантюристами, захватившими валяющуюся под ногами власть, пугало Запад, не желавший помочь будущему конкуренту в лице России, случись ей преодолеть тяготы смутного времени, а тем более восстановить монархический строй правления, ведущий к возрождению её былой мощи. Впрочем, до восстановления монархии и в случае победы над большевиками, было не так близко, ибо борцам с большевизмом не хватало единомыслия в собственных рядах. Вопросы будущего России, формы правления и даже текущие задачи стратегии и тактики неизбежно превращали соратников по борьбе с III Интернационалом в непримиримых оппонентов. Утраченное в партийных спорах и взаимных противодействиях драгоценное

время в своё время привело Белую армию на Юге, да и во многих других частях страны к ситуациям, когда никакие, даже самые хорошо обученные, воинские части не могли справиться с непомерной задачей противостояния многократно превосходившему их в численности противнику. Пятимиллионная армия командарма Фрунзе не возникла в одночасье, а явилась плодом планомерной работы столь различных по убеждениям и политическим целям людей, умело сплоченных враждебной национальной России силой, понимавшей, что разногласия в частности несущественны перед лицом основной цели.

Сказалось и системное финансирование военного проекта большевиков — ведь даже для содержания малочисленного вооруженного отряда, не говоря уже о регулярной армии, требуется хорошо налаженный приток средств. Разрушив государственное финансирование прежней армии, большевики получили щедрое финансирование первых отрядов Красной гвардии из иностранных источников, позволивших создать основу регулярной армии¹ и удерживать власть до той поры, пока с 1918 года их правительством не стали проводиться плановые мобилизации в стремительно растущие региональные армии для борьбы с белыми.

Свержение власти Временного правительства не означало одномоментной капитуляции всех государственных институтов и всенародной поддержки идей разрушения пусть и убогой республиканской государственности во имя мифического «счастья народов». В рядах сопротивления большевизму, без различия идеологий, часто оказались самые разные люди — опытные фронтовики и представители

¹ Традиционно исследователями выделяются следующие источники финансирования русской революции: финансисты Уолл-стрит, частные пожертвования международных банкирских домов, а также так называемые «деньги германского Генерального штаба». И если поток средств из США выглядит логически обоснованным, то участие Германии в прямом масштабном финансировании политической оппозиции представляется маловероятным. В тяжелых экономических условиях истощившийся германский бюджет войны не предполагал наличия каких-то особо крупных средств у Генштаба, способных существенно повлиять на ход общественной жизни в России. — *Примеч. авт.*

«военной молодежи», стремившиеся удержать Россию от окончательного впадения в хаос, когда многовековые национальные ценности и святыни оказывались «отмененными», а духовные ориентиры смещенными. Эта часть пассионарной военной молодежи — будущее интеллектуальное ядро эмиграции — составила из выпускников императорских военных учебных заведений. Волна репрессий распространилась на них с первых дней падения самодержавия, когда большевики пытались придать чинимому ими разгрому форму независимого общественного протеста, выражаемого несогласными с этими рассадниками политической «реакции». Свою деструктивную деятельность по развалу системы военного образования Временное правительство прикрывало необходимостью борьбы с «реакционностью военных», противостоящих повсеместному утверждению идеалов «свободы, равенства и братства», а большевики постарались её уничтожить, как оплот вооруженного сопротивления. Простая и незатейливая пропаганда последовательно, в феврале и в октябре 1917 года, возымела на общество своё действие. Эйфория обретенной свободы от общественных и личных обязательств по отношению к царствующему дому Романовых, общественным институтам империи в сознании народа была многократно усилена пропагандой «справедливости мировых социальных учений», к носителям которых причисляли себя большевики. Именно под лозунгами марксизма на расправу с «осколками старого мира» привлекались «широкие народные массы». В те дни, невзирая на неравные силы, военная молодежь достойно стояла за себя, оказав сопротивление «наэлектризованной» провокаторами толпе и беснующейся городской черни. В Москве и в Петрограде юнкера не сдавали стен своих учебных заведений в течение нескольких дней. Сценарий нападений на училища применялся один и тот же. Демагогические выкрики уличных агитаторов привлекали и собирали толпу, и затем вели её к воротам училищ, вдохновляя на прорыв внутрь зданий. Оказавшись там и пользуясь неготовностью юнкеров и кадет без колебаний стрелять по безоружным людям, толпа начинала грабеж имущества и убийства сопротивлявшихся офицеров или учащихся.

Во время осады и беспорядков, бушевавших в 1917 году в стенах училищных зданий, их начальство пыталось связаться со

своим руководством, выяснить полномочия и получить распоряжения. Но по какой-то странной закономерности генералы либо отсутствовали на местах, либо отмалчивались, предоставляя директорам корпусов и начальникам юнкерских училищ действовать на своё усмотрение. Как вести себя, когда в учебном корпусе беснуется толпа, знали, увы, немногие... Случалось, что если кого из высших начальников и заставляли звонком врасплох, то последние старались отделаться туманными фразами или ни к чему не обязывающими советами. На призывы отдельных офицеров-воспитателей и юнкеров старших классов к своим убеленным сединым генералам выйти на улицы и защитить порядок в городе последние лишь отмалчивались. Стремление усмирить бунт черни, по утверждениям современников, оказалось особо сильным у всего старшего курса Константиновского артиллерийского училища, однако приказом начальника им было запрещено покидать пределы здания. Организованного сопротивления юных артиллеристов в те дни просто не получилось. Одно за другим военные училища слали бумаги в местный Военно-Революционный комитет, в которых объявляли о своей сдаче на милость победителей; некоторые юнкера разбежались, часто оставляя военную форму и стараясь на выходе из стен училища, придать себе наиболее «гражданский вид». Центром общегородского сопротивления Военно-Революционному комитету большевиков в Москве в ноябрьские дни 1917 года стал дом Александровского военного училища на Арбате. Именно в его стенах были сформированы первые отряды добровольцев, состоявшие из офицеров и юнкеров, солдат-ударников, студентов, гимназистов и реалистов старших классов, пришедших туда, чтобы постоять за державу. Тогда же самый многочисленный из отрядов и получил название Белой гвардии. Участие в боях против вооруженных отрядов Военно-Революционного комитета приняли в том числе юнкера и офицеры Алексеевского военного училища, 2-й школы прапорщиков и кадеты старших классов трех корпусов, чьи здания располагались в Лефортово. Полковник Лейб-гвардии Волынского полка Леонид Николаевич Трескин отдал приказ юнкерам занять и держать оборону в Лефортово, в здании Алексеевского военного училища, не

допуская туда бандитов и распаленную жаждой легкой поживы толпу. И лишь достоверно узнав о том, что противник подтягивает артиллерию, чтобы бить по зданию училища прямой наводкой, полковник Трескин отдал приказ юнкерам сложить оружие.

Но в целом московское сопротивление большевикам не угасало: начавшись в центре, оно постепенно охватывало всё новые районы города. Шла стрельба на Спиридоновке и на соседней с ней Малой Бронной, в близлежащем Гранатном переулке. Две силы противостояли друг другу: вооруженные рабочие с заводов Пресни и юнкера московских училищ. Прицельным огнём с крыш рабочие постепенно вытеснили юнкеров с этих улиц, не вполне удобных для долговременной обороны, на открытое пространство площади, к Никитским воротам. Затем перестрелка возобновилась возле здания кинотеатра «Унион», на пересечении Малой Никитской улицы и бульвара.

Примерно в это же время шёл бой и возле другого белого бастиона, находившегося неподалёку от Волхонки — казарм Александровского военного училища. Несколько лет тому назад московская вечерняя газета рассказала о случайно обнаруженном в здании тайнике, где с октября 1917 года оставались спрятанными некоторые личные вещи и оружие юнкеров. Звуки перестрелки доносились с Остоженки, Пречистенки и из Хамовников. Обыватели испуганно жались к стенам зданий. Городские улицы быстро обезлюдели, и жизнь города приостановилась.

После многочасовых, упорных боёв красногвардейцами был занят Брянский (Белорусский ныне) вокзал. Переправившись у Зарядья, они просочились в притихшее Замоскворечье. Положение дел изменила перешедшая к большевикам 1-я запасная артиллерийская бригада, предоставившая им для обстрела засевших на Тверской улице юнкеров свои орудия. В те дни удача лишь ненадолго улыбнулась оборонявшимся белогвардейцам, когда вечером 30 октября 1917 года был отбит Брянский вокзал. На него утром следующего дня прибыл с фронта «батальон смерти», присоединившийся к Белой гвардии и вместе с ней поведший успешное наступление на красногвардейцев, укрепившихся на всем протяжении Тверского бульвара. Красные дрогнули, откатываясь на

Страстную площадь; небольшая часть их в это время отбивалась от атак белогвардейцев у стен Зачатьевского монастыря на Остоженке.

Еще спустя сутки юнкеров вытеснили с Пресни. Красногвардейцами оказались заняты Провиантские склады. Постепенно они вернули себе господствующее положение на Страстной (ныне Пушкинской) площади и даже перешли в контратаку. Алексеевское военное училище было окружено красными и неистовавшей толпой, призывавшей к убийству всех засевших там юнкеров. Солдаты-дезертиры Двинского полка приступом взяли Малый театр; люмпены и городская чернь, подоспевшая из Сокольников, захватила почтамт. Артиллерийским огнем юнкеров вынудили отойти со Страстной площади, в то время как рабочие завода Михельсона перешли Москворецкий мост и закрепились на Москворецкой улице. В импровизированный штаб Белой гвардии пришло известие о том, что в Крутицких казармах сложили оружие юнкера. Затем прибежавшие юнкера сообщили, что видели белый флаг, выброшенный из окна Алексеевского училища. Борьба стихала, но не заканчивалась, и одной из причин все еще продолжающегося сопротивления стала изоляция юнкеров, окруженных в Кремле, не пожелавших сложить оружие и не ведавших о почти повсеместной победе красной гвардии. Ввиду нарастающего численного превосходства восставших бои в городе стали затихать. Часть белых защитников Москвы, сдавшихся под честное слово ВРК, была расстреляна на территории воинских казарм в Лефортово.

11 ноября 1917 года Священный собор Православной российской церкви отозвался полным скорби и гнева посланием к народу: «...В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России — наш Кремль с древними его соборами, хранящими святые чудотворные иконы, мощи св. угодников и древности российские. Пушечным снарядом пробита кровля дома Богородицы, нашего Успенского Собора, поврежден образ Св. Николая, сохранившийся на Никольских воротах и во время 1812 года, произведено разрушение в Чудовом монастыре, хранящем мощи Св. Митрополита Алексия. С ужасом взирает православный народ на совершившееся, с гневом и отвращением будут

клеить это злое дело потомки наши. ...Но чьими же руками совершено это ужасное деяние? Увы! Нашего русского воинства, того воинства, которое мы молитвенно чтим именованьем христолюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. ...Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, всего мира и братства народов — смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затмение совести и разума. ...Давно уже... сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле... Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров. Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святыню... Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение Державы Российской»¹.

Распад духовного уклада народа, позволивший равнодушно взирать на расстрел православных святынь, оказался столь скорым и необратимым, что вызвал потрясение даже у бывших приверженцев либеральных ценностей и так называемых «демократических принципов» государственного управления. Долгое время эти господа тешили свою гордыню членством в тайных организациях и претендовали на монопольное обладание высшим знанием о путях оздоровления государственной жизни. В появлявшихся статьях не только литераторов, но и общественных деятелей того времени сквозь недоумение сквозила нота раздражения и обреченности. Дневники Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Марины Цветаевой и записки Михаила Осоргина сохранили на своих страницах опыт произошедшего с авторами «просветления» духа, «открывшихся глаз» на большевизм и его сторонников, на беспощадную

¹ *Регельсон Лев*. Трагедия русской церкви 1917—1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 218.

власть толпы и предчувствие грядущего хаоса. Горьким сарказмом наполнены строки мемуаристов, повествующих о небывалом кризисе всей российской жизни, всех, кто мог сколь бы то ни было связно изложить свои переживания на бумаге — бывших высших чиновников империи, аристократов, великих князей, их морганатических жён и людей полусвета.

За годы Гражданской войны и сразу после нее в ходе волны репрессий, связанных с изъятием церковных ценностей, погибли десятки тысяч духовных лиц. 19 января 1918 года на Всероссийском поместном соборе был избран Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Ему принадлежит известное послание с провозглашением анафемы большевикам и призывом к сопротивлению им всего народа. Страстный, полный искреннего чувства патриарший призыв к противлению диктатуре был с сочувствием принят подавляющим большинством граждан России, вдохновив часть рабочих, военнослужащих, интеллигенции и крестьян на последующее сопротивление деструктивному режиму. И хотя отклик широких народных масс на призыв патриарха не стал единодушным, власть поняла опасность публичных обращений к народу духовного лидера и постаралась изолировать святейшего не только от собственных архиереев и клира, но и прихожан, поместив его под домашний арест в Донском монастыре в мае 1922 года. Во время своего заточения патриарх Тихон неоднократно подвергался допросам и шантажу приставленными к нему сотрудниками ВЧК, обещавших поддержку властей при его согласии сотрудничать с ними. Некоторые из чекистов, по заданию политического руководства страны, подступали к патриарху с требованиями публично признать советскую власть, часто угрожая святейшему новыми репрессиями против верного ему духовенства в случае неповиновения. Неизвестно, спас бы подобный компромисс патриарха многих духовных лиц от грядущих преследований властей, ведь заданная Лениным линия на борьбу с «черносотенным духовенством» не изменялась потом еще не одно десятилетие.

Противодействие народа власти большевиков началось спустя пару месяцев с их воцарения у власти. Уже в начале 1918 года в Петрограде и Москве в знак протеста против злоупотреблений

властей предрержавших разразились забастовки служащих, врачей, учителей, инженеров транспорта и связи, чиновников бывших государственных министерств. В ответ на это советским правительством начала внедряться концепция «принудительного труда», особенно широко используемая им в «эпоху военного коммунизма», кстати, не имевшего конечной целью восстановление довоенного уровня экономики державы, как декларировалось. Конфискованные предприятия нуждались в средствах, необходимых для оплаты эксплуатационных расходов, включая заработную плату рабочих, однако существовавшая до октября 1917 года банковская система, рухнувшая после переворота практически моментально, унесла с собой не только средства учреждений, но и вклады населения и предприятий. Золото и драгоценные металлы, которые сразу же стала изымать у собственников советская власть, использовались лишь на «особые нужды» красных вождей, призванные обеспечить и продлить существование у власти, а в случае неудачи обеспечить безбедное существование за границей. В отсутствие схемы финансирования, сложившейся в России за долгое время, промышленные предприятия, национализированные новой властью, стали останавливаться один за другим. Это породило не только массовую безработицу, но и неизбежный скачок цен на промышленные товары; зарплата рабочим и служащим предприятий не выплачивалась, да и сами деньги стремительно обесценивались. В отсутствие у власти профессиональных кадров, желавших служить ей верой и правдой, объем производства в России в стратегических отраслях промышленности, стал неуклонно снижаться, составив к 1920 году всего лишь 20 % от показателей 1913 года. Развал и продажа советским правительством иностранным концессионерам частей национализированных предприятий, не спешавших налаживать в России собственное производство, со временем отразились в острой нехватке потребительских товаров на внутреннем российском рынке. Для крестьянства, по обыкновению везущего в город на продажу сельскохозяйственную продукцию в надежде приобрести промышленные товары, эта схема все более усложнялась, с каждым месяцем становясь всё менее рентабельной из-за высокой стоимости промышленных товаров в

условиях нарастающего дефицита. Это привело к возникновению голода в городах, обусловленного нехваткой поставок продовольствия от сельскохозяйственных производителей, не желающих сдавать за предлагаемый ими властью бесценнок непросто дающиеся им «излишки» многотрудной деятельности.

Упорядочить товарообмен стало основным лозунгом общественного Движения рабочих уполномоченных, отстаивавшего права части населения, занятого в промышленном секторе. Оно быстро распространилось по российским городам, где так же, как и в столице, его сторонники объявляли забастовки и останавливали работу предприятий. Еще не прошло и года, как большевики взяли власть, а в разных частях России рабочие в борьбе за свои права от слов перешли к делу, взявшись за оружие.

В августе 1918 года в приволжских городках Ижевске и Воткинске рабочие свергли власть местного Совета и организовали «Ижевскую народную армию», численность которой со временем достигла 70 000 человек. В течение трех с лишним месяцев Ижевская народная армия вела успешные бои против правительственных частей. Лишь уступив напору превосходящих сил противника в 1921 году, «ижевцы» отступили на восток, увозя с собой имущество и семьи, дабы там присоединиться к остаткам бывлой Сибирской армии. Именно в ней «ижевцам» суждено было стать одной из самых действенных частей этой армии в ходе боев в Сибири и на Дальнем Востоке, вплоть до предпринятого ею спасительного перехода китайской границы в 1922 году, совершенного под натиском красных войск под командованием Василия Блюхера.

В 1919 году большевистская власть, обещавшая солдатам-крестьянам мирную жизнь еще два года назад, энергично призвала к участию в ширящейся Гражданской войне для защиты абстрактных «завоеваний революции». В подобных «завоеваниях», небывало ухудшивших рабочую, да и крестьянскую жизнь и колебавших их многовековой уклад, они нуждались менее всего. Если крестьянина и не призывали в армию, то в качестве повинности ему предписывалось обеспечить фронт продовольствием. В ответ на призывы комиссаров к мобилизации или их действия по принудительной сдаче хлеба, в 20 губерниях Центральной Рос-

сии произошло 245 выступлений, официально зарегистрированных ВЧК.

В апреле 1918 года против советской власти восстала буквально поработанная и разоренная сй Область Войска Донского, а спустя восемь месяцев череда народных восстаний прокатилась по всему Поволжью. Правительство Ленина и Троцкого бросало войска для их подавления, но эти жестокие меры не оправдали себя. Стойкость повстанцев поражала даже их усмирителей. В начале 1921 года, когда исход Русской армии генерала Врангеля на Балканы еще не завершился и Гражданская война не была, безусловно, выиграна большевиками, крестьянские повстанцы в Сибири заняли Тобольск, Кокчетав, значительные части Челябинской, Омской и Тюменской губерний, осадив города Курган и Ишим. В Тамбовской губернии в описываемое время под руководством крестьянского вождя Антонова были созданы целых три крестьянских армии, общей численностью в 50 000 человек. В ту пору не было в России, пожалуй, ни одной губернии или даже уезда, где бы ни фиксировались стихийные случаи вооруженного сопротивления властям в ходе проводимой ими продрозверстки.

В начале 1920-х годов на подавление крестьянских выступлений властью направлялись новые полководцы, прежде командовавшие не только регулярными частями Красной армии, решавшими оперативно-тактические задачи, но и карательными интернациональными бригадами, используемыми в большей степени для организации массовых казней. Части эти и по окончании Гражданской войны состояли по преимуществу из бывших пленных подданных Австро-Венгерской монархии — чехов и венгров, а также из хорошо оплачиваемых властью китайских наёмников, безразличных к судьбам российского населения, и печально «прославившихся» жестокими и беспощадными мерами усмирения.

В неравной борьбе с плохо вооруженными крестьянами командование красных частей пустило в ход все «новинки» военной техники, в том числе и еще доселе не использовавшееся против населения химическое оружие. Так, в ходе операции в Тамбовской

губернии, Тухачевским был отдан приказ о проведении химической атаки на повстанцев. Приказ гласил: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»¹. Для усиления психологического эффекта на повстанцев Тухачевский старался использовать все имевшиеся в его распоряжении технические средства, в том числе и аэропланы. На скрывавшихся в лесах повстанцев то и дело сыпались бомбы, их обстреливали из авиационных пулеметов. И по окончании войны Гражданской на территории России разгоралась уже другая «внутренняя война», шедшая следом за затихавшей Белой борьбой на дальневосточных рубежах России.

Война с крестьянами не была следствием недопонимания между властью и многочисленным в России «сельскохозяйственным сообществом», а являлась провокацией большевиков, направленной на выявление его лояльности, способности к сопротивлению, дабы оценить возможные сроки и темпы сокращения его экономической независимости. В планах интернационалистов у власти этот маневр осуществлялся в два этапа: постепенное доведение крестьян сначала до состояния нищеты объемом урожая и введением непомерных налогов на сельскохозяйственный труд, а затем, путём контроля над продажей средств для возделывания земли и промышленных товаров, превращение их в зависимую от центральной власти часть населения. Духовная основа — православная вера, служащая поддержкой и укреплению в моральной правоте сопротивления крестьян, искренне полагающих установившуюся власть «антихристовой», по замыслу большевиков, должна была ослабеть с утратой связи крестьянства и окормлявших его православных пастырей. Развенчание сакральной роли церкви, «отмена старорежимной морали», столь усиленно насаждаемой советской властью в деревне, были призваны заставить крестьянство отречься от своих духовных наставников, изображаемых властью, как исключительно паразитирующей на крестьянской «косности» прослойки.

¹ Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 179.

1.3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ

Борьба советской власти с оппозицией в лице двух наиболее значимых в России социальных групп постепенно увенчивалась новыми успехами. С течением времени некому было прийти на помощь восставшим крестьянам и бастовавшим рабочим. Русская армия генерала Врангеля, чью поддержку они так недооценили в ходе Гражданской войны, находилась уже далеко, и средств, необходимых для «весеннего похода», у нее не было.

На всей территории России год от года устанавливалась жесткая диктатура, не терпящая инакомыслия. По мере раскачивания маховика внутренних репрессий, последовавших после победы красных в Гражданской войне, советская власть позаботилась о придании максимальной законности системе гонений, основой для которой первоначально стала принятая в 1918 году первая «советская» конституция. В этом документе эпохи были поставлены вне закона и лишены политических прав все «нетрудящиеся классы и политические группы». Поражения в гражданских правах распространялись не только на определенную категорию лиц, но и на всех членов семьи представителя «нетрудящегося класса». Это в свою очередь обрекало их на лишение распределяемого большевиками продовольствия и, как следствие, на голодную смерть. В дополнение ко всему первая Советская конституция отменила понятие личной вины индивидуума, перенося ее на целые «социальные классы» и просто группы людей. Так, согласно конституции, вне закона оказались и те, кому «не посчастливилось» родиться в семье «трудящихся». Таким образом, под категорию «лишенцев» попали не только все служилые слои Российской империи, представители торговых и промышленных династий, но и клир Российской православной церкви.

Церковная жизнь России тех лет неотделима от жизни большинства населения страны. В дни испытаний, претерпеваемых народом, она и не могла быть иной. Ведь объединяющее духовное начало народа грозило массовым гражданским неповиновением

новой власти. Выступления против неё с оружием в руках часто были откликом на призыв духовных авторитетов к сопротивлению богоборческим установлениям властей.

Вот почему уже в первый день объявленного в сентябре 1918 года «красного террора» в ответ на убийство Урицкого мученическую кончину приняли епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов) и председатель Русского монархического союза протоиерей Иоанн Восторгов. Это ему принадлежали обличительные слова о попустительстве народа уничтожению собственных духовных лидеров, и в частности митрополита Киевского Владимира (Богоявленского): «Народ наш совершил грех, — а грех требует искупления и покаяния. А для искупления прегрешений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва. А в жертву всегда избирается лучшее, а не худшее. Вот где тайна мученичества старца-митрополита»¹.

Массовые расстрелы, о которых сообщалось во всех советских газетах, прошли на Ходынском поле и в Петровском парке, где расстреляли не только епископа Ефрема, но и иерея о. Дмитрия Корнеева вместе со старостой Успенского собора Кремля Николаем Николаевичем Ремизовым. На жаргоне палачей расстрел цинично именовался «отправкой в Иркутск».

В те роковые сентябрьские дни по России прокатилась череда расправ, продолжив появление священномучеников эпохи, первыми из которых еще в 1917 году стали протоиерей о. Иоанн Кочуров, известный ранее как православный миссионер в Северной Америке, и иерей о. Петр Скипетров. Последний погиб, попытавшись воспрепятствовать проникновению красногвардейцев в алтарь Александро-Невской лавры, куда ломились прибывшие большевики под предлогом конфискации «церковных ценностей».

Правда, и до объявления террора расправы над духовенством стали принимать систематическую форму. Летом 1918 года советскими активистами был утоплен с камнем на шее в реке епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. В проповеди, обращенной к

¹ *Регельсон Лев*. Трагедия русской церкви 1917—1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 42.

пастве, ставшей одновременно и его последним словом, Гермоген произнес: «Я никогда великое, святое дело учения Христа не положу к подножию той или иной политической партии. Я безбоязненно говорил святую правду бывшему самодержцу и не умолчу о ней перед самодержцами новыми. Знаю участь свою, но знаю также и то, что по скончанию своей земной жизни предстану перед Страшным Престолом Судии живых и мертвых, и, когда буду вопрошаем Им, что скажу Ему?»¹ Участь архиерея разделила делегация прихожан, прибывшая в местный Совет с просьбой освободить архиерея.

Даже когда первая волна «красного террора» пошла на убыль, большевики продолжили истребление клира. 24 декабря 1918 года ими были умучены епископ Соликамский и викарий Пермский Феофан (Ильинский) и архиерей Пермский Андроник (Никольский), которого неоднократно опускали в прорубь на морозе, до полного оледенения. Самарский епископ Исидор (Колоколов) был посажен на кол, епископ Белгородский Никодим (Кононов) забит чернью до смерти железным прутом, после чего по приказу комиссара его тело красноармейцы стащили в выгребную яму. Подле неё была выставлена охрана из солдат, не позволявшая мирянам извлечь останки мученика и похоронить по православному обряду. Представители советской власти «на местах» проявили себя жестоко и с епископом Ревельским Платоном (Кульбушем). 14 января 1919 года они превратили этого архиерея в ледяной столб, поручив красноармейцам обливаться связанного владыку водой до полного оледенения. А в городке Юрьев (Тарту) на территории «независимой» Эстонии, по инициативе местного Совета и губернского комиссара добровольными помощниками было зарублено топорами (!) 17 священников из православных приходов. Многочисленные свидетельства говорят о том, что перед тем как убить приговоренных, большевики по обыкновению глумились над беспомощными людьми, отрезая им уши, носы, и под исполнение оскорбительных для священного сана похабных припевок, пытались заставить плясать.

¹ *Регельсон Лев*. Трагедия русской церкви 1917—1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 47.

Помимо физического уничтожения православного клира Совет народных комиссаров не отказывал себе в удовольствии в шельмовании православных преданий и святынь, дав команду активистам местных Советов провести принародное поругание особо почитаемых святынь и святых мощей. Сделать это предполагалось для того, чтобы заронить зерно сомнения в их чудесные свойства и показать народу его «невежество», «проявлявшееся в поклонении обыкновенным костям». Об этих кампаниях коммунистических активистов история сохранила довольно свидетельств. Мощи изымали из мест захоронений и рак для уничтожения или передач в краеведческие и прочие музеи от археологии до атеизма включительно. Участь эта не миновала мощей святого благоверного князя Александра Невского, святителя Иосафа Белгородского, святителя Митрофана Воронежского, праведного Симеона Верхотурского, особо чтимого в Приуралье, и преподобного Сергия Радонежского. Голову преподобного Сергия всё же удалось спасти от поругания, и в течение длительного времени втайне от властей её сохранял один из сотрудников Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, граф Юрий Александрович Олсуфьев. Осквернение чувств верующих, начавшееся в годы Гражданской войны, продолжилось и в 1920-е годы, приняв форму шутовских процессов-маскарадов над «попами», нескончаемыми диспутами, «комсомольскими свадьбами» и «красными крестинами».

Распоряжением губернских советских начальников храмы охотно отдавались под складские нужды, клубы. Некоторые переоборудовали под магазины или общественные уборные. Некоторые храмы-склады просуществовали в СССР до конца 1980-х годов, пока дряхлеющая власть Советов не уступила их, разрушенные и оскверненные, православным общинам и нанятым ими реставраторам для восстановления.

Вместе с этим новая власть пыталась навязать населению свои «ценности», как и полагается антитезе божественного, вполне inferнального свойства. Происходило ли это только в Петрограде или Москве? Едва ли. Любой небольшой городок, в котором был хоть один храм, становился полигоном испытания чувств верующих и вызовом здравому смыслу. Пробным камнем стала уста-

новка местным Советом памятника Иуде Искариоту в Свяжске в 1918 году. Незадолго до того в городе были замучены настоятель городского Успенского монастыря епископ Амвросий. Инициатива, спущенная в уездный город сверху, исходила от большевистского «интеллектуала» Льва Троцкого. Именно он распорядился установить в пяти городах России памятники Иуде, и даже лично приехал на открытие памятника в древний Свяжск, сопровождавшееся торжественной церемонией и парадом двух полков Красной армии и чинов команды собственного бронепоезда.

Особое место у новой власти занял особый вид деятельности, нацеленный на размывание значимости традиционных для большинства населения культурных ценностей. Большевики не скрывали, что создание ими очагов напряженности на всей широте бывшей империи в 1905—1917 годах делалось ими «для сокрушения продолжавшегося сопротивления реакционного русского народа». И многие этносы, населявшие некогда просторы страны от Хивы до Варшавы, во время Гражданской войны исподволь вовлекались большевиками в «борьбу за независимость», как «пострадавшие от русского царизма», и, как следствие, призывались в различные военизированные формирования для борьбы с «эксплуататорами» и притеснителями, персонифицировала которых Добровольческая армия. Образ врага-эксплуататора был тесно спаян большевистскими идеологами с национальной принадлежностью, и дело дошло до того, что по окончании Гражданской войны, в литературе и публицистике страны под запретом оказалось само слово «русский» для употребления в печати в положительном значении. Судя по большевистской прессе и выходившей в первой трети XX века периодике и литературе, этот запрет негласно действовал почти до начала 1930-х годов. А кроме этого на всем просторе бывшей империи территории советские топографы по указанию партийных идеологов занялись планомерной сменой названий городов, островов, проливов и земель. В картографических учреждениях в директивном порядке вносились исправления в издаваемые карты. Так старый прикаспийский городок Петровск-Порт, в пределах которого еще в 1722 году останавливался Петр Великий, во время знаменитого Персидского похода был переименован в Ма-

хачкалу, в память «социально близкого» большевикам дагестанца Магомед-Али Дахадаева, более известного в уголовных кругах дореволюционной России под кличкой Махач. Старая Обдорская крепость — торговый пункт на пути через Урал на Обь и далее на восток, основанная русскими первопроходцами еще в 1595 году и долгое время оставшаяся волостным центром под названием Обдорск, превратилась в Салехард. Городок Усть-Сысольск Вологодской губернии стал именоваться Сыктывкарком. Основанный в 1914 году и бывший некогда конечным пунктом Усинского тракта, возле слияния рек Большой и Малый Енисей, городок Белоцарск стали именовать Хем-Белдыром, а с 1926 года — Кызылом. Верхнеудинск превратился в Улан-Удэ. И в довершение всего, смена названий населенных пунктов часто включала в себя переименования по фамилиям большевистских лидеров. Вятка на время стала городом Троцком, Петроград — Ленинградом и т.п.

В начале 1921 года в высших учебных заведениях страны были повсеместно упразднены историко-филологические факультеты, как «рассадники реакционного мировоззрения» в прошлом. Из всех университетских и институтских библиотек согласно особому инструктивному письму, в составлении которого приняла деятельное участие супруга Ленина Надежда Крупская, изымались тома сочинений Достоевского, Максимова, Лескова, объявленных «черносотенными авторами», к числу которых каким-то образом оказался причисленным даже античный Платон. Состав новых советских учебных заведений сильно отличался от прежней имперской школы и её системы преподавания. Еще в начале советской власти все учебные заведения России постепенно лишались финансирования. Их профессура объявлялась «реакционной» и изгонялась. Студенты, успевшие проучиться до октябрьского переворота, в покинутые ими в связи с войной учебные заведения в большинстве случаев в советское время назад не восстанавливались. Их ждали улица, аресты, и в лучшем случае — заключение в лагерь. Попытки протестовать или отстаивать собственные права жестоко подавлялись.

В ходе становления советской власти любое сопротивление установившемуся порядку вещей, а также творимым повсемест-

но кощунствам и святотатству, и попытки защитить пастырей карались расстрелом. Для увеличившегося числа расстрелов после 1918 года требовались все же постоянные помещения. В губернских городах под это отводились особые места за городом или помещения «особого назначения». Московским Советом под массовые расстрелы были отведены подвалы бывшей Военной коллегии и подвал в Варсонофьевском переулке, где разместились в 1930-е годы гаражи автобазы НКВД № 1. Расстрелы в том подвале начались уже с сентября 1918 года.

Террор в отношении сословий не остановил общенародного сопротивления власти. Карательные меры возымели действие лишь ненадолго, и на место одного убитого незамедлительно вставал его единомышленник и ученик, а на смену тому приходил другой.

Перед советской властью все отчетливее вставал вопрос об изобретении системного подхода к подавлению крамолы, изоляции политических противников и сочувствующих им лиц. Такой способ был найден, и в начале 1918 года по предложению Ленина в повседневную практику была введена такая форма общественных наказаний, как «концентрационный лагерь». Как и в годы Англо-бурской войны на юге Африканского континента, концлагерем стали заранее отведенные места, где первоначально содержались сотни и тысячи заложников, взятых ЧК в разное время. Содержавшиеся в лагерях люди были бесправны, лишены связи с внешним миром и подлежали расстрелу в случае необходимости. И хотя в распорядительных записках Ленин не давал конкретных рекомендаций по общению с заключенными, подразумевалось, что «ответственные товарищи» умели читать между строк. Председателем Совнаркома предлагалось действовать на своё усмотрение. Ленинские рекомендации незамысловаты: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Рецепты противодействия политическим противникам просты: «Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях».

Реализация его замыслов не замедлила сказаться. В древнем Соловецком монастыре возник один из самых известных север-

ных лагерей, будущий С.Л.О.Н. (Соловецкий лагерь особого назначения). Туда в течение короткого времени были отправлены и умучены десятки архиереев и протоиереев православной церкви, сотни монахов, священников, а затем и множество мирян, партиями присылаемых на Соловецкие острова для «перевоспитания». Изодранные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову — Соловки — зловещее звучание. Подробное описание жизни заключенных на Соловках, одним из которых являлся и он сам, дал Олег Васильевич Волков в своем труде «Погружение во тьму», опубликованном еще при советской власти в 1989 году.

Спустя четыре года после открытия лагеря, в 1927 году, там содержалось 12 896 человек более чем 48 национальностей, а к 1928 году число заключенных на Соловках возросло до 22 тысяч человек. На протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения Соловецкого кремля и отдаленных скитов. Осужденные проживали в старых землянках, душных бараках и едва отапливаемых монастырских зданиях. Первыми на Соловки были сосланы политические противники большевиков — эсеры, меньшевики, анархисты. Крупные партийцы — социалисты-революционеры, меньшевики и бундовцы — туда не попадали, направляясь в строго замкнутой Суздальский изолятор. Среди заключенных попадались и чины белых армий, оставшие от эвакуации, вернувшиеся на родину, поверив обещаниям агитаторов в Галлиполи или на Лемносе или попавшие в плен, и с той поры кочевавшие из тюрьмы в тюрьму; направлялись туда и уголовники. Исследователи отмечали, что крупные воры и бандиты встречались на Соловках крайне редко. Поймать их было при существовавшей системе сыска нелегко, а пойманные «социально близкие» советской системе уголовники охотно принимались на службу в правоохранительные учреждения в качестве агентов, палачей, инспекторов и даже следователей. В начале 1930-х годов прошлого века на острова для «перековки» начали привозить раскулаченных крестьян, членов религиозных сект и советскую «творческую интеллигенцию». Известно, что в разное время в Соловецком лагере томились начальник Гидрометеорологического комитета А.Ф. Ван-

генгейм, выдающийся философ, математик, химик, иерей П.А. Флоренский. В списке заключенных можно отыскать имена историков В.П. Никольского, Н.П. Анциферова, В.В. Бахтина, М.О. Гордона. В заключении на Соловках в свое время оказались этнографы и краеведы Н.И. Виноградов, А.А. Евневич, П.К. Казаринов. А кроме них — советские поэты и писатели Б.Н. Ширяев, Л.М. Могилянский, В. Камецкий, О.В. Волков, художники О.Э. Браз, К.Н. Понцев, профессор Московской консерватории Н.Я. Выгодский, а также исследователь древнерусской литературы Д.С. Лихачев.

1.4. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВЫБОРА ЭМИГРАЦИИ КАК СРЕДСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОТЕСТА И СОХРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В ИЗГНАНИИ

Заклучая в лагеря группы людей, объединенных по сословному или профессиональному признаку, советская власть стремилась достичь и другой важной для себя цели — подавить проявление воли населения к сопротивлению. Под влиянием тяжелейших условий лагерной жизни, труда и быта человек-личность все быстрее отдалялся в прошлое, а на место его приходила безликая «рабсила», послушный каторжник, перевоспитываемый гражданин «эпохи победившего социализма».

С людьми, выросшими в годы расцвета Империи, можно было совладать, лишь уничтожив или запугав их, но для нового поколения сограждан лучшим рецептом, с точки зрения идеологов советской системы, должно было стать историческое и культурное беспамятство. В самом деле, во имя чего и с кем им бороться, если новая власть со временем обеспечит все мыслимые блага земные, необходимые для удовольствия? Работа на новую власть и милостиво отпускаемые ей поощрения за труд должны были полностью вытеснить из сознания молодых граждан России иные формы правления и жизни, духовной и светской. Эксперимент этот удался лишь отчасти, чему примером может служить современное историческое беспамятство большинства населения и фантомное убеждение в преимуществах социалистического этапа жизни. Однако подобными заблуждениями даже

после семидесяти с лишним лет правления коммунистов оказалась поражено сознание далеко не всей части народа. Ведь у сильных этносов всегда оставалась регенерирующая способность возрождать собственную культуру и усилиями новых поколений снова определять её роль и место в системе мировой цивилизации.

Гражданская война и сопротивление смуте только лишь отодвинули во времени сроки повсеместного воцарения большевиков, но не предотвратили его окончательно. Достойные люди Отечества в те годы отдали свои жизни, принеся тем самым искупительную жертву за легкомыслие прежних правителей державы, попустивших росткам утопических и ложных социальных учений сплестись в жесткий терновый венец для России. В результате беспрецедентной гуманитарной катастрофы значительная, но, увы, не самая большая часть представителей России, свыше полутора миллионов людей, ушли вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля за границу. И потом, через два года еще отплывала с дальневосточной пристани Посъета с эскадрой адмирала Г.К. Старка, переходила российско-китайскую границу с семеновскими частями, ижевцами и воткинцами, и другими белыми формированиями, образовав тем самым невероятный феномен заграничной России, чаще именуемой в наши дни русским зарубежьем.

Лишенные Отечества, эти люди не только проявили чудеса мужества и явили всему миру силу духа, но невольно оказали значительное влияние на развитие гуманитарных, научно-технических и государственных процессов, явившись их непосредственными участниками и движущей силой.

Замысел данной работы состоит в том, чтобы изложить доступные автору сведения в максимально возможной хронологической манере. Исчерпывающее описание сторон деятельности русских диаспор во всех странах мира представляется нам весьма значительной задачей, отчасти выходящей за рамки замысла книги. В силу чего автор рассматривает основную тему повествования, как исправленный и дополненный труд о месте и исторической роли служилого сословия бывшей империи — военной среды и чиновничества, оказавшего в эмиграции в период между двумя мировыми войнами и во второй половине XX века.

Глава вторая

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ЭТАП ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

На лик твой смотрю я как на икону...

Да святится имя твоё, убиенная Русь.

Тэффи

2.1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРВОГО ИСХОДА НАСЕЛЕНИЯ И АРМИИ В УСЛОВИЯХ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Чтобы ясно представлять себе обстоятельства исхода из России, необходимо постараться взглянуть на него в контексте уникальной исторической ситуации, сложившейся в Крыму к концу 1920 года. Бесперспективность продолжения вооруженной борьбы на том этапе принудила правительство Юга России приложить все усилия для спасения остатков войск и мирных жителей в условиях, когда смена власти почти гарантировала всем остающимся на территории страны неминуемую гибель. В условиях боевых действий, испытывая нехватку транспортных средств и в отсутствие больших возможностей для переезда крупных войсковых соединений и беженцев, командование Русской армии в лице барона П.Н. Врангеля и адмирала Кедрова подготовило и осуществило массовый вывоз населения из страны, спасая полтора-два тысяч жизней.

Попробуем, основываясь на свидетельствах и воспоминаниях современников, воссоздать картину первого массового исхода русского населения с территории Юга России после поражения армии в ноябре 1920 года.

... Когда суда, наполненные до отказа отступившими войсками Русской армии и невероятным количеством беженцев, вышли в кильватерной колонне в море, среди покидавших на них Отечество людей едва ли нашелся хоть кто-нибудь, чье сердце не дрогнуло бы при виде

удалявшихся родных берегов. Неоднократно повторяющийся многими мемуаристами мотив тоски и полной безнадежности в мыслях отплывавших сквозил во всех разговорах и беседах, ведущихся беженцами и военными на уходящих в открытое море кораблях.

Вскоре после отбытия флота прочь от родных берегов командирами кораблей было доложено Главнокомандующему, что запасы провизии и воды на кораблях не рассчитаны на всех, кто погрузился на транспорты в крымских портах. Очевидец свидетельствовал: «Не хватало продуктов... В день на человека выдавалось по стакану жидкого супа и по нескольку галет. Буханку хлеба, там, где он был, делили на 50 человек. Через четыре дня такого питания те, кто не имел с собой никаких съестных припасов, уже не могли подниматься, чтобы глотнуть свежего воздуха»¹.

Трудности морского перехода были очевидны, но на докладе у Врангеля генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский, начальник штаба 2-й армии, рапортовал Главнокомандующему о высоком боевом духе войск, в особенности донских и кубанских казаков. Невольным свидетелем этого диалога отмечались бравурный тон Кусонского и рассудительность ответа Врангеля, предвидевшего, что армия в изгнании будет уже иной: «Настроение казаков на редкость бодрое. Ваше превосходительство, я уполномочен командующим армией просить вас не разоружаться в Константинополе. Я верю в настроение казаков...

— Но ведь это невозможно, генерал...

— Все же, ваше превосходительство. Я вас покорнейше прошу, я вас умоляю... С такими солдатами, с таким настроением мы можем и будем чудеса делать...

Главнокомандующий убеждает генерала Кусонского в абсурдности и невозможности выполнения этого решения»².

О новой войне еще пока рано думать, а пока навстречу судьбе по Черному морю к турецким берегам шли корабли в следующем

¹ Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002. С. 17.

² Валентинов А.А. Крымская эпопея. В сборнике «Белый Крым». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 399.

порядке. Впереди линкор «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов» с Врангелем на борту и вспомогательный крейсер «Алмаз». За ними, едва различимые из-за высокой волны, следовали эскадренные миноносцы «Цериго» и «Гневный». За ними в легкой дымке виднелись силуэты миноносцев «Капитан Сакен», «Звонкий» и «Жаркий». Надводным курсом тянулись за ними многочисленные подводные лодки Белого флота. Рассекая волны, скользили одна за другой «Буревестник», «АГ-22», «Тюлень» и «Утка», еще недавно у гагринских берегов обратившая в бегство пароход из Батуми, полный красноармейцев под началом своих комиссаров, вышедший в абхазские Гагры для ареста и расправы над кубанскими казаками генерала Фостикова, интернированными там грузинскими войсками на самом берегу моря.

С большой осадкой тяжело шли три вооруженных ледокола — «Илья Муромец», «Джигит» и «Гайдамак». В их компании чувствовали себя хорошо защищенными четыре тральщика и пять посыльных судов, одному из которых, «Лукуллу», судьбой было уготовано стать в недалеком будущем штаб-квартирой Главкомандующего. Резал форштевнем черноморскую воду тяжело нагруженный линейный корабль «Георгий Победоносец», а за ним, стараясь не отстать, изо всех сил продвигались два посыльных катера, лоцманское судно «Казбек», буксирно-спасательный пароход «Черномор», транспорт «Рион» и транспорт-мастерская «Кронштадт». Все суда двигались под Андреевским флагом.

В день прибытия русских кораблей в Константинополь Врангель пригласил на борт «Генерала Корнилова» на совещание командующего Белым флотом вице-адмирала Михаила Александровича Кедрова и по его прибытии вышел тому навстречу, горячо пожал адмиральскую руку и обратился к нему со словами искреннего признания: «Адмирал, Армия знает, кому она обязана своим спасением! И я знаю, что буду обязан только вам, что мне удалось вывести с честью Армию, согласно моему обещанию, данному ей при моем вступлении»¹. Кедров, едва скрыв волнение при обра-

¹ *Берг фон В.Ф.* Последние гардемарины. Париж: изд. Военно-морского союза, 1931. С. 127.

щении к нему Главнокомандующего, молча ответил тому крепким рукопожатием.

Задолго до того, как часть Русской эскадры уйдет через Мраморное море и узкий Дарданелльский пролив к далекой африканской Бизерте, Кедрову придется приложить немало сил в жарких спорах с представителями Франции и Великобритании, выступая за сохранение целостности эскадры. Много дней и месяцев проведет он в беспрерывных хлопотах перед французской военной администрацией о кораблях и их командах, а также населявших их многочисленных беженцах.

Еще под бледным константинопольским солнцем, в чужом порту, Кедров успеет позаботиться и об улучшении быта и жизни подчиненных, оказавшихся в непривычных и тяжелых для многих обстоятельствах изгнанников. В изнурительных переговорах с недавними союзниками по Антанте молодой адмирал будет настаивать на отпуске провианта для всех вывезенных из России лиц, о частичной разгрузке транспортов и о перемещении сухопутных частей Русской армии на берег. Но все это будет чуть позже, после долгого стояния эскадры на рейде Константинополя, а пока что русские корабли все еще в пути, и до турецкого берега остается не так уж и близко.

В каюте Главнокомандующего не протолкнуться. По пути следования в Константинополь там собирались чины командования, представители гражданской администрации Крыма, общественные деятели и, конечно же, корреспонденты французских и британских газет, жадно ловившие новости от самого Врангеля и тут же неподалеку, в соседних, тесных каютах, бегло создающие свои «сенсационные» репортажи о последних днях Русской армии, покинувшей Крым.

Отчасти из-за притока желающих пообщаться, приносящих свои петиции и обращения лично Врангелю, отчасти для того, чтобы придать хоть какой-нибудь формальный вид круговороту документов, барон поручил последнему генерал-квартирмейстеру Русской армии Герману Ивановичу Коновалову взять на себя труд по ведению дел канцелярии Главнокомандующего. Опытному штабисту было не занимать умения, и вся работа протекала в спокойной и деловой об-

становке. Вновь созданная канцелярия и почти все офицеры штаба Главного командующего, как и прежде, готовили приказы, отдавали распоряжения о переводе иностранных телеграмм в адрес барона; адъютанты, благо их каюты расположились рядом, взялись за организацию приема посетителей. Вот как описывал ироничный очевидец преобразовавшуюся общественную приемную барона: «В каюте у генерал-квартирмейстера уже кипит работа. Зашифровывают радиотелеграмму, стучит пишущая машинка, приносят какие-то бумаги. Постоянно входят адъютанты Главного командующего и начальника штаба, и то и дело слышится: “Главком приказал”, “Начальник штаба просит это переписать”, “Вас вызывает Главный командующий”... Спешно переписывается и переводится письмо Главного командующего к графу де Мартелю... Письмо подписано... но тут происходит заминка с номером... все исходящие и входящие журналы, все дело-производство брошено или сожжено в Севастополе. Какой ставить номер на эту историческую бумагу?.. Недоразумение разрешает генерал К <оновалов>: — Чего там долго думать? — обращается он к офицеру Генерального штаба. — Вы какой одеколон употребляете? — Полковник не сразу догадывается и несколько удивленно отвечает: — № 4711. — Ну и великолепно. Отлично! Ставьте этот номер и отправляйте бумагу, черт её дери...»¹

Прибывших к Врангелю просителей встречают «парные» часовые у входа в кают-компанию, элегантно обтянутую светлым шелком. В ожидании приглашения к Врангелю просители покорно ожидают своей очереди, обдумывая предстоящую беседу и возможную реакцию Главкома. Испросившие у Главкома аудиенции не всегда прибывают к нему с радостными известиями, и вот до Врангеля доходят слухи, что почти все суда перегружены, а условия пребывания на них ухудшаются час от часу. Барон советуется с адмиралом Кедровым, но ускорить продвижение эскадры тот не в силах: механизмы кораблей и людские нервы на пределе. Во избежание неприятностей продвижение продолжается с прежней

¹ Тимофеевский К. На крейсере «Генерал Корнилов». В сборнике «Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма». М.: Центрполиграф, 2003. С. 543.

скоростью. Остается полагаться на долготерпение и на то, что по прибытии в порт можно будет незамедлительно решить ряд задач в отношении тех, кто нуждается в помощи в первую очередь.

Помимо сухих рапортов Врангелю приходится выслушивать и личные просьбы, обращенные к нему. Часто эмоциональные, порой справедливые, иногда с оттенками доверительности на правах прежней совместной службы или общих петербургских знакомых. Спасенные чаще выражают недовольство условиями исхода, словно бы еще сутки назад их жизни не угрожали пытки и неизбежный расстрел.

«Какой-то генерал дрожащим голосом рассказывал, как ему пришлось эвакуироваться... — Я был комендантом на миноносце “Грозный”. Вы только подумайте! В эту маленькую скорлупку набилось 1015 человек. Не хватает угля, не было воды. Некоторые сошли с ума от этих условий. Продуктов не хватало. Пришлось реквизировать у тех, кто имел запасы. Была всего лишь одна уборная. Очередь у нее стояла по нескольку часов. Ведь это ужас»¹.

Люди из «походной приемной» Главнокомандующего то и дело приходят и уходят, передавая адъютантам все новые подробности нечеловеческих условий пребывания на кораблях. Корректные молодые люди в аксельбантах принимают их, выслушивают, докладывают в свою очередь о полученных сообщениях Врангелю. Однако помочь всем сейчас, во время пути, он не в силах: свободные транспорты отсутствуют, и в любую минуту может разыгаться шторм, грозящий потоплением, всем переполненным судам.

Канцелярия между тем продолжает свою работу. Уже готовится приказ о реорганизации Русской армии в три корпуса: Донской, Кубанский и 1-й регулярных войск. Пересматриваются и сокращаются штаты, упраздняются некоторые должности, увольняются чины преклонных лет, буквально на ходу расформируются военные и гражданские учреждения. Для сохранения дисциплины был подготовлен приказ о военно-полевых судах. О произведенных переменах верстаются целые информационные бюллетени для ознакомления с ними чинов армии, флота и гражданских ведомств.

¹ *Валентинов А.А.* Крымская эпопея. В сборнике «Белый Крым». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 402.

Морской поход проходил в тревожном ожидании будущих перемен. Многие его участники свидетельствовали, что, несмотря на внешне одинаковое положение эвакуированных людей, далеко не все из них находились на борту уплывавших кораблей в равных условиях: «Некоторые успели перед погрузкой пограбить склады и неплохо обеспечить себя, а эвакуированные из Ялты запаслись вином и им пытались заглушить горечь поражения и страх перед будущим... В кают-компаниях, где, как правило, размещались штабники, были я пьянство, и карточные игры, и даже танцы под фортепьяно. На транспорте “Саратов”, например, для высших чинов корпуса подавались обеды из трех блюд, готовились бифштексы и торты. На броненосце “<Генерал>Алексеев” видели даму, выгуливающую собачку»¹, — отмечал участник морского перехода.

Поборники социальной справедливости — мемуаристы оставили нам довольно возмущенных свидетельств того, что на кораблях, как никогда, резко обозначился «классовый» подход в распределении свободных мест, однако нам представляется это делом второстепенным, ибо главным было и оставалось спасение человеческих жизней.

Едва избежав смерти от рук красных, спасенные Врангелем либералы уже начали подмечать особенности размещения эвакуированных, мстительно припасая наблюдения в свои мемуарные копилки. «Сразу бросались в глаза три категории: высшее начальство и их семьи... Полковники, штабное офицерство, штатские пшюты, всевозможных калибров предприниматели, богатые коммерсанты с семьями, банкиры и “прочая в этом роде”. Вторая категория — обыкновенные жители Севастополя... мирные, запуганные обыватели — мещане ...и, наконец, третья категория — просто военные, рассеянные и отступившие на Севастополь с фронта войсковые части... военные школы и прочая публика в этом роде»².

¹ Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002. С. 17.

² Федоров Г. Путешествие без сантиментов. В сборнике «Константинополь—Галлиполи». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 185.

Недовольство либералов вполне объяснимо, ибо на третий день пути, согласно приказу Главнокомандующего по кораблям, гражданским лицам, нижним чинам и беженцам было предписано освободить каюты и занимаемые ими кают-компании для высших чинов армии. Без особого энтузиазма эта публика подчинилась приказу, грозившим ей в случае неподчинения наказанием, постепенно переместившись в проходы между каютами и наружные коридоры. Кто-то оказался на палубе; некоторые нашли себе места на медных решетках, закрывавших «кочегарки» гражданских судов. Возмущение своим перемещением в полной мере беженцы высказали в воспоминаниях, что-то сильно приукрашивая, а где-то и просто передегивая факты: «А когда наступала ночь и густая тьма окутывала небо, море... из кают-компаний неслось пьяное разухабистое пение цыганских романсов, и доносился до нас характерный звук вылетающих пробок из бутылок пенного шампанского. Там цыганскому пению вторил визгливый, раскатистый женский смех... Так плыли мы и “они”».

Можно предположить, что заслуженный боевой генерал и его семья, могли получить несколько лучшие условия проживания, чем добровольно сбегающий за границу политикан, обыватель или студент, но при этом важно учитывать и долю вклада каждого из вышеперечисленных лиц в оборону Крыма и борьбу за благополучие страны. Примеры же классовой сегрегации можно отыскать не только в летописях похода через Черное море, но и в последующие десятилетия в среде зарубежной общественной жизни русской эмиграции.

Это явление оценивалось и отмечалось наблюдательными бытописателями эмигрантской жизни. Современник писал: «... в Париже можно было увидеть окаменелости бюрократического мира и восковые фигуры представителей большого света в уголке яхт-клуба, перенесенного в Париж, во всем своем нетронутым виде со своими неискоренимыми навыками, с роскошными обедами, с неизжитой психологией, с протягиванием двух пальцев людям другого круга, с понятиями, не шедшими дальше того, что все должно быть восстановлено на прежнем месте, как было, яхт-клуб, прежде всего, а все остальное после... Когда после тонкого завтрака

за чашкой кофе, с ликерами, с коньяком, с сырами разных сортов и фруктами среди разговора о благотворительном спектакле, о литературной новинке и последней лекции Пуанкаре мимоходом обмолвятся: “Ну, что бедняга Врангель? Как Армия еще существует! Разве не все разбежались?”¹

...На ледоколе «Илья Муромец» покидал в эти дни родные берега генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев. На ледокол ему удалось попасть стараниями знакомых офицеров флота, а кроме того, разместить там немногочисленных чинов своего родного Лейб-гвардии Финляндского полка, увозящих с собой в изгнание полковое знамя.

Находясь в «раздерганных чувствах», командир знаменитого корпуса, сковавший на перекопских перешейках огромные силы противника, все время путешествия подумывал о том, чтобы объясниться с Врангелем, которого считал причиной своих служебных нестроений, а заодно и тех несчастий, что произошли с Русской армией в Крыму в последние месяцы обороны. Прежние честолюбивые замыслы сделаться военным диктатором уже не снесли Слащева, как прежде, и в будущей армии, какой бы она ни приняла вид, он был готов поделиться лаврами «легендарности» с другими заметными фигурами. По прибытии в Константинополь для начала он решил открыться русской общественности с новой для себя стороны публициста и общественного бичевателя несовершенства врангелевского управления². В 1920, будучи еще в Константинополе, он издал брошюру, где резко обрушился на Врангеля, инкриминировав тому военные поражения в недавней военной кампании по обороне Крыма. В брошюре Слащев возложил всю вину за гибель армии и вынужденную эмиграцию на барона. Щепетильный Врангель предал отступника офицерскому суду чести, на который того не вызывали, однако по результатам

¹ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. 2-е издание. Нью-Йорк, 1985. С. 42—43.

² Библиофилам хорошо знакомы его книги, опубликованные в константинопольской типографии М. Шульмана, в том числе и под названием «Требую суда и гласности! Оборона и сдача Крыма» (1921).

слушаний приговорили к исключению со службы. Случай вполне обыкновенный, ибо предмет разбора дел некоторых генералов оставался «притчей во языцех» армии. Особую известность приобрел бывший начальник штаба армии Евгений Исаакович Доставалов. Сослуживец свидетельствовал: «Доставалов вообще вел довольно веселый образ жизни. Из казенных денег он взаимобразно за два раза взял 1500 лир... В компании с полковником Чертковым и еще двумя военными занялся спекуляцией, привозя из Константинополя какие-то вещи для продажи здесь. Захватив с собой общие спекулятивные деньги и золотой портсигар Черткова, Доставалов скрылся. 1500 лир он тоже оставил себе на память... Говорят, приказано его задержать и арестовать».

...Управление частями армии при реформировании вместе со Слащевым желал получить и энергичный генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов, доверительно обратившийся к Слащеву побеседовать о распределении ролей в армии уже в Константинополе. Между генералами произошел примечательный разговор, обнародованный впоследствии Слащевым. Кутепов, выслушав монолог Слащева о промахах высшего командования, сказал: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся <начальников>. — О, это я могу сделать с удовольствием, — ответил я. — Твое имя настолько непопулярно, что еще скорее разложит армию. — И написал рапорт, который Кутепов повез Врангелю»¹. Слащева нельзя было упрекнуть в каких-то антиобщественных поступках, сам факт публичного осуждения Главнокомандующего явился для того весьма оскорбительным. Читая некоторые пассажи, Главнокомандующий приходил в неопишное раздражение, и было, признаться, от чего. Слащев отмечал про барона, что «...он в роль главнокома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части. Мы видели при кратких описаниях операций, что с управлением войсками на широком фронте он совершенно справиться не мог. То же касается его бли-

¹ Слащев Я.А. Крым в 1920 году. М.: изд. РГГУ, 2000. С. 125.

жайших сотрудников. Это были командиры рот и эскадронов... совершенно не способные вести войска в бой в стратегическом масштабе и совершенно не учитывавшие психологии войск. Этим и объясняется столь скоропалительное падение Крыма и изгнание Врангеля... Ведь сам товарищ Троцкий при начавшемся наступлении на Крым говорил, что предстоит очень трудная и длительная операция»¹. Цитатами отца «перманентной революции» и нелюбимыми, субъективными характеристиками врангелевских генералов Слащев заработал неприятие командования. Единственным путем избежать обструкции в среде военной эмиграции было новое решение Слащева о возвращении в Советскую Россию в ноябре 1921 года. По возвращении он попал под амнистию, а уже в июне 1922 года добровольно вступил в РККА, где стал преподавателем тактики в Высшей тактической стрелковой школе «Выстрел» и зажил полноценной «советской» жизнью.

«Осенью 1922 года поздно вечером шел по улицам Москвы бывший меньшевик... Пивоваров... Тот самый Пивоваров, которого Слащев вез когда-то с собой на фронт для “выведения в расход”. Вдруг кто-то остановил его.

— Товарищ Пивоваров. — Перед ним стоял какой-то красноармейский офицер.

— Товарищ Пивоваров, неужели вы меня не узнаете? — Вглядевшись в незнакомца, Пивоваров узнал в нем... генерала Слащева.

— Пойдемте ко мне, поболтаем, вспомним старое, — предложил Слащев. — Беседа между двумя новыми друзьями, из которых один другого заочно называл мерзавцем, а другой — паршивым жидом, затянулась далеко за полночь. Пивоваров нашел Слащева очень милым и интересным собеседником, о чем и написал одному из бывших друзей за границей»².

11 января 1929 года Слащев был убит из пистолета в помещении школы (по иной версии, в своей квартире) слушателем курсов Лазарем Коленбергом. По официальной версии, убийство было

¹ Слащев Я.А. Крым в 1920 году. М.: изд. РГГУ, 2000. С. 248.

² Там же. С. 251.

совершено из побуждений мести за казненного якобы по приказу Слащева в Крыму в 1920 году брата Коленберга.

Нелегкий путь изгнанников отягощался общим чувством тревоги за будущее, порой оттеснявшей тяготы корабельного быта, тесноту и грязь кают и палуб на второй план. Мысли эти одолевали почти всех, кто давал себе труд задуматься о том, какая жизнь ждала их за границей, но определенный ответ себе могли дать очень немногие — те, для которых близящийся турецкий берег представлялся лишь перевалочным пунктом на пути в Западную Европу и другие страны. Тем, кто обладал прочными родственными связями за границей или значительным личным состоянием, выведенным из России ранее, позволявшим свободное перемещение по всему миру, сам исход казался тяжелым, но не безнадежным событием. Многие из них еще надеялись на возвращение, пусть даже не скорое, и мысли этих людей не занимало настроение безысходности, охватившее всех, кому оставалось лишь положиться на командование армии, предоставляя ему быть вершителем собственной судьбы.

К примеру, часть нижних чинов армии была уверена, что командованием уже составлен план дальнейшей борьбы, а отплытие за границу станет лишь одним из отвлекающих маневров на пути к победному возвращению в Россию для последнего боя большевизму, а неизбежные трудности, встречаемые на этом пути, — одно из неперемennых условий борьбы за правое дело.

Иная картина представлялась Главнокомандующему. Трения с союзниками, начавшиеся не вчера¹, не давали Врангелю особых

¹ Мнение союзников о «предательстве русскими» военного альянса против Германии в Великой войне подписанием с её военным командованием Брест-Литовского мира и окончании боевых действий было широко распространено в союзных армиях. Это было хорошо известно и Белому командованию, неоднократно объяснявшему представителям Антанты, что подписанный большевиками мир не отражает официальной позиции российского правительства, так как Ленин и его банда находятся у власти незаконно. Убедить французов было трудно, ибо грозная реальность для них была очевидна: высвободившись в 1918 году на Восточном фронте, Германия готовилась нанести сокрушительный удар по Франции и союзным державам на Западном. — *Примеч. авт.*

надежд на их особую помощь, когда Русская армия окажется за границей. Посему согласие союзного командования предоставить для армии сравнительно близкий к российским границам участок турецкой территории расценивалось им как большая удача, так как его можно было превратить в возможный плацдарм для будущего похода на большевиков. Географическая близость к России открывала возможности после месяцев отдыха и переформирования для высадки армии на южных рубежах России.

К вечеру третьего дня морского перехода, после раннего захода солнца, вперёдсмотрящие на мостиках кораблей стали различать прямо по курсу бегущие и мерцающие огоньки. Корабли взяли курс на свет дальних огней, и вскоре стали различимы дальние маяки Босфора.

Темное пространство пролива, окаймленное дальними огнями, постепенно приближалось, и вот уже вскоре с двух сторон берега, вспыхивая во тьме, заиграли огоньки Буюк-Дере. По кораблям флотилии был отдан приказ становиться на якорь из-за полученного от турецкой стороны запрета иностранным судам проходить Босфор в ночное время, и до девяти утра следующего дня все корабли замерли в томительном ожидании своей судьбы. Исход завершился, и «свыше 120 кораблей флотилии Врангеля усеяли этот рейд. Это был клочок плавучей России, не пожелавшей оставаться под большевистским ярмом»¹.

2.2. СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПЕРИОД 1920—1921 ГОДОВ

Наутро после прибытия русских кораблей на константинопольский рейд турецкие власти разрешили продвинуться по проливу лишь крейсеру «Генерал Корнилов» с Главкомандующим и его штабом на борту, на котором был поднят французский флаг. Высадка войск и беженцев с других судов на берег откладывалась на неопределенное время из-за необходимости подготовки к приёму большого количества людей. Вокруг ставших на якорь русских су-

¹ *Ицеев П.П., князь. Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1960. С. 137.*

дов по прозрачной водной глади то и дело сновали юркие ялики и самодельные турецкие лодки. Сидевшие в них турки предлагали мучившимся от голода и жажды пассажирам стоявших транспортов менять личное оружие или имевшиеся у некоторых комплекты чистой одежды на самую незатейливую еду и сравнительно чистую воду. За отдельную плату турки брались доставлять родственников с берега, ожидавших прибытия своих из России. Лодочники ловко маневрировали между застывшими глыбами судов и застывали, покачиваясь в волнах, у их бортов, пока пассажиры выкрикивали имена и фамилии тех, кого они столь трепетно ожидали. Приезжавшие на турецких лодках к кораблям русские обращались к собравшейся многолюдной толпе на палубах, прося разыскать такого-то и такого. Попутно они рассказывали пассажирам городские новости, охотно делясь слухами относительно судьбы вновь прибывших эмигрантов из России. Услышанное не производило на беженцев благоприятного впечатления: становилось понятно, что в своем новом качестве здесь они нежеланные гости и что видимого просвета в начавшейся череде их скитаний, увы, не предвидится. Среди пассажиров-беженцев поднялся ропот. Дошедшие до Главнокомандующего слухи заставили его отдать приказание штабу принимать экстренные меры по наведению порядка на кораблях, в том числе и среди войск. За упадок дисциплины у подчиненных Александр Павлович Кутепов провел показательное снятие с должности генерал-лейтенанта Петра Константиновича Писарева, еще недавно, в августе 1920 года, принявшего у самого Кутепова 1-й армейский добровольческий корпус и считавшегося его боевым соратником. Нарядам марковцев, ставших в изгнании опорой и «гвардией» Кутепова, было приказано не допускать приближения лодок и маломерных судов с посторонними к стоящей на рейде флотилии. В случае отказа частных лодок покинуть акваторию, где стоял корабль, Кутеповым было предписано открывать огонь. По прошествии времени началась разгрузка транспортов. По согласованию с союзным командованием, первыми начали свозить на берег больных и раненых. За ними сошли и некоторые казачьи части.

7 декабря 1920 года начальник штаба Главнокомандующего барона Врангеля генерал от кавалерии Павел Николаевич Шагилов в обращении к войскам заявил: «...Главнокомандующий твердо

решил добиваться сохранения армии как силы для борьбы с большевиками и как ядра будущей русской армии»¹. Верил ли сам Шатилов в то, о чем он оповещал войска? Ответить на этот вопрос представляется одновременно легким и сложным. С точки зрения войсковой дисциплины, Шатилов не мог не выполнять пусть даже казавшиеся ему сомнительными приказы Главнокомандующего, и тем более вносить дух разобщенности и даже возможной паники относительно будущего в ряды армии. Будучи человеком трезвого рассудка, Шатилов не мог не понимать, что за словами о новой борьбе в действительности стояло пока очень немногое. Армия была лишена главного — средств передвижения и добротного снабжения боеприпасами и оружием, а в самом недалеком будущем, распродав за мнимые долги союзникам суда и вооружение, могла превратиться в толпу бесправных беженцев.

Тем временем иностранные миссии официально уведомили Врангеля, что одним из условий размещения прибывших в Турцию чинов Русской армии станет безоговорочная сдача её вооружений союзным войскам. Изъятие у русских оружия оправдывалось французскими союзниками предстоящим бременем содержания сравнительно большого количества их войск. Французы утверждали, что союзниками ожидалось всего лишь до полутора десятков тысяч человек, в то время как в действительности численность прибывших русских оказалась на порядок больше. Историки утверждают, что «впоследствии по соглашению с французами воинским частям оставили одну двадцатую часть стрелкового оружия. В итоге французы все же изъяли 45 тысяч винтовок и 350 пулеметов, 12 миллионов ружейных патронов, 330 снарядов и 60 тысяч ручных гранат. Неплохо поживились они и другими запасами. С кораблей сгрузили 300 тысяч пудов чая и более 50 тысяч пудов других продуктов. Кроме того, французы изъяли сотни тысяч единиц обмундирования, 592 тонны кожи, почти миллион метров мануфактуры. Общая цена всего этого составила около 70 миллионов франков»².

¹ *Ицеев П.П., князь. Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1960. С. 137.*

² *Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002. С. 50.*

Свыше 25 тысяч человек еще оставались в рядах армии уже после того, как по её частям был оглашен приказ Главнокомандующего, разрешавший покинуть службу престарелым и раненым офицерам, а также всем штаб-офицерам, для которых после нового сведения частей не осталось вакантных строевых должностей. Право на увольнение из армии было предоставлено и офицерам, имеющим высшее образование. Но из прибывших в Галлиполи 26 590 войска покинула лишь одна седьмая ее личного состава — 4650 человек солдат и офицеров. Остающиеся 25 тысяч боеспособных чинов готовились к новым переформированиям и, возможно, новым походам. В результате реорганизации офицеров без подчиненного личного состава отправляли, как во времена Ледяного похода 1918 года, на рядовые должности во вновь сформированные офицерские батальоны.

Место для расположения Русской армии и примкнувшей к ней части беженцев было согласовано Врангелем с турецкой администрацией и союзным командованием, утверждавшим, что предлагаемые территории вполне пригодны для размещения людей и проживания. Предыстория выбора была такова. Победившие в Великой войне державы получили по Мудросскому соглашению и по Севрскому договору европейскую часть Турции, включая Константинополь. Союзническая Особая комиссия, следившая за демилитаризацией черноморских проливов Босфора и Дарданелл, и возможностью открытого плавания под флагами всех государств мира, осуществляла контроль над полуостровом Галлиполи. Небольшая часть Турции, в ширину в районе одноименного города всего в 27 километров, отделяющая европейскую часть от азиатской части, протянулась узкой полосой с северо-востока на юго-запад до 90 километров вдоль Дарданелльского пролива. Именно этот участок и был предложен Врангелю для временного размещения войск и обустройства основного лагеря, с приложением слов чести в абсолютной пригодности места для длительного проживания. Привыкший полагаться на данное слово, Главнокомандующий не мог даже представлять себе, какими на деле окажутся там условия жизни и что это будут за местность. Там, в палатках, под открытым небом, без доступа к бытовым удобствам предстояло

расположиться вывезенной им на неопределенное время армии. Со временем эти неудобства станут ощутимыми, что повлияет на настроения этих житейски опытных людей на безжизненных и богом забытых галлиполийских пространствах. Ироничный наблюдатель свидетельствовал, что под воздействием неблагоприятных природных факторов и перенесенных неудобств, часть чинов армии утратила былой дух, «превратившись из “спасителей Отечества” в несчастную беженскую орду, из милости принятую на французские хлеба»¹.

Трудности жизни в непривычных условиях повлияли на решение части чинов 1-го корпуса оставить службу и уехать прочь от лишений и бед. Некоторые отпраивались в Америку. Другие, поверив в прощение их большевиками (этому усиленно распространяемому французской администрацией мифу среди русских солдат и офицеров), вернулись в РСФСР. Приказ генерала Кутепова не касался отъезжающих и не противоречил желаниям тех, кто жаждал возвращения в Россию.

Не лучшими были условия жизни и на острове Лемнос, где были расквартированы Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова и остатки казачьих полков генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шкуро. Каменистая почва, необжитое пространство, еще недавно бывшее временной базой союзнических флотов, действовавших против Германии и ее союзницы Турции в Эгейском море. Донской корпус поместили на Чатаалджинских высотах, где еще семь-восемь лет назад шли бои двух враждующих армий — болгарской и турецкой. Схватки эти проходили на пути болгар к столице Оттоманской империи, и именно там болгарские войска были остановлены неистовым сопротивлением турок, потопивших своих противников в крови.

Отдельная бригада под началом генерал-лейтенанта Александра Петровича Фицхелатурова, состоявшая из подразделения калмыков и остатков 18-го Донского Георгиевского полка, была отведена командованием на север, на станцию Кабакаджа, а в селении

¹ Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002. С. 21—22.

Чилингир разместили 3-ю Донскую дивизию генерал-лейтенанта Адриана Константиновича Гусельщикова. С легкой руки писателя Ивана Сазонтьевича Лукаша, в отечественную литературу вошло ироническое именование Галлиполи, данное этому гиблому месту русскими поселенцами, — Голое Поле. Это названием могло вполне подойти и неприветливому и пустынному острову Лемнос. Очевидец писал о нём: «Для жительства казакам... отвели несколько громадных скотских хлевов и сараев, в которых разводят шелковичных червей... Тысячи людей валялись прямо на грязных улицах отвратительной восточной деревни. Кое-где горели костры. Возле них лежали или бродили измученные и истерзанные казаки и офицеры самых различных частей и учреждений»¹.

В Галлиполи командование приняло решение разместить пехотные части и артиллерию по левому берегу горного ручья; правый же решено было предоставить кавалерийским частям. У самого моря наметили место для бараков беженцев. В самом городке шло размещение штаба корпуса, возведение офицерского собрания, размещение по «зимним квартирам» Технического полка, Школы артиллеристов и юнкеров эвакуированных военных училищ. Кроме них места размещения подыскивали эвакуированные интендантские учреждения, определялось место для гауптвахты и военной комендатуры.

Для командующего корпусом Кутепова с семейством был выделен небольшой дом, стоявший на морском берегу.

Начальник штаба командующего корпусом генерал-лейтенант Евгений Исаакович Доставалов едко обрисовал жизнь галлиполийских изгнанников: «Жизнь в лагере монотонная, скучная, наполненная с утра до вечера сплетнями, воспоминаниями, ожесточенной борьбой за паек и пособие и безумными, иступленными надеждами и мечтами на будущее... Появились маньяки и сумасшедшие. Число их быстро растет... Развелось бесчисленное количество спиритов. Главными медиумами являлись бывший нововременец Гофштетер, два полковника, один художник и кон-

¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. В сборнике «Казачий исход». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 245.

трразведчик с подходящей фамилией Жохов. По ночам они собирались в пустых заброшенных бараках и вертели столы до утра. Ежедневно освежали лагерь новостями из потустороннего мира... Безумие и отчаянье надвигаются на забытый, брошенный лагерь, где собрались изломанные, все потерявшие, беспомощные и озлобленные осколки старой России»¹. Отдавая должное так и не получившему впоследствии своего развития в СССР дару сатирика генерала Доставалова, не станем забывать и то, что, несмотря на описанную картину настроений безысходности и подавленности, плодотворная работа над усилением боеспособности русских войск в Галлиполи и других лагерях методично проводилась командованием и не прекращалась ни на один день. Очевидец и участник событий утверждал: «...началась уставная лагерная жизнь и занятия. Устроена церковь, театр, баня. Составился струнный оркестр из самодельных инструментов, драматическая группа, хор “Братьев Зайцевых”... С началом тепла и сухой погоды образовались разные спортивные команды. Принимались меры к составлению полкового духового оркестра»².

Замыслы, о новой ударной армии, рождавшиеся в штабе Врангеля еще в переходе через бездну Черного моря, на турецких берегах, находили свое прямое воплощение. 25 тысяч человек предстояло еще организовать в новое соединение. В него на правах полков были влиты Алексеевская, Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и Отдельный гвардейский батальон. Оставшихся без подчиненного личного состава офицеров направляли в формирувавшиеся офицерские батальоны.

Из шести артиллерийских дивизионов была создана бригада под командованием будущего героя Кастелиано-Арагонского легиона в испанской войне 1936—1939 годов генерал-майора Анатолия Владимировича фон Фока. Старый артиллерист был назначен Кутеповым генерал-инспектором артиллерии 1-го армейского

¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. В сборнике «Казачий исход». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 247—248.

² Доставалов Е.И. Записки. В сборнике «Константинополь — Галлиполи. Серия «Белое дело» М.: изд. РГГУ. С. 218—219.

корпуса, совмещая эту работу с должностью исполняющего дела начальника Сергиевского артиллерийского училища. Отдельным поручением Кутепова Анатолию Владимировичу Фоку, известному в армии своей увлеченностью гимнастикой, было вменено в обязанность руководство спортивной жизнью армии и организация физкультурных соревнований, в том числе и «товарищеских» футбольных матчей.

Во главе образованной из различных частей Кавалерийской дивизии Кутеповым был поставлен генерал-лейтенант Иван Гаврилович Барбович, а двое других кавалерийских генерала — Федор Федорович Абрамов и Михаил Архипович Фостиков — возглавили соответственно Донской и Кубанские корпуса.

Командование всеми пехотными полками, которые были сведены в 1-ю пехотную дивизию, поручалось генерал-лейтенанту Виктору Константиновичу Витковскому. Его начальником штаба был назначен произведенный в скором времени в чин генерал-майора Федор Эмильевич фон Бредов. Марковский полк дополнил отряд в 100 человек, состоявший из гренадер и офицеров Северной армии Е.К. Миллера, он был принят под начало кавалером ордена Св. Николая Чудотворца генерал-майором Михаилом Алексеевичем Пешней. Марковцев недаром называли «преторианской гвардией» Кутепова. Во главе этой «гвардии» мог стоять лишь особо доверенный человек. Кутепов знал, что их руками он всегда сможет поддержать необходимую дисциплину в войсках, а на случай крупного похода это было крайне важным. Оставшиеся в рядах армии офицеры были по определению сплочены общим делом и готовы к новым боям. Командиром Корниловского полка Кутепов назначил молодого генерал-майора Николая Владимировича Скоблина. Начальник корниловцев лишь недавно вернулся в строй после ранения, полученного им еще на фронтах борьбы с большевиками, в бою под Роганчиком.

Приказом по корпусу Кутепов утвердил представление к наградам и производству в следующие чины всех отличившихся в последних боях в Крыму. Так, в Гвардейском кавалерийском полку к чину корнета было представлено некоторое количество унтер-офицеров и даже рядовых кирасир, кавалергардов и эстандарт-юнкеров. Особо отличившиеся гвардейские унтер-офицеры, по-

казавшие в Крыму примеры исключительной доблести, были награждены орденами Св. Николая Чудотворца в воздаяние заслуг и для поднятия боевого духа. Но в немногочисленных гвардейских подразделениях боевой дух и без того всегда оставался на должной высоте. Так, в день полкового праздника командир Лейб-гвардии Кирасирского эскадрона полковник Михаил Евграфович Ковалевский, не имея на празднование казенных средств, продал турецким скупщикам-ювелирам ордена своего покойного отца и на вырученные средства начал подготовку к празднованию. В день полка кирасирский эскадрон был построен в 3 девятиразрядных взвода на плацу, перед палатками. На правом фланге построения был помещен приглашенный оркестр Алексеевского пехотного полка. Участник торжеств сообщал: «После молебна командир полка поздравил эскадрон и поднял чарку за Кирасир Его Величества; затем эскадрон прошел церемониальным маршем. После парада состоялся обед. Кирасиры имели своими гостями всех кавалергардов, своих постоянных друзей от Галлиполи до Нового Сада — последнего этапа... Праздник удался на славу. Пели песенники, кирасиры качали своих офицеров, и чувствовалась тесная и дружная связь между всеми»¹.

В июле 1921 года приказом Главнокомандующего Гвардейская кавалерия была выделена в Галлиполи в отдельный дивизион под командованием полковника Константина Валерьяновича Апухтина, коренного офицера Уланского Ее Величества полка.

А вскоре произошло событие, позволившее придать соответствующую форму вновь воссозданному гвардейскому подразделению. Баронесса Ольга Михайловна Врангель, приехавшая с визитом к гвардейцам, привезла с собой необходимые для плохо обмундированных людей вещи — одежду, одеяла и белье. Мемуарист написал об этом эпизоде с признательностью даже спустя годы: «Дивизион стал приодеваться. Построили бескозырки, побелили ремешки, выкрасили в синий цвет рейтузы, сшитые из одеял. Вместо сапог

¹ Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Книга II. 1919—1920 год. Глава «Галлиполи». Париж, 1964. С. 369.

надели американские, высокие брезентовые гетры, выкрашенные в черный цвет. В строю вид был очень пристойный. На всех парадах и смотрах Кирасиры Его Величества принимали участие»¹. На преобразившийся внешне дивизион кирасир командованием были возложены обязанности выставления церемониальных караулов при Галлиполийском театре: у входа, около рампы и ложи начальника дивизии выставлялись парные часовые.

Но не театром единым были живы галлиполийцы. Полноценный богослужебный цикл, прилежно посещаемый чинами корпуса, начался там сразу после того, как греческий митрополит Константин предоставил армейскому духовенству один из местных храмов для отправления православных служб, призвав греческую паству оказывать посильную помощь русским. Со временем, усилиями чинов армии, стали строиться походные церкви и в иных местах расположения русских частей. Прихожанин одной из них вспоминал на склоне лет: «Из готового материала для них были только бараки, а все остальное делалось самым примитивным образом из консервных банок. Богослужебные книги и иконы писались и рисовались на местах. Так, икона Божьей Матери в церкви Корниловского ударного полка написана сестрой милосердия Левитовой»².

Вместе с этим у офицеров, подавляющего большинства солдат и казаков не исчез боевой дух, и крымский исход, казалось, не сломил общей уверенности в том, что война против большевиков когда-нибудь непременно продолжится. Но какие формы она примет и кто станет союзником армии Врангеля, должно было показать время. В Галлиполи случалось и такое, что измученные, уязвленные скудностью провианта и отсутствием какой-либо действенной помощи по обустройству русского лагеря союзников во время константинопольского карантина, чины Русской армии роптали. Да и сам барон Врангель по ряду косвенных признаков, понял, что его переговоры о долговременных и качественных по-

¹ *Белый В.И., вахмистр*. Галлиполи. Раздел «Жизнь за рубежом» // Сборник «Кирасиры Его Величества». Париж, 1944. С. 350.

² Там же. С. 350—351.

ставках воды и продовольствия будут нелегкими из-за стремления нажиться на снабжении его армии иностранных поставщиков, использующих административные рычаги в лице французского командования для давления на заказчика. Сами же армии союзных государств и Франции, в частности, не могли действительно помогать русским, ибо, как и другие государственные институты, напрямую зависели от военных бюджетов собственных стран. Пошатнувшаяся европейская экономика требовала срочных финансовых вливаний в ряд производственных отраслей, что частично осуществлялось социалистами во Франции за счет сокращения расходов на армию. Отчасти это было вполне понятно, ведь нужно было спешно латать дыры, нанесенные войной различным сферам экономики страны, но важно помнить и то, что оставленная в стороне Россия, вынесшая в этой войне основную её тяжесть, была бесцеремонно отодвинута от своей доли контрибуций и репараций, что выплачивали союзным государствам побежденные страны. Послевоенная Европа старалась поскорее восполнить понесенные ей военные расходы за счет всех любых возможностей и обычно щепетильные в части прав человека европейцы не погнушались торговым договором с большевиками, который Великобритания поспешила заключить, разумеется, прежде всего, из соображений экономических выгод.

Весь мир, казалось, поставил точку на внутренней войне, гремевшей в России на протяжении трех лет, и с победой большевиков изгнанная армия Врангеля не только теряла свой *status quo*, но и уходила в небытие, как проигравшая политическая сила. Оставаясь наедине с серьезными проблемами в области снабжения, управления её людскими ресурсами и, наконец, её предназначения, небольшая врангелевская армия могла быть востребована только по прямому назначению: в войне. В иных обстоятельствах, люди, её составляющие, неизбежно становились политическими беженцами, имеющими лишь два выхода: возвращение на родину и сдачу на милость победителей, или терпеливое ожидание решения собственной судьбы за границей с участием союзного командования. Врангелю и его забытой армии была срочно нужна яркая политическая акция, чтобы заявить о себе, заставив весь мир заговорить о «русской проблеме»,

непонятной большинству европейцев, и тем более губительной для десятков тысяч эмигрантов, томившихся в неизвестности.

Кризис долготерпения, выразившийся у многих чинов армии в давящее отчаяние, и тяжелые условия жизни повлияли на решение многих офицеров 1-го армейского корпуса в Галлиполи подать рапорты об оставлении службы и отъезде из Турции. Некоторые отправлялись в Америку, а другие, поддавшись на медоточивые заверения о братском прощении всех воевавших против большевиков, методично раздававшиеся советским консульством в Константинополе, приняли решение вернуться в РСФСР. «Приказ по корпусу не противился этому (возвращению в Советскую Россию. — *Примеч. авт.*) и только дал определенный срок, после которого уходящие люди считались преступниками»¹. Ностальгия и туманность будущего были не единственными мотивами ухода, и армию оставляли по самым разнообразным причинам. С иными из отъезжавших солдат и офицеров однополчане искренне прощались и еще долго вспоминали потом; память о других быстро улетучивалась, и их скоро забывали. Так или иначе, именно в Галлиполи, на Лемносе и в Бизерте дороги бывших соратников по Гражданской войне неумолимо расходились. Однако, согласно статистике, приводимой исследователями исхода, из прибывших в Галлиполи 26 590 человек армию покинула лишь одна седьмая ее личного состава — 4650 человек солдат и офицеров.

2.3. ГАЛЛИПОЛИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ПРООБРАЗ БУДУЩИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИКУ РЕГИОНА

Русские люди в этих диких местах, хотя и производили на французов и местных жителей впечатление монолитной и грозной силы, теряли первоначальную крепость духа. Психологически это объяснимо с точки зрения убывающей надежды на победу.

¹ *Левитов М.В.* Материалы к истории Корниловского ударного полка 1917—1974. Глава «Галлиполи». Раздел «Церковный вопрос». Париж, 1974. С. 578.

ное возвращение домой. На окончательный упадок духа и распад армии более всего надеялись французские военные, ведь для них избавление от необходимости поддержки Врангеля снимало груз обвинений социалистов, составлявших большинство в правительстве Франции и тесно связанных с мировым интернационалом, обобщенно именовавших русских в Галлиполи «защитниками царизма» и «вооруженными наёмниками угнетателей трудящихся масс». Командование французского Экспедиционного корпуса в Константинополе в своих рапортах в Париж преувеличенно воодушевленно сообщало о быстром разложении армии Врангеля, подкрепляя донесения примерами из личных наблюдений, сделанных во время регулярных инспекционных визитов по местам размещения русских. Впрочем, про себя французские представители вынуждены были признать, что и на пятый месяц пребывания русских в малопригодных для жизни условиях «сокрушительного развала» военной организации русских не наблюдалось. А прибывший 1 марта 1921 года для ознакомления с положением дел в Галлиполийский лагерь командир французского Экспедиционного корпуса генерал Шапри разочарованно признавал в письме к военному министру республики, что вместо ожидаемой картины деморализованных эмигрантов, бытом своим более походивших на кочующий табор, его встретила... армия. Наблюдение генерала, которое военный министр поспешил довести до членов парламента, всерьез озаботило не только правительство социалистов, но и, попав к союзникам по Антанте, насторожило их до крайности. Британское военное министерство уже отчиталась в парламенте о смоделированной аналитиками возможной ситуации, когда голодная и вооруженная русская армия, доведенная притеснениями до края терпения, станет непредсказуемой и неуправляемой силой, способной представлять угрозу колониальным владениям его величества. Военное столкновение с врангелевцами виделось союзникам наиболее вероятным финалом их бывшего союза. Сильная, прошедшая горнило испытаний русская армия самим фактом своего существования заставляла западные правительства предпринимать все возможное, чтобы поскорее разрушить её духовный фундамент и поскорее распылить личный

состав по миру. В противном случае русские оставались силой, с которой приходилось считаться, ибо даже в изгнании они способны были постоять за свою честь и при необходимости защитить русские геополитические интересы в проливах, случись к тому политическая необходимость. Конечно, французы были далеки от мысли, что советские вожди станут когда-нибудь использовать армию Врангеля в политических интересах, более свойственных Российской империи, но полностью подобный альянс ими не исключался. Французское правительство учитывало, что именно в описываемый период положение большевистских вождей было весьма шатким: страна находилась в состоянии неоконченной Гражданской войны, власть продолжали сотрясать восстания в центральных губерниях и уездах, и еще недавно чуть не победил вспыхнувший мятеж в Кронштадте. Далеко не весь Дальний Восток был подконтролен московским комиссарам, а на Камчатке местные карательные отряды терпели одно за другим поражение от отрядов метких якутских охотников. В Москве и Петрограде большевики то и дело сталкивались с активным политическим противодействием и террором со стороны законспирированных подпольных организаций — от социалистов-революционеров до монархистов включительно. Казни представителей оппозиции, взятие заложников и «чистки» следовали одна за другой, но непредвзятому взгляду виделось, что озверевшая от пролитых потоков крови власть коммунистов ежедневно балансировала над исторической пропастью. Подтверждением шаткости власти и умонастроений обитателей Кремля тех лет может служить сообщение, что в 1960-е годы при разборе бумаг кабинета Янкеля Свердлова служащими были обнаружены в несгораемом сейфе несколько чистых бланков заграничных паспортов, выписанных на разные имена с фотографиями большевистского вождя. Там же были найдены различные суммы в иностранной валюте и прочие полезные вещи, необходимые для поспешного отбытия за границу. Случись, что восставший народ изгнал бы большевиков или власть Интернационала пала под ударами ширившихся в России народных восстаний, новое правительство России потребовало бы от союзников пересмотра условий Версальского мира, подкрепив

свои требования мобилизацией изгнанной армии для защиты державных интересов. Именно в этом случае закаленная в боях армия Врангеля исполнила бы свой долг, восстановив историческую и геополитическую справедливость по приказу нового российского правительства. А о феномене «русской военной силы» Европа двух последних столетий знала не понаслышке.

Подобный ход развития мировых событий не исключался политиками в странах Запада, отчего еще с начала 1921 года главными целями французской администрации были декларированы обязательное разоружение и демилитаризация... армии Врангеля. Для достижения цели союзниками было использована массированная пропаганда возвращения на родину или отъезд в третьи страны. На протяжении всего периода пребывания армии Врангеля в Галлиполи французская военная администрация убеждала чинов Русской армии в необходимости возвращения к «мирной жизни», начинать которую было никогда не поздно, в особенности в благоприятном климате отдаленных континентов. Особенная роль отводилась пропаганде семейного уклада, поощрялись браки с иностранками, исподволь утверждались приоритеты «семейных ценностей» над «общественными», к каковым относилась служба в армии. Протестантская мораль здравомыслящего эгоиста, обязанного заботиться в первую очередь о личном благе, а затем, в случае его избытка, помогать обществу, долго не находила отклика у русских, воспитанных в православных традициях самоотвержения и жертвенности во благо Руси, не принимавших концепции «индивидуального спасения» за счет сокрушения соборности и общей судьбы.

С весны 1921 года французское правительство решило усилить нажим на Врангеля с целью заставить его как Главнокомандующего объяснить безрезультатность дальнейшего «галлиполийского сидения» подчиненным и объявить о роспуске армии. Сделать это было, как казалось, несложно, ведь и сам барон находился практически под домашним арестом на яхте «Лукулл». Союзническое командование, как могло, препятствовало его частым появлениям в лагерях, визитам к соотечественникам, находившимся в Константинополе на излечении, и к казакам. Под

предлогом обеспечения личной безопасности Главнокомандующего для любого мало-мальски значимого визита французскими военными властями требовалась санкция высшего французского командования. В противовес увеличивающимся ограничениям, на борту «Лукулла» Врангель ни на день не прекращал работы над разработкой практических мер по сохранению остатков армии, ежедневно обсуждая с чинами штаба вопросы противодействия разлагающему влиянию на армию союзников и большевистских эмиссаров. Разумеется, барон не мог призывать своих генералов к вооруженному сопротивлению французскому командованию, ибо это создало бы масштабный конфликт в неблагоприятной политической обстановке, и полагался на их понимание трудностей и решимость руководить и управлять вверенными им частями. Как показало время, в своих расчетах на умения подчиненных барон не ошибался.

На протяжении первых нескольких месяцев пребывания в Галлиполи жизнь армии в походных условиях объявлялась командованием не «вынужденной эмиграцией», а стратегическим ходом, позволявшим подготовить командованию освободительную силу и будущую опору свободной от большевизма России — современную русскую армию. 18 декабря 1920 года барон Врангель выехал из Константинополя на очередную встречу с войсками. На параде по случаю приезда Главнокомандующего Врангель сообщил собравшимся чинам, что получил известие о признании союзниками армии, с воодушевлением произнеся: «Я приму все меры, чтобы наше положение было улучшено. Мы имеем право не просить, а требовать, потому что то дело, которое мы защищали, было общим делом и имело мировое значение... Мы выполнили наш долг до конца, и мы не виноваты в исходе этой борьбы. Виновен весь мир, который смотрел на нас и не помог нам». Обращение Врангеля к частям было встречено торжествующими криками «ура!». Приезды барона к армии воспринимались как подтверждение общих ожиданий на скорые перемены к лучшему. Военные ожидали, что вождь вот-вот позовет их в бой, обнадежит, поделится утешающими новостями, хоть были среди них и те, для кого приезд Главнокомандующего не вызывал радости, что подтверждалось неко-

торами мемуаристами: «На поле стоят в каре войска. Врангель, Кутепов, четыре французских генерала и два английских офицера стоят перед войсками. На командующем черкеска. На голове кубанка. Узкая талия перетянута ремнем, окованным серебряными бляшками. Сбоку изогнутая шапка — кубанка, вдетая в ножны из серебра. Врангель высокого роста, статен, держится очень прямо и надменно...

— Здорово, орлы! — вдруг кричит Врангель. — Что, еще не закисло в этой дыре, не разучились стрелять?

Он впился острым взглядом в лица людей и начал быстро наступать на фронт... Неожиданно толпа расступилась, и кинематографический аппарат стал делать съемку. К нему быстро подбежали два офицера и замахали руками... Греки-кинооператоры тотчас же подхватили свой треножник с ящиком и скрылись.

— Ишь, боится, сукин сын, чтобы его не пристрелили.

Я обернулся. За мной стояла группа солдат... Там, на этом парадном поле, искусственно взвинчивались нервы, поднималось всякими артистическими приемами “надлежащее настроение”, а тут... кипело подлинное настроение всей солдатской массы¹.

Впрочем, для большинства солдат и офицеров визиты Главнокомандующего по-прежнему были желанным и долгожданным событием. Короткие встречи Врангеля с армией неизменно морально поддерживали отчаявшихся людей, оделяя их каждый раз верой в непременную победу духа над тяготами жизни.

Между тем проходили недели, месяцы, а положение войск оставалось неизменным. Проверки, принимаемые командованием, подтверждали готовность галлиполийских сидельцев к походу. Оставалось лишь гадать о том, куда направится поредевшая армия и какие новые испытания ждут её на этом пути.

Переговоры Врангеля с представителями союзных армий по-прежнему протекали в весьма узком кругу и по ряду весьма ограниченного числа тем. Формат каждой встречи предполагал обсуждение лишь неотложных, главным образом финансовых, дел и не

¹ *Матасов В.Д., подпоручик Конной артиллерии. Белое движение на Юге России 1917—1920.* Монреаль: Monastery Press, 1990. С. 168.

давал возможности для обсуждения дальнейшей судьбы армии в целом, кроме как её роспуска и постоянного сокращения численности. Французская сторона на переговорах непрерывно осыпала Главнокомандующего требованиями заплатить за то и за это, и, казалось, не было ни одной мелочи на богом забытой земле Галлиполи, за которую французы не требовали от Врангеля немедленной и полной оплаты. Иногда требования союзной стороны выходили за рамки финансовых расчетов и простирались от незамедлительной сдачи всего оружия до... запрещения исполнения вслух русских песен в городе. Причиной тому был весьма показательный случай. Французский патруль, состоявший из сенегальцев, сочтя, что русские офицеры слишком громко поют песни на родном языке, двоих, наиболее досадивших их слуху мощным вокалом, остановил и угрожал немедленным арестом. На это требование, исходившее в их адрес от экзотических персонажей, русские искренне возмутились, и тогда, в качестве убеждения, сенегальцы пустили в ход приклады винтовок. Избитых офицеров, обливавшихся кровью, чернокожие солдаты потащили в здание французской военной комендатуры. Встретившимся им по дороге сослуживцам офицеры успели передать, что арестованы. Вскоре весть об аресте достигла слуха начальника штаба 1-го армейского корпуса генерала фон Бредова. Недолго думая, он со своим адъютантом лично отправился к французскому коменданту и настоятельно потребовал освобождения арестованных. Комендант, капитан французской службы, вежливо выслушал речь русского генерала, но отказался выполнить его требования до решения суда, на котором оба арестованных должны были предстать за нарушение общественного порядка в городе. Фон Бредов продолжать настаивать. Капитан отказал еще раз, дав понять, что решение окончательно и не подлежит дальнейшему обсуждению, после чего вызвал в помещение комендатуры караул сенегальцев по тревоге. На безоружного генерала и его адъютанта наставили стволы винтовок. Видя бесполезность дальнейших объяснений, генерал фон Бредов с адъютантом вернулись в расположение части. Там начальник штаба армии приказал поднять по тревоге две роты юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, явившихся на плац в полной боевой выкладке. Построившись в две колонны, юнкерские

роты двинулись по направлению французской гауптвахты. «Идем освобождать наших товарищей!» — объяснил юнкерам начальник училища генерал Косьмин. Две легко вооруженные роты юношей в белых гимнастерках с красными погонами, быстро преодолели расстояние от лагеря до дверей французской гауптвахты. Еще издали, увидев приближавшихся юнкеров и колышущуюся в воздухе стальную ленту примкнутых штыков, караул сенегалезов бежал, бросив возле здания два своих пулемета. Прикладами юнкерских винтовок были сбиты замки, и арестованные офицеры были немедленно освобождены. Под громкие крики «ура!» освободителей они проследовали назад с юнкерскими ротами, и над раскаленной полуденной галлиполийской землей снова вознеслась в высоту синего неба русская песня. Со дня этого инцидента французы перестали высылать свои патрули по Галлиполи. И эта малая победа была радостна русскому сердцу, а генерал Косьмин благодарил юнкеров, с легким сердцем доложив начальнику штаба армии о выполнении задания.

...Находясь на «Лукулле», Врангель принимал приехавших с визитом представителей различных кругов эмиграции и обсуждал с ними вопросы самоидентификации российского сообщества на чужбине, выражающегося в издании русских газет и, в особенности «Русской мысли», издание которой было решено возобновить за границей, передав под редакторское попечение бывшего «легалного марксиста» П.Б. Струве.

На яхте барона бывали и либералы, и умеренно-правые: П.Б. Струве, В.В. Шульгин, Н.Н. Чебышев, курирующий бюро русской прессы в Константинополе. Гостем Главнокомандующего бывали иностранцы: майор Такахаси — представитель единственной страны, оставившей к 1921 году при штабе Врангеля своего представителя — Японии. «У Врангеля было редкое соединение: он импонировал и в то же время привлекал к себе сердца. И в сношениях с людьми <он> не упускал никогда русского интереса, во время беседы ли с американским адмиралом, или с маленьким беженцем, явившемся к нему с просьбой. Под теплой оболочкой личного обаяния он хранил холодный расчет государственного человека, соотносящего свои поступки с будущим вверенных

ему судьбой масс и далекой страны, к которой стремились его помыслы»¹, — отмечал современник. Они же утверждали, что, несмотря на неловкость пребывания под бдительным контролем союзников, имя Врангеля гремело от «советского Петербурга» до временно освободившегося от большевиков Владивостока. Из Петрограда к Врангелю привозили как-то раз икону с письмом прихожан, а дальневосточное национальное правительство Меркуловых слало ему приветственный адрес. Советское правительство не могло не замечать популярности своего главного военного противника, но сил для физического устранения барона ко времени описываемых событий в их распоряжении было немного. Для подготовки акции устранения требовалось время и главное — нетривиальный план действий, позволявший добраться необычным способом до хорошо охраняемого Белого вождя. В ту пору образ врага в лице Врангеля был успешно сформирован коммунистической пропагандой, изображавшей барона крупным помещиком и землевладельцем, готовым идти до конца в борьбе за собственность и капиталы своих иностранных инвесторов. На деле «крупный землевладелец» коротал дни в аскетической обстановке яхты, служившей ему и домом и штабом одновременно. Его быт был куда как менее вычурен и вызывающе дорог в сопоставлении с некоторыми его соотечественниками, успевшими устроить за рубежом свою жизнь, а порой столь же нелеп и безотраден, как у многих чинов русской армии, вынужденной пребывать в типичной для азиатской обстановки антисанитарии и бедности. «Однажды я застал его (Врангеля. — *Примеч. авт.*) в возбужденном состоянии. Он шагал по каюте и, вооружившись жестяной коробкой, бил тараканов, бегавших по облицовке красного дерева. Врангель выразил удовольствие, что живет теперь среди темных стен. Среди них он отдыхал от белесоватой внутренней окраски “Корнилова”»².

¹ Федоров Г. Путешествие без сантиментов. В сборнике «Константинополь — Галлиполи». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 219.

² Чебышев Н.Н. Близкая Даль. В сборнике «Константинополь — Галлиполи». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 140.

Разъединив Врангеля путем изоляции на яхте и армию, союзники взялись за обработку подчиненных барону генералов. Сначала на них оказывалось давление, создавались почти невыносимые условия, а затем предлагалось «разом покончить со всеми неудобствами», и, покинув армию, найти себя на гражданской службе. Как-то командование экспедиционного корпуса потребовало в категорической форме у генерала от инфантерии Кутепова сдать все имеющееся в армии оружие, упомянув невзначай, что корпус намеревается провести большие учения сенегалцев при поддержке с моря силами французского флота. Кутепов с энтузиазмом парировал: «Какое совпадение! У меня на этот день тоже назначены маневры в полном боевом снаряжении!»¹ Для усиления брожения умов и в целях достижения большего пропагандистского эффекта в Галлиполи вдруг стали попадаться листовки на русском языке в виде информации французского командования о непризнании правительством Франции Русской армии генерала Врангеля. Далее давалось пояснение, что для официального Парижа больше не существует ни сам Врангель, как Главнокомандующий армией, ни назначенные им начальники. Все их приказания по армии отныне не имеют законной силы, а сами военачальники лишаются своих полномочий отдавать приказания подчиненным. Все чины Русской армии в Галлиполи объявлялись беженцами, административно подчиненными французскому капитану, назначенному комендантом Галлиполи. Лиц, выразивших немедленное желание покинуть ряды армии и ее лагерь в Галлиполи, французские власти готовы переместить в создаваемый лагерь беженцев, откуда можно либо вернуться в РСФСР, либо, по своему усмотрению, уехать в Бразилию или в иные страны, готовые к приёму эмигрантов. Речь в ту пору шла лишь о южноамериканских государствах и прочих отдаленных уголках мира. Для увеличения числа «павших духом» чинов армии Врангеля французским интендантством, ответственным за поставки продовольствия, русским был неожиданно сокращен продовольственный паек. Результатом предпри-

¹ *Чебышев Н.Н.* Близкая Даль. В сборнике «Константинополь — Галлиполи». Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003. С. 125.

нятых усилий оказалось лишь небольшое количество желающих стать гражданскими «беженцами» и «гражданами мира».

Нужно плохо знать командование Экспедиционного корпуса, напутствованное военным министром под нажимом парламентариев-социалистов, чтобы заподозрить его в отсутствии упорства в достижении поставленной свыше цели. Спустя какое-то время командование французского Экспедиционного корпуса провело громкую акцию вербовки русских военных добровольцев в Иностраннный легион. От имени правительства Франции русским была предоставлена возможность сражаться в африканских пустынях с мятежными туземными племенами. И хотя на этот призыв и отозвалась малая часть офицеров и казаков, массового вступления русских во французский Иностраннный легион не получилось. Для большинства по-прежнему существовал Верховный вождь и неизменными оставались цели борьбы, и пока они существовали, сознание долга прочно сплачивало людей. Именно поэтому французы справедливо считали самого Врангеля препятствием на пути к распылению русской вооруженной силы. В бесчисленных переговорах с союзниками, по многим вопросам барон отражал нападки и противостоял франко-британскому давлению, потому что в буквальном смысле мог опереться на штыки своей армии. «Его позиция была тем более сильна, что его требования и чувства разделялись тысячами, продолжавшими повиноваться ему как командиру» — признавали современники¹. Идея изолировать Врангеля, а по возможности навсегда устранить его от военного командования, занимала умы союзного командования всю первую половину 1921 года. И когда по армии поползли лишь слухи о том, что Врангель, находившийся в Константинополе, может быть подвержен аресту французскими властями, союзническая администрация услышала в ответ, что «...русские полки двинутся на Константинополь в случае насилия над Главнокомандующим»².

¹ Матасов В.Д., подпоручик Конной артиллерии. Белое движение на Юге России 1917—1920. Монреаль: Monastery Press, 1990. С. 171.

² Там же.

Это предположение надо было проверить, а заодно поближе взглянуть на состояние армии. По этой причине новый военный комендант Галлиполи подполковник Томассен, прибывший на смену прежнему — Вейлеру, сразу же нанес визит временно исполняющему обязанности командира 1-го корпуса генерал-лейтенанту Владимиру Константиновичу Витковскому, чтобы заодно передать следующие пожелания командования союзников. В сущности, они мало чем отличались от прежних. При встрече Томассен повторил Витковскому уже хорошо известную позицию французского командования о новом статусе русских частей, равно как и о том, что считающиеся беженцами лица не могут иметь никаких начальников, и в этом качестве отныне подчиняются только ему — французскому коменданту. Подобное заявление не могло быдл бы произнесено при Кутепове! При нем разговор бы закончился, не успев начаться, и потому в его отсутствие по болезни французский комендант надеялся на дипломатическую неискушенность генерала Витковского. Генерал Витковский спокойно возразил на это, что нынешняя армия не только не является фикцией, но сможет достойно постоять за себя, что чрезвычайно взволновало французского коменданта, ответившего на это, что незамедлительно предпримет ответные меры. Сам спокойный тон и твердая решимость, звучавшая в словах генерала Витковского, не на шутку взволновали французского коменданта. Меры, добавил Томассен, будут направлены на то, чтобы пожелания французского командования исполнялись в полном соответствии с требованиями коменданта. Русский же генерал, отказывающийся выполнять законные требования, будет доставлен в Константинополь, что было равносильно аресту. После этих слов Томассен поспешил откланяться.

После ухода гостя Витковский вызвал сослуживца Кутепова по Лейб-гвардии Преображенскому полку, полковника Ипполита Ипполитовича Комарова, и поведал ему о визите француза. Раз возможность ареста была официально заявлена тем от имени союзного командования, то и промедление в упреждающих мероприятиях грозило русским непоправимыми последствиями. Витковский и Комаров направились в штаб корпуса, где по при-

бытии отдали несколько распоряжений дежурным офицерам, необходимых на случай объявления военной тревоги. Посовещавшись с Комаровым, Витковский распорядился в случае своего ареста частям Русской армии атаковать французский гарнизон, занять ключевые точки в городе, включая телеграф, и захватить власть в городе. Дабы исключить французский десант с моря, Витковский отправил секретное донесение командиру эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» капитану 2-го ранга Петру Петровичу Савичу.

Ознакомившись с посланием Витковского, тот ознакомил с ним офицеров броненосца. Согласно плану, при получении особого сигнала с берега «Георгий Победоносец» должен был сделать разворот на 180 градусов и взять курс на одиноко стоявшую на рейде французскую канонерку. Союзники оставили её под предлогом необходимости скорой связи с бюро Экспедиционного корпуса в Константинополе и, по умолчанию, для негласного надзора за действиями русского военного корабля, который им пока никак не удавалось заполучить за мифические долги. Броненосец должен был потопить канонерку. Лодка эта была хорошо видна с берега. Ежедневно из её радиорубки уходили сведения в штаб французского командования относительно видимых изменений в жизни русского военного лагеря. Ее потопление оказалось бы как нельзя, кстати для того, чтобы лишить французов возможности связаться по радио с основными силами и вызвать подкрепления.

Между генералом Витковским и командиром «Георгия Победоносца» было условлено, что корабль не двинется с места ни при каких обстоятельствах до той поры, пока командующий сухопутными войсками не подтвердит начало боевой операции. Корабль, от действий которого ожидалась поддержка на море, был хорошо известен на русском флоте, и за неполные два года Гражданской войны успел хорошо зарекомендовать себя в составе Белого флота. Чтобы понять серьезность его угрозы для канонерки, имеет смысл остановиться на его основных характеристиках и кратко рассказать его историю. «Георгий Победоносец» был большой корабль водоизмещением в 11 030 тонн. Длина его корпуса составляла 100,9 метра, ширина — 21 метр, осадка была 8,6 метра.

Максимальная скорость хода броненосца была 16,5 узлов, а дальность его плавания доходила до 2400 морских миль при средней скорости в 10 узлов. Мощность «сердца» броненосца, его паровая машина тройного расширения, достигала 13 150 лошадиных сил. Броня его палубы была 57 мм, казематов — 229—305 мм, а рубки — 305 мм. Подвергнувшись нападению, броненосец не становился легкой добычей под мощным орудийным обстрелом и мог в течение долгого времени вести оборонительный бой, задействовав шесть орудийных барбета 305-мм, семь 152-мм, восемь 47-мм, и десять 37-мм орудий, а также двадцать 64-мм десантных пушек Барановского. На броненосце было семь 457-мм торпедных аппаратов. На «Георгии Победоносце» применили башенно-подобное прикрытие с наклонной лобовой плитой, хотя толщина его оставалась незначительной и предохраняла только от осколков, пуль и снарядов мелких калибров. Кроме того, на «Георгии Победоносце» более мощными стали и сами орудия (305-мм с длиной ствола в 35 калибров). Правда, введение более тяжелых и длинных орудий привело к тому, что при развороте их на борт корабль получал значительный крен, затруднявший и наведение, и саму стрельбу. Экипаж «Георгии Победоносца» в военное время состоял из 642 человек, однако во время описываемых событий штат его сильно поредел.

На следующее утро французский комендант, наблюдая в бинокль грозное безмолвие русского лагеря, отдал приказ об установке колючей проволоки по периметру сенегальского гарнизона. Русские, казалось, не предпринимали никаких действий. Сенегальские стрелки, опоясав периметр казарм проволокой, ожидали развития дальнейших событий. Но ничего не происходило. Так прошел день, другой, неделя, месяц. Время шло, однако до военного столкновения сторон дело не доходило. Холодное противостояние продолжилось до православного Рождества Христова 25 декабря 1920 года. Во время богослужения в греческом храме к генералу Витковскому подошел комендант Томассен и его офицеры, просившие его принять поздравления по случаю православного праздника. Подобный жест французов показывал, что инцидент между сторонами считался исчерпанным. Опосредованно союзным командованием в Кон-

стаптинополе признавалась потребность русских сохранить армию. Витковский потом доносил Главнокомандующему в письме во всех деталях о противостоянии сторон, а тот в свою очередь в ответном письме Витковскому искренне благодарил его за проявленную выдержку и выражал поддержку действиям временно исполняющего обязанности командира корпуса. Врангель не замедлил рассказать о произошедшем конфликте генералу Кутепову. Как только Александр Павлович вернулся в строй после болезни, на докладе о происшествиях за время отсутствия командующего тот выразил свое удовлетворение проявленной твердостью Витковского. Решительность генерала импонировала Кутепову, но главное, что в душе он был почти уверен в том, что с таким командиром во главе русские части непобедимы. Главнокомандующий в письме на имя генерала Витковского благодарил его за проявленную выдержку и выражал поддержку действиям временно исполняющего обязанности командира корпуса. Неудача союзников насильно заставить русских считаться с их мнением не остановила французов от дальнейших попыток воздействовать на армию иными, теперь уже экономическими способами.

На встречах с русским командованием французские представители горестно сетовали на то, что изнуренная мировой войной Франция не может бесконечно помогать им, что на питание ежемесячно расходуется 41 млн франков, и что данную сумму уже превосходит гарантированное возмещение французских расходов, объем которого не превышает тридцати миллионов. Ознакомившись с финансовыми документами по взаиморасчетам с союзниками, Врангель остался озадаченным. Выходило, что по отчетным ведомостям Французского интендантства, масштабы трат на содержание Русской армии не превышали 1 млн 700 тыс. франков в месяц. Имущество, отобранное французскими властями у прибывших на чужбину русских войск, равнялось 133 с половиной миллионов франков. За период с 15 ноября 1920 года по 1 мая 1921 года французами было израсходовано лишь 44 млн франков, а остаточный баланс средств Русской армии, находившихся в руках у французов, составлял 105 млн франков. Врангель сделал необходимые выписки и на следующей встрече с союзным

командованием попытался остудить пыл французской стороны, терявшей, как ему казалось, остатки реалистического мышления в искреннем порыве нажать на чужой беде. Приведенные им контраргументы не особенно смутили французов. На официальных встречах его *vis-à-vis* все так же продолжали сетовать на бремя непомерных расходов по содержанию русских. Ни желания прислушаться к приводимым Врангелем доводам, ни тем более смысла в постоянно повторяемых претензиях Главнокомандующий не увидел. Посоветовавшись с ближним кругом генералов, Врангель сообщил им, что так далее продолжаться не может. Бессмысленность затянувшихся переговоров о судьбе армии можно было прекратить лишь одним путем — исходом из Галлиполи, но куда и как? Барон не сомневался, что пройдет совсем немного времени, и переговоры по русской задолженности сменится на какую-нибудь еще новую, но не значит лучшую для русских тему. Он был почти уверен, что французами будет непременно найдено еще какое-нибудь средство давления или шантажа, и не исключал возможных попыток физического устранения лиц, стоявших во главе армии, и, не в последнюю очередь, себя. Что оставалось делать? Врангель поделился своими мыслями с Кутеповым, фактически давая тому карт-бланш на любые действия, направленные на изменение существующего положения дел, и выход из дипломатического тупика. После этого Врангель счел нужным устранившись, оставив Кутепова действовать на своё усмотрение.

Кутепов не стал долго размышлять, видя выход лишь в удачной войсковой операции, хотя для осуществления таковой одной доброй воли было недостаточно. Сказать более, даже наличие лихих командиров в частях еще не гарантировало успеха. Ощущая себя не в силах разработать успешный наступательный план, Кутепов стал лихорадочно перебирать в памяти известных ему способных и решительных офицеров Генерального штаба, готовых разделить с ним ответственность за возможную неудачу.

В абсолютный успех предприятия, как человек здравого рассудка, Кутепов не верил, однако полагался на русскую удачу и Божью волю, как всегда, во все времена, делали российские полководцы. Будучи человеком решительным и энергичным по

природе своей, Александр Павлович Кутепов быстро перебрал и отмел множество знакомых ему лиц, которым, по его мнению, не хватало именно решительности и силы воли. В конце концов среди оставшихся кандидатов, количество которых не превышало трех, Кутепов остановился на кандидатуре генерал-майора Бориса Александровича Штейфона. Вместе с тем он решил переговорить и с генералом Витковским, предложив тому поразмыслить о ближайшей перспективе военного похода.

Время шло, а без того скудное снабжение чинов армии день ото дня становилась все хуже. О качестве говорить не приходилось, ибо оптовые закупки самых дешевых продуктов и пшеницы французами начали отражаться на здоровье русских войнов. Участились болезни и случаи отравления, но главное, что наряду с этим в рядах армии начался ропот. Отношение к французам среди солдат и офицеров перешагнуло границу безразличия и начало быстрыми темпами двигаться в отрицательную сторону. Собравшись с доверенными лицами, Кутепов предложил им обсудить возможный сценарий развития событий, если в один прекрасный день французы полностью прекратят выдачу продовольствия. Командант галлиполийского лагеря генерал Штейфон высказался в том духе, что одним из достойных выходов из создавшегося положения мог бы стать увод армии из Галлиполи. Кутепов возражал ему, подчеркивая, что эвакуации, подобной крымской, может и не получиться: отсутствует необходимый тоннаж, корабли русского флота были частью проданы, частью уведены союзниками в залог за отпущенное продовольствие, а средств на закупку новых пароходов у армейской казны не было. Витковский согласился с Кутеповым, добавляя, что, случись армии вновь оказаться на кораблях, то одним из лучших выходов мог бы стать немедленный десант на черноморское побережье, однако в отсутствие тщательно проработанных планов десантной операции, одобренной Главнокомандующим, подобное предприятие означало бы новые жертвы: гибель людей от рук большевистского флота или прихотей стихии. Наиболее подходящей обсуждавшим будущее армии представлялась идея ухода армии из Галлиполи походным порядком, и лишь направление исхода не представлялось генералам вполне

ясным. Кутепов предложил в качестве своеобразной прелюдии к маршу совершить отвлекающий маневр на глазах французского гарнизона — уполномочить доверенных лиц сделать заявление французскому коменданту, а через него и командованию Экспедиционного корпуса в Константинополе о намерении двинуть корпус пешим порядком в Болгарию. Успех данного предприятия мог быть гарантирован лишь в случае, если болгарский консул в Константинополе смог подтвердить французскому командованию вопрос о решении его правительства касательно приёма русских войск. Естественно, что подобный обман был бы разоблачен скоро. Впрочем, рассуждал Кутепов, поддержанный Витковским, процесс выяснения истинности намерений русских все равно занял бы время, что позволило бы армии, достигнув константинопольской параллели, повернуть на восток, форсированным маршем двинуться на чаталджинскую позицию французов, захватить оборонявший её гарнизон, блокировать его, а затем совершить молниеносный бросок в Константинополь. По данным, имевшимся у Кутепова, город охраняли французские колониальные войска, чей уровень ведения войны был невысок, а общая военная подготовка уступала регулярной французской армии. Беспрецедентный по своей дерзости марш-бросок на Константинополь мог стать демонстрацией всему миру еще живой «русской силы», по милости предавших её союзников вынужденно прозябающей в безлюдье Галлиполи. И, наконец, главной целью захвата должна была стать мгновенно разнесшаяся весть о «русской бунте», что, в свою очередь, должно было произвести небывалый политический резонанс среди европейских держав. Возможно, эта граничащая с безумием акция могла подвигнуть руководство союзных стран, и Франции в первую очередь, пересмотреть свои позиции в отношении позабытой армии. Успех данного предприятия мог быть гарантирован лишь тщательно разработанным наступательным планом, подготовку и разработку которого Кутепов поручил Борису Александровичу Штейфону. Тот не отказывался, и, недолго думая, занялся немедленно рекогносцировкой местности и сбором статистических данных, необходимых для учета нюансов при подготовке константинопольского похода. Как когда-то, во време-

на, предшествовавшие январскому штурму Эрзерума, вознесшего на пьедестал военной славы Николая Николаевича Юденича, Штейфону пришлось вспомнить навыки работы в разведывательном отделе штаба Кавказского фронта. Первым делом он выяснил настроения, бытовавшие среди местного населения в отношении французов, и, нащупав нотки недовольства, вышел на представителей греческой диаспоры, являвшейся юридической и фактической хозяйкой положения на полуострове. Не пускаясь в детали, Штейфон посвятил доверенных лиц среди греческой «агентуры» в некий план вывода русских войск, нашедший у них не только полную поддержку, но и сочувствие. Не то чтобы греки тяготились присутствием русских, но вывод армии за пределы Галлиполи означал бы отток французских сил и возможную демилитаризацию полуострова. Между ним и греками установились самые доверительные отношения. И все же даже самые тщательно охраняемые секреты Русской армии могли в любой момент стать добычей вездесущих французских контрразведчиков. Штейфон решил не рисковать, и, проведя секретные переговоры с греческой стороной, просил её представителей лишь об обеспечении продовольствием и фуражом, необходимым в длительном походе. На последующих тайных встречах, проходивших между представителями русского командования и греческой администрацией, было еще раз подтверждено, что греческие гражданские, равно как и военные власти окажут полное содействие для выхода русских войск из Галлиполи. Внезапный уход русских мог встревожить французского коменданта, и для подготовки к внезапному выступлению и предварительной тренировке войск Кутепов предложил Витковскому и Штейфону уведомить союзников о проведении череды учебных «ночных тревог» в лагере. Наряду с практическим значением данного упражнения Витковский полагал, что тем самым командованию представится превосходный случай разъяснить чинам армии необходимость учений для подготовки к выступлению походным порядком в условленный день и час. Первые несколько учений не вызвали видимого беспокойства французов, но последовавшая за ними череда педантично проводимых ночных тревог заставила французское командование обратиться с запросом к Кутепову о

практической цели столь странных упражнений. Кутепов объяснял французам, что эти меры вызваны к жизни необходимостью постоянной подготовки личного состава для дальнего похода, если какая-нибудь из стран решит наконец предоставить убежище Русской армии. Как известно, добавлял он, ввиду отсутствия необходимого корабельного тоннажа для отправки воинских частей морем нельзя исключать и перемещения по суше.

Нельзя утверждать, что объяснения Кутепова полностью успокоили французов, но, зная о ведущихся переговорах с правительствами Королевства СХС и царства Болгарии, они отчасти поверили в приведенные русским командованием объяснения. Кутепов предложил генералу Витковскому еще раз изложить эту версию для представителей Экспедиционного корпуса, что тот и сделал, нарочно подготовив для ознакомления мнимые схемы передвижения русских войск по суше.

Прежняя напряженность в русско-французских отношениях не исчезала, и первые проведенные русскими «тревоги» поднимали на ноги французский гарнизон. Донесения коменданта в штаб войск в Константинополе порой граничили с паникой. Несколько дней там заседала комиссия, пытавшаяся проанализировать сложившуюся ситуацию в Галлиполи и дать приемлемый прогноз правительствам своих стран развития событий на ближайшее время. Однако допустить, что армия, увлекаемая Кутеповым, за один переход вдруг окажется у «врат Царьграда», союзники не могли. Иные догадки мучили их. Пытаясь рассеять туман недомолвок, союзное командование слало ноту за нотой в адрес Кутепова, требуя объяснений проводимых тем мероприятий и ночных «тревог», на что Кутепов с неизменной вежливостью отвечал, что таинственные «ночные тревоги» вызваны все той же потребностью готовить корпус к уходу с территории лагеря. Французская разведка между тем доносила в штаб Экспедиционного корпуса, что известий о положительном решении «русского вопроса» в Болгарии и Сербии нет, что переговоры затягиваются, и что местные парламентарии менее всего хотели бы видеть на своих суверенных территориях хоть и славянскую, но все же чужую армию. Предположить, что, находясь в неизвестности относительно будущего армии, русские занимаются

подготовкой увода войск, союзники, при всем желании, не могли. И без того слабые и измученные люди едва ли заслуживали изматывающей ежедневной «тревоги». Перед дальним походом наиболее естественным было бы поберечь силы. Французское командование знало о физическом состоянии русских не понаслышке. Месяцы скудного снабжения их армии не могли не дать свои результаты, а недавние объемы снабжения грозили настоящим голодом среди русских. Публичное, на глазах всего мира отбытие Русской армии перед лицом грозящего голода могло неблагоприятно отозваться и для самой Франции, сказавшись на её международном авторитете. Сознавая последствия подобного «голодного исхода», и в качестве попытки сгладить острую ситуацию, французская администрация предприняла усилия убедить русских в невозможности выхода из Галлиполи «походным порядком».

Для демонстрации силы, и дабы показать, как ими надежно закрыт выход из Галлиполи, на миноносец был приглашен присутствовать на маневрах председатель офицерского суда чести в Галлиполи, коренной офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, генерал-лейтенант Владимир Александрович Карцов. Как известно, в галлиполийском лагере он состоял переводчиком при генерале Кутепове. Командующий направил его к французам с поручением всячески показать им полное согласие русского командования с доводами оставаться на полуострове до принятия балканскими правительствами решения о приёме всех войск одной из стран. Другим заданием Кутепова генералу было, воспользовавшись ситуацией, взглянуть на русский лагерь со стороны моря для запоминания и выработки мер по безопасному отводу войск при возможном артиллерийском обстреле с моря. Попав на французский миноносец, генерал Карцов обратил особое внимание на действенность обстрела Булаирского перешейка и установил, что благодаря топографическим особенностям ландшафта снаряды миноносца либо перелетали бы прибрежную дорогу, либо попадали бы в гряды, прикрывавшую её с моря. Тем самым, благодаря любезному приглашению французов, подтвердилась полная невозможность точного обстрела с миноносца русских колонн, случись тем уходить с полуострова походным порядком. Наблюдательность генерала Карцова явилась

важным дополнением для всестороннего учета русским штабом возможного развития ситуации.

Когда план похода был подготовлен, Кутепов, ознакомившись с ним, приказал генералу Штейфону отправиться в тайную командировку в Константинополь для ознакомления с ним Главкомандующего. Кутепов не знал, насколько барон будет расположен к предложению своих генералов, хотя неминуемая угроза голода в частях, настойчивые попытки французской стороны превратить остатки армии в гражданских беженцев практически не оставляли Врангелю иного выбора, как согласиться. Штейфон, как опытный штабной работник, должен был познакомить Врангеля со всеми преимуществами константинопольского похода, указать на слабые места французских континентов, и доложить о готовности русских войск. Врангель принял прибывшего Штейфона приветливо, выслушал его небольшую преамбулу о жизни лагеря в целом, об испытываемых в последние дни трудностях в снабжении продовольствием, позволив затем перейти к главной теме доклада — содержании секретного плана. Пока генерал Штейфон знакомил Главкомандующего с технической стороной вопроса, Врангель порывисто двигался по кабинету, кивал, останавливаясь у рабочего стола, делал карандашом некоторые уточняющие пометки в блокноте. По молчаливому одобрению Врангеля Штейфону казалось, что тот полностью разделяет выводы Кутепова и его генералов о срочности решительных действий, и он не ошибся. Когда Борис Александрович завершил доклад, барон некоторое время молча продолжал записывать что-то в блокнот, затем встал и, устремив на Штейфона решительный взор, произнес: «Бог в помощь! Прошу вас довести до сведения генерала Кутепова о моём полном согласии с предложенными мерами. От души благодарю вас, Борис Александрович, за тщательно проделанную подготовительную работу. Теперь вся надежда на Бога да наши русские штыки».

Вернувшись от Главкомандующего, Штейфон явился к Кутепову, доложить о встрече и одобрении барона плана похода. Кутепов слушал краткий доклад Штейфона не без удовлетворения, и тотчас попросил адъютанта пригласить к нему генералов Витковского и Туркула. Необходимо было переговорить со всеми командирами,

которых Кутепов намстил для руководства основными наступательными силами. Вопрос, связанный с непосредственными исполнителями этого беспрецедентного плана марш-броска, призванными воплотить его в жизнь, занимал мысли генерала Кутепова долго. Главное, в чем у него не оставалось сомнений, это в том, что для четкого исполнения задуманного требовались самые решительные и отчаянные люди. На солдат, остававшихся в лагере, Кутепов почти не надеялся. Многомесячное сидение в Галлиполи лучше лобых пропагандистов настраивало нижних чинов на то, чтобы оставить армию при первом для них удобном случае. Воевать, да еще быть стойкими бойцами, эти люди едва ли годились. Наибольшую стойкость в Галлиполи демонстрировали, пожалуй, лишь корниловцы, марковцы и дроздовцы — чины соответствующих дивизий. Но их численного состава не хватало для столь масштабных действий. Из генералов, которых Кутепов намечал поставить на ключевые должности в предстоящем походе, он без колебаний остановился на столь же жестком командире дроздовцев Антоне Васильевиче Туркуле. Кутепов посчитал, что с теми задачами, которые возлагались на авангард, прекрасно справиться могут лишь дроздовские части. Арьергарды Кутепов мог смеловерить опытному тактику Штейфону. В арьергарды Кутепов определил юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, Алексеевско-Николаевского инженерного и Николаевского кавалерийского училищ.

...В ожидании Туркула Кутепов и Штейфон еще раз прошлись по этапам осуществления первого этапа операции. Их общий замысел сводился к тому, чтобы в назначенный день внезапным ночным ударом окружить и разоружить расположенный за городом сенегальский батальон. По выполнении этой задачи отряд, разоруживший сенегальцев, мог бы выступить в качестве авангарда, отправившись по направлению к чаталджинским позициям, стараясь оставаться как можно дольше незамеченным. Сами позиции оставались последним препятствием на пути Русской армии для дальнейшего форсированного марша на Константинополь. Их занятию придавалось особенное значение. Следом за штурмующим их русским авангардом должны были тронуться основные силы армии. В их задачи входила не только огневая поддержка атакующего

авангарда, но и организация череды атак для скорейшего прорыва французской обороны и выхода на главное направление. На аррьергардный отряд командованием возлагались дополнительные задачи по изоляции французского гарнизона, прерывание их связи с миноносцем на рейде и, при необходимости, вывод артиллерии на прямую наводку для занятия позиций на побережье в случае десанта и попыток контратаковать занятые русскими позиции. Кроме того, на аррьергард возлагались задачи по захвату и вывозу интендантских, артиллерийских и прочих запасов французского гарнизона, так необходимых Русской армии в ходе ее марша на Константинополь. Если по какой-либо причине помощь изолированным французским военным пришла бы ранее, чем Русская армия полностью покинула расположение лагеря, аррьергардный отряд должен был сыграть роль удерживающей силы, чтобы дать возможность войскам отойти как можно дальше к конечному пункту их назначения.

Когда Туркул прибыл, Штейфон ознакомил его с общим планом командования и с задачами дроздовского авангарда в частности. Глаза молодого генерала загорелись в предчувствии грядущей битвы, он был готов уже по тревоге поднимать дроздовцев и мчаться во главе их на французскую проволоку и пулеметы, дабы единым ударом обрушиться, сокрушить их и беспощадно расправиться с малейшими попытками сопротивления. Кутепов потечески попросил генерала не горячиться и дожидаться общего согласования похода между всеми командирами-участниками.

Расширенный состав совещающихся генералов вскоре дополнился двумя новыми именами, и, если безотказного рубаку Барбовича не было необходимости представлять, то начальник Сергиевского училища являлся для собравшихся лиц человеком новым — генерал-майор Николай Андреевич Казмин. Лишь только Кутепов знал, что для аррьергардных боёв вместе со Штейфоном должен был находиться человек, являвшийся для юнкеров «отцом родным», и который мог уравновесить и сгладить возможные трения, неизбежные, когда в командование боевыми частями вступает новый человек. Штейфон и являлся именно этим новым, а на Николая Андреевича Казмина возлагались не только командные, но и своего рода отеческие заботы о молодежи. В своих раздумьях о походных начальниках

именно Казмина и его питомцев рассматривал Кутепов как важную часть для арьергардных боев. Генерал Штейфон охотно поддержал высказанное Кутеповым пожелание, и Казмин был вызван для конфиденциальных переговоров и, как и прежде, подтвердил свою готовность выполнения приказов Кутепова в назначенный час. Кутепов предупредил Казмина, что непосредственная близость казарм Сергиевского училища к баракам сенегальского гарнизона диктует необходимость быстрой и надежной блокады сенегальских стрелков, а возможно, и длительного удержания их под сильной охраной. По мере продвижения основных сил похода юнкера Казмина должны были снять охрану колониального гарнизона и форсированным маршем отходить за основными частями, соединившись с арьергардом. Казмин подтвердил ясность задачи и, вернувшись к себе, собрал офицеров — командиров батарей для согласования действий на случай объявления очередной «ночной тревоги». Не вдаваясь в подробности, он распределил задачи и указал главную цель — блокаду сенегальского гарнизона. Понимая, что замышляется нечто важное, офицеры тактично расспросили своего начальника о замысле командования. Не произнесенное вслух, слово «поход», казалось, витало в воздухе. Однако подчиненные не проявили излишнего любопытства, во всем полагаясь на мудрость и жизненный опыт своего генерала. Популярность Казмина у офицеров училища и воспитанников во все времена была высока, а уж если теперь, вдали от России, Николай Андреевич упоминал о возможных готовящихся переменах, внимание к его словам было в высшей степени серьезное. Однако Истории было угодно, чтобы этот великий план не состоялся.

2.4. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ИСХОДЫ АРМИИ И БЕЖЕНЦЕВ КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА ВОЕННОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА

Пока Кутепов и его единомышленники разрабатывали блестящую военную операцию, представители Главнокомандующего барона Врангеля продолжили переговоры с парламентариями и представителями правительств Сербии и Болгарии. Кутепов пом-

нил, что еще 26 апреля 1921 года с борта своей яхты «Лукулл» Врангель послал секретный приказ № 6183 командирам 1-го Армейского, Донского и Кубанского корпусов, атаманам Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, в котором сообщал как о свершившемся факте о согласии славянских правительств теперь же принять: Королевства СХС — 10—11 тыс. человек на иждивение командования, Болгарии — 5—6 тыс. (без оглашения предварительных условий). Главком подчеркивал, что к июню 1921 года правительство Сербии «обещало» увеличить втрое число чинов, принятых на службу в Пограничную стражу при условии, что «ныне отправляемые части вполне зарекомендуют себя безукоризненно: поведением, отличной службой и добросовестной работой». Для укрепления дисциплины приказ предписывал: 1) немедленно перевести из направляемых в Сербию частей в беженские батальоны всех неподходящих элементов; 2) беженские батальоны временно, впредь до особого распоряжения, оставить в нынешних лагерях; 3) части отправлять с существующей организацией; 4) ввиду необходимости разгрузить, прежде всего, остров Лемнос в первую партию назначить по личному усмотрению генерала Ф.Ф. Абрамова одну из Кубанских дивизий с доведением ее численности до 5 тыс. за счет штаба корпуса, Кубанского технического полка и кубанских рабочих сотен; 5) в Пограничную стражу назначить: личный конвой Врангеля с включением Кубанского гвардейского дивизиона, который переформировать в сотню, и 1-ю Донскую дивизию с увеличением ее состава за счет 2-й Донской дивизии до необходимых 5 тысяч. Но казавшиеся гладкими на бумаге взаимные планы Главнокомандующего и принимающих сторон оказались не столь гладкими на практике. В день издания этого приказа число принимаемых на работы чинов Русской армии было снижено кабинетом Королевства до 4 тысяч человек. Спустя месяц, 27 мая, число уменьшилось еще на 500 человек. Врангель заподозрил неладное, о чем не замедлил оповестить Кутепова. 8 мая с борта «Лукулла» Главнокомандующий послал обращение, в котором Врангель настаивал на эвакуации в первую очередь казаков с острова Лемнос и просил не отказать в принятии мер по обеспечению перевозимых частей продовольствием на

весь срок переезда. Расходы по продовольствию предполагалось отнести на счет французского правительства до самой сербской границы. Однако радости у представителей Франции это предложение Врангеля не вызвало. Ведь в марте 1921 года в Лондоне был подписан британо-советский торговый договор, под воздействием которого официальный Париж счел Белое движение исторически приговоренным. Помощь от Франции сходилась на нет не по дням, а по часам, и наиболее драматически это отражалось на галлиполийских сидельцах. Врангель настаивал на скорейшем переводе в Сербию 8—10 тысяч офицеров и солдат уже из Галлиполи, «при условии сохранения указанными контингентами их палаток, походных кухонь, госпитальных и хозяйственных оборудований, а также снабжения их продовольствием на весь переезд». В дни, когда до объявления похода оставались считанные часы, из штаба Врангеля была доставлена срочная депеша, переданная в руки Кутепову. Из прочитанного им явствовало, что переговоры, проводимые «Русским Советом» при личном благословении Врангеля, принесли неожиданно положительные результаты на дипломатической ниве. В письмах, адресованных болгарскому царю Борису и сербскому королевичу Александру, отправленных Главнокомандующим через посредство генерала Шатилова, тот просил двух балканских монархов о незамедлительном принятии под свое покровительство «русских патриотов, взоры и сердца которых направились на братские народы и на их Державных вождей»¹. Врангель подчеркивал свою готовность подробно обсуждать все условия, которые могут быть выдвинуты принимающими сторонами. Для подчеркивания серьезности своих намерений барон Врангель командировал своего личного представителя, начальника штаба Главнокомандующего, генерала от кавалерии Павла Николаевича Шатилова. Именно ему, с согласия Врангеля, на переговорах поручалось предоставить этим монархам любые дополнительные сведения о состоянии армии, в случае их заинтересованности принять её не только под покровительство, но и на временную

¹ Матасов В.Д., подпоручик Конной артиллерии. Белое движение на Юге России 1917—1920. Монреаль: Monastery Press, 1990. С. 171.

службу. Главные надежды Врангель возлагал на возможность размещения армии, как единого организма, именно на территории образованного в декабре 1918 года Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Вчерашняя Сербия, потери которой, хотя и в относительных цифрах, были самыми большими в минувшей войне, благодаря поддержке Антанты после окончания боевых действий превратилась в бесспорного политического лидера на Балканах. В годы Гражданской войны в России, королевское правительство направляло в помощь белым не только воинские контингенты, но и посильную помощь оружием и другим военным имуществом. В период решающих сражений Русской армии в Северной Таврии и Крыму, где, по словам врангелевского мемуариста, «каждая тряпка была подспорьем, не то что груженный пароход», через порт Катарро, по согласованию с представителями Антанты, в Русскую армию Врангеля шли военные грузы. Власти Сербии активно привлекали войска для обеспечения разгрузки грузов на своей территории.

Весной 1920 года на содержание сербской королевской казны поступили 20 тысяч русских беженцев, покинувших крымские берега. Переезд в эту балканскую страну вызвал прилив воодушевления в армии: около 47 % населения исповедовало православие, язык общения был несложен, а уклад жизни в большинстве населенных пунктах во многом напоминал русскую провинцию. Внешнеполитическая доктрина королевства предполагала возобновление военных действий с большевиками при определенных обстоятельствах, включая «угрозу распространения большевизма». Формально это было закреплено членством в так называемой «Малой Антанте» (временном оборонительном союзе с Чехословакией и Румынией), одной из задач которой стало предотвращение экспансии большевизма в глубь Европы.

Однако при внешней дружественности короля Александра к изгнанникам, парламент и правительство страны не хотели изменять себя лишней заботой о чужой армии. За убедительными доводами Русского Совета о том, что шатающуюся и готовую вскоре упасть власть большевиков будет призвана сменить «дисциплинированная армия», сербские парламентарии не усматрива-

ли конкретной перспективы. Между тем в повседневной жизни страна несла экономические издержки, связанные с содержанием беженцев на своей территории.

Кронштадтский мятеж 1921 года и крестьянское движение антоновцев в лесах Тамбовщины какое-то время теплили надежды эмигрантов на победоносное возвращение домой. А последовавшие известия о подавлении мятежа не уменьшили решимости русских с оружием в руках вернуться в Россию. Еще долгое время в армии на чужбине царил эмоциональный подъем, и крах советского режима, по общему убеждению, был предreshён.

Пользовавшиеся временным гостеприимством сербов войска Врангеля платили за него сторицей. Решение инженерных, строительных, охранных задач Сербии дополнялось участием в обеспечении создающегося государственного аппарата квалифицированными научно-техническими и военными кадрами.

Сен-Жерменский мирный трактат 1919 года наделал Королевство СХС обширными территориями, однако степень их интеграции в экономическую жизнь страны не могла набрать требуемые обороты в отсутствие квалифицированных кадров в области строительства, снабжения, телефонной и телеграфной связи, а также в силу отсутствия управленческих навыков. Вынужденно, в отличие от западноевропейских стран тех лет, Королевство СХС признавало полученные в гражданских и военных учебных заведениях Российской империи свидетельства об их окончании, как имеющие законную равноценную силу с собственными дипломами. Стране нужны были образованные и квалифицированные кадры. Русские военные эмигранты, среди которых 13 % были лица с высшим образованием и 62 % — со средним, оказались как нельзя кстати для страдающего от нехватки кадров югославского правительства в условиях экономического кризиса. В стране свирепствовала инфляция, и быстрый упадок уровня жизни привел к массовым забастовкам. В забастовочное движение вовлеклось свыше 200 тысяч работников различных предприятий, многие из которых простаивали. Право на труд не было законодательно закреплено, и по этому поводу в парламенте Королевства проходили жаркие дебаты. Депутаты требовали введения новой конституции,

созыва Учредительного собрания и роспуска нынешнего состава Скупщины. В который раз назначенные министры не оправдывали ожидания правительства, и в прессе Королевства все чаще стали появляться грозные разоблачения неблагоприятных поступков парламентариев и возникать требования наказать коррупционеров. Министру внутренних дел Драшковичу, накануне пережившему неудавшееся покушение разгневанных соотечественников, предстояло держать ответ перед новым избираемым парламентом за вскрывшиеся злоупотребления за время его правления. В Черногории исподволь распространялось антисербское движение, и проблема межэтнических конфликтов обострялась день ото дня.

В первый день встречи между представителем Врангеля генералом Шатиловым и премьер-министром Николой Пашичем последний легко дал согласие на прием 5 тысяч русских воинских чинов на службу в Пограничную стражу Королевства, для охраны границ от недружественных действий соседей и перспективного участия в охране общественного порядка. Такое же число лиц привлекалось на строительство шоссе магистралей, а чуть менее 2 тысяч русских военных принималось на железнодорожную службу. По сведениям, полученным сербским премьером от военного агента генерал-майора Дмитрия Николаевича Потоцкого, в лагере Галлиполи насчитывалось 50 инженеров различных специальностей. Кроме них офицеров механиков и техников с законченным образованием — 440 человек, а также 4 инженерные роты и команды подрывников количеством 460 человек. Из чинов технического полка и инженерного училища насчитывалось 995 офицеров и 865 солдат и юнкеров. 140 человек характеризовались военным агентом как инженеры с «хорошей технической подготовкой». Таким образом, специалистов, готовых приступить к работе в королевстве, было 1090 человек. «Они представляют исключительно подготовленный технический персонал, годный для службы по эксплуатации железных дорог, по изысканиям и ремонту путей и постройке новых линий», — уверял Потоцкий. На переговорах с Пашичем Шатилов выдвинул предложение о создании из имевшихся в Галлиполи инженерных частей артели рабочих, техников и механиков, снабженных кухнями и палатками, под руководством инженеров в группах

числом не менее 300 человек в каждой, а сербам заготовить для них продукты и хлеб «по расчету солдатского рациона». Премьер-министр охотно согласился и обещал сделать соответствующие поручения всем заинтересованным министерствам.

Весной 1921 года для ведения переговоров с болгарской стороной Врангель командировал личного военного представителя генерал-лейтенанта Василия Ефимовича Вязьмитинова. Возможность воспользоваться гостеприимством болгар рассматривалась Главнокомандующим как запасной вариант на случай непредвиденных неудач за столом переговоров с правительством Королевства СХС.

Между тем, на встрече с генералом Шатиловым, югославский король Александр подтвердил готовность к содействию в размещении части Русской армии на территории королевства. Шатилов покидал королевскую резиденцию с чувством некоторого облегчения и радости, пребывая в уверенности, что наконец возникала ощутимая возможность изменить что-либо в положении армии.

Путь Шатилова лежал в Софию, где он рассчитывал обсудить все имевшиеся возможности у болгарского правительства для временного размещения русских войск. Перед отбытием в Софию Шатилов написал письмо-обращение к бывшему послу Временного правительства в США Б.А. Бахметеву, призвав того выполнить «патриотический долг» и обеспечить средствами переезд и пребывание первое время в Королевстве СХС частей Русской армии. Через некоторое время посол Бахметев отвечал Шатилову письмом, переданным через русского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана, что сделает все возможное для финансирования переезда.

По приезде Шатилова в Софию генерала предупредили о возможных пробуксовках переговорного процесса из-за болезни председателя болгарского правительства А. Стамболийского. Переговоры начались на уровне второстепенных правительственных чиновников. Одновременно с этим генерал Шатилов попросил аудиенции болгарского царя Бориса, не возлагая, впрочем, особых надежд на результат этой протокольной встречи. По мнению людей, хорошо знавших обстановку, царь не влиял на внешнюю

политику и находился под сильным влиянием премьер-министра. Согласно конституции, полномочия премьера Стамболийского были велики, и страной управляло многопартийное правительство, в котором парламентское большинство занимала Земледельческая партия, председателем которой и был Стамболийский.

Найти доступа к болящему премьеру Шатилов не мог, но, к своему удивлению, обнаружил среди неожиданных сторонников болгарского епископа Стефана и большого друга России — дуайена дипломатического корпуса при дворе болгарского царя, французского посланника Жоржа Пико. Он обладал исключительным влиянием на членов правительства и был вхож к его главе. В числе лиц, первоначально сочувствующих Русской армии, оказался и начальник штаба болгарской армии генерал Топалджиков. Все они приложили некоторые усилия к тому, чтобы переговорный процесс между болгарским правительством и представителем Врангеля состоялся и прошел с определенным успехом, невзирая на многочисленные отговорки Стамболийского и все новые условия, выдвигавшиеся им русским. По рекомендации генерала Вязьмитинова Шатилов не возражал, как бы соглашаясь на все условия, большую часть которых русская сторона не собиралась выполнять.

Проявленной дипломатической гибкости русская сторона была всецело обязана российскому послу в Болгарии, статскому советнику Александру Михайловичу Петряеву. Всеми силами он стремился помочь Шатилову успешно осуществить его миссию, стараясь помочь, чем мог. Именно его усилиями была организована аудиенция русского генерала у болгарского монарха. Борис принял Шатилова и сопровождавшего его генерала Валентинова, посвятив встрече не более получаса. В ходе аудиенции он искренне сокрушался по поводу французской политики распыления Русской армии и обещал генералу оказать посильную помощь во временном размещении армии в пределах его прав, ограниченных конституцией. Иными словами, он бы мог обещать лишь то, с чем согласился бы его премьер. «Говорили мы с царем по-русски, частью по-французски. Он извинился, что плохо говорит по-русски, и ссылаясь на недостаток практики. Впечатление на нас он произвел необычайно симпатичное... Выходя от него, я ясно почув-

ствовал, что нами исполнен акт вежливости, который ни на шаг не продвинет наше дело», — вспоминал Шатилов¹.

Премьер затаил обиду на переговорщиков, считая себя обманутым: соглашение о переезде военных подписано, однако отправить всех их сразу на сельскохозяйственные работы и угледобычу не удалось. Первоначально согласившись на все условия, русские и не собирались бросать военную подготовку, строевые занятия, не отдавали все оружие, а главное, и не собирались превращаться в обыкновенных беженцев.

Стамболийский нервничал: в беседах с советским постпредом все чаще проскальзывал намек, что если он больше не в силах справляться с остатками немногочисленной врангелевской армии, то этим может заняться и новый глава парламента. А каким образом меняются эти фигуры в парламентских республиках, болгарский премьер представлял себе довольно ясно.

Русским требовалось устранить у себя всякие формы военной организации, изъять остатки оружия, преобразовать, как это пытались сделать еще в Галлиполи французы, в беженцев, всецело зависящих от воли уполномоченных комиссаров правительства. Однако подойти с подобными требованиями к русским напрямую Стамболийский не решался. Правительство уже дало ряд обещаний Врангелю, на основании которых временное пребывание иностранных вооруженных сил на территории Болгарии становилось легитимным. Парламент обусловил все это множеством обязательств, связывавших русское командование в действиях против советской власти, но не устранил самой военной организации. Главным виновником этого, по мнению Стамболийского, оказался генерал Вязьмитинов. Именно он подготовил благоприятную почву для переговоров между болгарским правительством и Врангелем, подсказав Главнокомандующему, как повести дело так, чтобы отстоять права всех эвакуированных частей и гражданских ведомств. Хоть и с запозданием, Стамболийский постарался избавиться от генерала, влиявшего на Врангеля столь неблагоприятным для болгар образом. Воспользовавшись очередным

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 78.

ухудшением ситуации во взаимоотношениях с русскими военными в 1923 году, премьер приказал выслать проживавшего в Софии Вязьмитинова из пределов страны. Тот незамедлительно переехал в Белград, где в знак уважения ему была предложена почетная должность правителя дел учебного отдела Державной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве. В свободное от работы время генерал состоял сотрудником редакции «Военного сборника», выходившего в Белграде под редакцией полковников Генштаба Василия Михайловича Пронина и Ивана Федоровича Патронова. В Белграде же Вязьмитинов прожил до конца своих дней, скончавшись 29 января 1929 года, и был похоронен на Новом кладбище города. Его кратковременная миссия посредника в переговорах с болгарами стяжала ему заслуженное уважение Врангеля, и причиной тому был дипломатический дар генерала, помогший преодолеть все неблагоприятные для русской стороны обстоятельства в условиях непростой внутривосточной обстановки в стране.

Выступление Болгарии на стороне Германии в Великой войне 1914—1918 годов русским было трудно вычеркнуть из памяти. Прогерманские настроения не исчезли в стране даже после того, как Германия потерпела военное поражение. Властью в Болгарии при номинальной роли монарха — сына австрийского ставленника Фердинанда Кобургского Бориса III обладал лишь кабинет министров, сформированный из представителей партии Болгарского земледельческого народного союза и его лидера Александра Стамболийского. Сам он тяготел к социалистам, и более всего надеялся поддерживать хорошие взаимоотношения с большевистским режимом в России.

И всё же Болгария заключила договор с армией в изгнании, вызвавший страшное неудовольствие в Коминтерне и среди членов советского правительства. Договор между сторонами был заключен 25 июня 1921 года и подготовлен с двух сторон российским посланником в Болгарии Петряевым и генералом Вязьмитиновым, а также начальником штаба болгарской армии полковником Топалджиковым и министром финансов Турлаковым. Суть его сводилась к следующему. Часть Русской армии должна была вступить в страну без оружия, но её организационная структура могла оставаться при этом без изме-

нений. Численность принимаемого в Болгарии русского контингента не оговаривалась, и должна была определиться количеством свободных по состоянию на 1 июля 1921 года мест в пустовавших казармах. По некоторым данным их вместимость составляла до 7 тысяч человек. Было условлено, что по мере прибытия эшелонов с военными и размещения их в казармах, при наличии свободных мест первоначальная цифра может быть пересмотрена и незначительно увеличена. Министр финансов Болгарии подчеркнул, что русские военные должны были содержаться исключительно на средства собственного командования, которое обязано было внести аванс в Болгарский национальный банк в размере 13 миллионов левов, или 300 тысяч долларов североамериканских долларов по курсу того времени.

Стороны договорились о взаимном невмешательстве в дела друг друга. При этом все дела уголовного и гражданского характера подлежали болгарскому суду. Договор никогда не публиковался в болгарской печати, а для широких обывательских кругов врангелевцы преподносились местной властью как беженцы, не принявшие новую российскую власть.

Накануне своего отъезда из Болгарии на Балканы Шатилов поручил своему заместителю генерал-лейтенанту Павлу Алексеевичу Кусонскому проработать возможность приема русских воинских контингентов в Греции, Венгрии и Чехословакии на условиях определения прибывших лиц на общественно-полезные работы.

Военный представитель Главнокомандующего в Будапеште, полковник Алексей Александрович фон Лампе так и не смог договориться с венграми о каких-либо приемлемых условиях. Неудачным для Врангеля был и выбор военного агента в Праге, где вопрос размещения русских контингентов не сдвинулся ни на йоту. Генерал-майор Максим Николаевич Леонтьев не проявлял на своей должности особенной активности, и за три года пребывания так и не мог добиться встречи с официальными лицами чехословацкого правительства. Пробыв в чешской столице до 1923 года, он выехал во Францию, где вскоре открыл частный ресторан в Монте-Карло, оставив всякую военно-политическую деятельность, а после того как его частное предприятие разорилось, убыл во французскую тихоокеанскую колонию, на остров Таити, где и окончил свой век в

1948 году. Представителям Русской армии пришлось самим искать выходы на делегацию членов пражской Особой комиссии, приехавших в Константинополь для приглашения нескольких тысяч беженцев на сельскохозяйственные работы в Чехословакию.

Греческая военная миссия, нарушая субординацию, сама обратилась к казачьему генерал-лейтенанту Александру Петровичу Фицхелатову с просьбой предоставления 3—4 тысяч человек на службу в греческую пограничную стражу ввиду трудностей, образовавшихся после разгрома греческой армии турецкой армией под предводительством Кемалья Атагюрка и последовавшей за тем резней греков на турецких территориях. В Греции к этому времени стараниями королевы эллинов Ольги Константиновны скопилось до 10 тысяч русских беженцев, охрану которых взяли на себя русские военные.

В плавучем штабе Врангеля на яхте «Лукулл» не оставляли мысли и о привлечении казаков — уроженцев Сибири для борьбы с большевиками на Дальнем Востоке. Вопрос доставки добровольцев к месту потенциальных боевых действий стоял очень остро: французы не желали предоставить свободных транспортов, Российское Общество Пароходства и Торговли не могло предоставить помощи, ибо из-за войны и смены власти в России, находилось в состоянии экономического упадка. Несмотря на большой поток желающих биться с большевизмом на Дальнем Востоке, идею пришлось отложить.

Тем временем ход приема Балканскими странами чинов армии набирал обороты. Через сербского дипломатического представителя в Константинополе штаб Врангеля получил подтверждение о разрешении прибыть на работы в Сербию отрядам в 3500 и 1500 человек. Генерал Е.К. Миллер, обосновавшийся в Париже, доносил Врангелю об ассигновании Б.А. Бахметьевым 400 тысяч долларов САСШ¹ на нужды, связанные с переездом армии. За этим последовало сообщение генерала Вязьмитинова из Софии о готовности принять 1000 человек на различные работы в Бургас.

22 мая 1921 года состоялась первая пробная отправка части русских войск в Сербию и Болгарию. Следом за этим сербское правительство затребовало еще полторы тысячи человек для ра-

¹ Североамериканских Соединенных Штатов. — *Примеч. авт.*

боты по сбору военной добычи, брошенной немцами и болгарами на Салоникском фронте. В Сербию отправлялось 5000 чинов корпуса. «За исключением 400 человек Конвоя Главнокомандующего, все эти 5000 должны были, по приказанию генерала Врангеля, грузиться с Лемноса. Для этого были предназначены гвардейские казаки (Лейб-гвардии Казачий дивизион и Лейб-гвардии Атаманский), Кубанская дивизия и Донской технический полк... Гвардейские казаки и Конвой Главнокомандующего составляли особый Гвардейский казачий отряд, во главе которого был поставлен полковник Упорников. Для командования Кубанской казачьей дивизией был назначен генерал Фостиков»¹.

Первоначально Болгария соглашалась принять 2000 казаков из бригады генерал-лейтенанта Адриана Григорьевича Гусельщикова для службы в пограничной страже, но когда речь заходила о больших количествах людей, то основным условием болгарской стороны становилось требование содержать всех переезжающих, в том числе на службе болгарского правительства, за счет средств Русской армии. По согласованию с Главнокомандующим Шатилов обещал болгарам перечислить через дипломатического представителя Петряева 300 тыс. долларов Североамериканских Соединенных Штатов. О нем русские эмигранты всегда вспоминали тепло: «Наш посланник Петряев не принадлежал к дипломатическому корпусу, а состоял до революции консулом. Но, несмотря на это, он завоевал исключительное положение, как среди дипломатов других стран, так и среди болгарских властей. Человек это был общительный, очень умный и большой».

Часть штаба во главе с генералом Шатиловым и его помощником генерал-лейтенантом Архангельским была направлена Врангелем в Сербию, в местечко Сремски Карловцы. Вскоре Шатилов выехал в Париж, где вместе с военным представителем барона Врангеля Евгением Карловичем Миллером они посетили бывшего посла Временного правительства М.Н. Гирса, члена Русского политического совещания и главу союза послов российского дипломатического

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 88.

корпуса. Будучи масоном высокого градуса посвящения, Гирс не спешил оказать содействие армии Врангеля, так как позиция европейского масонства по этому вопросу была чётко сформирована и не ориентирована на поддержку русских вооружённых формирований в Европе. Армия должна была прекратить своё существование — в этом было умирительное единство московских большевиков и парижских масонов. По ходу беседы генералы поняли, что финансовой помощи ждать не приходится. Михаил Николаевич Гирс в очередной раз повторил им давно известные истины, что трудоустройство чинов армии возможно лишь после полной ликвидации военной организации, сдачи оружия, ссылаясь на мнение французского правительства и других европейских союзников. Собеседник Гирса вспоминал: «В разговорах с ним чувствовалось желание ликвидации военной организации, что, прежде всего, по его понятию, должно было бы облегчить наше расселение»¹.

После Гирса генералы нанесли визит бывшему русскому посланнику во Франции В.А. Маклакову, также не принеший результатов, а затем отправились в штаб французского маршала Фоша. Во время описываемых событий Фошу еще были подчинены все войска, остававшиеся после Великой войны вне территории Франции. Фош отказался официально принять русских военных и поручил встречу человеку с весьма странным для подобной функции статусом «директора центра военных исследований» генералу Максиму Вейгану. «Результат от этого визита все же сказался, и вопрос о сохранении пайка и ликвидации довольствия в лагерях фактически не осуществился», — вспоминал один из участников².

После двух последующих встреч в Париже с бывшими министрами А.В. Кривошеиным и А.И. Гучковым, возлагавшими надежды на возможный успех дальневосточных правителей братьев Меркуловых, Шатилов вернулся на Балканы для решения накопившихся вопросов по перевозу и размещению чинов армии. Один из важных вопросов, который необходимо было решить, состоял в сохране-

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 91.

² Там же. С. 96.

нии принципа единоначалия, позволявшего эффективно управлять уменьшившимися и разрозненными частями бывшей армии в Юго-Восточной Европе. Британские и французские союзники через своих посланников при дворах балканских монархов старались повлиять на их правительства, побуждая тех к дальнейшему распылению рассредоточенных в их государствах русских военных кадров. Никакой опасности для союзников эти воинские подразделения не представляли, и это было продолжением давней борьбы британской дипломатии против усиления русского присутствия в Юго-Восточной Европе. Мемуарист подтверждал: «... англичане же, вероятно по установившейся традиции, не допускали расширения русского влияния на Балканах»¹. Таким образом, в 1921—1922 годах вывоз остатков Русской армии из Галлиполи периодически осложнялся разными бюрократическими рогатками, возникавшими попеременно то в Югославии, то в Болгарии. Болгарское правительство, исправно получающее финансовые взносы от штаба Врангеля в оплату переезда и проживания войск, неожиданно выдвинуло требования о приеме только тех русских частей, «которые имеют полную воинскую организацию и за дисциплинированность которых ручается Главное командование». Собственно говоря, все части Русской армии полностью подпадали под это определение, но требование болгар, прозвучавшее столь категорично, заставило штаб армии заняться бумажной работой, готовя документы по подтверждению благонадежности войск и организационной структуры частей. Сербия, напротив, не выдвигала «странных» требований, так как первая пария врангелевцев была направлена решать назревшие вопросы по расчистке полей после боев 1914—1918 годов, и сбору брошенного имущества и вооружения. Сербия старалась, чтобы приехавшие русские исправно исполняли все, что поручалось им властями, и старались не раздражать их по пустякам. Так, они не препятствовали и ношению русскими военной формы, а устав сербской пограничной стражи не подразумевал особо строгих требований к служившим в ней русским, чья задача помимо несения службы состояла в подготовке сербских пограничников. Русские входили в состав стражи своими ротами (четами. — *При-*

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам... С. 96.

меч. авт.) и иногда более крупными соединениями. В довершение всего, сербские власти разрешили русским офицерам ношение личного оружия. Деньги за пребывание русских военных в Королевстве СХС платились исправно, а вскоре из Парижа генерал Миллер уже доносил Врангелю об ассигновании российским дипломатическим сообществом дополнительно 200 тыс. долларов САСШ и 1 ½ млн франков на обустройство быта русских военных изгнанников.

Штаб Главнокомандующего, состоявший в переписке со своими военными представителями в европейских странах — генералами фон Лампе и Леонтьевым, требовал продолжать изыскивать возможности для дальнейшего приёма остающихся военнослужащих. Вскоре стало известно о решении Чехословакии принять 1000 человек и Венгрии еще 200. Заботу о больных и раненых чинах армии, по рекомендации посла Гирса в Париже, Врангель передал Международному Красному Кресту. Это позволило открыть его отделения и в тех Балканских странах, где находились на излечении раненые солдаты и офицеры Русской армии.

В августе 1921 года Королевство СХС официально уведомило Врангеля о решении принять у себя 3000 человек для проведения «общественных работ» по строительству новых железнодорожных линий. Следом за тем и Болгария подтвердила въездную квоту в 7000 человек. 6000 русских военных прибыли в страну прямо из галлиполийских лагерей, а за ними последовала 1000 казаков с острова Лемнос. С ними прибыл штаб генерала Витковского и штаб Донского корпуса, во главе которого находился генерал-лейтенант Сергей Федорович Абрамов. Кавалерийская дивизия, возглавляемая Иваном Гавриловичем Барбовичем, по прибытии в Югославию в полном составе поступила на службу в пограничную стражу Королевства. Постепенно, к концу сентября 1921 года, согласно плану Врангеля большая часть Русской армии со своими штабами покинула неласковые турецкие берега.

После того как большая часть Русской армии была перевезена в Юго-Восточную Европу и страны Восточной и Центральной Европы, Врангель задумался о выборе страны собственного пребывания. Необходимо было найти наиболее удобную географическую точку, откуда управление рассеянными по Балканским стра-

нам частями армии было бы наиболее эффективным и не требовало существенной реорганизации работы штаба. Окончательный выбор был сделан с учетом всех обстоятельств того времени. Мемуарист писал: «Местом своего постоянного пребывания генерал Врангель наметил Королевство СХС, предполагая выезжать в Болгарию только для посещения войск»¹. Узнав про то, что Главнокомандующий будет жить в Югославии, правительство этой страны поспешило успокоить советского посла. Председатель Скупщины Пашич заявил: «Генерал Врангель будет нашим высоким гостем, но признать его Главнокомандующим мы не можем!»

В ноябре 1921 года по поручению Главнокомандующего, продолжавшего изыскивать средства на армию, генерал Шатилов писал послу Гирсу в Париж, что к концу 1921 года в Болгарии будет сосредоточено 17300 чинов русской армии, а в Королевстве СХС — 9700 человек, к которым добавится еще 2500 с начала нового 1922 года. Увеличение численного состава русских военных на Балканах потребует соответствующих расходов. Кроме того, писал Шатилов, необходимо принять в расчет и то, что вместе с армией в Королевство СХС были перевезены три кадетских корпуса и два женских института, которые удалось устроить на государственную дотацию Королевства. Часть войск, не получившая возможности поступить на государственную службу в странах пребывания, продолжала содержаться штабом Врангеля на средства, некогда ассигнованные из Вашингтона послом Бахметевым, однако и эти деньги оказались почти на исходе. В ответ на это Гирс, ссылаясь на постоянную нехватку средств, предлагал решать вопросы снабжения армии за счет трудоустройства военных на различные работы, что и было впоследствии предложено Главнокомандующим всем чинам армии трудоспособного возраста. Современник писал: «Армия ушла из лагерей с чувством наступающего избавления от моральных невзгод и материальных лишений. Будущее давало надежду на лучшие материальные условия, и состоявшиеся перевозки вносили моральное удовлетворение одер-

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С.110.

жанного успеха в борьбе за свое сохранение. С прибытием в славянские страны части армии, закаленные суровыми испытаниями, вступили в новую фазу жизни и борьбы за свое существование»¹.

И все же сохранение основных черт военной структуры в эмиграции продолжало тревожить советское руководство, пытавшееся через свои связи в европейских масонских кругах нейтрализовать её влияние на балканские правительства и устранить угрозу нового военного похода. Дипломатическому представителю сообщества бывших императорских посланников за границей Гирсу также пока не удавалось экономически воздействовать на Врангеля, заставив того отдать приказ о полном роспуске всех подвластных ему военизированных организаций. В довершение всего Гирс подготовил и передал письмо Главнокомандующему о невозможности постоянного финансирования русских войск под предлогом необходимости сохранения зарубежных материальных ценностей России до появления нового законного правительства.

В обстоятельствах резко ухудшившегося финансового положения особо нестойкие люди в армии решили пойти по пути вынужденного возвращения домой под гарантии советского правительства о прощении бывших участников Гражданской войны на стороне белых, раскаявшихся в своём участии и готовых продолжить мирный труд на родине. С февраля 1921 года остающиеся в галлиполийских лагерях чины армии постепенно стали возвращаться в РСФСР. На одном лишь пароходе «Рашид-паша» в Новороссийск прибыли свыше трех тысяч кубанских и донских казаков. Службы по вопросам репатриации не были готовы к приёму большого количества людей, хотя прибывших приняли и разместили как могли в свободных помещениях для дальнейшей регистрации и выявления степени участия в политической борьбе против большевиков. Советская пропагандистская машина сразу же заработала в полную мощность, передав в распоряжение репатриантов газетные полосы, чтобы вернувшиеся могли в полной мере живописать эмигрантам прелести возвращения в сопоставлении с «ужасами» изгнания.

В марте 1921 года в Советскую Россию прибыла следующая партия «возвращенцев», а затем в апреле — еще одна, которая за

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С.108.

неимением помещений для размещения и «фильтрации» была перенаправлена в Одессу. Третья партия возвратившихся состояла из 3200 солдат и 500 офицеров. Все они были помещены в карантинные помещения и зарегистрированы в ЧК. По имевшимся у советской стороны данным, на очереди в Турции готовился к отправке еще один транспорт с 4000 бывших чинов Русской армии на борту.

Разумеется, среди возвращавшихся были и те, кто заведомо был послан с заданием штаба Русской армии в изгнании, узнать об истинном положении дел в России и при возможности создать очаги антибольшевистского подполья. Осведомленные об этом органы ЧК старались выявлять и противодействовать этим попыткам, получая сведения от собственных осведомителей в стане белых. Когда в начале апреля 1921 года на рейде Новороссийска появился пароход «Кизил-Ермак» с двумя с половиной тысячами репатриантов, Наркомат иностранных дел РСФСР дал радиограмму на корабль об отсутствии условий для приема и размещения возвращавшихся. В ней представители советских внешнеполитических ведомств известили сопредельные государства о закрытии черноморских портов для приема беженцев из Галлиполи. Отсутствие возможности приема объяснялось советскими властями нехваткой продовольствия и медикаментов для прибывающих, мест для размещения, ибо прежние лагеря были временно законсервированы. Не существовало и соответствующих правовых актов, регулирующих статус бывших противников по Гражданской войне. Де-юре они продолжали оставаться военнопленными, и у властей не было повода для их амнистии. Именно этот фактор не позволял даже оформить въездные визы для тех из военных русских эмигрантов, кто добровольно желал возвратиться из-за границы. Официально советские власти объявили амнистию бывшим чинам белых армий лишь в конце года, 3 ноября 1921 года.

Известия об амнистии обеспокоили штаб Врангеля. Ожидалось, что наименее идеологически стойкая часть белых воинов может возвратиться в Россию, сдаваться на милость победителей. Находясь в сильном эмоциональном состоянии, Врангель продиктовал адъютантам письма в адрес глав бывших ввозных армий по Великой войне французских маршалов Фоша, Петена и Жоффра, в которых попросил их оказать воздействие на правительство Фран-

цузской республики для ослабления жесткого режима для оставшихся в Галлиполи русских, чтобы вырвать инициативу из рук большевиков. Но так как окончательный распад Русской армии был по-прежнему в интересах социалистического правительства Франции, маршалы не удостоили Врангеля даже формальной отпиской.

Среди возвращавшихся в РСФСР были отдельные генералы, хотя некоторых из них, не спешивших вернуться, советские власти старались заполучить назад любой ценой. И если не удавалось привлечь их обещаниями прощения и милостей правительства в начале 1920-х годов, их привозили назад уже насильно после Второй мировой войны, и в зависимости от тяжести их «вины» перед советской властью осуждали в соответствии с советским Уголовным кодексом. Так, молодого генерала Сергея Петровича Войцеховского, боевого товарища легендарного генерала Владимира Оскаровича Каппеля, органы советской госбезопасности доставили в Москву из Праги в 1945 году, и до 1951 года он провел в лагере под Тайшетом, где и окончил свои дни, физически сломавшись на непосильных работах. Командующего авиацией в Русской армии генерал-майора Вячеслава Матвеевича Ткачева арестовали в городе Нови Сад в Югославии в конце 1944 года, и СМЕРШ 3-го Украинского фронта переправил его на самолете в СССР. Генерал был осужден на 11 лет лагеря без последующего права проживать в больших городах. Вернулся Ткачев после смерти Сталина и еще десять лет жил и работал в краснодарской артели инвалидов-переплетчиков, даровавших ветхим книгам новую жизнь. Вместе с основной работой Вячеслав Матвеевич писал книгу под названием «Русский сокол», посвященную своему другу капитану Петру Нестерову, известнейшему авиатору Великой войны, первым совершившему воздушный таран германского летчика барона Розенталя. Советский журнал «Кубань» опубликовал в 1962 году отрывки из его будущей книги. Параллельно Ткачев не оставлял работы над своими воспоминаниями под рабочим названием «Крылья России». Они не увидели света ни при жизни их автора, ни в настоящее время, когда возможности для публикации воспоминаний переживают свой Ренессанс. Один из экземпляров этой рукописи хранится и по сей день в отделе Рукописей Российской государственной библиотеки.

Генерал-майор Алексей Георгиевич Рубашкин, бывший командир 4-го Донского казачьего полка 2-й конной дивизии, схваченный СМЕРШ в Югославии в сентябре 1944 года, был осужден на пребывание в лагерях Иркутской области, куда немедленно был отправлен по этапу в 1945 году. По возвращении из дальних мест генерал был направлен на поселение в Красноярский край, с последующим запрещением селиться в крупных городах, так же как и Ткачев. По мере распространения политической «оттепели» по СССР Алексей Георгиевич вернулся к себе, на Дон, где и умер в казачьей столице — Новочеркасске 5 декабря 1966 года.

Глава третья

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ЭМИГРАНТЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ И СЕВЕРЕ АФРИКИ

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока.
Мне совершенно все равно
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма...

М.И. Цветаева

3.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТСКИХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА БАЛКАНАХ

Свидетель русской жизни в изгнании тех лет вспоминал: «Ни одна страна, как правило, не давала нам въездных виз, все двери были перед нами наглухо закрыты, а государственные и законодательные учреждения повсеместно заботились лишь о том, чтобы

где только возможно урезать нас в правах, которыми пользовались граждане всех других стран мира»¹.

Правительства Балканских государств, осведомленные о житейских и финансовых трудностях русской эмиграции, утратившей своё значение в качестве единой вооруженной силы, в ответ на просьбы о помощи рассматривали в парламентах возможности применения низкооплачиваемой рабочей силы на собственных «стройках века». Темы малозатратного труда русских обсуждались на парламентских слушаниях, составив, в конце концов, списки тех непривлекательных задач, которые можно бы было переложить на плечи военных беженцев, и выполнять которые пренебрегало коренное население. Перечень фронта работ был передан в штаб Врангеля. Несмотря на столь выгодную экономику Балканских стран оптимизацию финансовых и человеческих ресурсов в деле строительства дорог, обустройства и эксплуатации угольных шахт, в которые были вовлечены все способные к тяжелому физическому труду чины Русской армии, настроения местного населения были подвержены конъюнктурным колебаниям. По окончании большого проекта прокладки дороги или строительства какого-нибудь важного для экономики местности моста в адрес врангелевцев неслись заверения в «братском единстве славян». В период, когда задачи бывали в основном выполнены и военные эмигранты не вовлекались в разгребание очередных авгиевых конюшен чужой экономики, верх среди местного населения брали чувства сильнейшей ксенофобии и немотивированной агрессии. Свидетель её писал: «...часов в десять утра прибыли в хорватскую столицу Загреб. Тут... братья-хорваты заблаговременно организовали нам теплую встречу: перрон был густо заполнен разношерстным сбродом, который, едва остановился наш поезд, принялся бесноваться вокруг него, с дикой руганью и криками, из которых нам удалось понять лишь то, что мы проклятые белогвардейцы, всю жизнь пившие русскую народную кровь, а теперь приехавшие пить кровь хорватскую. В двери наших теплушек было даже запущено несколько камней...»²

¹ Каратеев М.Д., князь. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977. С. 116.

² Там же. С. 70.

В Болгарии на первых порах пребывания русских частей ситуация была немного иной: «Болгары в массе своей относились к нам доброжелательно, и... мы чувствовали себя как дома»¹, но доброжелательное или по крайней мере нейтральное отношение к русским сохранялось лишь до поры. После расквартирования первых воинских подразделений правительство премьера Стамболийского установило с СССР дипломатические отношения. Представители ОГПУ, работавшие в стране под дипломатическим и консульским прикрытием, перешли в разряд основных советников правительства по взаимоотношениям с белыми эмигрантами. Предложенные ими болгарскому правительству меры по устрашению и запугиванию русских эмигрантов порой граничили в международной практике с тем, что называется «вмешательством во внутренние дела суверенного государства». Отмечавшие это в своих докладах на парламентских слушаниях политические деятели, не разделявшие приверженности правительства Стамболийского к дружбе с большевиками, по рекомендации советских дипломатов были высланы премьером за пределы страны или принуждены скрываться от преследований полиции. Главе государства царю Борису левые парламентские деятели порекомендовали не вмешиваться ни во что, фактически изолировав его от внешнего мира и рекомендовав не покидать пределы двора, дабы не провоцировать «возмущения пролетариата»².

Тридцатитысячная русская армия, расквартированная частями и гарнизонами по всей Болгарии и сохранившая почти все вооружение, кроме артиллерии, обоснованно вызывала опасения у Стам-

¹ Каратеев М.Д., князь. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977. С. 33.

² Царь Борис прославился своим анекдотичным диалогом с премьер-министром. Узнав от посещавших его русских беженцев о судьбе государя Николая II и о крестном пути всего августейшего семейства, на следующий день, принимая главу парламента и делясь с ним леденящей кровью историей ареста, мьгтарств и расстрела в Екатеринбурге, он, между прочим, добавил: «Если вы в один прекрасный день скажете мне, что болгарский народ желает республики, потрудитесь сообщить мне это за завтраком, и к обеду она у вас будет».

болгийского и его кураторов из советского посольства. Посовещавшись, стороны пришли к выводу, что при определенном развитии событий болгарские правые партии смогут легко взять власть у нынешних левых по преимуществу парламентариев, среди которых большинство составляли социалисты и демократы, что, впрочем, и случилось впоследствии. Переворот с участием русских военных произошел, несмотря на то, что в примечании к Договору о приеме войск в Болгарии отмечалось следующее. «...русские части не могут принимать никакого участия во внутренних делах страны или ее внешних недоразумениях, равно как и не могут быть привлекаемы в таких случаях кем бы то ни было»¹.

Отчасти активное участие русского офицерства можно было объяснить резким ухудшением в начале 1920-х годов положения эмигрантов и грубого ущемления их прав. Аресты полицейскими учащихся русских военно-учебных заведений, обыски в занимаемых русскими казармах под надуманными предлогами, и в довершение всего — попустительство террористической деятельности местных левых радикалов. Одним из наиболее масштабных событий на ниве террора против белых стало покушение на жизнь ряда врангелевских генералов, ехавших на совещание начальников армии. Произошло это в апреле 1922 года по пути следования в штаб корпуса Русской армии в городок Велико Тырново. Поезд, на котором ехали генералы Анатолий Владимирович Фок, Петр Никитич Буров, Михаил Михайлович Зинкевич, Владимир Константинович Витковский, Михаил Николаевич Ползиков, Владимир Павлович Баркалов, Михаил Алексеевич Пешня, Николай Владимирович Скоблин, Антон Васильевич Туркул, Федор Эмильевич фон Бредов и полковник Евгений Ильич Христофоров, при подъезде к станции Павликени неожиданно потерпел крушение. Как выяснилось болгарскими следственными органами позже, причиной аварии стали кем-то развинченные рельсы. По счастливой случайности, никто из русских командиров не пострадал. Менее месяца спустя после инцидента на железной дороге, в мае 1922 года, в Софии произошло другое событие, направленное про-

¹ *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963. С. 46—47.

тив иного русского военачальника. Полиция провела обыск в номере гостиницы «Континенталь», где размещался представитель Главного командующего полковник Н.В. Самохвалов, подвергшийся во время обыска побоям полицейских, отправивших сопротивлявшегося в участок. Там же Самохвалов был посажен под арест. Наконец 12 мая 1922 года болгарские власти арестовали генерала Кутепова, предварительно вызвав его в военное министерство Болгарии под предлогом уточнения неких статистических данных. Такая же участь ожидала и генерала Шатилова, приглашенного на беседу к начальнику штаба болгарской армии Топалджикову и в кабинете последнего угодившего под арест. Спустя четыре дня после задержаний три генерала — Кутепов, Шатилов и Вязьмитинов — были выдворены из пределов Болгарии. Акции крайне недружелюбного свойства не утихали ни на месяц. 15 мая 1922 года болгарские военные и жандармские чины оцепили казармы Корниловского полка в селении Горно-Паничерово, а прибывшие следователи начали череду обысков, продолжившихся на русском военном аптечном складе в Тырнове и корпусном лазарете в деревне Арбанас. По всем русским организациям в Болгарии прокатилась волна обысков и арестов, продолжавшаяся все лето 1922 года, а в середине июля болгарские жандармы напали на группу русских юнкеров Сергиевского артиллерийского училища и в столкновении с ними убили одного и ранили четверых. Место военного представителя Главного командующего в Болгарии вместо выдворенного из страны Вязьмитинова занял исполнительный генерал-лейтенант Иван Алексеевич Ронжин. В конце лета 1922 года он докладывал Врангелю, что болгарские чиновники потребовали от русского Главного командования издать приказ о запрещении ношения форменной одежды всеми чинами армии. С согласия Главного командующего Ронжин отказался готовить подобный приказ, а 31 августа 1922 года произошёл новый инцидент, когда встреченные жандармами юнкера Николаевского инженерного училища, возвращавшиеся в казармы в форме, были жестоко ими избиты «за нарушение общественного порядка».

В начале осени 1922 года по необъяснимым на первый взгляд причинам под домашний арест угодил и генерал-лейтенант Влади-

мир Константинович Витковский. Вскоре после этого болгарские власти депортировали генерала, и ему пришлось вынужденно искать пристанища в соседней Сербии. Депортацию Витковского, как выяснилось позже, обусловил один примечательный случай. Незадолго до высылки на его имя пришло письмо от офицера по фамилии Щеглов, про которого Витковскому было доселе известно, что тот был исключен из рядов Русской армии по решению военно-судебных органов за ряд серьезных проступков. В письме Щеглов настаивал на личной встрече с генералом, в которой ему отказано не было. Владимир Константинович неохотно пригласил своего настойчивого корреспондента для встречи в одну из софийских гостиниц, где и проживал. Витковский вспоминал: «На мой вопрос, какое же у него важное дело, Щеглов ответил, что он уполномочен Советской властью предложить мне, как Командующему в настоящее время 1-м Армейским корпусом, перейти вместе со всем Корпусом к ним. При чем Советская власть гарантирует оставление в неприкосновенности всей организации и состава Корпуса, во главе со мною и всеми начальствующими лицами»¹.

Подавив желание выгнать «парламентера», Владимир Константинович стал подробно расспрашивать Щеглова о том, каким образом советской власти удастся распоряжаться настолько свободно в чужой стране, на что тот не без гордости отвечал генералу, что болгарское правительство находится полностью под контролем Москвы. В разговоре Щеглов пошел дальше, сообщив Витковскому для придания значимости собственной персоне, что в советском посольстве в Софии уже имеются подробные документы о попытке русских частей свергнуть законное правительство Болгарии, и что им незамедлительно будет дан ход по дипломатическим каналам, если генерал откажется от сотрудничества с большевиками. Витковский сделал вид, что согласился, попросив Щеглова прибыть к нему на следующий день для ознакомления с его окончательным решением. За это время Владимир Константинович надеялся изыскать технические средства, чтобы зафиксировать речи Щеглова и передать их в болгарское Военное министер-

¹ *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963. С.49.

ство полковнику Николе Топалджикову в качестве избобличающих наличие советского влияния сведений. О своем плане Витковский заранее сообщил ему, но Топалджиков ничего не предпринял, хотя и заверил Витковского, что пришлет офицера (Генерального штаба полковника Радева). Присутствие болгарского офицера было необходимо для того, чтобы вместе с полковником А.А. Зайцовым, назначенным от русской стороны Витковским, весь разговор мог быть услышан представителем болгарской стороны и передан через Военное министерство правительству.

На следующий день, когда Щеглов вновь явился в гостиницу, Витковскому оставалось лишь выразить тому возмущение его предательством и призвать отступника к раскаянию. Осознав, что его дальнейший разговор с Витковским ни к чему не приведет, Щеглов безмолвно ретировался. Впоследствии генерал Витковский сообщил обо всем подробно в донесении Врангелю, включив этот эпизод в повествование о крайне недоброжелательной атмосфере, сложившейся в Болгарии по отношению к Русской армии. Ознакомившись с донесением Витковского, Главнокомандующий дал поручение известному юристу и этнографу профессору Александру Александровичу Башмакову подготовить по имевшимся в его распоряжении избобличительным материалам брошюру. А затем велел перевести ее на французский язык, для издания в качестве иллюстрации подрывной деятельности коммунистического Интернационала в Европе. Брошюра эта была позднее использована представителями русской военной эмиграции в качестве официального отчета о воздвигнутых на военных эмигрантах гонениях болгарских властей. Десятки её экземпляров были переданы русскими военными на встречах с дипломатами европейских стран, в ходе обсуждения возможностей предоставления убежища правительствами этих государств. Брошюра эта увидела свет в 1923 году и сразу же стала библиографической редкостью.

Во второй половине июня 1923 года, ввиду бедственного финансового положения армии, бароном Врангелем было издано распоряжение о направлении военнослужащих на различные работы для организации полного или частичного самообеспечения. Эта отчаянная мера была призвана собрать какие-нибудь деньги для

проживания военных за границей, ибо средства, выделенные бывшим послом в США Бахметьевым, а также то, что удалось собрать уполномоченными Главкомандующего в Европе из других источников, оказались на исходе. Стоимость содержания частей в Балканских странах постепенно становилась для русского командования непосильной. «В таких тяжелых условиях приходилось проводить устройство наших чинов на частные работы, преимущественно на шахты, наибольшая из которых была угольная шахта “Мина Перник” к югу от Софии»¹ — вспоминал генерал Витковский. Как и следовало ожидать, вакансий на изнурительной и опасной для жизни работе в болгарских шахтах было более чем достаточно. Местное население не стремилось поступать на столь малопривлекательные работы, к тому же невысоко оплачиваемые, но для русских военных и такая работа оказалась приемлемой, ибо спасала на какое-то время от преследования местной жандармерии и властей, не рисковавших высылать людей, занятых столь необходимым для небольшой страны трудом. «Нам приходилось довольствоваться только физической работой, да и то преимущественно такой тяжелой и грязной, за которую неохотно брались местные рабочие. И при этом нас еще на каждом шагу упрекали, что мы у кого-то отбираем хлеб»² — вспоминал один из эмигрантов. Тяжкий и беспросветный труд шахтера и строителя дорог вынести мог далеко не каждый, и со временем люди стали искать выходы из столь неблагоприятно сложившихся обстоятельств, пытались выбраться под любым предлогом в страны Западной Европы и порой на другие континенты. Переживший мытарства попыток выбраться из беспросветной мути болгарских «общественных работ» очевидец так описывал создавшееся положение: «Паспорта Лиги Наций, которые нам выдавали, правильнее всего было бы назвать “волчьими”, а не нансеновскими (беженским отделом Лиги Наций заведовал норвежский путешественник Фритьоф Нансен, подписывавший наши паспорта), ибо они фактически об-

¹ Витковский В.К. В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963. С. 63.

² Каратеев М.Д., князь. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977. С. 117.

рекали нас на полную беззащитность и бесправие... Через границы приходилось пробираться нелегально, иной раз с опасностью для жизни (например, через болгарско-сербскую), а о получении какой-нибудь службы мы не могли и мечтать»¹.

3.2. ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЭМИГРАЦИИ НА БАЛКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВКЛАД ГРАЖДАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х

На фоне бедственного положения военных в Болгарии продолжал раскручиваться маховик репрессий, поддерживаемый правительственными чиновниками при полной поддержке органов юстиции. Он был направлен против всех, без исключения, русских военных. В разные сроки были высланы начальник созданного еще в Галлиполи Корниловского военного училища генерал-майор Милан Милошевич Георгиевич вместе со всем преподавательским составом этого учебного заведения. Затем последовал арест и высылка генерал-майора, командира марковцев Михаила Алексеевича Пепни вместе с 12 штаб-офицерами полка. Угрозы и прямые притеснения не миновали и некоторых других офицеров «цветных полков»², как, например, корниловцев, располагавшихся в летних казармах болгарской гвардии в Горно-Паничерово. Их командиру генерал-майору Николаю Владимировичу Скоблину были посланы несколько анонимок с обещаниями скорой расправы. Среди прочего, сообщалось, что накануне праздника солидарности всех трудящихся 1 мая 1923 года он будет убит. Скоблин переживал, но еще большими переживаниями сопровождались его разговоры с женой, известной певицей Надеждой Васильевной Плевицкой, которой не сиделось в Богом забытом

¹ Каратеев М.Д., князь. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977. С. 116—117.

² Цветными» назывались полки Вооруженных сил Юга России и впоследствии Русской армии, имевшие характерные цветовые отличия униформы. Так, корниловцам был присвоен черный и красный цвета, марковцам — черный и белый, алексеевцам — голубой и белый, а дроздовцам — белый и малиновый. — *Примеч. авт.*

болгарском селе, и твердившей генералу о необходимости оставить армию или хотя бы на время переменить место жительства. Надежду Васильевну неудержимо влек блеск европейских столиц, и, следуя устремлениям жены, Скоблин отправился за ней, сопровождать певицу на гастролях, по язвительному замечанию их современника Прянишникова, «подобно верному пажу». Постепенно «в угоду ей стал он пренебрегать своими обязанностями, не раз покидая корниловцев в трудные моменты их бытия. По настоянию жены, отпросился он у командира корпуса (Витковского. — *Примеч. авт.*) в заграничный отпуск»¹, — отмечал наблюдательный мемуарист. Неукротимая жизненная энергия влекла Надежду Васильевну Плевницкую по странам Европы, где она не раз бывала тепло принимаема слушателями и русской аудиторией. Ее деятельный импресарио Жюль Боркон немало потрудился над тем, чтобы череда гастролей певицы позволила пронести ей, подобно яркому метеору, по концертным залам Прибалтики и Польши, Чехословакии, Германии и Бельгии. В берлинском зале имени Бетховена она впервые исполнила ставшую гимном русской эмиграции лирическую песню «Замело тебя снегом, Россия», глубоко взволновавшую душу русских изгнанников. Триумф и заслуженное признание сопровождали ее повсеместно. В театре Виктора Гюго в Ницце, выступая перед аудиторией, среди которой было немало русской аристократии, Надежда Плевницкая впервые исполнила песню о томящемся под коммунистическим игом русском народе. «Патетически произнесенные последние слова песни “и будет Россия опять!” так потрясли слушателей, что несколько дам лишилось чувств. По требованию взволнованной до глубины души публики певица повторила эту песню несколько раз...»² — утверждал очевидец. Генералу Скоблину льстило столь явное признание таланта его супруги. Стараясь поддерживать определенный образ жизни и уровень знакомств, семейная пара сошлась близко с довольно состоятельным берлинским дельцом Марком Эйтингоном и его женой, бывшей московской актрисой. Эйтингоны, не жалевшие денег и сил для того,

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004. С. 62.

² Там же. С. 63.

чтобы поддержать приятельство с Плевицкой, скоро стали их близкими друзьями, стараясь проводить время вместе со знаменитостью и ее мужем. Своим новым друзьям они оказывали необременительную для них помощь и разнообразные мелкие услуги. Они не только иной раз поддерживали советом малоопытных эмигрантов, каковыми являлись Плевицкая и ее муж-генерал, но и представили их кругу состоятельных людей в Германии. Скоблина, а более него Надежду Плевицкую радовала эта неожиданно свалившаяся на них возможность «зажить по-человечески». После бытовых неудобств и тревоги за свое будущее в повседневности своей недавней болгарской жизни Скоблин на время утратил чувство бдительности и не задумался о причинах столь преувеличенного внимания не только к жене, что было объяснимо ее популярностью, но и к собственной персоне. Ведь в «светской жизни», по общим наблюдениям, Скоблин мог играть роль лишь приложения к яркой личности супруги. Разумеется, первоначально генерал не мог знать, что один из родственников нового берлинского знакомца, проживающий в СССР, Наум Эйтингон, является одним из руководителей агентурной сети ИНО ОГПУ за границей. Эта сеть не была связана в своей деятельности с официальными представителями советских организаций и миссией за рубежом и оставалась глубоко законспирированной. Вдохновитель политических убийств, интеллектуальный центр многих акций физического устранения неудобных для советской власти фигур Белого движения за рубежом, Эйтингон уже давно искал выходы на руководство Русской армии для создания нового агентурного источника на самом высоком уровне. «Семья Эйтингонов принадлежала к самым бедным слоям общества, однако в Европе у них были весьма состоятельные родственники»¹, — подтвердил в своих мемуарах и «штатный ликвидатор» ОГПУ Павел Анатольевич Судоплатов. Возможно, что родственники, разделенные «железным занавесом» и придерживались разнообразных жизненных ценностей, но когда интересы дела части одной семьи требовали помощи, таковая оказывалась им другой без промедления.

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гей», 1996. С. 39.

В 1920-е годы в лице Скоблина ИНО ОГПУ обрело прекрасную возможность получить не только доверенного информатора, но и инструмент прямого воздействия на процессы руководства РОВС. В случае необходимости Скоблина можно было использовать и чтобы посеять в руководстве РОВС раскол и смуту, расшатав основу этой организации до той степени, что она перестанет быть опасна для большевиков своим единством мысли и действия и подчинится их контролю. Без сомнений, берлинскому родственнику Эйттингона был вовремя дан сигнал со стороны «железного занавеса» укреплять это как нельзя кстати возникшее знакомство всеми силами. Находясь под впечатлением новой для себя жизни, Скоблин даже не вернулся из отпуска к своему полку в срок, за что получил строгий выговор командования по своему прибытию в полк. Но что ему было за дело до выговора, когда обстоятельства столь неожиданным образом сложились для него благоприятно? Так или иначе, пребывание русских частей в Болгарии оставалось делом времени, а там его ждали манящий Париж и жизнь в полную силу. Положение русских военных казалось как никогда затруднительным, и вопрос об оставлении Болгарии уже рассматривался Главкомандующим как подлежащий незамедлительному решению.

Проблема притеснения Русской армии в Болгарии была устранена произошедшими в ночь с 8 на 9 июня 1923 года событиями. В стране произошел переворот, организованный и проведенный несколькими национальными организациями, включая членов болгарского офицерского союза под названием «Военная лига». В результате энергичных действий повстанцев премьер-министр Александр Стамболийский и несколько его министров были арестованы, а к власти пришло новое правительство профессора Александра Цанкова. Указом нового болгарского правительства прокоммунистические министры были расстреляны, а сам Стамболийский жестоко убит крестьянами-односельчанами. Узнав про свершившееся возмездие, Врангель направил профессору Цанкову запрос о возможности возвращения высланных ранее из Болгарии начальствующих лиц армии в расположение своих частей, на что получил положительную резолюцию нового главы болгарского правительства. К этому времени поправившийся после болезни генерал Кутепов по его прибытии в Сербию

был назначен в распоряжение великого князя Николая Николаевича, перестав числиться командиром 1-го армейского корпуса. Командование им было передано в ведение генерала Витковского. Он прибыл в Софию уже в конце июля 1923 года, где вплотную приступил к формированию штаба корпуса и выстраиванию отношений с новой болгарской властью и через два года переехал во Францию, сдав 1-й армейский корпус Генерального штаба генерал-майору Зинкевичу. Между тем в Болгарии новый министр внутренних дел Болгарии генерал Русев, оказавший любезный прием Витковскому сразу после переворота, сообщил ему, что главной причиной их встречи является намерение нового правительства использовать русские формирования в борьбе с очагами коммунистических восстаний, вспыхивавших повсеместно. Не имея достаточно подготовленных для решения этой задачи военных сил и средств, болгары начали борьбу с введением на территории страны комендантского часа, при котором передвижение по городам после 20 часов и до утра прекращалось. С конца сентября 1923 года в Болгарском царстве были введены военно-полевые суды, был объявлен призыв лиц, числящихся в запасе в вооруженные силы, и прекращен прием частных телеграмм. Эти меры в немалой степени способствовали восстановлению порядка в стране, а участие отдельных частей Русской армии в рассеянии восставших надолго заставило затаиться и замолчать коммунистическую оппозицию в Болгарии.

Генералу Кутепову, вступившему в должность во Франции, новая работа давалась непросто. «Некоторые его невзлюбили за то, что он пользовался доверием и вниманием великого князя. Против него велись интриги, но Александр Павлович оставался к этим недоброжелателям таким, каким он был с ним раньше... В докладах он был всегда правдив и чистосердечен, свои мысли стойко отстаивал, приводя всегда подтверждения, на основании которых он делал свои выводы. Признавал он, конечно, и чужое мнение, если правильность его была ясно и доказательно формулирована»¹, — утверждал симпатизировавший Кутепову мемуарист.

¹ *Сталь фон Гольштейн А.И., барон // Сборник «Генерал Кутепов».* Под редакцией поручика М.А. Критского. Париж, 1933. С. 293.

Кутепов отдался новому делу всей душой и всегда был готов оказать всевозможную помощь великому князю, занявшись среди прочего организацией личной охраны Николая Николаевича. Одним из первых шагов Кутепова на новом поприще стало усиление охраны великого князя, состоявшей ранее лишь из назначенного французским правительством полицейского агента для наружной безопасности и казачьего конвоя, нанятого канцелярией великого князя для охраны внутренних покоев. К ним Кутепов прибавил охрану из офицеров-марковцев, отобрав кандидатов по принципу личной совместимости и сплоченности в рамках службы в части. Набранные Кутеповым офицеры были артиллеристами, прошли галлиполийские лагеря, познали тяготы военных походов, не утратили силу духа и были физически закаленными. Организация охраны великого князя осуществлялась на основе личных распоряжений Кутепова, а дежурство было устроено так, чтобы круглые сутки несколько человек находилось в великокняжеских помещениях. Охранники вели учет посетителей, проверяли комнаты и залы, где находился охраняемый ими объект, и отмечали любых подозрительных личностей, появлявшихся в радиусе ста метров, проверяли ежедневно доставляемую в здание корреспонденцию. Кутепов нередко приезжал с проверками днем или ночью в дом, где проживал великий князь Николай Николаевич, и проводил обсуждение происшествий за день в специально оборудованном помещении охраны. Все находившиеся при особе его высочества офицеры получали от него содержание и были лично известны. Каждое воскресенье и в праздничные дни охранники, не находившиеся в наряде, приглашались к обедне или в домовую церковь великого князя или к нему на завтрак. Система обеспечения великокняжеской охраны последовательно просуществовала в парижском пригороде Шуаньи и в приморском поместье на вилле Т. Николая Николаевича в Кап д'Антиб с 10 декабря 1924 года по 23 декабря 1928 года, до той поры, когда великого князя не стало. Кутепов прибыл в Антиб 5 января 1929 года, в день, когда проживавший у своего брата великого князя Петра Николаевича, скорострительно скончался Николай Николаевич. Там же, на южном берегу Франции, Кутепов участвовал в траурной церемонии погребения его высочества в крипте храма во имя Архи-

стратига Михаила в Каннах. После кончины великого князя Александр Павлович Кутепов обратился к представителям эмиграции и русскому военному зарубежью с предложением о пожертвованиях на сооружение мемориальной доски в честь покойного великого князя. На одной стороне мемориальной доски, на ее серебряной половине, были выгравированы, по издавна установленному уставу, списки полков и названия воинских частей, принимавших участие в пожертвованиях на ее сооружение, а на другой стороне — серебряный венок, перевитый георгиевской лентой, сделанной из эмали. В центре этого венка помещена надпись: «Верховному Главнокомандующему Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Николаевичу Русское Зарубежное Воинство 23 декабря 1928 года — 5 января 1929 года».

«Особенно трудно было генералу Кутепову первое время после кончины его императорского высочества. Некоторые не хотели считаться с его назначением заместителем великого князя, но благодаря своему такту и выдержке характера он сумел привлечь симпатии громадного большинства на свою сторону и энергично повел далее трудное и сложное дело»¹, — вспоминали современники о последних годах активной деятельности Кутепова.

В конце 1923 года барон Врангель в который раз убедился в нежизнеспособности идеи сохранения армии в отсутствие источника ее финансирования и в беседах с командирами полков рекомендовал направлять здоровых солдат и офицеров на работы в разные страны Европы для организации самофинансирования военных в Сербии и Болгарии. Наличие постоянной работы позволило бы воинским чинам не только выживать, как это было в Болгарии, но и достойно зарабатывать себе на жизнь, как это случалось в европейских странах с более развитой экономикой. Потребность в квалифицированной рабочей силе в тот момент существовала на некоторых промышленных предприятиях Бельгии и Франции, где вследствие недавней Великой войны и убыли мужского населения образовался дефицит рабочих рук.

¹ *Сталь фон Гольштейн А.И., барон // Сборник «Генерал Кутепов».* Под редакцией поручика М.А. Критского. Париж, 1933. С. 293.

Весной 1924 года направление людей на работы из Болгарии и Сербии в Западную Европу приняло системный характер. Дальнейшая миграция русских людей в Европе продолжилась. Штаб Врангеля докладывал Главнокомандующему о продолжающемся дроблении русских сил, практически утративших военное значение и, как следствие, не представляющих собой отныне единой армии.

1 сентября 1924 года генерал Врангель объявил приказ по русским частям № 35 — «Об образовании Русского Общевоинского союза», куда включались все существующие в зарубежье воинские союзы и общества белых армий в изгнании во всех странах мира, включая и те военные организации, которые желали бы присоединиться к РОВС. Внутренняя жизнь, регламентируемая уставами объединившихся обществ, сохранялась в силе, а в административном плане РОВС разделялся на отделы, а они, в свою очередь, — на отделения. В этой идее Врангеля содержалась важная идея формального объединения всех верных России людей для противостояния поработившему страну большевизму.

16 ноября 1924 года великий князь Николай Николаевич принял на себя Верховное командование Русским Зарубежным воинством. Это событие, носившее скорее символический характер, рассматривалось в эмиграции, как появление формального вождя Белого воинства, призванного повести его в новый поход на большевиков. Выбор, павший на фигуру великого князя, был обусловлен утратой большинства эмигрантов веры за границей во многих лидеров Гражданской войны. Некоторые генералы, прошедшие со своими частями по огненным дорогам войны с большевиками, в эмиграции оказались совершенно непопулярны. С большинством из них офицерство, да и солдаты, уже не связывали успех будущих сражений. На контрасте с ними великий князь, известный русским как первый Главнокомандующий Великой войны, сохранял ореол успешного полководца. Теперь ему предстояло стать центром притяжения всех русских сил, объединявшихся для новых военных походов, а обстановка в Юго-Восточной Европе как нельзя лучше сопутствовала этим планам. После того как в Болгарии к середине 1920-х годов русскими военными было построено большинство шоссейных дорог и проделаны трудоемкие инженерные работы по благоустрой-

ству транспортной и горной отраслей страны, руководство РОВС пришло к выводу о необходимости перевода своих членов в другие, более благоприятные для проживания и работы условия. Некоторые из частей начали организованно перебираться из Болгарии в другие, соседние страны, включая Королевство СХС.

Там силами кубанских казаков проводились работы по сооружению шоссе Карбовац — Васильград протяженностью в 40 километров по прямой линии, проходившее в том числе и по горной местности, через перевалы Босан — Кобыла, где высота достигала 1950 метров над уровнем моря. Прибывавшие из Болгарии русские военные включались в строительство железной дороги на участке Ниш — Княжевац, где условия гористой местности требовали прокладки многочисленных туннелей. Помимо этого, русскими проводились работы по благоустройству лесных дорог в районе Чуприя — Сенький Рудник, строились казармы в городке Васильграде. Силами приехавших и проживавших в Сербии с момента прибытия из Галипполи русских военных инженеров были возведены и запущены в эксплуатацию ремонтные мастерские в Нише. Примечательно было и то, что, по утверждению участников этой масштабной трудовой эпопеи, «сплоченность частей и крепость духа сохранились прежние, несмотря на исключительные для всякой военной организации условия их существования... Блестящий внешний вид, сознательное отношение каждого к положению армии и твердое убеждение в необходимости полного единения были выявлены в полной мере»¹.

Высокий моральный дух Русской армии не раз отмечался обозревателями и по другую сторону «железного занавеса». В июле 1921 года в своем выступлении на III съезде Коммунистического интернационала Ленин заявлял о том, что «...образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех контрреволюционных партий... Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты... Эти люди делают все возможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы напасть на Советскую

¹ Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 115.

Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции...»¹ Мысли, высказанные большевистским вождем в этой речи на съезде, во многом определили стратегию ОГПУ в отношении русской военной эмиграции на многие десятилетия вперед. Отныне русская армия и военная эмиграция становились объектом пристального внимания и изучения ОГПУ—НКВД и МГБ—КГБ. В сводках о положении армии на Балканах в 1922 году, направляемых руководством ГПУ в Политбюро, информаторы высказывали тревогу, преувеличивая истинные возможности раздробленной и поредевшей русской вооруженной силы за границей: «... намечается проникновение в Россию трех групп: группа Врангеля, группа войск “Спасение Родины”, группа под командованием Краснова. Все три группы будут объединены одним командованием... Наступление предполагается вести в двух главных направлениях — на Петербург и Москву и на второстепенном <направлении> — на Киев. С юга операцию должны обеспечивать десанты...»²

В других сообщениях советскими агентами отмечалось поступление в русские части в январе 1922 года 5 тысяч винтовок, 800 тысяч патронов, 800 сабель, 30 пулеметов и 42 автомобилей. В дополнение к этому ИНО ОГПУ, осведомленное через агентов в европейских странах, сообщал, что «...бельгийское правительство в силу заключенного договора обязывается доставить Врангелю снаряжение, обмундирование и вооружение на 50 тысяч бойцов. Все материалы будут доставлены в порт Констанцу, где будут приниматься врангелевцами»³.

За всеми этими сообщениями следовали резюме руководителей ИНО ОГПУ о сосредоточении белогвардейских сил для вооруженного вторжения в подсоветскую Россию. Все более очевидной для большевистского руководства стала и духовная поддержка этих

¹ Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002. С.132.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 126.

начинаний со стороны православной церкви за границей. Благословение¹ похода против коммунизма духовных пастырей Русской армии заставляло задумываться о мировом общественном резонансе и уязвимости собственной идеологической позиции. Базирующаяся на шатком атеистическом фундаменте, она не легко находила многих последователей даже в проникнутых духом апостасии европейских правительствах начала 1920—1930-х годов

21 ноября 1921 года в Сремских Карловцах состоялся первый Заграничный русский церковный собор, призванный объединить, урегулировать и оживить церковную деятельность. Собравшиеся на нём иерархи признали над собой архипастырскую власть патриарха Московского Тихона. Почетным председателем Собора был избран патриарх Сербский Димитрий. Почетными гостями Собора стали председатель югославской Скупщины Никола Пашич и Главнокомандующий Русской армией барон Врангель, а его непосредственными участниками — известные общественные, военные и политические деятели. Среди них: профессор В.И. Вернадский, князь Г.Н. Трубецкой, генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, профессора богослов А.В. Карташев, филолог-славист А.Л. Погодин, философ и социолог П.И. Новгородцев. Архиепископом Анастасием (Грибановским) было предложено установление молений за всех погибших за Веру, Царя и Отчество, начиная с царя-мученика Николая II и замученных большевиками в ходе Гражданской войны святителей. В своей речи владыка Анастасий разъяснил принципиальную позицию Зарубежного епископата по отношению к установившемуся большевистскому режиму в России: «Некоторые склонны идти на перемирие с большевиками или по мягкосердию, или из-за карьеры, но мы должны решительно сказать: нон поссимус (не можем). Никто из нас не имеет права переступить порог советский для союза, ибо это уже не союз, а вражда против Бога. Мы должны противодействовать этому соблазну»².

¹ Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. С. 126.

² Например, «Архипастырское послание ко всем православным русским людям в Подъяремной России и в зарубежье» владыки Антония

Заграничный церковный собор выступил с обращением к международному сообществу, прося о выступлении в защиту Церкви и русского народа. В обращении Собора содержались обличения «перед лицом всего мира» преступности кровавого коммунизма и его вождей. В нем, в частности, говорилось об узурпаторском захвате власти и бессовестном и бесчестном разрушении всех государственных, общественных и семейных устоев России, разбазаривании всех ее достояний и богатства, поднятии жестокого гонения на Церковь... и глумлении беспощадно над величайшими Ее Святынями, залившим потоками русской крови все города, села и станицы...»¹

Выступления архиереев и сформулированная их общая позиция вызвали резкую реакцию в советском правительстве, внимательно прислушивавшемся к происходящему за тысячи километров на Церковном соборе. Особенную досаду большевистских полпредов вызывал фон, на котором мировая общественность ознакомилась с призывами зарубежья. Именно в тот период в Европе начались переговоры большевиков по установлению дипломатических и торговых отношений с рядом стран. Для того чтобы каким-то образом сгладить отрицательные эмоции за столом переговоров, у Святейшего Патриарха Тихона, ставшего заложником советской власти, было потребовано осудить обращения зарубежного Собора.

5 мая 1922 года, вследствие сильнейшего давления, им был вынужденно подписан указ о закрытии Высшего церковного управления за границей, лишивший этот орган и его обращения легитимности. Указ патриарха с дипломатическими курьерами был переправлен за границу, с наказом представителям на местах довести его всеми возможными способами до сведения европейских правительств.

Жизнь патриарха Тихона в Москве являлась фактическим заключением под домашний арест, делая его заложником власти. Исследователь отмечал: «6/19 мая 1922 года патриарх Тихон был

(Храповицкого) о вооруженной борьбе с большевиками в книге архиепископа Никона (Рклицкого) «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого». Том X, Нью-Йорк, 1962.

¹ *Соллогуб А.А., граф.* Русская православная церковь за границей 1918—1968. Нью-Йорк: издательство Русской Духовной миссии, 1968. С. 35.

увезен из Троицкого подворья чекистами в Донской монастырь и помещен под арестом в небольшом двухэтажном домике... Ему было запрещено посещать монастырские храмы, принимать посетителей, выходить из комнат. Лишь раз в сутки, в 12 дня, “заключенного Белавина” выпускали на прогулку, на площадку в крепостной стене, откуда он благословлял пришедших и приехавших к нему со всей России богомольцев. И днем и ночью Святейший <патриарх> находился под охраной чекистов и красноармейцев. Охранники сетовали: “Всем был бы хорош старик, только вот молится долго по ночам — не задремлешь с ним”»¹.

Отношение к патриарху со стороны рядовых красноармейцев было нейтральным и беззлобным. Работники ОГПУ по долгу службы и чтобы подавить невольное чувство уважения, которое вызывал этот арестованный и отрезанный от своей паствы и остального мира человек, пытались бодрить себя развязанным тоном в отношении святителя, заглушая в себе остатки совести: «— Алеша (Рыбкин, заместитель начальника оперативного отдела ГПУ. — *Примеч. авт.*), как его называть? Гражданин патриарх? Товарищ Тихон? Ваше Преосвященство? Алеша пожал плечами: — Черт его знает... — В этот момент вошел Старец. Алеша слегка хлопнул его по плечу. — Как жизнь... сеньор? Патриарх улыбнулся, поздоровался и стал излагать какую-то очередную просьбу...»²

Томительное пребывание в узилище делалось для патриарха всё более тягостным день ото дня. Вынужденный созерцать разрешение церковной жизни и аресты иерархов без надежды, что его личное вмешательство сможет изменить их судьбы, патриарх вместе с тем наблюдал безрадостную картину общего упадка духовности в народе, вольное или невольное обнищание русской духовной культуры. Этому сопутствовали усилия литераторов и бывших властителей дум, соревновавшихся друг с другом в кощун-

¹ Соллогуб А.А., *граф*. Русская православная церковь за границей 1918—1968. Нью-Йорк: издательство Русской Духовной миссии, 1968. С. 35.

² *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. В серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 227.

ственных литературных экспериментах: «Чай мы пили из самовара, вскипавшего на Николае-угоднике, — похвалялся поэт Мариенгоф. — Не было у нас угля, не было лучины — пришлось нащипать старую икону, что смирнехонько висела в углу комнаты»¹.

За границу о происходящем доходили лишь слухи и редкие устные свидетельства бежавших, не дающие полной картины положения патриарха и обстоятельств, побудивших его к упразднению Высшего церковного управления в зарубежье.

Следуя каноническому завету, что «послушание паче поста», Архиерейский Заграничный Собор 13 сентября 1922 года постановил о его упразднении с тем, чтобы вместо него был образован Священный Архиерейский Синод православной церкви за границей. Каноничность провозглашенного церковного органа не вызывала возражений ни у епископата в России (митрополита Петра и позже у митрополита Сергия. — *Примеч. авт.*), ни у Святейшего Патриарха.

Патриарх Тихон, отказавшийся от «лестного» предложения ОГПУ носить титул «Патриарха всего Союза Советских Социалистических Республик», скончался при весьма странных обстоятельствах, возможно, будучи отравленным быстродействующим ядом, который был введен ему под видом обезболивающей инъекции. Вот что писал об этих обстоятельствах современный жизнеописатель патриарха: «25 марта/7 апреля, в день Благовещения... патриарх Тихон прослушал всю праздничную службу, прочитанную его келейником, посетовал навестившим его духовным детям о своем недомогании из-за вырванного накануне зуба... и согласился для улучшения самочувствия на укол морфия. К вечеру Святейший стал волноваться, глядя на свои ногти — они почернели, вздохнул: “Скоро наступит ночь, темная и длинная”. Все спрашивал, который час. Последний раз спросил в 23:45... Ночь наступила. Длинная и темная для всей Русской Церкви»².

Два года спустя, в связи с обнародованной Декларацией митрополита Сергия и всеми последовавшими за ней дальнейшими со-

¹ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. В серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 230.

² Там же. С. 230.

бытиями — протестами и прекращением общения ряда известных иерархов и их епархий и прельщениями в их отношении митрополита Сергия, Собором Русских Архидиаконов было постановлено прекратить административные сношения с московской церковной властью. Решение это было принято ввиду невозможности нормальных связей из-за порабощения церкви на территории России безбожной светской властью, лишившей ее свободы в собственных волеизъявлениях и ограничившей свободу канонического управления церковными делами.

В самой России, сразу после обнародования декларации перешедшего на сторону безбожной власти митрополита, ревнители истинной церкви ушли «в катакомбы», канонически отделив себя от официально признанной большевиками власти местоблюстителя Сергия. Заграничная часть Русской церкви продолжала считать себя неотъемлемой частью Великой Русской церкви, вынужденно отделяясь от нее, но не считая себя автокефальной, и прекратив притом все взаимоотношения с той частью духовенства в России и зарубежье, которая выбрала для себя путь «сосуществования» с советской властью. Зарубежная часть православной церкви надеялась на то что, осененная путеводной Курской Коренной иконой Божьей Матери и вся пребывающая под её омофором паства выйдет из трудного духовного тупика, в который вогнал её церковный раскол конца 1920-х годов. Историю обретения чудотворного образа и духовной святыни русской эмиграции поведал архиепископ Брюссельский и Западноевропейский Серафим (Лукьянов). Архипастырь вспоминал: «Вскоре после взятия Курска по приказанию генерала Кутепова начато было официальное расследование большевистских зверств и злодеяний. Прежде всего, подвергли осмотру бывшее здание Дворянского собрания, где помещалась страшная Чека. И в чекистской помойке, куда посторонним, конечно, решительно не было никакого доступа, были найдены... два чехла, расшитые золотом... которые были на Чудотворной иконе и ее списке в день похищения».

В конце октября 1919 года Вооруженные силы Юга России отступили из Курска, увозя Чудотворную икону от безбожников. 12 иноков монастыря Знамени Пресвятой Богородицы перенесли

ее в Белгород, потом повезли вместе с отступающей армией на юг, попеременно останавливаясь в Таганроге, Екатеринодаре, Новороссийске. Почетный председатель Высшего церковного управления на Юге России митрополит Антоний (Храповицкий) благословил вывезти Курскую Коренную за пределы России.

1 марта 1920 года епископ Феофан Курский на пароходе «Святой Николай» привез икону в древнюю столицу Сербии город Ниш. Четыре месяца затем икона пробыла в сербском местечке Земун, а в сентябре 1920 года генерал П.Н. Врангель попросил доставить Чудотворный образ в белый Крым его Русской армии, сражающейся с большевиками на последних пядях свободной земли Отечества. Там Курская Коренная икона Богоматери светила воинам до 29 октября 1920 года, когда ровно через год после оставления иконой родного Курска образ окончательно покинул Россию с врангелевской эвакуацией.

Как уже было упомянуто нами, духовенство, разделявшее судьбу армии на Балканах, первоначально оказалось в благоприятной среде. «Король-рыцарь» Александр и королева Мария благоволили участвовать в заботах русских клириков и всячески стремились поддержать открытие новых приходов на территории Сербии, оказывая в этих начинаниях посильную помощь.

Православные пастыри за рубежом, где это было уместно, сосредоточили усилия на законоучении в программах русских учебных заведений, не забывая, разумеется, все те обязанности, которые накладывал на них суточный богослужебный цикл.

Как и в прежней России, в югославских землях военно-учебные заведения, преобладавшие с начала 1920-х годов в Балканских странах, включали в свою обязательную программу Закон Божий. На территории одной лишь Болгарии было размещено восемь военных училищ, выпустивших с 1921 по 1923 год около двух тысяч юнкеров. Сравнительно невысокая плата и доступные учебные программы, позволявшие учащимся получить не только военное, но и законченное среднее образование, поддерживали постоянный приток молодых людей, желающих поступить на учебу. Сложнее обстояло дело с финансированием обучения в этих заведениях, и практически невозможно было использовать на практике получен-

ные знания по специальности. Через год-другой после открытия военных училищ в Болгарии и Сербии Врангель подписал указ о последнем производстве в офицеры во всех военных училищах 1 сентября 1923 года.

Чуть дальше в Болгарии просуществовала основанная еще в Галлиполи гимназия. Ее посещало 150 гимназистов, главным образом дети военной эмиграции и сироты, потерявшие родителей в ходе войны и вынужденного пребывания армии за границей. Для детей-сирот, проживавших в Варне, на средства командования сохранился интернат на 60 человек.

На сербской территории существовало несколько кадетских корпусов — Крымский, продержавшийся до 1929 года, Донской, работавший до 1932 года, и 1-й Русский кадетский корпус, последний выпуск кадетов которого пришелся на 1945 год. Производство в офицеры для юнкеров военных училищ, не гарантировало трудоустройства, и многие из выпускников еще подолгу оставались в Болгарии, кормясь непостоянными заработками, на самых тяжелых работах. Многих удерживало и наличие собственных казарм, где после изнурительного трудового дня недавние «батраки» вновь чувствовали себя офицерами. Сочетание этих двух образов, мало сопоставимых в нормальной жизни друг с другом, было нестерпимо для большинства из них, и постепенно некоторые офицеры стали задумываться о выходе из этого тупика и устройстве жизни на более прочных основаниях. Конечно, возможность устройства жизни на лучших условиях и надежда на получение высшего образования заставляла многих молодых обер-офицеров ехать в Чехословакию — единственную европейскую страну, кроме Бельгии, где людям с «нансеновскими» паспортами возможно было поступить в старинный Карлов университет и получать стипендию.

С начала 1923 года отъезд молодых офицеров — вчерашних юнкеров — из Болгарии приобрел постоянный характер. Пики и спады волн отъезжающих офицеров и солдат, казаков и чиновников военного и гражданских ведомств, связавших свои судьбы с армией, были обусловлены в основном финансовыми возможностями того или иного человека купить себе билет на поезд и оплатить консульский сбор за визу. В письмах уехавших, адресованных тем, кто еще оста-

вался на болгарской и сербской земле, расписывались преимущества студенческой жизни в Центральной Европе, и тех, кто колебался, звали следовать примеру преуспевших. А в конце 1925 года началась оживленная переписка уехавших с теми, кто продолжал работать в Болгарии, заставив часть молодежи покинуть страну и отправиться испытывать судьбу в других странах — Чехословакии и Бельгии.

Подобное происходило и с чинами командного состава, когда устройством собственных судеб всерьез озаботились седые полковники и генералы, каждый на свой вкус и возможности.

Можно сказать, что более других по части приятных путешествий «повезло» генералу Скоблину. Вкусив прелестей западноевропейской жизни и точимый жалобами жены на скуку, в мае 1924 года Николай Владимирович подал рапорт по команде о необходимости отъезда из Болгарии «на лечение» за границу. С разрешения командира корпуса, генерала Витковского, Скоблин расстался с корниловцами на неопределенный срок. Вместе с повеселевшей женой выехал во Францию, где ее ожидал шумный успех после совместного выступления с известным в эмиграции квартетом Кедровых в парижском зале Гаво. Снова началась богемная жизнь этой пары, замелькали в их жизни имена знаменитостей, престижные сцены и утонченные рестораны. Жизнь четы снова потекла чередой веселых, ярких дней... На сопровождавшего супругу генерала невольно ложился легкий отблеск ее славы. Встречи с литературной и музыкальной элитой зарубежной России, и даже с лицами Императорского дома, и не снились прапорщику Скоблину в его прежней жизни, которая могла многократно оборваться на полях Великой и Гражданской войн. И вот в Париже, блиставшем даже после экономического спада, он оказался рядом с теми, о ком и не мечтал. «Когда в артистическую <комнату> вошла великая княгиня Ксения Александровна, сестра императора Николая II, Плевицкая, соблюдая придворный этикет, умело и тактично представила ей своего нового мужа»¹.

После парижских гастролей путь Скоблиных лежал в Америку, где в Нью-Йорке Плевицкая согласилась петь на благотворитель-

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004. С. 64.

ном концерте, устроенном в помощь советским беспризорникам. В Америке многие эмигранты удивились, прочитав анонс в сочувствующей большевикам газете «Русский голос», приглашавший всех сочувствующих беспризорникам Советской России посетить концерт «рабоче-крестьянской певицы». В ответ на изумленные реплики представителей русской эмиграции Надежда Плевицкая сообщила во всеуслышание, что она артистка и поет для всех, оставаясь при этом вне политики. Отчасти это было правдой, но главным мотивом мнимого безразличия к политическим вопросам были, конечно же, те гонорары, которые певица получала за свои выступления. Впрочем, и для многих непредвзято относящихся к Плевицкой современников показалось странным, что жена белого генерала, состоящего на действительной службе в 1-м армейском корпусе, испытывающего в эмиграции невероятные тяготы в Болгарии, выступает в Америке перед «красной аудиторией».

Вернувшись осенью 1925 года в Париж из Америки, Надежда Васильевна Плевицкая была приглашена в Собрание галлиполийцев на вечер, проходивший под покровительством великой княгини Анастасии Николаевны, супруги великого князя Николая Николаевича, где певица блистала в созвездии других знаменитостей — балерины Ольги Преображенской, актеров Ивана Мозжухина и струнного квартета Кедровых. А в конце года генерал и его жена снова понеслись за океан, как будто бы Скоблина и не ждали насущные полковые дела и оставленные без командира корниловцы.

Прошло еще полтора года, пока 9 февраля 1927 года барон Врангель, разгневанный слухами о выступлениях Плевицкой перед большевистской аудиторией и поведением Скоблина, разъезжавшего с супругой по ее гастролям и редко показывающегося на месте службы в Болгарии, издал приказ, освобождающий генерала от командования Корниловским полком.

Известие об этом порадовало и огорчило Скоблина одновременно. С одной стороны, для живущего на доходы жены генерала потеря не столь хлебного места была не в тягость, однако после беседы с Марком Эйтингоном, которому он поведал историю своего отрешения от командования, Скоблин вдруг стал яростно

добиваться восстановления своего status quo в РОВСе. Для достижения цели Скоблин даже посетил Кутепова, прося его о содействии в восстановлении, апеллировав к чувству солидарности бывших командиров корниловцев. Скоблин даже просил Кутепова повлиять на барона Врангеля отменить этот приказ, оправдывая вынужденные переезды с женой отсутствием постоянной работы и необходимостью помогать жене и морально поддерживать её. Это походило на правду. Современник бесстрастно констатировал: «В отличие от остальных генералов РОВС, Скоблин никогда и нигде не работал. Стал он тенью своей властной и смекалистой жены, на девять лет его старше. Муж по положению, был он чем-то вроде ее секретаря. Исполнял все ее капризы и требования, слушался ее как сурового, не терпящего возражений старшего начальника. Иной раз Плевицкая прикидывалась, будто глава в доме не она, а Скоблин. Но знавшие о его подчиненном положении парижские остряки прозвали Скоблина “генералом Плевицким”»¹.

Сторонним наблюдателям и сослуживцам по Корниловскому полку казалось, что Скоблин тяготился зависимым положением, мечтая о самостоятельном заработке и хотя бы относительной независимости. Высказанные им вслух мечтания неожиданно нашли отклик у Эйтингона, продолжавшего оказывать мелкие услуги Скоблину, не требуя пока взамен от него ровным счетом ничего. Часто в разговорах с ним Эйтингон соглашался, что положение мужчины обязывает к определенной финансовой независимости, и убеждал генерала подождать до времени, пока не подвернется удобный случай для необременительного заработка в Париже.

А с Балкан продолжался отток русских военных, оставивший к 1927 году лишь одну треть от численности прибывших туда из Галлиполи и Лемноса в 1921 году.

Штаб русских войск по-прежнему находился в городке Сремски Карловцы, однако под влиянием обстоятельств и по прошествии времени практические задачи, связанные с руководством войсками, подменились в нем организацией экстренной помощи

¹ Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004. С. 67.

русским военным эмигрантам и их семьям, попавшим в затруднительное положение за границей. В целом же многие офицеры были предоставлены сами себе и в обустройстве дальнейшей жизни им предоставлялось действовать на свое усмотрение. Поехало найти работу нескольким русским морским офицерам, приглашенным для работы в югославское Военно-морское училище, открытое в Дубровнике весной 1923 года. Государство, обязанное своему появлению итогам Великой войны, озаботилось подготовкой офицерских кадров для своего молодого флота. Король Александр пожелал, чтобы всю научно-практическую работу в училище взяли на себя и разработали русские морские офицеры, написавшие ранее военно-морскую доктрину страны.

Для решения этой задачи правительством Югославии был приглашен профессор Императорской Николаевской морской академии контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов, взявший на себя труд по преподаванию в училище курсов истории военно-морского искусства, стратегии, тактики, фортификации и международного права. Вместе с ним был приглашен генерал-майор корпуса корабельных инженеров Николай Иванович Егоров для преподавания теории корабля и корабельной архитектуры, замененный впоследствии корабельным инженером полковником М.А. Зозулиным. Для оборудования и заведования навигационным кабинетом югославами был привлечен старший лейтенант императорского флота Петр Николаевич Бунин, ставший в том числе преподавателем мореходной астрономии. Все вышеперечисленные офицеры не только читали лекции по своим специальностям, но и фактически создали основание военно-морской литературы на сербскохорватском языке, составляя пособия, справочники и методическую литературу на языке своих воспитанников.

В 1930 году при деятельном участии контр-адмирала Бубнова в Югославии была впервые организована Высшая военно-морская школа, по образу и подобию Военно-морского отдела российской Морской академии. Обучение в этой школе длилось два года, в течение которых будущий высший командный состав югославского флота изучал необходимые дисциплины и проходил курс подготовки для руководства военными операциями на море. Сам Бубнов

руководил практической частью, так называемой «военно-морской игрой», призванной проверить на практике усвоенные учениками навыки и умения. Главным образом им были разработаны задачи, предлагавшие учащимся продемонстрировать способности по решению тактических и стратегических задач обороны адриатического побережья. Стратегия «оперативных отрядов» морских судов, предлагаемая Бубновым в своих лекциях слушателям в качестве основополагающего решения в теории «господства на море», вызвала живой интерес британского Адмиралтейства. Его первый лорд сэръ Уильям Фишер был удивлен столь стремительным развитием югославской военно-морской науки, а ознакомившись с соответствующими статьями в периодике тех лет, выяснил, что автором концепции являлся русский адмирал, и незамедлительно рекомендовал их для изучения соответствующим службам Британской империи. Высказанная в статьях идея использования «оперативных отрядов» Бубнова затем успешно была применена британским флотом на практике в годы Второй мировой войны.

Вопросы развития флотской артиллерии, минного дела и крепостных стрельб, а также постановка ремонтно-профилактических работ на кораблях были отданы в руки русских морских офицеров, занимавших соответствующие должности в различных югославских учреждениях Морского ведомства. На этом поприще немало потрудились капитан 2-го ранга Алексей Николаевич Макаров и участник легендарного белого десанта у Геническа старший лейтенант Борис Владимирович Карпов, ставший впоследствии председателем Общества моряков русского военного и коммерческого флота в Белграде. Лейтенант Евгений Иванович Гончаревский и корабельный инженер Лебеданский, генерал-майор корпуса морской артиллерии Василий Георгиевич Рачинский, мичман Борис Павлович Черняев занимались практической подготовкой югославских морских офицеров по тем разделам деятельности, которую они вели в рамках работы в Морском ведомстве страны. Так, в частности, генералом Рачинским был издан труд под названием «Оборона берегов» на сербскохорватском языке, а старшим лейтенантом Карповым опубликован свод практических материалов под названием «Десантные операции». Главным фундаментальным трудом русских морских офицеров на иностран-

ных языках суждено было стать трехтомнику контр-адмирала Бубнова, вышедшему также на основном языке страны проживания под названием «История военно-морского искусства»¹.

Подобное «везение» применить полученные еще в России практические и научные познания было уделом лишь весьма незначительной части офицерства. Основная его масса, не нашедшая применения на военной или гражданской работе, в ожидании грядущей схватки с большевиками воодушевилась событиями, развивавшимися в соседней с Королевством СХС Албании. Решимость албанского короля Зогу I начать вооруженную борьбу против католического епископа Фаноли, придерживавшегося коммунистической ориентации, нашла живой отклик у русских офицеров-монархистов. Эта часть офицерства в Болгарии и составила так называемый Русский отряд генерал-майора И.М. Миклашевского. Отряд как ударная единица обладал в отличие от прочих соединений собственной пулеметной командой и даже артиллерийской батареей, и стал известен в Европе благодаря походу на Тирану, проходившему в содружестве с добровольческими албанскими отрядами и продлившимся чуть более полумесяца с 10 по 26 декабря 1926 года.

Епископ Фаноли был хорошо известен соотечественникам как активный сторонник коммунистических идей, и направлял все свои усилия в свободное от пастырского служения время на помощь в установлении власти Интернационала в Албании. В Тиране в то время развила активную деятельность советская миссия под руководством Краковецкого. Из Москвы он получал инструкции и указания с учетом болгарского опыта «по разжиганию пламени перманентной революции» на всей территории Албании. Решив положить конец творившимся беззакониям, руководство военным походом взял на себя сам король; он же ставил тактические задачи добровольцам. Генеральное наступление было назначено им на 17 декабря 1924 года.

¹ Примечательно, что изданная в конце 1950-х годов Югославская морская энциклопедия поместила большую статью о контр-адмирале А.Д. Бубнове, где уделила много места перечислению его видам деятельности и научным трудам, в то время как ни один из представителей национальных военно-морских сил подобного объема информации не удостоился.

Рота албанских пограничников, увидевшая приближавшиеся со стороны югославской границы отряды, вместе со своим командиром немедленно сдалась «войскам его величества», выразив тем самым подлинные верноподданнические чувства. В 8 утра следующего дня движение к столице королевских войск продолжилось. На подступах к городку Пешкопея, противник открыл сначала сильный ружейный огонь и проявил упорство в отстаивании каждого участка обороняемой местности. Цепи Русского отряда стремительным натиском обращали сторонников коммунистической власти и «монархические» албанские отряды в бегство, постепенно продвигаясь, занимая один рубеж за другим. Отдельные попытки контратак, предпринятые прокоммунистическими войсками, были остановлены плотным огнем пулеметной команды Русского отряда. Наступление монархистов продолжало развиваться по всему фронту энергично и довольно успешно. Ближе к вечеру части оборонявших городок сторонников Фаноли начали сдаваться в плен. Отряды добровольцев-монархистов без труда вошли в Пешкопею, где с их помощью из тюрем были выпущены все противники режима епископа. Заняв город, Русский отряд выдвинулся к старой крепости, конвоируя туда всех пленных и перевоза захваченное трофейное оружие. Войдя в крепость, русские выставили вокруг сторожевое охранение. На утро следующего дня в Пешкопею прибыл король Зогу I со свитой. Командир Русского отряда вышел к его величеству с рапортом. Король поздоровался с чинами отряда и объехал фронт выстроенных подразделений Русского отряда, провожаемый криками «ура!». В этот же день продолжилось наступление всех добровольческих сил на столицу Албанского королевства. За два дня похода они не встретили серьезного сопротивления противника. Прокоммунистические части продолжали отход, стараясь не ввязываться в прямые столкновения. 20 декабря 1924 года его величество приказал Русскому отряду во главе основных сил усилить марш и атаковать противника на тиранском направлении. 21 декабря противник стал оказывать упорное сопротивление, но не смог остановить движение добровольцев. Видя бесполезность сопротивления, сторонники Фаноли спешили сдаваться. Авангардом Русского отряда было взято в плен 150 пехотинцев противника под командованием двух офицеров. Утром 21 декабря русские форсиро-

вали речку Черный Дрин и заняли деревню Селисте. Там же они и расположились на ночлег. Ближе к вечеру в Селисте прибыл албанский король, где заночевал, под охраной русских штыков.

В течение 22—23 декабря 1924 года Русский отряд продолжил движение в направлении Тираны, оставляя позади деревни Бургарет и Серуйе и выйдя в конце дня к горному перевалу Гафа-Муризес. Сосредоточив артиллерию и пулеметы, коммунистические отряды открыли беспорядочную стрельбу по наступающим русским в надежде плотным огнём остановить добровольцев, действовавших против них под прикрытием естественных природных преград. Разгорелся жестокий бой, во время которого группа албанских добровольцев обошла противника с фланга, поднявшись по казавшимся непреступными скалам, и атаковала позиции неприятеля. Оборонявшиеся не выдержали натиска и бежали, оставив батареи и пулеметные гнезда со всеми пулеметами и боеприпасами. Сбитый с перевала Гафа-Муризес противник в дальнейшем не оказывал серьезного сопротивления, отступая или сдаваясь в плен при первой удобной возможности. Извещенное о крахе линии обороны правительство Фаноли и часть его сторонников из регентского совета Албании незамедлительно бежали в Италию.

24 декабря 1924 года передовые колонны Русского отряда вступали в Тирану. Его величество со свитой и личной охраной прибыл через перевал Скали-Гунисет, радостно встречаемый народом. В течение следующего дня население Албании повсеместно признало монарха, и албанский король вернул себе утраченную власть. «Неотложные государственные дела не позволили его величеству выйти и лично поблагодарить чинов отряда за их боевую работу, но его величество поручил это полковнику Цена-бею Криузиу, который и передал милостивые слова его величества»¹, — вспоминал участник похода. За околицей Тираны Русский отряд проводили под звуки военного оркестра. Офицеры отряда, мужественно расчищавшие дорогу албанскому королю в его столицу, не получили прави-

¹ *Берестовский В.В.* Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра — Тирана 10—26 декабря 1924 года. В сборнике «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 280.

тельственных наград этой небольшой горной страны. Их усилия не были отмечены ни обращением к ним монарха, ни каким бы то ни было иным способом. Им предстояло снова возвращаться туда, откуда они прибыли две недели назад, в Сербию или Болгарию, снова заниматься поисками работы и возможностью хоть как-нибудь трудоустроиться. Причину подобной неблагодарности албанского монарха можно искать в отсутствии средств у бедной страны для поощрения усилий основной военной силы, вернувшей ей привычный образ правления, отсутствием налаженной управленческой структуры, которая могла бы взять на себя хлопоты по поощрению или награждению чинов Русского отряда, и многом другом.

Некоторые участники Русского отряда, чье вероучение позволяло это, постарались принять албанское подданство и остаться проживать в стране. Оставшихся ждал столь же упорный и тяжелый физический труд, как и во время пребывания в Балканских странах, а самых удачливых — служба в отдаленных, разбросанных по горам гарнизонах в самых разных, отнюдь не генеральских чинах. Те, кто вернулся назад, продолжили поиски работы в Болгарии или Сербии. «Маленькая победоносная война» против албанских республиканцев, профессионально плохо подготовленных, оказалась тем несложным усилием со стороны русских добровольцев, которые большинство из них проделали ради идеи государственного единства под скипетром монарха. Примечательно, что еще пять лет тому назад эти русские офицеры ничем не препятствовали унижительному аресту, ссылке и бессудному расстрелу собственного государя, что, вероятно, лежало как нераскаянный грех на душах многих участников того похода.

3.3. РОССИЙСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, ЕЁ УЧАСТИЕ В РАЗВИТИИ ОТРАСЛЕВЫХ ИНФРАСТРУКТУР СЕВЕРНЫХ И СЕВЕРО- ВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТА

В конце 1920-х годов в политической жизни европейских государств стала просматриваться тенденция стойкого неприятия той части русской эмиграции, что еще пока оставалась, образно выра-

жаясь, под знаменами Врангеля. Попытки раздробить и рассеять сплочение консервативной военной среды русского зарубежья со временем увенчались успехом: армия постепенно распалась, и, прежде всего, в отсутствие средств на содержание сложного военного организма, ускоренно дробясь и тая в численности. Люди, оставившие военный стан, подыскивали себе гражданские специальности, женились, поступали в высшие учебные заведения в европейских странах, постепенно обзаводились собственностью, и даже при желании не могли с прежней легкостью вернуться к походной жизни.

Шло время, и недавние участники белой борьбы все более отдалились от армейских будней, постепенно отхода от своеобразного стиля жизни «нищего странствующего военного ордена», каковыми когда-то были, по меткому признанию офицеров, русские воинские части в изгнании. Распыление осколков армии по странам и континентам продолжилось еще добрую половину десятилетия после памятного исхода 1920 года.

Судьба морских офицеров, членов их семейств, гардемарин и тех, кто связал свою судьбу с флотом, оказалась не менее драматичной и исполненной скитаний. Покинув константинопольский рейд в декабре 1920 года, эскадра вышла на простор Средиземноморья. Корабли прошли вдоль архипелага в Наварин, где пополнили запасы угля и пресной воды, и взяли курс на североафриканское побережье, имея своей конечной целью тунисский порт Бизерту. Среди прочих кораблей и судов, двигавшихся из Наварина в Бизерту, шел и большой баркас, основными пассажирами которого были гардемарины и кадеты Морского корпуса. По пути следования на руле баркаса попеременно сидел воспитатель, капитан 1-го ранга Владимир Федорович фон Берг; на кормовом сиденье расположился вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов, недавно назначенный новым директором Морского корпуса, а рядом с ним — митрофорный протоиерей о. Георгий Спасский, законоучитель и настоятель церкви Морского корпуса. Кроме них, на баркасе находились все корпусные офицеры-воспитатели. Отплыв из Наварина, Русская эскадра прошла по тем же водам, где более ста лет тому назад подвиги эскадры адмирала Сенявина,

действовавшей против флота Наполеона Бонапарта, сделали его имя известным всей России. Часть малотоннажных судов прошла по Коринфскому каналу, а более крупным кораблям, имевшим большую осадку, пришлось обогнуть Грецию. У берегов Кефалонии, южнее острова Корфу, произошел сбор эскадры для совместного похода на Бизерту, и вскоре Андреевские флаги её кораблей уже реяли на её внешнем рейде. Корабли стали входить в глубокую бухту Каруба, из которой морякам стали хорошо видны белые стены городских домов и растущие меж ними пальмы, за которыми угадывались очертания дальних гор. В порту произошла постановка кораблей на якоря, были закреплены швартовы и сошли на берег их экипажи. Занявшись расселением русских моряков во временных лагерях, вице-адмирал Михаил Александрович Кедров в краткие сроки решил задачи проживания всех чинов флота и их семей. Два крупных морских перехода, время, проведенное в Константинополе, а также бремя ответственности стало тяжким испытанием для молодого вице-адмирала М.В. Кедрова. Вместе со своим начальником штаба адмиралом Машуковым он объявил, что отбывает в Париж, чтобы иметь возможность заниматься делами Русской эскадры в непосредственной близости от Елисейского дворца, став своего рода «дипломатическими представителями» русских моряков в изгнании. Кедров сдал командование остающемуся за него в Тунисе контр-адмиралу Михаилу Александровичу Беренсу, назначенному исполняющим дела командующего Русской эскадрой. Начальником штаба стал контр-адмирал Александр Иванович Тихменев. Старшим флаг-офицером стал мичман Андрей Борисович Лесгафт. В годы Гражданской войны он успел немного послужить в Северо-Западной армии генерала Юденича, в отдельном батальоне танков, а затем, вернувшись во флот, попал на знаменитый дальними переходами тральщик «Китобой», на борту которого и прибыл в Бизерту.

Покончив с формальностями новых назначений, Кедров и Машуков приняли участие в прощании с командами кораблей и офицерами и после того на французском крейсере «Эдгар Кинэ» отбыли в Марсель. Из Марселя на поезде Кедров и Машуков выехали в Париж. Как и в Крыму, в 1920 году, адмирал Кедров был

рад, что выполнил наконец обязательства по организации вывоза людей и командованию Русской эскадрой, но более не желал связывать себя новыми попечительствами. Возможно, в нем говорило желание отдохнуть от войны и попытаться устроить жизнь на новый лад. Обосновавшись во французской столице, он поступил на учебу в Парижский институт путей сообщения, где прослушал курс и был выпущен с дипломом инженера. По свидетельству современников, адмирал Кедров слыл прилежным студентом, и университетский курс им был окончен с отличием. Успел ли вице-адмирал поработать простым инженером, в точности неизвестно, однако к 1929 году он снова с головой ушел в политику, возглавив русский Военно-морской союз во французской столице.

Русская колония в Бизерте просуществовала почти пять лет, и все эти годы глазам её обитателей представала одна и та же картина. Море выглядело темно-синим сапфиром в оправе золотых песчаных берегов, изумруды волн продолжали свой бег, а белый город плыл над песками, весь в дымке раскаленных дней и серебре лунного сияния в ночи. С куполами магометанских мечетей и редко встречающейся готикой католического храма, он оставался зеленым оазисом посреди песчаных холмов и гор, отделенный от них стенами пальм, маслиновыми рощами, колючими кактусами и колоннами остролистных алоэ. Морской префект французской колониальной администрации адмирал Варрней решил пойти навстречу просьбе контр-адмирала Машукова о предоставлении помещения под военно-морское учебное заведение, эвакуировавшееся вместе с эскадрой. Под нужды Морского корпуса он предоставил на выбор либо один из находившихся в районе Бизерты бывших военных лагерей, либо форт под замысловатым названием Джебель-Кебир. Отборочная комиссия под председательством капитана 1-го ранга Н.Н. Александрова остановила свой выбор на форте, ибо он как нельзя лучше отвечал требованиям, предъявляемым к учебному помещению. Кроме того, форт выгодно располагался в одном километре от лагеря Сфаят, откуда в него могла легко добираться учащаяся молодежь. Там и расположился Морской корпус, вернее, то, что осталось спустя двести лет после открытия на берегах Невы Петром Великим Навигацкой школы:

гардемаринские роты, офицеры-воспитатели, их семейства, преподаватели, а также семьи офицеров. На возвышенности Кебира и в долине Сфаята в Морском корпусе собралось всего 320 гардемаринов и кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 матросов из разных команд и полсотни членов семей моряков.

Крепость Джебель-Кебир была окружена глубоким рвом и высоким валом. Вал широкой каменной стеной опоясывал всю крепость по периметру и замыкался высокими каменными воротами с толстой железной решеткой. У самой крепости располагалась строевая площадка, откуда открывался дивный вид на всю Бизерту с ее горами, пальмовыми аллеями, озером и уютную средиземноморскую бухту. На эту площадку выносился знаменный флаг, здесь же служились молебны, проходил церемониальным маршем батальон Морского корпуса, зачитывали приказы и звучали речи начальствующих лиц. Здесь же в храмовый праздник корпуса 6 ноября, день Святителя Павла Исповедника, истинный морской праздник, проходили торжественные парады. На входе в крепость дежурный гардемарин, вооруженный морским палашом, салютовал прибывающим. В одном из казематов магометанского Кебира стараниями о. Георгия Спасского была обустроена корпусная церковь. «С низкого сводчатого потолка спускаются гирлянды пушистого вереска и туи, в них вплетены живые цветы. Гирлянды темной рамой окружают белый иконостас с Царскими вратами. На иконостасе образа Христа Спасителя и Св. Павла Исповедника. Справа и слева две белых хоругви и знаменный флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную Вечерю над Царскими вратами», — описывал внутренне убранство храма очевидец.¹ В этой церкви, с любовью обустроенной о. Георгием, скромной и бедной, но вместе с этим уютной и ласковой, совершались все службы и церковные требы для Морского корпуса и семей моряков.

Курс лекции Морского корпуса состоял из разнообразных важных предметов — дифференциальное исчисление, математика,

¹ Берг фон В.Ф. Последние гардемарины. Париж: изд. Военно-морского союза, 1931. С. 144.

морское дело, история, русский язык. Воспитанникам устраивались гимнастические праздники, организованные и подготовленные поручиком Владимиром Ивановичем Высочиным.

Во рву крепости ценители искусства организовали любительский театр, где шли пьесы, сочиняемые кадетами Морского корпуса. Проводились балы. С необходимым реквизитом всегда помогал морской агент в Париже капитан 1-го ранга В.И. Дмитриев, считавшийся надеждой и опорой корпуса в «парижских сферах» и помогавший «питомнику морской детворы и молодежи» приобрести или организовать доставку необходимых вещей.

Первый корпусной бал состоялся в крепостном дворе, где стараниями кадет и гардемарин был украшен и выложен досками танцевальный зал. На возвышении, в гирляндах и флагах, расположился оркестр корпуса. Участник бала вспоминал: «Вальсы сменялись мазурками, плясали краковяк, кадрили, миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренне, непринужденно, как всегда у моряков. Для отдыха между танцами дамы и кавалеры, пройдя двор, углублялись под своды крепости и скрывались в интимном полумраке разноцветных гостиных, где их угощали сладостями и лимонадом. Там, на мягких диванах... восседала та или иная царица бала, окруженная синим кольцом гардемарин или кадет. В одной гостиной пели русские песни, в другой играли в шарады...»¹

Со временем в русской колонии возникли «Дамский комитет», состоявший из жен офицеров, и пошивочная мастерская, занимавшаяся пошивом одежды для всех чинов Морского корпуса. Были собраны и открыты корпусная библиотека и типография. Почти одновременно с ними возник даже магазин — «Казенная лавочка» для всего населения русской колонии. Стараниями офицеров-любителей особо модного в 1920-е годы лаун-тенниса на территории лагеря построили площадку. Свидетель событий так описал одну из идиллических картин бизертинской жизни: «На площадке тенниса, окруженной молодыми соснами, звонким колокольчиком звенит за-

¹ *Берг фон В.Ф.* Последние гардемаринны. Париж: изд. Военно-морского союза, 1931. С. 151—152.

дорный смех. Весело прыгает на загорелых ножках, подбрасывая ракеткой белый мяч, хорошенькая девочка... золотые кудряшки пляшут по загорелым, дрожащим от смеха щекам. Ее партнеры-кадеты не отстают от нее ни в резвости, ни в веселости»¹.

Однако и здесь, на севере Африки, в сравнительно благоприятных для эмигрантов условиях в сопоставлении с Балканскими странами, перед многими морскими офицерами и преподавателями Морского корпуса неизменно вставал вопрос о том, как жить дальше. Те, кто не мог надеяться на благополучное возвращение в Россию, отправлялся на поиски своего счастья в иные земли. Так, например, адъютант корпуса барон Николай Николаевич Соловьев предпочёл уехать в Америку, куда позже отбыли и ряд других офицеров. Часть служащих корпуса отбыла во Францию, в надежде обустроить там свою жизнь или попытать счастья на гражданской службе. «Медленно, но верно таял Морской корпус в своем личном составе. Кончающие воспитанники уезжали во Францию на заработки, за ними уезжали и воспитавшие их офицеры и преподаватели. Редел штат служащих», — утверждал свидетель его распада².

Перемены меж тем не заставили себя ждать. В 10 часов утра 30 октября 1924 года морской префект вице-адмирал Эксельманн прибыл на эскадренный миноносец «Дерзкий», где к этому времени были собраны все командиры и свободные от службы офицеры и корабельные гардемарины. Эксельманн объявил о признании французским правительством СССР... Соответственно с признанием все русские корабли в Бизерте переходили в собственность Французской Республики. Начальник штаба Русской эскадры контр-адмирал Александр Иванович Тихменев вспоминал: «В далеком тунисском городке, в Северной Африке, где нашли себе приют остатки Российского Императорского Флота, не только у моряков, но и у всех Русских людей дрогнуло сердце, когда в 17 ч. 25 м. 29 октября 1924 года раздалась последняя команда “На Флаг и Гюйс” и спустя одну минуту — “Флаг и Гюйс спустить”. Тихо

¹ Берг фон В.Ф. Последние гардемарины. Париж: изд. Военно-морского союза, 1931. С. 144.

² Там же. С. 180.

спускались флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного, символ Флота, нет — символ былой, почти 250-летней славы и величия России». С заходом солнца на судах Русской эскадры были спущены Андреевские флаги, с тем чтобы более не подниматься. Одновременно с грустной церемонией спуска флагов на судах Русской эскадры была ограничена деятельность и Морского корпуса. Был выпущен последний курс гардемарин, закрылись учебные классы, упаковались оборудование и инвентарь. Преподаватели и выпускники прощались, расходясь по пространствам бесконечной земли, и этот последний русский островок жизни на севере Африки перестал существовать.

За время существования корпуса, вновь открытого в Севастополе 17 октября 1919 года, его учебную программу освоили 394 воспитанника, из которых получили аттестаты 300 человек. Бизертский Морской корпус стал последним звеном перипетий, через которые прошла знаменитая петровская Навигацкая школа, созданная 14 января 1701 года. В храме-памятнике, воздвигнутом русскими белыми моряками в 1936 году в Бизерте, к 1950 году была сооружена мраморная доска, на которой отобразились имена всех кораблей, пришедших из Крыма в африканские воды на Рождество 1920 года. Флаг последнего командующего последней Русской эскадрой контр-адмирала М.А. Беренса хранится в музее О.О.Р.И.Ф. в Нью-Йорке. После спуска Андреевского флага в 1924 году богослужебные предметы из корабельного храма с «Георгия Победоносца» были перенесены в частную квартиру на улице Анжу, а русское корабельное имущество распродавалось завадевшими им французами по бросовым ценам. Утварь одной из корабельных церквей была перевезена в 1924 году флотским протоиереем о. Николом Венецким в его новый приход во французском городке Крезе, где духовно окормлялись русские рабочие, работавшие на местном артиллерийском заводе.

К 1925 году во всём Тунисе оставалось уже не более 700 русских. Многие из тех, кто прибыл сюда с эскадрой, разъехались по всему миру. Часть русской общины еще ранее перебралась в тунисскую столицу, где в снятом приблизительно в 1922 году доме № 60 на улице Зешегз было оборудовано помещение для церкви,

получившей название Воскресения Христова. Туда привезли иконостас и церковную утварь с кораблей. Служил в ней иерей отец Константин Михайловский, приютившийся вместе со своей семьей в том же доме. Корабельная церковь на «Георгии Победоносце», где до спуска Андреевского флага служил отец Иоаникий Полетаев, была перенесена в снятую русскими частную бизертскую квартиру на улице Апри, в одной из комнат которой проходили службы.

В начале 1930-х годов корабли Русской эскадры, переданные французам, были отправлены теми на слом. Оставшиеся на жительство эмигранты в Бизерте бережно хранили память о беспримерном походе и обсуждали идею строительства мемориального храма в память об исчезнувшей эскадре. Для того ревнителями морской истории был создан комитет, в состав которого вошли в качестве председателя контр-адмирал Александр Михайлович Беренс, а в качестве его действительных членов — контр-адмирал Сергей Николаевич Ворожейкин, работавший в должности бухгалтера в тунисской колониальной конторе, и бывший командир посыльного судна «Якут», капитан 1-го ранга Георгий Фридрихович Гильдебрант. Кроме них в комитете состояли капитан 2-го ранга, а нынешний инженер-строитель французской компании Иван Сергеевич Рыков, знаменитый командир десанта у Покровки, осуществленного под его командованием в мае 1920 года, и старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн, бывший командиром эсминца «Жаркий», и отец поныне здравствующей и проживающей в Бизерте Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской.

В 1936 году комитетом было получено разрешение французских колониальных властей на строительство храма, и на основании решения бизертского муниципалитета в 1937 году начато строительство храма, воздвигнутого на пожертвования русских эмигрантов в 1938 году. Место будущей церкви, строящейся во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, было красиво убрано флагами, а около места будущего святого престола красовались два русских флага — Андреевский, морской, и национальный «триколор».

На церемонию закладки храма комитетом были приглашены все высшие французские и тунисские власти, военные и граждан-

ские, вся русская колония Туниса, а также последний командующий эскадрой контр-адмирал Беренс и другие командиры кораблей. Закладку совершил митрофорный протоиерей Константин Малиженковский. В закладной камень были вложены икона Спасителя, коробочка с русской землей и кусок пергамента, на котором были указана дата закладки и её цель. Эта трогательная церемония произвела на присутствовавших там иностранцев глубокое впечатление. Первым настоятелем храма, освященного в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, стал протоиерей Иоаникий Полетаев. Контр-адмирал Александр Иванович Тихменев писал: «... там, в Бизерте, сооружен скромный Храм-Памятник последним кораблям Российского Императорского Флота, в нем завеса на Царских Вратах Андреевский стяг, в этом Храме-Памятнике мраморные доски с названиями кораблей эскадры. Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений».

Прошло время. Нет более того флота. Покосились или совсем разбиты кресты на русских могилах в далекой магометанской стране, и стали достоянием архивов все письменные воспоминания, оставленные потомкам свидетелями прежней «бизертинской» жизни, а две книги фон Берга и Кнорринга о пребывании Русской эскадры на тех далеких берегах с давних пор — библиографическая редкость. Разрушился форт, где когда-то жили русские морские офицеры, и совершенно уже даже не найти того места, где была их гарнизонная церковь. Но память о той частичке русской жизни жива. Разъехавшиеся морские офицеры продолжали понемногу устраивать свою жизнь, кто в Африке, а кто на североамериканском Западном побережье. Кого-то судьба привела в порты Египта, а иные очутились в Юго-Восточной Азии. Судьба так сильно разметала русских из Бизерты по разным уголкам мира, что, казалось, нарушилось их бывшее единство и верность традициям; впрочем, память о святом Павле — покровителе флота сохранилась у моряков почти повсеместно. Контр-адмирал Николай Николаевич Машуков пожертвовал в парижский собор Святого Александра Невского редкую икону, изготовленную в виде несущегося по волнам корабля с тремя парусами, на коих изображены святые покровители фло-

та святитель и чудотворец Николай, архиепископ Мир Ликийских, апостол Андрей Первозванный и исповедник Павел Цареградский. Состарившийся на чужбине, один из офицеров с горечью констатировал: «Наша смерть унесет в небытие все вековые традиции бывшего Морского корпуса — колыбель офицеров Императорского флота, жизнь и воспитание целых поколений...»

Впрочем, и после исчезновения эскадры не замерла окончательно жизнь русских военных эмигрантов в Северной Африке. Некоторые из морских чинов поступили во французский Иностраннный легион. Выбор их был продиктован не столько желанием пасть в африканских песках за колониальные интересы французского правительства, сколь надеждами на получение статуса полноценного человека в обмен на полную неопределенностей жизнь военного беженца. Поступившие в легион русские моряки приняли участие в малоизвестной современному читателю Рифской войне в Марокко и зарекомендовали себя прекрасными бойцами и грамотными военными инженерами. А начинался набор в легион следующим образом. В 1921 году французский консул в Марокко направил официальное предложение русской колонии о поступлении желающих на службу в марокканские государственные учреждения. Приглашение распространялось на всех желавших перебраться из Бизерты русских специалистов. Предлагавшиеся вакансии были связаны с работой, рассчитанной на хорошую подготовку и высокую квалификацию русских инженерно-технических работников. В начале 1922 года на работы в Марокко перебрались 120 русских — около 80 мужчин и 40 женщин и детей. Многие из приехавших русских военных эмигрантов устроились на французских колониальных заводах, получив под свое начало как французский вспомогательный персонал, так и «туземцев», которых русские со свойственной им широтой души обучали малознакомому им инженерному ремеслу. Некоторые русские эмигранты в Марокко предпочли сельскохозяйственные работы, а другие получили чиновничьи должности в различных учреждениях страны. Иным удалось сделать карьеру на тех должностях, на которые с неохотой ехали сами французы из метрополии. Так, некоторых русских военных эмигрантов можно даже было встретить на постах директора пор-

та, заместителя министра финансов, директора топографического отделения при Министерстве земледелия. Самые многочисленные русские колонии в 1920-е годы образовались в Касабланке, в количестве 200 человек, и в Рабате, где проживало чуть менее 130. Поселения размерами поменьше находились в Журибге, где русских эмигрантов насчитывалось всего 40 человек, в Марракеше, где их было вполовину меньше — 20, в Фесе, Софи, Мекнесе, Кенитре, и частично в Танжере. Духовным объединяющим началом русской колонии традиционно стала Русская православная церковь.

Когда основная часть русских военных эмигрантов покинула Бизерту, начав рассеиваться по всему северу Африки, в соседней Эфиопии возникла даже небольшая «колония», насчитывавшая в те времена до 80 человек. Среди прочих русских эмигрантов в Эфиопии оказались и офицеры императорской гвардии — участники боев с большевиками в рядах Русской армии барона Врангеля, из которых было 2 генерала, 6 инженеров, 4 доктора и 8 человек самых разнообразных профессий. Сюда, в страну со старинной монархией императора Хайле Селассия и близкой по своей вере, прибыл и православный протоиерей, установивший со временем в Аддис-Абебе церковь Святой Троицы.

Бывший командир эскадрона Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка Александр Николаевич Фермор, начавший свою борьбу с большевизмом в России еще со времен Ледяного похода 1918 года, сформировал конную гвардию императора Хайле. Русский инженер Н.П. Вороновский вложил немало сил и умений в эксплуатацию самой оживленной железнодорожной магистрали империи на линии Аддис-Абеба — Джибути. Все русские инженеры были трудоустроены по специальности, а инженер Ф.И. Шиманский стал главным инженером муниципалитета столицы. И все же, как и в любой другой точке мира, умами эмиграции владел вопрос возвращения. До начала Второй мировой войны самыми известными из русских эмигрантов в Эфиопии были: адмирал Д.Л. Сенявин, полковник Ф.Е. Коновалов, члены многочисленной семьи графа П.Н. Татищева. Сам граф, знавший несколько европейских языков, служил у императорской семьи переводчиком, а полковник Коновалов был назначен начальником штаба. Кроме

того, русские эмигранты исподволь занимались врачебной и юридической практикой, служили инженерами, механиками, агрономами. Большая часть русских армейских офицеров была принята инструкторами в эфиопскую армию.

Основной урон русской общине причинила итальянская оккупация страны в период 1936—1941 годов. Многие русские офицеры служили в эфиопской армии, другие — при дворе императора, и, в частности, и потому итальянцы после взятия Аддис-Абебы относились к русским как к противникам, подвергая их арестам и даже заключению в итальянских тюрьмах. Одним из признанных исследователями крупных центров русского рассеяния стали франкоязычные страны тропической Африки — Бельгийское Конго и подмандатная территория Руанда-Бурунди. Несмотря на порой невыносимые условия жизни, климат, непривычный для европейцев, русские эмигранты приезжали туда на заработки, уровень которых превосходил таковые в других странах Черного континента. Зная французский язык русские работали в бельгийских колониальных учреждениях, филиалах французских и бельгийских банков и коммерческих компаний. Как и в других странах, непреодолимая тяга к участию в жизни общемировой русской диаспоры давала о себе знать, и авторами статей в эмигрантской периодике или памятных изданий становились и те из русских, кого судьба забросила в тропическую Африку. Ярким примером могут служить воспоминания офицера кирасирского Её Величества полка А.А. Литвинова о прикомандировании к Лейб-гвардии Драгунскому полку в годы всероссийской смуты, опубликованные в 4-м томе памятной книжки 1930 года «Лейб-драгуны дома и на войне».

Еще более малое количество русских служило во французских учреждениях Дагомеи и Сенегала, Судана и на Мадагаскаре. Согласно выводам современных исследователей проблемы, число африканских стран до 1945 года, где теплились очаги русской жизни, достигало 20¹.

¹ *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920—1945 гг. М., 2005. С. 24.

Глава четвертая

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ХОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 1924—1939 ГОДАХ

4.1. ВКЛАД ЧИНОВ ГВАРДИИ В ИЗГНАНИИ В СОЗДАНИЕ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ СТРУКТУР В СРЕДЕ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Еще в первой половине 1920-х годов интеллектуальный и политический центр эмиграции в Европе стал стремительно смещаться из стран Юго-Востока все дальше на запад, образуя многочисленные колонии русских во Франции, Бельгии, Испании и ряде других стран. Первые годы изгнания, протекавшие в славянских государствах, обнаружили все имевшиеся противоречия с правительствами и еще раз позволили убедиться в том, что «братские чувства», демонстрировавшиеся на торжественных приёмах, оказались не более чем изящной риторикой.

Дальнейшая жизнь в этих государствах окончательно превратила бы русскую эмиграцию в малоквалифицированную рабочую силу, используемую балканскими правительствами по своему усмотрению на низкооплачиваемых работах без малейшей перспективы занять иные социальные ниши до конца дней.

Борясь за единение всех русских, оказавшихся за границей, которым дороги были идеалы державности, штаб Врангеля стремился найти объединяющую идею, которая сплотила бы всех русских за границей. Вопрос выбора заключался в том, какую страну в Европе можно было бы избрать платформой, на основании которой произошла бы консолидация национально мыслящих слоев эмиграции для дальнейшей борьбы с большевизмом.

Первоначальные планы начать возрождение русского духа на земле славянских народов были пересмотрены под влиянием не-

благоприятных для армии обстоятельств. Другую трудность для объединения сил представляло собой углубляющееся рассеяние русских по континенту. Армия, которая могла бы стать главной движущей силой будущей борьбы, прекратила своё существование. Некоторую надежду на объединение под державным флагом России вождям эмиграции давал тот факт, что на югославской земле всё еще находились представители консервативной среды — чины императорской гвардии. «В Белграде находилась и большая часть наилучше организованной и наиболее деятельной представительницы русской военной среды — Императорская гвардия»¹, — свидетельствовал участник первых лет общественной деятельности гвардейских эмигрантов.

Объединения представителей Императорской гвардии тех лет вполне отвечали «духу времени», и сама схема их деятельности была хорошо продумана создателями в условиях эмиграции и позволяла сохранить ядро прекрасно подготовленных офицерских кадров. Гвардия была наиболее образованной частью военной среды, и при наличии объединяющей державной идеи могла быть использована как своеобразный банк знаний при формировании новой армии для вооруженной борьбы с большевизмом. Благодаря умело поставленной воспитательной и образовательной работе руководству полковых объединений удалось сохранить в гвардейской среде лучшие традиции императорской армии с характерным для неё духом жертвенности во имя России. Одной из постоянных задач общественной деятельности гвардейских полковых объединений являлось воспитание молодого поколения из среды военных эмигрантов, и тех из них, кто родился уже в зарубежье. Общественные организации Гвардии стремились оказывать поддержку тем из офицеров и генералов, кто за пределами Отечества вел жизнь при весьма стесненных финансовых обстоятельствах. Приобщение одиноких и бессемейных офицеров Гвардии к общественной работе сообщало им новый импульс к продолжению полноценной жизни в условиях эмиграции и давало ощущение собственной востребованности.

¹ Верцинский Э.А. Гвардейские стрелки. Таллинн, 1931. С. 8.

Попытки консолидации военных сил на Балканах вскоре прекратились ввиду того, что отток русских военных в Западную Европу после 1930 года принял систематический и повсеместный характер.

Если к дальнейшему распространению эмиграции в Западной Европе применить термин «этапы», обозначающие промежутки между отъездами, то «первый исход» русских с Балкан в 1924—1926 годах составили представители аристократических семейств. Это были вышедшие в отставку сразу после отречения государя в марте 1917 года лица, принимавшие участие в Гражданской войне или служившие в региональных армиях в силу этнического происхождения. Среди них были и обладавшие родственными связями, а в некоторых случаях приличными капиталовложениями за границей, чей стиль и образ жизни не особенно изменился и в эмиграции.

Со вторым, студенческим этапом отъезда, в массовом порядке протекавшим чуть позже, с Балкан стали уезжать и отдельные представители гвардии, нашедшие работу благодаря знанию иностранных языков. Большая часть офицеров гвардии перебрались во Францию, и ввиду того, что почти все уезжавшие избрали для дальнейшего проживания Париж, там стали возникать первые полковые объединения. В конце 1920-х годов завершился третий этап исхода русских, ставший, как и первые два, многочисленным. В него вошли группы армейских офицеров, юнкеров и солдат, выполнивших контрактные обязательства по гражданским работам, а также тех, кто желал найти более квалифицированную работу и обладал достаточным здоровьем для дальнейшей миграции. Общность изгнаннической судьбы и память о славном боевом прошлом объединила гвардейцев всех трех этапов Балканского исхода даже в большей степени, чем можно было предположить. В новых, более цивилизованных, условиях жизни гвардейские объединения приобрели новые свойства, став центрами социальной адаптации и поддержки. Мемуарист свидетельствовал: «Каждый из вновь прибывающих... неизменно находил поддержку со стороны ранее приехавших. Поддержка эта выражалась не только в моральной, но и в материальной помощи. По приезде подыскивалась временная работа. В то же время шла подготовка к экзамену на право

стать шофером такси... Основана Касса Взаимопомощи (при ежемесячном взносе в 11 франков)»¹.

В феврале — марте 1924 года, после трех встреч представителей Гвардии во Франции, группой генералов и офицеров было подготовлено и разослано приглашение всем чинам императорской Гвардии на Общее собрание, которое намечалось провести 3 апреля 1924 года в парижском конференц-зале на улице Св. Георгия, д. 5.

На него отозвалось 150 человек, и в ходе долгого обсуждения выяснилось, что во всех бывших гвардейских полках и в гвардейской артиллерии прообразы полковых объединений существовали уже продолжительное время. Трудность общегвардейской консолидации сил представлял собой тот факт, что центры этих объединений располагались в большинстве случаев за пределами Франции.

Целью созданного Гвардейского объединения было укрепление взаимоотношений между разбросанными эмигрантской жизнью на чужбине гвардейскими офицерами. Другой целью являлось составление исторических очерков о прошедших годах мировой войны, революции и Гражданской войны на основании воспоминаний еще живых и здравствующих очевидцев этих событий, в поминовении памяти погибших и скончавшихся полковых товарищей, в передаче духа и традиций русской Императорской гвардии грядущим поколениям молодой эмиграции.

После первых двух заседаний представителей гвардейских полковых союзов было решено соединить их в одну национальную общественную организацию, создав ее во французской столице и зарегистрировав в префектуре Парижа общественную организацию под названием «Гвардейское объединение», именуемое по-французски *l'Association des officiers des anciens regiments de la Garde Imperiale Russe*.

Многочисленность полковых организаций за пределами Франции привела к созданию гвардейских объединений по территориальному принципу. Так, в Югославии возглавить его был пригла-

¹ Розеншильд-Паулин В.А. // Сборник «Кирасиры Его Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 354.

шен старейший из проживающих там генералов Владимир Андреевич Лехович, остававшийся в стране до июля 1924 года, пока вместе с семьей не переехал в Нью-Йорк.

По призыву гвардейских союзов и объединений в Западной Европе возглавить Общегвардейское объединение было предложено Свиты Его Императорского Величества генерал-адъютанту Владимиру Михайловичу Безобразову, бывшему командиру Гвардейского корпуса, выступившему в 1914 году с ним на Великую войну. «Генерал Безобразов внес решительное изменение в организацию Гвардии, — он приступил к формированию скрытых боевых кадров полков и высших соединений, с подчинением их великому князю Николаю Николаевичу»¹, — утверждал современник.

Мнения о Безобразове разнились. Мемуарист Юрий Иванович Макаров вспоминал: «Безобразов был человек придворный, совершенно не военный и как начальник — типичнейший “добрый барин”... командовал корпусом с 1912 по 1916 год, когда было образовано два гвардейских корпуса и первый, — наша первая и вторая дивизия, — получил в командование великий князь Павел Александрович, а второй генерал Потоцкий. К этому времени оба корпуса были сведены в гвардейскую Особую армию, которую возглавил Безобразов при начальнике штаба графе Н.Н. Игнатьеве, бывшем Преображенском командире... Безобразов проводил июльскую операцию на Стоходе, кровавую и неудачную. Как бы то ни было, в первых числах августа 1916 года Особая армия приказала долго жить, войска были переданы по соседству в 8-ю армию Каледина, а сам Безобразов в военном смысле канул в Лету»².

18 апреля 1924 года Безобразов прибыл в Белград, где ему была устроена торжественная встреча и представление офицеров Гвардии в просторном зале белградского ресторана «Русская семья».

На встрече было представлено более 200 чинов гвардейских полков, выстроенных по частям, дивизиям и корпусам и одетых в

¹ *Розеншильд-Паулин В.А.* // Сборник «Кирасиры Его Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 354.

² *Макаров Ю.И.* Моя служба в Старой гвардии 1905—1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 130—131.

полковую военную форму, с которой было непривычно расстаться даже за границей. Собравшиеся представители Гвардии выглядели вдохновенными, а приезд бывшего начальника, чье имя было так или иначе связано со «старым, добрым» временем славы русского оружия, внесло на время оживление и подъем духа в гвардейскую среду.

По окончании церемонии Безобразов в течение нескольких последующих дней провел ряд рабочих совещаний с высшими чинами Гвардии — генералами Владимиром Андреевичем Леховичем, Николаем Михайловичем Киселевским, Лейб-гвардии Казачьего полка Петром Петровичем Орловым, Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка Александром Александровичем Павловым, обсуждая цели и задачи, стоящие перед Общегвардейским объединением.

Встречи носили характер обсуждения внутренней и внешней политики и военно-организационных вопросов Гвардии, и в результате проведенных совещаний Безобразов вынес предложение по формированию скрытых боевых кадров полков и высших соединений Гвардии с подчинением их великому князю Николаю Николаевичу.

31 мая 1924 года генерал Петр Михайлович фон Кауфман-Туркестанский на очередном собрании представителей гвардейских объединений в Париже, ознакомил присутствовавших с новым проектом устава Общегвардейского объединения, который ранее был разослан для обсуждения.

В течение второй половины 1924 года проект был рассмотрен и утвержден с поправками. Почетным председателем новой организации был утвержден генерал-адъютант Безобразов. Было разработано и принято «Временное положение Объединения», а уже в октябре Комиссия князя Александра Николаевича Эристова обнародовала окончательный проект устава Гвардейского объединения во Франции. Приказом под названием «Кадрам войск Гвардии» от 20 апреля 1924 года за номером 1 были объявлены соответствующие назначения на новые должности в реорганизованной гвардейской структуре.

Все офицеры, вступавшие в состав так называемых «скрытых кадров», давали расписку в том, что они обязаны явиться по перво-

му призыву, как только того потребует политическая обстановка, а также воздержаться от вступления в другие политические или масонские организации.

Это был пример первой самоорганизации гвардейской эмиграции в том виде, в котором она схематично повторила структуру войск Гвардии, существовавшей до февраля 1917 года. Выбор члена Императорского дома в качестве объединяющей личности для этого начинания был также вполне естественен, хотя по кандидатуре данного великого князя и не было полного единомыслия. Многие хорошо помнили, как некоторые из великих князей не только не снискали себе ратной славы на родине, но являлись предметом пересудов в полках. Великий князь Николай Николаевич, хоть и был Главнокомандующим императорской армией на первом этапе Великой войны, но полководческими талантами не блистал, а кроме того, проявил себя как не вполне добросовестный подданный своего императора. Мемуарист протопресвитер армии и флота о. Георгий Шавельский отмечал в своих воспоминаниях, что великий князь не скрывал своих отрицательных чувств к императрице и был готов участвовать в заговоре по её заточению в монастырь. Учитывая, что данные планы обсуждались во время того, как Россия вела боевые действия, подобный поступок иначе как государственной изменой назвать было нельзя. Но в описываемую пору воспоминания о. Георгия еще не увидели света, и отрицательное отношение к великому князю формировалось в основном либо у пострадавших от него непосредственно, как генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов, выпустивший в Берлине в 1924 году книгу, исполненную самой неллицеприятной критикой либо индивидуальным неприятным опытом отдельных лиц.

В целом в гвардейской среде отношение к великим князьям, когда-либо командовавшим или служившим в Гвардии, судя по воспоминаниям, было скорее ироничным, чем уважительным. Так, мемуарист писал про двоюродного брата Николая Николаевича: «Карьера... великого князя Павла Александровича была, как говорится, “чревата”. Как все великие князья в России, он постоянно носил военную форму, но входил он в близкое соприкосновение с русскими войсками всего три раза в жизни: командуя

эскадрон, конногвардейским полком и гвардейским корпусом. Последние две должности с перерывом в 16 лет, во время которого он вообще ничего не делал... Как и следовало ожидать, в военном отношении Павел Александрович был круглый ноль. Если его старший брат, Владимир Александрович, был “добрый барин номер 1”, то он, по справедливости, мог считаться номером 2-м... В Музее Зимнего дворца в Ленинграде, должно быть, сохранилась картина, где Павел Александрович, в золотой каске с двуглавым орлом, в золотых латах, галопом проводит на параде Конную гвардию перед царем Александром III. Очевидцы говорили, что картина сия была “достойна кисти художника”. Внутренне же Павел Александрович, при значительной лени и пассивности характера, был не глуп и вполне порядочный человек»¹.

Великого князя Николая Николаевича отмечали иначе: «...Николай Николаевич, который, хоть умом был и не орел, несомненно, был преисполнен энергии и желанием принести пользу... Николай Николаевич несколько лет был “генерал-инспектором кавалерии” и, нужно отдать ему справедливость, такого ей, по хорошему солдатскому выражению, “поддал живца”, что во время войны наша конница на голову выше немцев и венгров»².

До октябрьского переворота 1917 года великий князь Николай Николаевич одним именем своим умел навести трепет на многочисленных начальников гвардии, особенно если случалось ему появляться в Красном Селе во время, когда гвардейские полки проводили маневры.

Перу мемуариста принадлежат занятные воспоминания об одном из характерных эпизодов с участием великого князя: «Великий князь приезжал на поле в большом сером открытом автомобиле... Еще издали завидев великокняжеский автомобиль, появление которого предупреждали специально выставленные махальные, начальники принимались нервничать, суетиться и выравнивать свои части с исключительным рвением и вниманием. Некоторые

¹ Макаров Ю.И. Моя служба в Старой гвардии 1905—1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 130—131.

² Там же. С. 133.

генералы даже как-то сразу менялись в лице, утрачивая всю свою важность. ... с момента появления на поле Николая Николаевича у всех начальников, особенно у крупных, делалось тревожно на сердце, ибо Николай Николаевич вполне справедливо считался грозой гвардии... Его лицо, заканчивавшееся книзу небольшой бородкой, было загорелое и неправильное. Оно не было красивым, но надолго врезалось в память, потому что оно не было обыкновенным военным лицом старого генерала. Это было ...особенное лицо очень большого начальника-вождя — властное, строгое, открытое, решительное, и вместе с тем гордое. Взгляд у него был пристальный, хищный, как бы всевидящий и ничего не прощающий. Движения уверенные и непринужденные, голос резкий, громкий, немного гортанный, привыкший приказывать и выкрикивающий слова с какой-то полупрезрительной небрежностью. Николай Николаевич был гвардеец с головы до ног, гвардеец до мозга костей»¹.

Для поддержки монархических настроений в гвардейской среде генерал-адъютант Безобразов на очередном совещании чинов объединений, подержанный генералами Леховчем и Киселевским, высказался за безоговорочное подчинение всех сил Гвардии великому князю. Однако великий князь Николай Николаевич, ставший впоследствии покровителем гвардейских частей в зарубежье, не спешил поддерживать ни одну из предлагаемых ему программ по будущей реорганизации Гвардии, «в рассеянии сущей». И потому руководством Общегвардейского объединения на очередном собрании 25 ноября 1924 года, в дополнение к ранее принятому уставу, был выпущен «Наказ Гвардейским Объединениям во Франции», первый пункт которого гласил: «Объединение предоставляет себя в полное распоряжение Верховного Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича для борьбы за спасение Родины и восстановления в ней законной Монархии».

Дистанцироваться от возложенной миссии великий князь более не мог, невольно став объединяющим началом и живым символом российской монархической власти. Колебания великого

¹ Трубецкой В.С., князь. Записки кирасира. // Сборник «Россия воспрянет». М.: Военное издательство, 1996. С. 136.

князя в вопросе возглавления Общегвардейского объединения были отмечены его недоброжелателями, посчитавшими их уступками французским социалистам и масонам, стремившимся не допустить возрождения русского монархизма в сердце республиканского государства. Да и среди соотечественников во Франции, великий князь обрел больше критиков, нежели искренних почитателей. Многие из эмигрантов знали его по прежней службе, а кое-кто даже испытал на себе особенности великокняжеского характера на разных этапах военной карьеры¹, чего ему не простили в эмиграции.

Однако все это не мешало большинству гвардейцев, забыв прежние обиды, разглядеть в личности великого князя один из немногих оставшихся в изгнании символов былой имперской державности, служивший значительной моральной опорой на чужбине. Тем не менее отношение в гвардии к великому князю оставалось далеким от единодушия. Нередко в частных беседах можно было услышать, что возведение великого князя на пьедестал руководства Гвардией в эмиграции не разрешило накопившихся там социальных и политических проблем. Временное группирование ветеранских отделений за границей под именем «популярного вождя» лишь отдалило, но не отменило их последующий неизбежный распад. А последующие политические события и международная политика СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов не

¹ Примечательный случай из собственной жизни описан Юрием Галичем (псевдоним литератора Г.И. Гончаренко) в романе «Звериада», опубликованном в Риге в начале 1931 года, об учебе в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге в последние два года XIX века. А генерал-адъютант Сухомлинов выпустил резкую по содержанию книгу «Великий князь Николай Николаевич» в Берлине, в 1924 году, где подверг критическому разбору не только служебные промахи великого князя, но и привел неллицеприятные личностные характеристики. Впрочем, были в зарубежной военной среде и апологеты великого князя. Достаточно вспомнить труд генерал-квартирмейстера Ю.Н. Данилова, выпущенный либеральным эмигрантским издательством «Возрождение» в 1933 году. Венчает эмигрантские труды о великом князе работа Н.Н. Вороновича, выпущенная в Нью-Йорке в 1954 году под характерным названием «Недреманное око». — *Примеч. авт.*

дали возможности вождям гвардии сформировать боевые подразделения на основе гвардейских объединений и тем более начать их переброску к границам России, как было задумано Безобразовым в середине 1920-х. Проведенная подготовительная работа по формированию боевых кадров Гвардии оказалась напрасной и не имела ближайшей исторической перспективы.

После скоропостижной кончины его высочества на южно-французском курорте Антиб и кончины в июле 1934 года А.М. фон Кауфмана-Туркестанского, начальником Общегвардейского объединения вновь стал генерал-лейтенант Владимир Андреевич Лехович, вернувшийся в январе 1929 года из Америки во Францию.

Но в ту пору драгоценное время для реализации военных планов было безвозвратно упущено. За прошедшие пятнадцать лет эмиграции ряды Гвардии в изгнании сильно поредели за счет естественной убыли ее чинов, и рассеяние гвардейцев по миру в поисках лучшей доли неизменно продолжалось.

К 1936 году во всем зарубежье насчитывалось немногим более 1900 бывших гвардейских офицеров¹. Большая часть их занималась исключительно общественной работой в рамках своих полковых объединений и иногда присутствовала на памятных официальных церемониях. Формальность работы в полковых союзах стала очевидна еще с конца 1920-х годов. В 1928 году, когда в Копенгагене скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна, секретарь Гвардейского объединения во Франции полковник, Кирасир Его Величества, Сергей Леонидович Сафонов был командирован своим полковым объединением в Данию для участия в траурной церемонии и возложении венка от пол-

¹ Из них 833 человека — гвардейской пехоты. 556 лиц числилось по спискам гвардейской кавалерии. 214 офицеров было внесено в списки гвардейской пешей артиллерии, 127 — конной артиллерии. 112 человек насчитывалось у лейб-казацких полков. 24 принадлежало к гвардейским саперам. 14 — чины Собственного Его Величества Железнодорожного полка. 47 человек относились к Гвардейскому Экипажу, и 9 человек были выходцами из Запасного гвардейского кавалерийского полка. — *Примеч. авт.*

ка вместе с представителями других гвардейских полков. В том числе и тех, чьим шефом была покойная¹. Дочери императрицы великая княгиня Ольга Александровна и великая княгиня Ксения Александровна официально поблагодарили всех представителей полков, прибывших на церемонию погребения, за выраженное искреннее участие бывших верноподданных.

Жизнь представителей гвардейских полков за рубежом не получила бурного развития и, если верить мемуарным заметкам, находилась в стадии медленного увядания. Старшее поколение уходило, а лица среднего и молодого возраста стремились наладить жизнь, обзавестись работой и вести тихую семейную жизнь. Современник писал: «За время пребывания в Париже кирасирская семья пополнилась 7 полковыми дамами. Образование новых “семейных очагов”, гостеприимно и радушно раскрывавших свои двери всем однополчанам, только укрепило единение и дружеское общение в часы досуга. За невинным бриджем, стаканом вина или чашкой чая офицеры полка отрешались на время от повседневных, нудных забот»².

Начиная примерно с 1931 года Общегвардейское объединение задалось целью увековечить прежний боевой путь гвардейских частей. Его членами было принято во внимание, что архивы полков и батарей, оставшиеся в России, могут быть уничтожены равнодушными к русской истории большевиками, а воспоминания о действиях войск гвардии в период Великой войны постепенно стирались из памяти стареющих её участников. Как писал один из подвижников сохранения и воссоздания исторических материалов: «...наши зарубежные военные писатели и ученые написали немало литературных и научных трудов в области военной истории и быта. Мы уходим в вечность. После нас останется пустое место и некому его заполнить. Все эти труды канут в Лету,

¹ К ним можно отнести Кавалергардский Её Императорского Величества императрицы Марии Федоровны полк, Кирасирский Её Императорского Величества императрицы Марии Федоровны полк и ряд армейских полков. — *Примеч. авт.*

² *Розеншильд-Паулин В.А.* // Сборник «Кирасиры Её Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 359.

и огромный ценнейший военно-исторический материал пропадет для будущего историка»¹.

Тогда в ряде случаев было принято решение об увековечении памяти былых подвигов полков посредством организации военно-исторических комиссий. В рамках проводимых собраний планировалось заслушивать доклады членов полковых объединений о действиях их частей в определенные периоды Великой войны. Также решено было проводить обсуждения докладов, создавать схемы боевых операций в хронологическом порядке, начав с мобилизации в июле 1914 года.

Примечательно, что, несмотря на необходимость воссоздать недавний исторический опыт, чины гвардии заведомо ограничили доступ посторонних на проводимые доклады, делая редкие исключения почтенным гостям — известным военачальникам императорской армии.

В частности, у «желтых» Кирасир Его Величества подобные обсуждения начинались после 21.00 по пятницам и проходили не чаще двух раз в месяц. Для создания более полной картины боевых действий членами объединения была установлена связь с представителями германских частей, участвовавших в операциях против российской гвардейской конницы.

Чаще всего лекции читали кирасиры Б.Н. Третьяков, А.В. Каменский, В.А. Розеншельд-Паулин и другие. Перед докладами аудитория получала размноженные на ротаторе тезисы докладчика. В качестве подведения итогов исторических докладов исторической комиссией объединения с 1938 по 1942 год были подготовлены три тома Истории Кирасир Его Величества.

В эмиграции «желтые» кирасиры, равно как и представители других полков гвардейской конницы, занялись созданием полкового музея, коллекция которого началась с нескольких гравюр,

¹ Библиофилам и специалистам по библиографии русского военного зарубежья хорошо известны три успешных попытки воссоздания «Журналов боевых действий 1-й, 2-й и 3-й гвардейских пехотных дивизий» за период с 1914 по 1915 годы Исторической комиссии гвардейского объединения, опубликованные последовательно в 1936—1938 годах в Париже, в издательстве В.П. Сияльского. — *Примеч. авт.*

подаренных бывшим помощником русского военного агента во Франции генерал-майором Дмитрием Ивановичем Ознобишиным полковнику Сергею Леонидовичу Сафонову. Сестра другого кирасира, штабс-ротмистра, погибшего в Великой войне, позволила переснять несколько фотографий парадов полка и гравюр из коллекции ее брата. Полковник Кучин прислал 180 негативов снимков из жизни полка в Великую войну.

С разрешения великого князя Дмитрия Павловича кирасиры получили 6 снимков с тарелок Гофмаршальского сервиза, принадлежавших великому князю с изображениями Кирасир Его Величества. Кавалергард Валериан Николаевич Бибииков передал в музей вывезенные им после революции из Гатчинского и Царскосельского дворцов ценные фотографии, отображающие жизнь полка накануне революции.

Союзы и объединения бывших гвардейских полков всегда отличались строгой организацией, большой дисциплиной и точным соблюдением всех правил офицерской этики. Благодаря авторитету первых руководителей Гвардейского объединения и их последователей старые традиции Гвардии не были забыты, а плавно были перенесены в монотонные эмигрантские будни. В день святого апостола Андрея Первозванного 30 ноября/13 декабря (по новому стилю) было принято служить молебен с поминовением усопших гвардейцев, на войне «убиенных и в мире скончавшихся». Службы проходили в кафедральном соборе Святого Александра Невского в Париже на улице Дарю (*rue Daru*). После богослужения проводились товарищеские обеды, на которые не приглашались, по обыкновению, «полковые дамы». Почетными гостями на них приглашались великие князья; особенно часто это были Владимировичи — Борис и его младший брат — Андрей, ставший в 1950-е годы председателем Гвардейского объединения, как бывший офицер Кавалергардского Её Императорского Величества Марии Федоровны полка.

В канун Рождества Христова для членов семей Общегвардейского объединения устраивался зимний бал, стараниями Распорядительного комитета, а весной, на Светлое Христово Воскресение, проводились так называемые Пасхальные встречи. Скромная

прибыль от этих мероприятий шла на благотворительные цели, служа некоторой помощью нуждающимся членам объединения, а также отчислялась на лечение или погребение усопших чинов.

В 1930—1950-е годы гвардейцы принимали деятельное участие в праздновании юбилеев своих полков, и, в частности, ими были широко отмечены 200-летие Лейб-гвардии Измайловского полка и 200-летие Конной гвардии. По традиции, представители других полков готовили поздравительные адреса виновникам торжеств или памятные сувениры, такие, например, как серебряная чарка, подаренная кирасирами измайловцам. Должность председателя распорядительного комитета требовала особой активности от того, кто занимал ее, и эмиграция единодушно отмечала заслуги полковника Д.Г. Лучанинова, бывшего старшего офицера Лейб-гвардии Петроградского полка, бывшего председателем в 1960-х и 1970-х годах. Полковник Лучанинов проявил себя в организации многих, как сказали бы теперь, «корпоративных мероприятий» Объединения и в период обустройства Общегвардейского захоронения на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Находчивость и изобретательность г-на Лучанинова была отмечена сослуживцами еще во времена Гражданской войны, когда под его началом разрозненные пульмановские вагоны, найденные белыми некоего города на запасных путях, были преобразованы в бронепоезд «Гвардеец № 1». В любой обстановке, вспоминали современники, Лучанинов держал себя весьма достойно и, по описаниям очевидцев, столь же «достойно носил в петлице пиджака значок георгиевского оружия».

В Париже регулярно выходил «Вестник Гвардейского Объединения» с помещенными в нем личными воспоминаниями гвардейцев о былом и статьями про современную жизнь Объединения. Отличились в общественной деятельности военной эмиграции и другой командир белогвардейских поездов «Единая Россия» и «Иоанн Калита» Александр Александрович Зеленецкий. В переломный и критический период маневренной войны, которая велась по оперативным железнодорожным путям, бронепоезда стали предвестниками моторизованной артиллерии, приходящей на смену лошадиной тяги и классической артиллерии. И оттого, быть

может, в рядах команд бронепоездов оказалось немало деятельных офицеров — инженеров и офицеров-артиллеристов с блистательными управленческими навыками. В эмиграции А.А. Зеленецкий сосредоточил свои усилия на поддержке кадетских объединений и работал председателем редакционной коллегии ежемесячного журнала «Кадет», выходившего в Париже в качестве информационного издания Союза Российских кадетских корпусов.

Неутомимый редактор журнала «Военная Быль» ещё в 1959 году обратился к изрядно поредевшим полковым объединениям и русским воинским организациям с воззванием прислать библиографические сведения об изданиях трудов по русской военной истории, которые вышли за рубежом после 1 декабря 1920 года, для составления Библиографического справочника Русской военной печати. Но, по признанию самого А.А. Геринга, ни одно полковое объединение или воинская организация не откликнулись на его призыв. О причине молчания можно судить по-разному, но это не остановило издателя-энтузиаста, подготовившего и выпустившего в свет в 1968 году в Париже «Материалы к Библиографии Русской военной печати за рубежом». По замыслу автора, его небольшая книжка должна была стать не только опытом подробной описи трудов по военной истории, мемуаров, беллетристики русских военных авторов и перечнем военной и военно-морской периодики за рубежом, но и оказать помощь «будущему русскому историку, который займется изучением жизни русских военных людей в эмиграции»¹. Многие издания, занесенные А.А. Герингом в список, послужили военным литераторам зарубежья удобным библиографическим материалом для ссылок в ходе написания полковых историй и памяток. Отдельные очерки и воспоминания участников двух памятных войн — Великой и Гражданской — были опубликованы в периодике тех лет и составили содержательную часть новых книг. Эти работы были призваны дополнить боевой путь полков императорской армии и гвардии.

На протяжении почти тридцати с лишним лет, с 1936 по 1992 год, у кавалергардов, стараниями Владимира Николаевича Звегинцова, а

¹ Геринг А.А. Материалы к Библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968. С. 5.

впоследствии и Георгия Валериановича Бибикова, появились дополненные полковые истории. В три книги Звегинцова, последовательно выходявшие в 1936, 1938 и 1966 годы, вошли описания боевых действий Кавалергардского полка, начиная с июля 1914 года и событий Гражданской войны вплоть до Крыма в ноябре 1920 года.

Конногвардейский полковник флигель-адъютант Владимир Федорович Козлянинов незадолго до 200-летнего юбилея своего полка принял участие в составлении «Памятки конногвардейца», хорошо иллюстрированной и дающей исчерпывающие сведения об истории Лейб-гвардии Конного полка с начала его основания до современных автору дней. Его старания были поддержаны бывшими однополчанами — великим князем Дмитрием Павловичем и князем С.В. Белосельским-Белозерским. В книге автором использовались цветные вклейки, литографии и гравюры, дающие наглядное представление об истории Конной гвардии.

Представитель объединения Лейб-гвардии Казачьего полка генерал-майор Илья Николаевич Оприц составил в 1939 году ценный труд о боевом пути Лейб-гвардии Казачьего полка, снабдив его собственными иллюстрациями, охватывающими период со времени большевистской революции 1917 года и до окончания Гражданской войны на Юге России. Труд был опубликован ведущим в то время в Париже русским издательством полковника Лейб-гвардии Литовского полка Владимира Павловича Сияльского и вышел в свет в мягкой обложке «полковых цветов».

Лейб-гвардии конно-гренадерами полковниками Константином Николаевичем Скуратовым, Александром Александровичем Скрябиным и Николаем Дмитриевичем Плешко были подготовлены и выпущены в свет в Париже 6 томов истории Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Авторы трудились над ней почти тридцать лет, с 1938 по 1967 год.

При Гвардейском объединении работала Историческая комиссия под руководством Кирасира Его Величества Георгия Адамовича Гоштовта. Она помогла многим гвардейским мемуаристам собрать воедино и опубликовать в парижском издательстве «Возрождение» материалы о малоизвестном за границей прошлом Кирасира Его Величества за последние тридцать лет.

Особо стоит отметить значительный вклад ротмистра Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка А.А. Скрыбина в популяризацию военного наследия российской императорской армии, организовавшего подписку для записи на граммофонные пластинки полковых маршей гвардейских и армейских полков в исполнении военного оркестра и хора трубачей пешего и конного полка французской Республиканской гвардии. Эти марши исполнялись на многих публичных торжествах, и патефонные пластинки с этими записями с энтузиазмом раскупались частными лицами, зачастую бывшими чинами императорской армии и флота.

Генерал-майор Георгий Иванович Гончаренко (творивший под псевдонимом Юрий Галич) в 1936 году издал в Риге свой труд, насчитывающий 414 страниц и посвященный истории Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества императрицы Марии Федоровны полка под названием «Синие кирасиры — лейб-регімент». В него автором были включены и списки офицеров полка на момент окончания Гражданской войны.

А первым полноценным научным трудом, посвященным участию чинов Русской императорской гвардии в войне с большевиками, стали три выпуска офицера Лейб-гвардии Кексгольмского полка Николая Максимилиановича Голеевского под общим названием «Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну 1917—1922 годы», снабженные многочисленными схемами и фотографиями.

Воспоминания, опубликованные за двадцать лет на страницах «Военной были», стали бесценными свидетельствами ветеранов, вдохновенно делившихся боевым и житейским опытом на страницах ста двадцати семи выпусков.

Товарищеские завтраки или обеды стали неотъемлемой частью жизни военной эмиграции, воспринятой в качестве традиции, возвращавшей участников к сбору в Царскосельском офицерском собрании, где в определенный день месяца, в зависимости от полковых традиций, все офицеры присутствовали на совместном обеде. У кирасир это была первая пятница месяца, у других полков — иные дни недели. Продолжались эти встречи и в эмиграции, в особенности в Париже. «Сначала собирались в ресторане “Эколь Ми-

литэр”, а после его закрытия— в русских ресторанах, где имелся отдельный зал, чтобы можно было без помехи поговорить о полковых делах, вспомнить доброе старое время и посидеть за стаканом вина. К сожалению, выбор ресторана был очень труден: или плохо кормили, или выходило дорого. Пробовали французские, но в небольших ресторанах нет отдельных кабинетов, надо рано расходиться, да, кроме того, заранее сказать, сколько человек будет присутствовать — невозможно, так как многие, особенно шоферы, связанные характером работы, приезжали, когда могли...»¹

Собирались на частных квартирах у тех офицеров, кто жил лучше, владел недвижимостью в Париже, но таких открытых русских домов в эпоху экономического спада в стране было немного. Домашние собрания были предпочтительнее: вокруг не было посторонних, не подгоняли хозяева заведения уйти непременно до полуночи и, наконец, игра в невинный бридж никем не возбранялась. Ворчали обычно полковые дамы, на чьи плечи ложились хлопоты по готовке и уборке дома, но это было для гвардейцев делом почти «внутрисемейным», ибо посторонних лиц на этих посиделках, как правило, не бывало. Изредка «посторонних» все же приглашали. Так, например, генерал Ознобишин удостоен чести быть приглашенным на гвардейские кирасирские обеды именно за то, что в свое время пожертвовал в полковой музей некоторые реликвии.

Первый тост гвардейцы в изгнании поднимали за Российский императорский дом и за полк. В полковые праздники представители гвардейских объединений собирались в храме Святого Преподобного князя Александра Невского на улице Дарю вместе с семьями для участия в молебне с поминовением державных своих Шефов, августейших однополчан и просто однополчан, «за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших на поле брани». По окончании молебна полковым дамам обычно преподносились букеты цветов, а затем все участники спешили сделать общее фото, запечатлев еще оставшихся пока вместе чинов своего полка с родными.

¹ *Розеншильд-Паулин В.А.* // Сборник «Кирасиры Его Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 360.

Что же касается общеармейской эмиграции, пришедшейся на периоды 1920 и 1922 годов, то она разительно отличалась от гвардейских эмигрантов. Почти никто из них, прибыв во Францию, Бельгию, Испанию или Великобританию, не обладал собственностью и не имел традиционных для русской аристократии международных родственных связей. У большинства не было даже минимальных средств, чтобы поддерживать пристойную жизнь. Далеко не все русские военные эмигранты из числа офицеров, ставших таковыми в годы Гражданской войны, имели высшее образование для трудоустройства, да и на обладателей даже французских дипломов работодатели поглядывали косо, при каждом удобном случае отдавая предпочтение соотечественникам. Подавляющее большинство прибывших во Францию солдат и унтер-офицеров давно утратило или не имело вообще навыков гражданских профессий и, тем более, не говорило ни на одном языке, кроме того, на котором привыкли говорить с детства.

4.2. СИСТЕМА САМООБРАЗОВАНИЯ В ЭМИГРАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПЛАНА ВОСПИТАНИЯ ЭМИГРАНТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ДУХЕ ДЕРЖАВНЫХ РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

Западная Европа после Версальского мирного договора представляла собой конгломерат стран с пошатнувшейся экономикой и трудноразрешимыми социальными задачами, где большинство правительств не всегда могли обеспечить занятость собственных граждан, порождая серьезную конкуренцию на рынке труда между западноевропейскими народами.

Отдельные благотворительные акции состоятельных русских эмигрантов в пользу неимущих соотечественников и частные пожертвования родственникам последнего государя не могли изменить к лучшему жизнь десятков тысяч нуждающихся людей, прибывших из еще более бедных стран Юго-Восточной Европы.

Борьба за достойное существование во Франции 1930-х годов требовала усилий, и те из военных эмигрантов, кто был не в состоянии обеспечить сносный заработок, невольно опускался

на социальное дно. Упадок качества жизни сопровождался и крушением последних надежд, и такого человека вскоре поглощали «воды медленной Леты».

Именно нужда заставляла бывших командиров корпусов и дивизий сдавать экзамены на право вождения автомобиля и бороздить целыми днями парижские улицы в надежде заработать лишний франк. Постоянное безденежье вынуждало доблестных казаков, еще недавно одним своим лихим видом обращавших в бегство численно превосходящих большевиков, собираться в труппы и развлекать досужую публику джигитовкой в многочисленных провинциальных городах.

Легендарный кубанец, генерал-лейтенант А.Г. Шкуро, найдя для финансирования своего проекта некоего мецената-сирийца, организовал цирковую труппу, набрал казаков-добровольцев и зарабатывал «на жизнь» исполнением головокружительных трюков, параллельно выплачивая своему «продюсеру» грабительские проценты. Бедственное материальное положение делало из бравых поручиков и штабс-капитанов балалаечников в русских ресторанах и чайных. Многие офицеры на чужбине становились хористами и развлекали публику волнующей душу русской песней. Лица, имевшие в запасе курс императорских гимназий, нанимались на разные работы, где только могли применить знание иностранного языка, а недавняя военная молодежь, получившая возможность учиться гражданским профессиям, спешно переквалифицировалась в инженеров различных специальностей, биологов, врачей, агрономов и почвоведов.

Для желающих была открыта и военная карьера, сопряженная со службой в Иностранном легионе, дававшая право на получение французского гражданства по прошествии времени и при наличии заслуг перед Республикой. Перед детьми и эмигрантской молодежью открывались возможности поступить на учебу в русские кадетские корпуса. Русским офицерам, желающим повысить свой образовательный уровень, рекомендовалось поступать слушателями на Высшие военные курсы, организованные в Париже под руководством генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Замыслы о подготовке квалифицированных военных кадров

появились у Врангеля сразу после переезда частей на Балканы. Тогда у командования Русской армией преобладало мнение о том, что советская власть неизбежно должна рухнуть, и после ее гибели страну может охватить полная анархия, как это уже было в 1917 году. В ходе наведения государственного порядка особое значение приобретет новая армия, которую нужно будет создавать на основе существующей Красной армии, что, в свою очередь, потребует немалого количества грамотных офицеров, довольно хорошо знакомых с опытом Великой войны и его влиянии на современную военную науку. Эти офицеры должны будут встать у истоков формирования и воспитания нового корпуса офицеров, поскольку существовавший тогда командный состав РККА в массе своей был малопригоден для этих целей. После окончания Гражданской войны в распоряжении Главнокомандующего осталось совсем немного штаб-офицеров с высшим военным образованием, и для пополнения их рядов в будущем Врангель рассчитывал открыть русскую Академию Генерального штаба на территории Королевства СХС и в Болгарии.

Выбор Врангеля пал на Николая Николаевича Головина, которому Главнокомандующий хотел поручить заботу о создании высшего военно-учебного заведения за границей. Однако тот не торопился принять предложение Врангеля, обосновывая свое нежелание братья за организацию учебного процесса отсутствием документально обобщенного опыта Великой войны и нехваткой квалифицированного профессорско-преподавательского состава. Принимая доводы Головина, Врангель тем не менее настоял на проведении подготовительной работы и обретения всего необходимого для открытия полноценной военной академии, как только для этого в эмиграции создадутся все предпосылки. Головин согласился, приступив к работе над фундаментальным научным трудом под общим названием «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», в котором конспективно осмыслил боевой опыт каждого из родов русского оружия в Великой войне. На основании ряда выводов, сделанных Головиным в ходе написания книги, им были сформулированы замечания на основе обобщенного военного опыта организации вооруженных сил России, а также его влияния

на внутреннюю политику государства в мирное время. Работу над своей книгой Головин проводил при непосредственном участии великого князя Николая Николаевича, бывшего, как известно, Главнокомандующим русской армией до той поры, как эту ношу принял на себя покойный Государь император. Трудясь над книгой, Головин знакомил великого князя с проектами каждой главы, вносил замечания его высочества принципиального характера и согласовывал с ним окончательную редакцию каждой главы.

Для подготовки полноценного учебного пособия Головину потребовалось целых 5 лет. Параллельно с написанием книги генерал Головин занимался подбором потенциальных преподавателей будущих курсов, которых он выбрал из числа русских офицеров, занимавшихся самообразованием в военных кружках. Именно этой аудитории Головин предлагал ознакомиться с оттисками отдельных глав его будущей книги по мере их опубликования. Таким образом, очень скоро в Париже стало насчитываться несколько десятков самообразовательных кружков, число которых со временем достигло более полусотни, в которых занималось свыше полутысячи офицеров, объединившихся со временем в «Курсы Высшего военного самообразования». Курсы получили дополнительную материальную поддержку от великого князя и стали прообразом знаменитых парижских Высших военно-научных курсов генерала Головина.

В начале зимы 1926—1927 годов генерал прочитал пять публичных лекций в помещении Галлиполийского собрания в Париже, посвященных боевым действиям в ходе Великой войны. С первой же лекции количество слушателей, желавших присутствовать на ее чтении, превзошло самые смелые ожидания организаторов. Аудитория слушала генерала Головина, стоя в проходах зала, а также полностью заполнила прихожую, расположенную перед залом, где выступал лектор.

Хорошо осведомленный об успехе прочитанных лекций, великий князь Николай Николаевич дал свое согласие на их окончательное открытие с учетом трех его основных пожеланий. Они состояли в том, что Положением о курсах должно было служить бывшее Положение о Николаевской военной академии в редакции 1910 года. При этом окончившие полный курс могли иметь право

быть причисленными к Генеральному штабу будущей русской армии. В академический знак лиц, успешно окончивших курс, должен быть включенным вензель великого князя с императорской короной. И, наконец, присвоить курсам полное название «Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Головина».

Примерно в середине первого цикла лекций сам Головин объявил офицерской аудитории об открытии Высших военно-научных курсов в Париже и предупредил, что все желающие пройти на них обучение должны подать рапорт о зачислении в число слушателей до известного срока. К рапорту необходимо было приложить сведения о прохождении службы и рекомендацию командира части или старшего представителя части соискателя, а в некоторых случаях — полкового объединения за границей.

Когда курсы наконец открылись, их действительными слушателями были зачислены все офицеры, которые закончили военные училища во время Великой войны. Для тех лиц, которые были произведены в офицеры из вольноопределяющихся за отличия в боевых действиях, были учреждены особые военно-училищные курсы, позволявшие слушателям освоить программы военных училищ в кратком виде и дающие право по их окончанию поступать на военно-научные курсы.

В 1930-е годы на них поступало немало эмигрантской молодежи, получившей уже среднее образование за границей. Согласно приказу председателя РОВС генерала Миллера, лицам, окончившим военно-училищные курсы, после сдачи офицерского экзамена присваивался чин подпоручика.

Высшие военно-научные курсы были торжественно открыты в Париже первой вступительной лекцией Николая Николаевича Головина 22 марта 1927 года. В начале марта у помощника главного руководителя курсов по строевой и хозяйственной части генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Репьева скопилось более сотни рапортов офицеров, желающих получить высшее военное образование. Прохождение полного курса рассчитывалось на 4—5 лет и подразделялось на младший, старший и дополнительный класс. Отличие младшего класса состояло в том, что его слушателями теория боевых действий изучалась в рамках дивизии. Наряду с

этим предметом слушателями младших классов проходились тактика родов войск¹ и ряд военных дисциплин, требующихся для понимания и решения вопросов, возникающих при изучении боевых действий дивизии. В старшем классе слушатели проходили использование дивизий в корпусах и в армии. А дополнительный класс давал возможность подробнее изучить стратегию и связанные с ней вопросы.

Окончив полный курс, слушатель получал необходимые научные сведения, знание которых необходимо каждому офицеру Генерального штаба для успешного принятия решений в быстроменяющейся военной обстановке. В основу курса обучения была положена идея о том, что ценность знаний военного определяется возможностью их применения на практике. Идея нашла свое выражение в широко распространенном на курсах методе применения прикладного способа, когда слушатели всесторонне изучают предлагаемые им преподавателем вопросы, приводя в ответ те или иные решения, а затем выслушивают критику собственных решений от преподавателей и коллег. Это предохранило слушателя от одностороннего подхода к вопросу и помогло тем самым быстро находить его правильное решение. Завершающим этапом обучения на курсах являлась военная игра, в ходе которой ее участники решением каждого хода выявляют собственную степень подготовки.

Общее количество учебных часов было определено генералом Головиным как 800, половину которых займут обязательные циклы лекций. Остальное время было оставлено на семинары, решения тактических задач, беседы с преподавателями и на военную игру, на которую отводилось 25 занятий. Наряду с этим по четвергам с 21 до 23 часов в помещении Галлиполийского общества в Париже проходили и обязательные открытые лекции, на которые наравне со слушателями курсов допускался каждый член РОВС. В то же

¹ Специалисты особо выделяли «Учебник тактики», составленный специально для слушателей полковником Генерального штаба А.А. Зайцовым, выпущенный в 1932 году под редакцией Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина в Париже издательством «Родник». — *Примеч. авт.*

время на курсах проходили практические занятия, на которые допускались лишь слушатели курсов.

После первых 10 месяцев, прошедших с начала работы курсов, генерал Головин попросил преподавателей представить ему к 1 января 1928 года оценку успехов участников практических занятий по 5 категориям — от «выдающейся» до «совершенно неудовлетворительной». Многим слушателям регулярное посещение занятий оказалось не по силам, ибо наряду с научными занятиями им необходимо было работать для того, чтобы поддерживать как себя, так и семьи, поэтому из числа слушателей младшего класса отпадали все те, кто не мог угнаться за программой, и таких оказалось более половины. По мере того как жизнь курсов развивалась далее, Головиным были сделаны некоторые дополнения в программу, расширявшую кругозор и политические познания будущих стратегов, а также выявлены те из них, кто подавал надежды для дальнейшей научной работы.

О строгости подхода к выпуску подготовленных слушателей говорило то, что в состав Экзаменационной комиссии курсов входили четыре профессора — специалиста по высшему военному образованию и несколько генералов, окончивших Военную академию еще до Великой войны. Они были хорошо знакомы с ее программой и требованиями, которые в то время предъявлялись к офицерам — слушателям академии до 1914 года.

Наиболее талантливые выпускники курсов сразу же по окончании прикомандировались к кафедрам, а через год или два, после выполнения различных научных работ и чтения пробной лекции, назначались на кафедры сообразно избранной специализации. Формально курсы генерала Головина просуществовали до сентября 1939 года, но на деле они продолжали свое существование до начала германской оккупации Франции в 1940 году. Было произведено шесть выпусков в количестве 82 слушателей, получивших право ношения нагрудного знака с великокняжеским вензелем и императорской короной.

На курсах были прочитаны лекции по различным дисциплинам легендарными белогвардейскими командирами Гражданской войны — по тактике пехоты А.П. Кутеповым, по тактике кавалерии

Павлом Николаевичем Шатиловым, по тактике артиллерии князем Владимиром Николаевичем Масальским, бывшим на Великой войне инспектором артиллерии Румынского фронта. Кутепов в своих лекциях, переходя к общим местам, любил повторять любимое им утверждение: «Мы “белые”, <до той поры> пока “красные” владеют Россией, но как только иго коммунизма будет свергнуто с нашей помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию. И только наша внепартийность и служение общегосударственным целям сделают это слияние возможным, иначе была бы увековечена Гражданская война»¹.

Говоря о потенциальном слиянии двух армий в освобожденной России, Кутепов посчитал необходимым пояснить: «Не делайте из этого заявления вывод, что я верю в какую-то “эволюцию” самого большевизма... Нет, коммунистический строй может гнить, но не может эволюционировать. Я верю, что рано или поздно у русского народа найдется достаточно сил, чтобы сбросить это иго»².

Примечательно, что в своих рассуждениях о русском национальном чувстве, в беседах с журналистами или в обращении к аудитории Кутепов всегда просто и ясно выражал свою позицию: «Говоря о русском национальном чувстве... я не хочу быть неверно понятым. Я сам великоросс, но я считаю не только неправильным, но и вредным с государственной точки зрения, когда клич “Россия для русских” понимается, как Россия для великороссов... Все народы, населяющие ее, без исключения, — ее дети. Среди них не должно быть пасынков... В нашем богатом языке, к сожалению утратилось одно слово — “россиянин”. А между тем это слово нужно и даже необходимо — оно шире, чем слово “русский”. Все народы, населяющие Россию, независимо от их национальности, прежде всего россияне»³.

Генерал П.Н. Врангель не успел прочесть своей лекции. 25 апреля 1928 года из Брюсселя в Париж пришло известие о

¹ Трубецкой С.Г., князь. Генерал Кутепов как общественный деятель // Сборник «Генерал А.П. Кутепов». Под редакцией поручика М.А. Критского. Париж, 1933. С. 313—314.

² Там же. С. 314—315.

³ Там же. С. 315.

скоропостижной кончине генерала от «интенсивного туберкулеза». Именно в этой стране бывший Главнокомандующий Русской армией нашел временный приют, и именно в Бельгии ему было суждено отойти в вечность.

Благоустроенная, спокойная страна, вне всяких сомнений, представляла определенную привлекательность для людей, переживших жестокое время революций и разрушительной Гражданской войны. У многих эмигрантов сложилось впечатление, что правительство страны с монархической формой правления никогда не признает советскую власть за приснопамятные злодеяния в отношении царской семьи и их августейших родственников. Едва ли было возможно вообразить возникновение там и Народного фронта — коалиции социалистов, коммунистов и радикалов, по примеру созданной во Франции премьер-министром Леоном Блюмом в 1936 году.

В Королевстве Бельгия ее монарх являлся основой политической стабильности. То, что государственный строй Бельгии был основан на монархических началах, имело в глазах русской эмиграции огромное значение. И хотя королевская власть была ограничена конституцией, личность бельгийского монарха влияла на политическую жизнь, формируя систему общественных ценностей народа.

Видную роль в притоке части образованной русской эмиграции в Бельгию в первой половине 1920-х годов сыграл католический кардинал Дезире Жозеф Мерсье, архиепископ Малинский, усилиями которого было обеспечено бесплатное образование русской эмигрантской молодежи в бельгийских университетах. Профессор философии в Лувенском университете, создатель Высшего института философии или Школы Фомы Аквинского, кардинал стремился собрать под сенью этого старейшего учебного заведения страны талантливых иностранцев и, в частности, подающих большие надежды русских молодых людей, оказавшихся на чужбине.

Сам барон Врангель избрал местом своего пребывания Бельгию в том числе и потому, что его дети начали свою учебу в брусельской школе и продолжили впоследствии образование в бельгийских университетах.

Одним из факторов, повлиявших на выбор русской эмиграции Бельгии в качестве страны проживания, были прежние симпатии к бельгийскому монарху Альберту I. Он был хорошо известен русской публике с самого начала Великой войны. Именно тогда поэты российского Серебряного века (Сологуб, Северянин, Гиппиус и др.) воспели в своих стихах доблесть бельгийского сопротивления германскому вторжению, возглавляемого «Королём-Рыцарем».

К русским, до самого конца Великой войны остававшимся верными союзниками его страны, король относился с большой симпатией, а королеве Елизавете был присущ искренний интерес к русской культуре и русским, под влиянием общения с которыми и находясь уже в преклонном возрасте, она изучала русский язык. К выходцам из России королева Бельгии всегда относилась с удивительной теплотой. После кончины короля Альберта в 1934 году Елизавета Бельгийская продолжала долгие годы интересоваться судьбой русских эмигрантов и, где только могла, оказывала им помощь. Приняла она участие и в судьбе семьи барона Врангеля, чья скоропостижная кончина оставила их без средств.

Смерть барона казалась подозрительной многим эмигрантам, хорошо знавшим генерала, и в первую очередь его родным, проживавшим с ним в квартире на рю де Бель-Эр № 17 — жене, детям и матери. Много лет спустя после кончины своего отца его дети Елена Петровна Врангель (в замужестве фон Мейендорф) и Петр Петрович Врангель сделали сенсационное сообщение прессе. Они сообщили, что неожиданно начавшаяся болезнь барона странным образом совпала с появлением в их доме некоего «брата» Якова Юдахина, состоявшего вестовым при особе Врангеля. «Брат» появился в доме Врангелей неожиданно, долго не гостил, пребывал в основном при кухне, в «господской» не появлялся, и после тихо убыл восвояси. Любопытно, что сам Яков Юдахин никогда не вспоминал про каких-либо родственников, тем более проживавших в Советской России, умеющих столь легко пересекать границы ради непродолжительного родственного свидания. «Брат» оказался матросом советского торгового судна, пришвартовавшегося в Антверпене, и умудрился разыскать дом своего родственника в Брюсселе, хотя ранее не состоял с ним в переписке и теорети-

чески не мог знать, где проживал Юдахин. Последствием визита советского матроса начались 8 дней «сплошного мученичества» барона. Температура его поднялась до отметки 40 градусов, силы быстро таяли, он метался, пробовал встать, спешил отдать приказания, звал личного секретаря Николая Михайловича Котляревского, дабы успеть отдать ему последние распоряжения. Семейке к умирающему Врангелю были спешно приглашены брюссельские медицинские светила, заключившие наличие у барона какой-то тяжелой инфекции. Из Парижа к заболевшему Врангелю прибыл его давний соратник профессор медицины Иван Павлович Алексинский, обнаруживший скрытый туберкулез в верхушке левого легкого. Алексинский и лечащий врач барона Вейнерт пришли к общему заключению, что в сложившейся ситуации было сделано все возможное, однако остановить развитие болезни не удалось. Незадолго до кончины к барону был зван его духовник о. Василий Виноградов, которому после исповеди и причастия Главнокомандующий Русской армией признался: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»

25 апреля 1928 года в девять часов утра генерал тихо скончался. Последними его словами были: «Боже, спаси Армию!» Русская эмиграция долго не могла поверить, что сильный, полный энергии и здоровья 49-летний человек мог «сгореть» от внезапно развившегося туберкулеза всего за неделю. По кругам эмиграции пошли слухи о насильственном устранении видной фигуры Белого движения большевиками. Позднее его тело было перевезено в Белград, и здесь 6 октября 1928 года было погребено в русском православном храме Святой Троицы, в саркофаге, под сенью склоненных знамен русских полков. Погребение последнего главнокомандующего стало своеобразной демонстрацией верности армии своему вождю. Траурная церемония проходила в торжественной обстановке. На артиллерийском лафете тело генерала провезли вдоль выстроившихся в почетном карауле солдат и офицеров Русской армии.

Была даже создана восковая фигура Врангеля, находившаяся некоторое время в музее Эрвен в Париже. Стоит отметить, что на похоронах Врангеля наряду с русскими последние почести отдавали ему сербские войска. Материалы личного архива Врангеля и

по сей день хранятся в Гуверовском институте войны, революции и мира в США.

Если предположить, что смерть барона явилась следствием «вирусной атаки», организованной при участии ИНО ОГПУ, то приходится признать, что чекисты ликвидировали политического противника в ту пору, когда в таком шаге уже давно не было необходимости.

Данные советской агентуры о мере участия Врангеля в политической борьбе против большевизма, если представить, что именно они повлияли на решение о его устранении, в реальности были либо неполными, либо намеренно искаженными. На деле, отойдя в конце 1920-х годов от поддержки террора, поддерживаемого генералом Кутеповым, как основного метода борьбы, Врангель вплотную занялся вопросами чисто теоретического характера о будущем переустройстве российской государственной жизни в случае падения советской власти в России¹.

4.3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПРАВОЙ ЭМИГРАЦИИ И ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ ИНО НКВД

На контрасте с «теоретической» линией деятельности барона в среде военной эмиграции существовала «практическая». Их придерживалась часть офицерства, настроенная радикально и готовая

¹ Заслуживает внимание и тот факт, что и сам барон Врангель очень интересовался происходящим в СССР, пытаясь через доверенных лиц получить картину происходящего в стране. Известен описываемый исследователями факт нелегальной поездки, совершенной в октябре 1929 года бывшим русским комендантом Галлиполи генерал-майором Б.А. Штейфоном. Из РОВС Штейфон был исключен Врангелем 17 декабря 1926 года и, по утверждению последнего начальника штаба Корниловской ударной дивизии Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера, действовал вне всякой связи с Врангелем. Спустя почти 15 лет после смерти Штейфона на посту командира Русского корпуса Месснер свидетельствовал, что Штейфон проехал по стране почти 3 тыс. км, посетил села, мелкие города, областные центры. Известно, что он был в Одессе и даже привез одной из своих близких знакомых — С.М. Зерновой — «мешочек родной русской земли». — *Примеч. авт.*

к продолжению тайной борьбы. Изначально лица, исповедовавшие метод террора, сплотились в Болгарии вокруг генерал-лейтенанта Виктора Леонидовича Покровского в начале 1920-х годов. Сам он был убежден, что при условии серии осуществленных десантов на советскую территорию с моря власть большевиков на юге страны можно будет свергнуть, а примкнувший народ и казаки довершат ее разгром и двинутся на север, чтобы завладеть столицей и изгнать красных прочь.

Планам Покровского за рубежом не суждено было развиваться далее обсуждения их в кругу единомышленников. 3 ноября 1922 года, в ходе расследования болгарской полицией убийства в Софии просоветского казачьего деятеля Агеева, сам Покровский был убит штыком болгарского жандарма в местечке Кюстендиле, при сопротивлении своему аресту.

«Обмен ударами» военных эмигрантов и ИНО ОГПУ продолжался большую часть 1920-х годов. Так, в Лозанне 9 мая 1923 года капитаном Дроздовского полка Морицем — Александром Конради (служившим в своё время адъютантом генерала А.В. Туркула) и его товарищем штабс-капитаном Аркадием Полуниным был застрелен генеральный секретарь советской делегации В.В. Воровский. При нападении два помощника генсека легко ранены. Официально делегаты прибыли в Швейцарию на конференцию по Ближнему Востоку¹.

Согласно воссозданной следователями картине происшествия, около восьми вечера Конради пришёл в ресторан гостиницы «Се-

¹ Цель поездки на конференцию Воровского была весьма условна. До того времени европейскими полицейскими, проводившими досмотр его личных вещей, были обнаружены разнообразные драгоценности и золотые изделия. Странность заключалась в том, что, везя с собой «обыкновенные» ювелирные изделия, Воровский был держателем личного счета в Шведском банке в размере 1,8 млн крон — суммы по тем временам астрономической. Роль Воровского в иерархии III Интернационала была, несомненно, высока. В 1920 году Воровским в Италии были заключены сомнительные сделки по продаже русских музейных ценностей местным коллекционерам. Подробнее см. в книге «Речь Обера», Белград, Издательство М.А. Суворина «Новое время», 1924. — *Примеч. авт.*

сил» и занял там место за свободным столиком. В описываемое время в зале оказалось около трех десятков посетителей. Вскоре в ресторан пришли Вацлав Вацлавович Воровский и его помощник Иосиф Израилевич Аренс, а через некоторое время к ним присоединился и другой помощник советского полпреда, 19-летний Максим Анатольевич Дивильковский. Они заняли столик недалеко от того, за которым расположился Конради. Когда большинство посетителей покинуло ресторан, Конради подошёл к Воровскому и два раза выстрелил тому в затылок в упор. Воровский замертво рухнул на пол. После этого Конради выстрелил ещё раз в воздух, чтобы напугать двух сотрудников Воровского. Раненый рикошетом от второго выстрела, Иосиф Аренс упал под стол. Там он и оставался до прибытия полиции. Дивильковский же попытался обезоружить стрелявшего, но ударом кулака был сбит с ног и затем ранен в бок. Эти два советских сотрудника, сопровождавших Воровского, отделались лишь лёгкими ранениями. Стрелявший сам попросил метрдотеля гостиничного ресторана, в котором и произошло убийство, вызвать полицию, и добровольно предал себя в руки властей. Вскоре швейцарская полиция арестовала и единственного сообщника Конради — Аркадия Полунина. Не без деятельной помощи швейцарских адвокатов Теодора Обера и Сидни Шопфера, пригласивших в качестве свидетелей на суд русских эмигрантов, бежавших из России от жестоких расправ, суд города Лозанны оправдал убивших Воровского с учетом их собственных свидетельств о зверствах большевиков¹.

Памятуя о неизбежной мести ИНО ОГПУ, Мориц Конради решил скрыться во Франции, где поступил на службу в Иностраннный легион, осложняя чекистам задачу легко добраться до него. В 1925—1926 годах он принял участие в войне испано-

¹ В 1917 году в России, после национализации шоколадной фабрики семьи Конради, четверо её членов были взяты в заложники и погибли в дни «красного террора» в сентябре 1918 года. Дядя, тетя, отец и старший брат Морица Конради стали жертвами бессмысленного и жестокого насилия. Мать и четверо младших сестер и братьев Конради, доказав своё швейцарское происхождение, чудом выбрались из России и вернулись в Швейцарию. — *Примеч. авт.*

французских войск против так называемой Рифской республики — племенного повстанческого образования в Северном Марокко. По газетным сообщениям, Мориц Конради скончался в марте 1931 года в Африке, оставаясь на службе в Иностранном легионе. Второй обвиняемый и оправданный по делу об убийстве Воровского — Аркадий Полуниин до убийства Воровского служил секретарем Российского Общества Красного Креста в Женеве, а в годы Второй мировой войны, по некоторым сведениям, принимал участие в Русском освободительном движении...¹

Не прошло и четырех лет после убийства Вацлава Воровского и смерти в одном из германских санаториев его вдовы Доры Моисеевны Воровской (урожденной Мамут) от тяжелого потрясения, вызванного убийством, как в 1927 году другой русский эмигрант — 19-летний Борис Коверда — смертельно ранил на Варшавском вокзале советского полпреда Пинхаса Лазаревича Войкова (Вайнера).

Войков — один из участников убийства царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году — оказался на вокзале, встречая и одновременно провожая своего давнего знакомого, бывшего руководителя советского консульства в Великобритании Аркадия Павловича Розенгольца. Теперь уже бывший советский генеральный консул в Лондоне был вынужден покинуть страну пребывания в связи с крупным международным скандалом, в результате которого Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, выслал весь штат советского консульства во главе с самим виновником «шпионского скандала» Розенгольцем. По пути из Туманного Альбиона тот возвращался в НКВД, ожидать нового назначения, чем и решил воспользоваться Войков, задумавший при случае попросить Розенгольца замолвить о нем слово в Москве, как о некогда «пострадавшем» от недружественных действий властей иностранных государств. К тому времени Войков был выслан из Франции за череду скандальных походов, не соответствующих дипломатическому статусу.

¹ Есть и еще одна версия, по которой штабс-капитан Полуниин скончался по неизвестным причинам в Париже в 1932 году. — *Примеч. авт.*

Обсуждая дела, два советских дипломата неторопливо прогуливались по варшавскому перрону, не заметив, как навстречу им направился молодой человек и, подойдя поближе, неожиданно сделал несколько выстрелов в сторону Войкова. В обвинительном акте о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду в качестве обвиняемого ситуация складывалась следующим образом: «Войков отскочил, бросился бежать; нападающий стрелял ему вслед, в ответ... Войков вынул из кармана револьвер, обернулся и несколько раз выстрелил в нападавшего, затем стал падать и упал на руки подбежавшего полицейского околоточного Ясинского. Нападавший, который увидел приближающуюся полицию, по требованию которой он поднял руки вверх и бросил револьвер на землю, добровольно отдался в руки полиции, заявляя, что он — Борис Коверда и что стрелял, желая убить Войкова в качестве посланника СССР, дабы отомстить за Россию, за миллионы людей. Посланник Войков, по оказании ему первой медицинской помощи на вокзале, был перевезен в госпиталь Младенца Иисуса, где в 10 часов 40 минут того же дня скончался»¹.

На первых же допросах, последовавших в привокзальном участке полиции, юноша показал, что является русским эмигрантом православного вероисповедания, и что он совершил убийство советского полпреда из соображений мести большевикам «за распятую родину». Под этой емкой метафорой молодой эмигрант подразумевал личное участие Войкова в убийстве царской семьи в качестве технического организатора и участника расправы, совершенной в Екатеринбурге в ночь с 17 до 18 июля 1918 года. Один из очевидцев, австрийский военнопленный И.Л. Майер, вспоминал: «...Когда мы вошли (в подвал. — *Примеч. авт.*), Войков был занят обследованием расстрелянных <лиц>, не остался ли, кто-нибудь ещё жив. Он поворачивал каждого на спину. У Царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца... Когда мы приехали на нашей коляске, то вокруг нескольких костров сидели красноармейцы. Голощёкин, Белобородов, Войков и Юровский стояли отдельно... Ермаков был разбужен, и они с Войковым стали раз-

¹ Убийство Войкова и дело Бориса Коверды. Июнь 1927 года. Перевод с польского с дополнениями. Париж: Возрождение, 1927. С. 10.

ворачивать мёртвых из шинельного сукна и их раздевать, причём они внимательно обыскивали одежду. Юровский положил свою фуражку на землю, и туда складывали все драгоценности...»

Как писали очевидцы, «Войков сохранял перед смертью значительное присутствие духа. Придя в сознание в госпитале... он отдал своему секретарю (Юрию Григоровичу. — *Примеч. авт.*) распоряжение, касавшееся бывших при нем бумаг и ключей постпредства, о судьбе которых он беспокоился. Умер он в присутствии министра иностранных дел Залесского, приехавшего в больницу от имени польского правительства. Из больницы труп Войкова, в набальзамированном виде, был перевезен в <советское> постпредство, которое воспользовалось этим случаем для устройства в Варшаве коммунистической демонстрации... Польское правительство выразило вдове Войкова и правительству СССР соболезнование и выполнило все формальные обязательства, вытекавшие из наличия дипломатических отношений между Польшей и советской Россией. 10 июня гроб с останками Войкова был перевезен на варшавский главный вокзал, а оттуда, в особом поезде — в Москву. За гробом по улицам Варшавы шли все местные большевики из постпредства и Розенгольц, представители польского правительства и дипломатического корпуса, и наряд польских войск, отдававших праху Войкова воинские почести и охранявших порядок (настолько строго, что похоронное шествие двигалось по совершенно пустынным улицам)»¹.

На проходившем в Варшаве процессе Борис Коверда так высказался относительно содеянного им преступления: «Я убил Войкова не как посланника и не за его действия в качестве посланника в Польше — я убил его как члена Коминтерна и за Россию».

Польским судом Борис Коверда был приговорен к бессрочной каторге. Отец Бориса с криком: «Я горжусь тобой, сын!» упал перед ним на колени и стал просить у него прощения за свою трусость, считая, что он сам должен был бы уничтожить одного из палачей своего народа. Публика, присутствовавшая на слушаниях

¹ Убийство Войкова и дело Бориса Коверды. Июнь 1927 года. Перевод с польского с дополнениями. Париж: Возрождение, 1927. С. 14.

П.Н. Врангель

П.Н. Врангель с соратниками и сослуживцами. Севастополь, 1920 г.

Генерал Врангель со своим штабом. Сремские Карловцы, 1925 г.

А.П. Кутенов

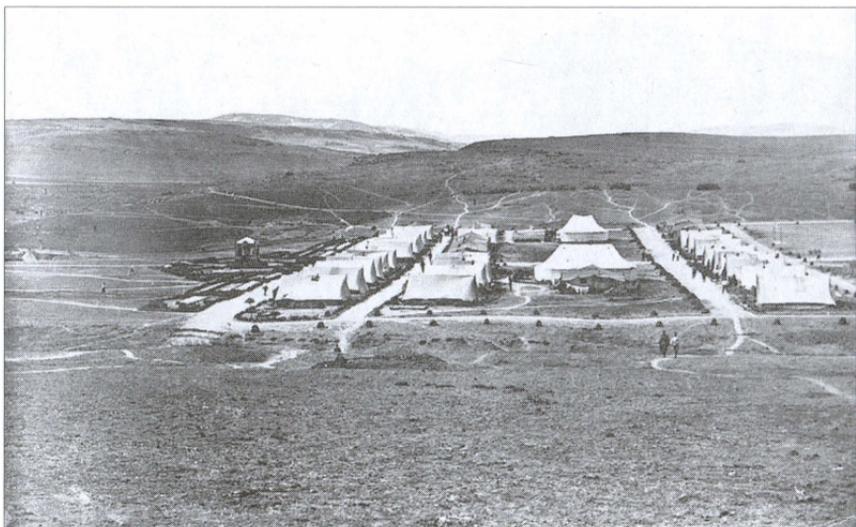
Е.К. Миллер

Здание штаба корпуса в Галлиполи

Знаменная площадка в лагере дроздовцев. Галлиполи

Лагерь Корниловского ударного полка. Галлиполи

Тактические занятия в Марковском полку. Галлиполи

Обучение стрельбе из пулемета. Галлиполи

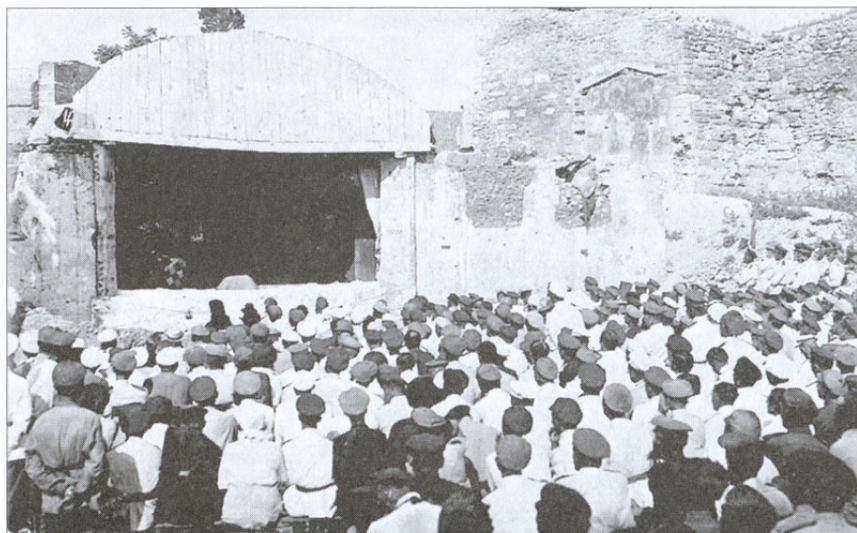
Персонал офицерской артиллеристской школы. Галлиполи

Личный состав корниловской радиостанции. Галлиполи

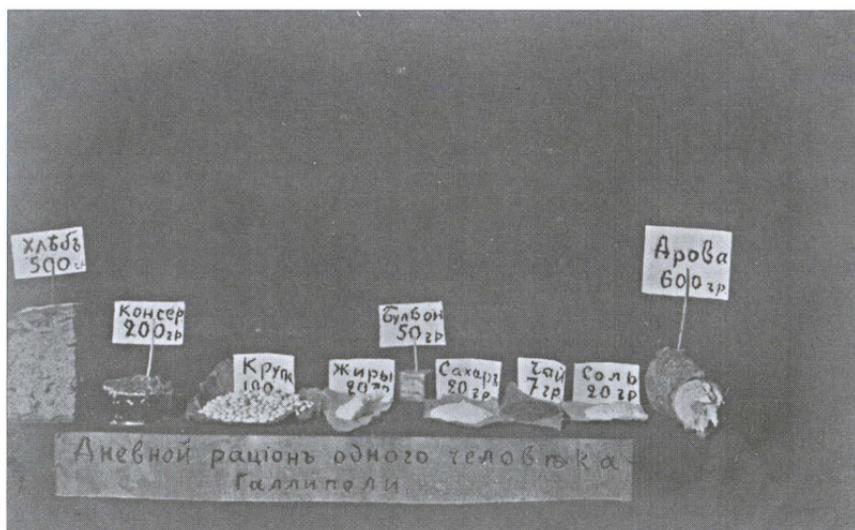
Молебен перед отправкой в Сербию второго эшелона кавалерии. Галлиполи

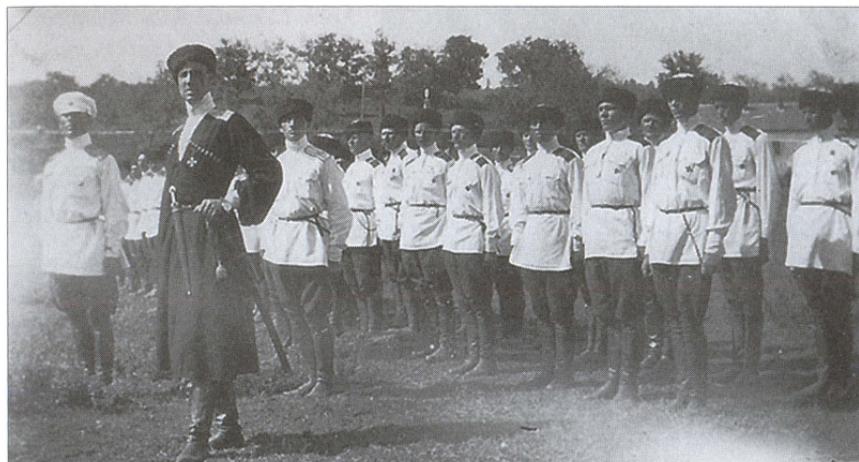
Корпусной театр. Галлиполи

Знаменная площадка Алексеевского полка. Галлиполи

Галлиполийский рацион до мая 1921 г.

П.Н. Врангель среди кубанских казаков на острове Лемнос

Дроздовцы встречают А.В. Туркула. Г. Севлиево, Болгария

*Храм Святого Благоверного
Великого Князя Александра
Невского в Бизерте*

*Внутреннее убранство храма Святого Благоверного
Великого Князя Александра Невского в Бизерте*

А.Г. Шкуро в 1920-е гг.

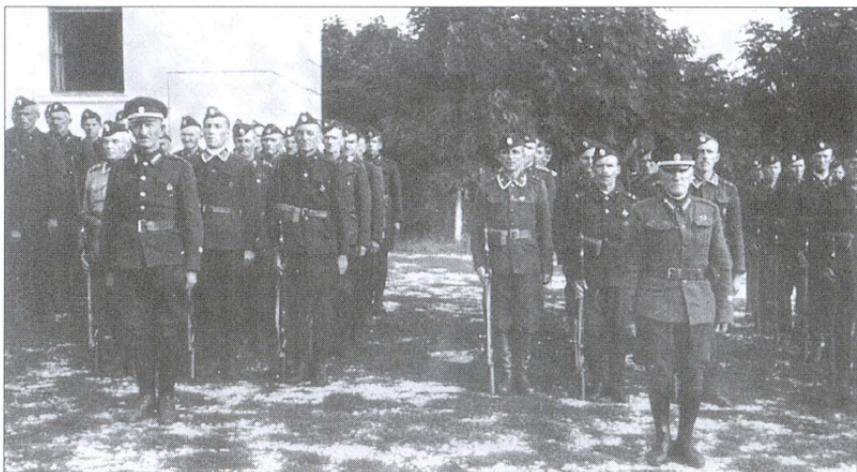
Г.М. Семенов в 1920-е гг.

А.Г. Шкуро и Г. фон Панвиц

Белые казаки снова в строю

*Смотр 5-й сотни 4-го полка Русской охранной группы.
Белград. Август 1942 г.*

И.Н. Кононов

Г. фон Панвиц награждает И.Н. Кононова Железным крестом 2-го класса

*Г.Н. Жиленков, К.Г. Кромиади и В.И. Боярский на параде
гвардейской бригады РОА. 1943 г.*

Генерал Краснов и дивизионный священник 1-й Казачьей дивизии

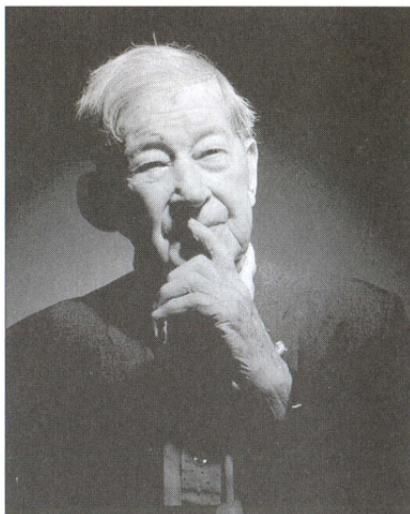
Судебный процесс в августе 1946 года. В первом ряду — Г.М. Семенов

Картина «Выдача казаков в Лиенце». Художник С.Г. Корольков

*Памятник русским морякам
в Бизерте*

*Н.В. Федоров (1901—2003) —
последний белый воин*

*Памятник кадетам на Ново-Дивеевском кладбище
в штате Нью-Йорк, США*

дела, была поражена происходящим, некоторые женщины рыдали, не скрывали слёз мужчины...¹

По ходатайству адвокатов Коверды, президент Польши сократил время бессрочного отбывания их подзащитным каторги на 15 лет. Полностью его амнистировали и освободили лишь в 1937 году по случаю 20-летия образования независимой Польши.

Весна 1927 года оказалась весьма беспокойной для ОГПУ и советских деятелей. Именно в этом году при РОВС был создан «Союз Национальных территорий» с целью планирования и исполнения ряда покушений и диверсий на территории СССР. Генерал Кутепов создал свои «окна» и «линии», бросив вскоре одну из наиболее успешных боевых групп в атаку на противника: В.А. Ларионова, С.В. Соловьева, Д. Монахова. Их первый взрыв прогремел в Центральном ленинградском клубе коммунистов на набережной реки Мойки, в результате чего пострадали 26 партийных и советских работников. Следующий взрыв произошёл в Москве — сработало самодельное взрывное устройство на Лубянке, в общежитии работников ОГПУ...

Исполнив задания, бывший капитан Марковской артиллерийской батареи Виктор Александрович Ларионов и члены его группы благополучно вернулась в Финляндию, но вскоре, по требованию финских властей, боявшихся политических осложнений с СССР, были высланы из страны. Ларионов уехал во Францию, откуда за открыто декларируемые антисемитские взгляды по требованию партии Народного фронта Леона Блюма был выслан в Германию в 1938 году. Там год спустя Ларионов возглавил Национальную организацию русской молодежи, объединившую ряд эмигрантских объединений молодых людей на территории Третьего рейха.

Благодаря успешно проведенным операциям в СССР фигура генерала Кутепова в глазах советских руководителей стала приобретать черты опаснейшего зарубежного противника. Помимо коор-

¹ Современник отмечал, что сам Коверда «снискал себе симпатии польского общества своей молодостью и патриотизмом своего поступка, несмотря на политические осложнения, вызванные для Польши его выстрелом». — *Примеч. авт.*

динации террористической деятельности законспирированное боевое крыло РОВС под началом генерала сосредоточилось и на двух других направлениях. Одно заключалось в установлении связи с высшими военачальниками Красной армии, многие из которых являлись императорскими офицерами, для привития им национально-освободительной идеи и совместной подготовки военного переворота в Москве. Другое — представляло собой систему «среднего террора». В её основу была положена концепция устрашающих ударов по отдельным советским учреждениям в столицах. Частично это и было продемонстрировано кутеповцами в 1927 году. Впрочем, превратить террористическую деятельность в систему борьбы членам боевой организации Кутепова было не под силу. Попытки перехода советской границы часто оканчивались неудачей для боевых групп. В ходе перестрелок с пограничниками гибла часть участников, а те, кому переходы оказывались по силам, впоследствии с помощью провокаторов были обнаружены и арестованы ОГПУ в различных городах. Аресты нелегалов проходили порой и на конспиративных квартирах, выявить которые помогала система доносов, к концу 1920-х годов успешно внедренная ОГПУ в сознание обывателей в отношении «подозрительных граждан». Не без помощи Скоблина, в то же время ОГПУ арестовало большую часть кутеповских «спящих агентов» в 17 городах страны.

На смену утратившим связь с зарубежьем агентами никто не был послан, а со временем и само направление вооруженных групп постепенно пошло на убыль. В довершение всего идею террора на страницах печати осудили либералы зарубежья, обработанные в соответствующем ключе большевистскими «агентами влияния» в Европе.

В качестве ответного шага ОГПУ развернуло ответную серию ударов против руководства РОВС, завершившихся их похищениями и убийствами. Последовательно были похищены и сам Кутепов и сменивший его генерал Миллер. В том и другом случае французской полиции так и не удалось выйти на след похитителей генералов, которыми в случае похищения Кутепова оказались агенты специальной группы ИНО ОГПУ Якова Исааковича Серебрянского.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Летом 1929 года советское политическое руководство санкционировало опе-

рацию по «секретному изъятию» генерала Кутепова. 1 января 1930 года Серебрянский вместе с членами своей группы Турьжниковым и Эсмерачковским выехали в Париж, а менее чем через месяц, 26 января, генерал Кутепов был похищен ими при содействии Скоблина.

В день похищения и убийства Кутепов вышел из дома, направляясь в Галлиполийское собрание, в церковь на панихиду в память годовщины кончины коренного офицера Лейб-гвардии Егерского полка, генерала от кавалерии барона Александра Васильевича Каульбарса. Почивший был широко известен тем, что в 1919 году принял на себя организацию авиационных частей Северо-Западной армии под Петроградом.

До здания Собрания Кутепов так и не дошел. Впоследствии парижской полиции удалось установить, что около 11 часов дня Кутепова видел один офицер на углу улицы Севр и бульвара Инвалидов, но дальше путь его следования указать не мог. Следы генерала терялись. Наконец спустя несколько дней обнаружился еще один свидетель таинственного исчезновения. Им оказался уборщик близлежащей клиники, расположенной на улице Удино, Огюст Стеймец, сообщивший полицейским следующее. Утром 26 января 1930 года, около 11 часов, из своего окна, выходящего на улицу Русселе, он увидел большой серо-зеленый автомобиль, развернутый в сторону улицы Удино, возле которого стояли двое высоких мужчин в желтых пальто, а неподалеку от них стояло красное такси. На том же углу переминался с ноги на ногу полицейский. В это время со стороны бульвара Инвалидов по улице Удино двигался мужчина среднего роста с черной бородой в черном пальто. Описанные свидетелем приметы вполне совпадали со стилем и внешним видом Кутепова. Когда человек, напомилавший Кутепова, свернув с Удино на Русселе, поравнялся с серо-зеленым автомобилем, люди в желтых пальто, находившиеся рядом, неожиданно схватили его и стали заталкивать в автомобиль. Полицейский, спокойно наблюдавший за происходящим, подождал, пока сопротивлявшийся не оказался в салоне, подошел и сел в тот же автомобиль. Машина, взревев мотором, вырулила на Удино и на скорости помчалась в сторону бульвара Инвалидов. Следом за ней отправилось и красное такси.

Исследователи похищения приходят к мнению, что после продолжительной автомобильной поездки, проведенной генералом в бессознательном состоянии из-за усыпляющего укола, сделанного ему сотрудниками ОГПУ, похищенный был погружен на советский теплоход «Спартак» под видом заботливо доставленного товарищами «загулявшего» старшего механика.

В знак протеста против похищения генерала около 6 тысяч водителей парижских такси — преимущественно русские эмигранты — устроили забастовку. По сообщениям эмигрантских газет, по инициативе газеты «Libertè» в Париже состоялся митинг протеста против похищения генерала Кутепова, собравший около 3000 человек. На нем было решено устроить демонстрацию перед советским полпредством и Министерством иностранных дел Франции.

В разных округах Парижа дело дошло до столкновений русских военных эмигрантов с полицией, причем последней пришлось пустить в ход дубинки. Видные представители русской эмиграции потребовали от французских властей вмешаться и освободить генерала, но к тому времени судно с Кутеповым уже покинуло территориальные воды Франции. Современник отмечал: «Гибель генерала Кутепова, преданного корниловцем генералом Скоблиным большевикам, был тяжелой утратой для русского дела... У меня был с ним разговор, и когда я спросил его, есть ли у него какая-нибудь сила, то Скоблин ответил, что имеет в Париже хороший корниловский полк. Я сказал ему: “так почему же вы, узнав о похищении советами генерала Кутепова, не разгромили советское посольство или вы это не могли сделать?” Он ответил: “да, мы могли бы разгромить посольство, но тогда это было несвоевременно ещё”. (Была еще задача предать генерала Миллера.) Предав и генерала Миллера, Скоблин сбежал в Москву, а место генерала Миллера занял генерал Архангельский, и Советам эта замена страшна не была»¹.

По одной из современных версий работников архива ФСБ, обнародованных в прессе, генерал Кутепов умер от сердечного при-

¹ Кириенко И.К., генерал-майор. 1613 г. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917 г. Воспоминания. Сан-Паулу, 1963. С. 133.

ступа вскоре после того, как теплоход прошел Черноморские проливы, примерно в 100 милях от Новороссийска.

Существует и еще одна версия гибели Кутепова, прозвучавшая из уст одного из старых французских коммунистов по фамилии Онель, рассказанная им в 1978 году. По рассказу Онеля, чей родной брат принимал непосредственное участие в похищении генерала, вышло так, что Кутепов — человек смелый и сильный — оказал агентам Серебрянского такое сопротивление, что они не могли вести машину. Тогда брат Онеля, вынув нож, ударил им Кутепова несколько раз. Программой похищения этот ход, вероятно, предусмотрен не был. Нужно было срочно избавляться от тела, и агенты ОГПУ повернули машину к дому брата Онеля, проживавшего в парижском пригороде Леваллуа-Перре. Прибыв на место, четверо участников убийства вытащили бездыханное тело Кутепова и поволокли его в гараж. Немногим позже Онель вырыл яму в гараже, куда был перенесен убитый генерал. Для того чтобы скрыть следы преступления наиболее тщательным образом, агенты залили тело имевшимся у Онеля цементом, купленным тем как раз для укрепления гаражного пола.

Проверить этот рассказ сейчас почти невозможно, поскольку место, где находился гараж, давно застроено современными многоэтажными постройками¹.

¹ Фон, на котором произошла гибель Кутепова, выглядит так. В марте—апреле 1929 года Кутепов совершил поездку в Сербию, где, выступая перед кубанцами, недвусмысленно намекнул: «Сигнала “поход” еще нет, но сигнал “становись” должен уже быть принят по всему РОВС. 25 января 1930 года Кутепов предложил поручику М.А. Критскому — бывшему старшему адъютанту разведывательного отделения штаба 1-го армейского корпуса в 1919 году — подготовить план десанта на Кубань, который генерал намеревался возглавить лично. По некоторым данным, предполагалось высадить до 4 тыс. офицеров. Обсуждение плана назначалось на понедельник, 27 января. В 1960-е годы престарелый поручик Критский уточнил немаловажную деталь о планах Кутепова: «К динамизму и его неукротимой воле борьбы с большевиками прибавились крупные деньги». Дело в том, что в начале 1930 года РОВС получил из депонированных в Японии бывших сумм адмирала А.В. Колчака более 8 млн франков. 26 января Кутепов погиб и обсуждение вопроса о десанте на Кубань не состоялось. — *Примеч. авт.*

Дело по ликвидации Кутепова дало новый толчок к развитию карьеры Серебрянского и его группы. Вскоре во Франции он приступил к созданию автономной агентурной сети в различных странах для организации диверсий на случай войны. Работая за границей, Серебрянский лично завербовал около 200 человек. Созданная «Группой Яши» сеть действовала в Германии, Франции, Палестине, США, Скандинавии, на Балканах и состояла не только из секретных агентов ОГПУ и Коминтерна, но и из просоветских настроенных русских эмигрантов.

У погибшего генерала Кутепова остался пятилетний сын, Павел Кутепов, родившийся в Париже 27 февраля 1925 года. После смерти отца Павел учился в Париже, затем продолжал свое образование в Риге и сербском городке Белая Церковь. В отличие от отца, отношение молодого Кутепова к большевикам было скорее положительным. Несмотря на трагические обстоятельства гибели Кутепова-старшего, во время немецкой оккупации Югославии его сын примкнул к коммунистам и взаимодействовал с партизанами Иосипа Броз Тито. После войны Павел Кутепов оказался в СССР, где, по некоторым данным, работал на текстильных фабриках в Иванове. Впоследствии перебрался в столицу, и в свободное время сотрудничал с Отделом внешних церковных сношений Московской патриархии, где был оформлен в качестве внештатного переводчика.

По воспоминаниям знавших его лиц, Павел Александрович Кутепов недурно делал письменные переводы с французского, немецкого и сербских языков. За успешную работу в октябре 1960 года Кутепова взяли в штат переводчиком в ОВЦС. За семь последующих лет сын белого военачальника прошел путь от рядового редактора Бюро информации и переводов ОВЦС до руководителя этого отдела. Московская патриархия отметила способности Кутепова орденами Святого равноапостольного князя Владимира II и III степеней, орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени.

Когда, не дожив немного до своего 60-летия, в декабре 1983 года после продолжительной болезни Кутепов-младший скончался, отпевали его в храме Всех Святых в Земле Российской Просиявших,

что рядом с метро «Сокол» в Москве. Погребение состоялось на Бабушкинском кладбище на северо-восточной окраине столицы.

Зная, как тесно ОВЦС МП был связан с КГБ, и наблюдая карьеру Павла Александровича в отделе Московской патриархии, более других находившегося под опекой 5-го управления КГБ, можно предположить разные версии его успехов. Первая состоит в том, что при неоднократно высказываемой Кутеповым-младшим полной лояльности советской власти, многократно подтвержденной сыном непримиримого борца с большевизмом, ему было позволено трудиться на не самом обременительном переводческом поприще. Возможно, хотя и маловероятно, что, «искупив вину» своим десятилетним заключением в советском лагере, сын врага советской власти мог впоследствии посвятить свою дальнейшую жизнь чему угодно.

Но, что скорее всего, Павел мог быть использован МГБ и впоследствии КГБ для каких-либо его внешнеполитических «мероприятий» в отношении русской эмиграции, однако точных сведений об этом в нашем распоряжении не имеется. Мероприятия по обезглавливанию РОВС в Париже, завершившиеся еще в 1937 году, снимали вопрос по использованию родственников руководителей этой организации, лояльных советской власти, в каких-либо серьезных операциях¹.

22 сентября 1937 года, снова при содействии генерала Николая Скоблина и бывшего министра торговли в колчаковском правительстве Сергея Третьякова, был похищен генерал Евгений Карлович Миллер. Как ни странно, генерал Миллер, имевший немало оснований остерегаться Скоблина, содействовал его избранию в РОВС на весьма ответственный пост.

В недрах этой организации существовала и другая тайная организация, именовавшаяся «внутренней линией». Она занима-

¹ Учитывая особенности тогдашней жизни в СССР, подобный переезд в Москву из Иванова, да еще и получение престижной переводческой работы в синекуре самого подконтрольного КГБ подразделения МП РПЦ, не мог оказаться делом случая. Таким образом, советские спецслужбы могли «оплатить» успешную работу своего контрагента в бытность его за границей. — *Примеч. авт.*

лась наблюдением за чинами РОВС и либерально настроенными русскими эмигрантами, открыто симпатизировавшими советской власти и по разным причинам входившими в контакт с РОВС. Кроме того, в недрах «внутренней линии» постоянно шёл отбор надежных кандидатов для работы на «внешней линии», то есть на территории СССР.

В 1935 году генерал Миллер опрометчиво поставил Скоблина во главе «внутренней линии»... Но вскоре после этого назначения, из пограничных с Россией северных государств стали поступать тревожные сведения. Осведомители в Финляндии дали знать Миллеру лично, через посредство представителя РОВС в Гельсингфорсе генерал-майора С.Ц. Доливо-Добровольского, что существуют неоспоримые данные о сношениях Скоблина с большевиками.

В русской колонии Парижа поползли слухи о связи Скоблина с советской агентурой. Обвинения против генерала, ставшие достоянием руководства РОВС, даже разбирались судом чести, состоявшим из старших генералов, но за отсутствием неопровержимых доказательств виновности Скоблина оправдали.

В конце 1936 года Миллер все же отстранил его от работы по «внутренней линии», ибо уже не доверял Скоблину, хотя причины, побуждавшие осторожного Миллера не порывать со Скоблиным совсем, так и остались неизвестны следователям, ведущим дело о похищении главы РОВС.

В гнетущей атмосфере обнаружившегося предательства в Париже прошли «Корниловские торжества». Устроителем и гостеприимным хозяином праздника был сам Николай Владимирович Скоблин. Журнал «Часовой», «орган связи русского воинства и национального движения за рубежом», издававшийся в Брюсселе, сообщал своим читателям, что «в следующем номере “Часового” будет отмечено это знаменательное событие». Но история распорядилась таким образом, что следующий номер журнала вышел с заголовком: «Злодейское похищение генерала Миллера!»

Несостоявшийся герой номера, генерал Скоблин заманил своего руководителя в ловушку, разработанную в недрах ИНО НКВД, пригласив того на мнимую встречу с представителями германской раз-

ведки. Сценарий похищения был тщательно продуман и разработан не только по часам, но и по минутам. Для обеспечения алиби сам Скоблин должен был оставаться на виду для отвода возможного подозрения в соучастии, которое могло пасть именно на него.

В среду утром 22 сентября 1937 года генерал Миллер, как обычно, вышел из своей квартиры в Булони и направился в канцелярию РОВС на улице Колизе, 29. В руках он держал темно-коричневый портфель. Около 12 часов дня он ушел из канцелярии РОВСа, предупредив одного из помощников, генерал-лейтенанта П.В. Кусонского, что у него деловое свидание в городе, после которого он вернется обратно. Перед уходом, однако, он дал Кусонскому неожиданное указание. Генерал Миллер просил вскрыть конверт и прочесть вложенную в него записку, если он вдруг не вернется со встречи. Записка, как выяснилось позже, содержала следующую информацию: «У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и улицы Раффэ, и он должен пойти со мною на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штротманом, и с господином Вернером, причисленным к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, и на всякий случай я оставляю эту записку». Под письмом стояла подпись Миллера.

Миллер словно предвидел возможный поворот событий, и оказался прав. С этого свидания генерал не вернулся не только в РОВС, но и во Францию, оказавшись во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. По оплошности Кусонского, позабывшего о распоряжении начальника вскрыть письмо, как только станет очевидным, что председатель не вернулся со встречи, конверт был распечатан им лишь около 23 часов. Произошло это в то время, как взволнованная отсутствием мужа супруга генерала Наталья Николаевна Миллер, урожденная Шипова, потребовала, чтобы сотрудники РОВС поспешили оповестить полицию об исчезновении генерала. Прочитанная записка ошеломила Кусонского и адмирала Кедрова, заместителя генерала Миллера в РОВС. Ночной вызов мужа из дома на улице Колизе, 29 настолько встревожил жену Кедрова, что она тоже приехала в канцелярию. Туда же явился один из офице-

ров организации, которого потом послали в гостиницу за Скоблиным, не сообщив тому ни слова о записке, оставленной Миллером. В канцелярии РОВС на Скоблина буквально набросились с расспросами взволнованные Кусонский и Кедров. Не подозревая о существовании изобличающего документа, он спокойно ответил, что не видел генерала Миллера еще с прошлого воскресенья. Но, когда ему предъявили записку, он изменился в лице и на какое-то мгновение потерял самообладание. Поборов смятение, Скоблин продолжал настаивать, что Миллера не видел и что в 12.30 дня он с женой обедал в русском ресторане, уверяя, что этот факт может быть подтвержден свидетелями.

Тогда вице-адмирал Михаил Александрович Кедров потребовал, чтобы Скоблин и присутствующие направились в полицию. Перед уходом Кусонский и Кедров решили наедине обменяться мнениями. Оставив их вдвоем, Скоблин сразу же воспользовался минутной заминкой. Он вышел из канцелярии, прошел мимо жены Кедрова и посланного за ним офицера (который все еще не знал о записке Миллера) и первым вышел на лестницу. Когда Кусонский и Кедров появились из канцелярии РОВС, Скоблин вдруг куда-то исчез. Не было его ни на лестнице подъезда, ни на самой улице.

Чины РОВС отправились в полицию и сделали официальное заявление об исчезновении своего председателя. По распоряжению французских властей было установлено наблюдение на всех железнодорожных вокзалах, во всех морских портах и на пограничных станциях. Туда же передали описание наружности Скоблина с приказанием его задержать. Но время было упущено.

Расследование гестапо, проводимое в условиях оккупации Парижа в начале 1940-х годов, в точности восстановило хронологию событий 22 сентября 1937 года. В общих чертах это было повторением сценария похищения Кутепова. Место, назначенное Скоблиным для свидания с Миллером, находилось в районе, где советское посольство в Париже владело несколькими домами. И, кроме этого, нанимало помещения для своих агентов и для служащих различных миссий. В квартале от перекрестка, где рю Жасмен пересекает рю Раффэ, стоял особняк на бульваре Монморанси. Там находилась школа для детей служащих советского посольства. Она была закры-

та на время летних каникул. Из окна одного из соседних домов свидетель, знавший и Миллера, и Скоблина, видел их у входа в это пустое школьное здание. Скоблин приглашал Миллера войти. С ними был еще один человек крепкого телосложения, но он стоял спиной к свидетелю. Это происходило около 12.50 часов дня. Несколько минут спустя перед входом в школу появился закрытый грузовик серого цвета. Тот же грузовик, но уже с дипломатическим номером, появился около четырех часов пополудни в порту Гавра и остановился на пристани рядом с советским торговым пароходом «Мария Ульянова». Автомобиль выглядел пыльным и грязным. В будний день путешествие на автомобиле из Парижа в Гавр (расстояние между городами — 203 километра. — *Примеч. авт.*) можно было без труда преодолеть за три часа. Из автомобиля выгрузили тяжелый на вид деревянный ящик длиной приблизительно в шесть, а шириной — в два с половиной фута. И сразу же с помощью четырех советских матросов бережно перенесли его по трапу на пароход. Вскоре «Мария Ульянова» неожиданно для портовых властей и без обычного предупреждения развела пары, снялась с якоря и вышла в открытое море, не успев даже закончить разгрузку.

Портовый чиновник, зашедший по делам к капитану «Марии Ульяновой», сообщил потом полиции, что во время их разговора в каюту спешно вошел человек, на ходу бросивший что-то капитану по-русски, после чего тот сообщил, что получил радиogramму, требующую его немедленного возвращения в Ленинград. Французский портовый чиновник обратил внимание на то, что подобные требования обычно направляются агенту пароходного общества, а не непосредственно капитану судна. Сходя с парохода, он обратил внимание на стоящий рядом грузовик, которого за 25 минут до этого там еще не было.

На следующий вечер Эдуард Даладье, бывший тогда министром национальной обороны французского правительства, вызвал к себе советского посла. Сообщив ему о серьезных уликах и газетном шуме, поднявшемся вокруг похищения генерала Миллера, он предложил послу потребовать, чтобы пароход «Мария Ульянова» немедленно вернулся во Францию. Французские власти заявили советскому посольству протест против похищения генерала

и угрожали выслать эсминца на перехват только что вышедшего из Гавра советского теплохода «Мария Ульянова». Советский посол в Париже Яков Суриц заявил, что французская сторона будет нести всю ответственность за задержание иностранного судна в международных водах, и предупредил, что Миллера на судне все равно не найдут. Французы отступились, вероятно, осознав, что живьем свою добычу чекисты не отдадут.

Генерал Миллер был доставлен морем в Ленинград и далее по железной дороге конвоирован в Москву. 29 сентября 1937 года он оказался на Лубянке. Там содержался как «секретный узник» под именем Петра Васильевича Иванова в обстановке режима повышенной строгости. На просьбу дать ему Евангелие узник получил отказ, равно как и на разрешение написать жене несколько строк.

11 мая 1939 года по личному приказу наркома внутренних дел Лаврентии Берии, несомненно, санкционированному Политбюро ЦК ВКП(б), генерал Миллер был расстрелян при участии коменданта здания НКВД на Лубянке Василия Михайловича Блохина. Тело генерала было кремировано, а прах высыпан в одну из безвестных могил в Донском монастыре.

Между тем обыск, проведенный французской полицией в Париже в доме Скоблиных, и дальнейшее расследование дела установили причастность Плевицкой к преступлению. При этом неожиданно для всех оказалось, что семейная в зеленом переплете Библия певицы и её мужа служила ключом для шифрованной переписки.

Во время судебного процесса над Плевицкой среди многих других был вызван в суд для допроса и бывший поверенный в делах советского посольства в Париже. Г.З. Беседовский, убежавший на Запад в еще 1929 году, под присягой сообщил, что в свое время парижский агент ОГПУ Владимир Янович говорил ему, что у него имеется свой «человечек» возле самого Кутепова и что этот «человечек» «женат на певице». Помимо упомянутого заявления Беседовского многие косвенные свидетельства связывали Скоблина и Плевицкую с советской агентурой еще в то время, когда во главе РОВС стоял генерал Кутепов. Только тогда обратили внимание на странное обстоятельство: не будучи в близких отношениях с женой

генерала Кутепова, Плевицкая тем не менее старалась не отходить от нее в течение первых нескольких дней после исчезновения генерала. Под видом сочувствия Лидии Давыдовне Кутеповой Надежда Плевицкая в беседах старалась ненароком выяснить действия полиции в ходе расследовании дела об исчезновении её мужа.

Участь Кутепова и Миллера едва не постигла и генерала Антона Ивановича Деникина. Сам генерал вспоминал впоследствии, что в Париже Скоблин настойчиво уговаривал его отправиться вместе с ним на автомобиле в Брюссель, чтобы присутствовать на банкете местных корниловцев: «Поезжайте со мной, ваше превосходительство! — уговаривал Деникина Скоблин. — Я повезу вас в моей машине. Если хотите, можно выехать завтра, в четверг». Деникин сухо отказался от предложения, ибо настойчивость Скоблина показалась ему в какой-то момент подозрительной. Скоблин отлично знал, что бывший Главнокомандующий Добровольческой армией к нему не расположен, и в течение десяти лет избегал даже разговоров с ним. «Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года»¹, — позже объяснял свою «нелюбовь» к навязчивому молодому генералу Деникин. И тем не менее вот уже несколько раз подряд Скоблин упорно, под разными предлогами, пытался навязать себя в шоферы к генералу: сначала он появился на квартире Деникиных в Севре. Поблагодарив Антона Ивановича за его прошлый приезд в Париж, Скоблин тут же предложил в виде ответной любезности лично отвезти Антона Ивановича в тот же день на автомобиле к семье в Мимизан. Просьба была выражена в почтительной, но настойчивой форме. Во время разговора неожиданно для Скоблина в комнату вошел один преданный Деникину казак, человек рослый, сильный и широкоплечий, с которым генерал заранее сговорился, чтобы тот натер полы и привел в порядок помещение его квартиры. Скоблин внезапно оборвал разговор. Делано заторопившись, он быстро откланялся и ушел. Из окна своей квартиры Деникин мог наблюдать, что в машине Скоблина сидели какие-то два совершенно незнакомых ему человека. Вскоре от Скоблина по-

¹ *Ипполитов Г.М.* Деникин. В серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 460.

следовало еще одно предложение доставить генерала на автомобиле, сообразно с его желанием, или обратно к семье в Мимизан, или в Бельгию на банкет объединения корниловцев в Брюсселе. И, наконец, третье предложение Скоблина, сделанное им Деникину в присутствии полковника Григория Андреевича Трошина и корниловского штаб-капитана Петра Яковлевича Григуля, отвезти Деникина на своем автомобиле на следующий день, 23 сентября 1937 года, в Брюссель. Впрочем, все попытки Скоблина подвести генерала к захвату его чекистами оказались неудачными.

После провала, выявившего его связь с похитителями председателя РОВС, Скоблину удалось скрыться из Парижа в республиканскую Испанию. Там он, по всей вероятности, вскоре был ликвидирован сотрудниками НКВД. По версии, опубликованной покойным генерал-лейтенантом КГБ Павлом Судоплатовым, Скоблин погиб при налете авиации на Барселону в 1937 году. Иных подробностей о гибели Скоблина чекистом-мемуаристом не указывалось. Третьяков, который помог Скоблину скрыться после разоблачения, был казнен в 1943 году немцами как советский шпион. Жена Скоблина, певица Надежда Плевицкая, была осуждена французским судом как соучастница похищения Миллера и погибла во французской тюрьме в 1941 году. Жизнь певицы, окончившаяся столь печально, имела свою закономерность в развитии. Авантюризм и неистребимая страсть к материальному благополучию в конце концов привели ее к закономерному финалу. В большое искусство Плевицкую привел знаменитый оперный тенор Леонид Собинов, однажды услышав выступление молодой курской певицы на Нижегородской ярмарке. Собинов помог Надежде организовать первый многочасовой концерт в Большом зале Московской консерватории, восхитивший либеральную интеллигенцию, окрестившую певицу «талантливым самородком из народа». В Российской империи выходили одна за другой ее бесчисленные грамофонные пластинки, Плевицкой делают предложения о съемке в фильмах; постепенно Надежда Васильевна стала одной из самых высокооплачиваемых певиц своего времени. После выступления перед царской семьей государь император Николай II одарил молодую певицу драгоценной брошью, ласково назвав Плевицкую «нашим курским соловьем». Вторым мужем

Плевицкой стал поручик Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Шангин, и в 1914 году, когда началась Великая война, Надежда отправилась вместе с ним на фронт, где стала сиделкой в полковом лазарете. В январе 1915 года кирасир Шангин героически погиб в бою, и через некоторое время Надежда Плевицкая снова вышла замуж за другого офицера — поручика Юрия Плевицкого. Вскоре после этого события Российская империя начала рушиться, и вслед за этим разразилась великая российская смута. Жизнь Плевицкой во время Гражданской войны полна умолчаний и пробелов, сквозь которые ясно проступают лишь ее эксцентричные любовные приключения. Исследователями описан ее роман с сотрудником одесской ЧК Шульгиным. Как-то вместе с мужем Юрием Плевицким, ставшим красным командиром под влиянием «друга семьи» Шульгина, они неожиданно для себя попали в плен к корниловцам. И быть бы им расстрелянными, но великую русскую певицу узнал тогда молодой полковник Скоблин — командир Корниловского полка. Артистку привезли в штаб батальона, где она дала концерт для господ офицеров, причем при этом очарованный командир корниловцев лично сопровождал Надежду Плевицкой на гармони. Так начался этот тандем двух людей, волей обстоятельств ставших ключевыми фигурами в деле противостояния РОВС и ОГПУ.

4.4. УЧАСТИЕ ВОЕННЫХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ И ВОЙНАХ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД 1924—1939 ГОДОВ

Пока во Франции НКВД воплощал свою вторую крупномасштабную акцию против руководства РОВС, еще в одной стране Западной Европы шла «горячая война» коммунистов и их противников. Именно туда потекли ручейки добровольцев из числа бывших офицеров и генералов императорской армии. Всего на стороне генерала Франко воевало около 80 офицеров, принимавших участие в Гражданской войне в России, из которых 34 пали смертью храбрых. Предыстория же Гражданской войны в Испании такова. В результате правления испанского либерала-социалиста Беркенгера, чья личность мало соответствовала роли премьер-министра в силу

ряда причин, во всех сферах управления государством, и экономике в том числе, воцарились анархия и полный хаос, приведшие, как и во время российской «февральской революции», к тому, что законный монарх отрекся от престола. Как только король покинул пределы Испании, левой оппозицией в парламенте была провозглашена республика. Правительство Испанской республики, как и российское Временное правительство, не могло справиться с бедственным экономическим положением страны, а на фоне образовавшегося кризиса власти в Барселоне стало быстро набирать силу движение анархистов. В какой-то момент возникло полное безвластие, лишь усилившее борьбу испанских политических партий. Многодневные парламентские дебаты, которые никуда не вели, обнаружили удивительный факт, что при всей ожесточенности споров по поводу дальнейшего политического будущего страны, реальная власть в стране оказалась никому не нужной. Никто из политических лидеров не взял на себя смелость взяться за насущные проблемы государственной жизни, ограничившись обвинениями оппозиционных партий и монархистов в развале страны.

Испанские коммунисты и социалисты решили воспользоваться сложившимся положением дел и забрать власть в свои руки. 16 июня 1936 года католический депутат по фамилии Сотелло, выступавший на заседании кортесов, произнес речь, обличая всю гибельность «Народного фронта» — альянса социалистов и коммунистов. Малоизвестная тогда коммунистка Долорес Ибаррури в ответной речи призвала народ Испании к восстанию и уничтожению всех «контрреволюционеров», подобных своему оппоненту. Это стало отправной точкой обострившейся и уже вооруженной борьбы за власть. Для Испании начались дни «красного террора». Под давлением «Народного фронта» умеренный по своим политическим воззрениям президент республики Алькала Замора, был свергнут «восставшим народом» и заменен кандидатом от коммунистов — Мануэлем Азанья. «Народным фронтом» руководил член Коминтерна, частый гость советского правительства коммунист Ларго Кабаллеро. 13 июля 1936 года испанские коммунисты арестовали католического депутата Кальво Сотелло, увезли на грузовике и убили выстрелом в затылок. Труп его был выброшен убийцами на

улицу. В Испании 1936 года события развивались по российскому сценарию 1917 года под управлением Коминтерна. Для полной победы международному коммунистическому движению осталось только лишь развалить армию и казнить офицеров-роялистов. В ответ на убийство Сотелло испанские генералы решили положить конец творящимся беззакониям, и, взяв власть в руки, подавить беспорядки. Испанский генерал Франко, как некогда и генерал Корнилов в России 1918 года, возглавил это движение также на юге своей страны. Противостояние началось в колонии на севере Африки. В ночь с 16 на 17 июля 1936 года восставшие офицеры под командой полковника Газало с верными частями захватили город Мелиллу. Попытка восстания в столице метрополии Мадриде, предпринятая генералом Виллегасом, провалилась. В ответ на это ночью на 20 июля 1936 года революционеры-анархисты и коммунисты устроили массовое сожжение католических храмов по всей стране, уничтожив огнем 50 церквей по всей Испании. Следом за этим ими инициировались массовые убийства мирных граждан. Как и в России, толпы коммунистов врываются в частные дома, ищут, захватывают и убивают офицеров королевской армии. Многие испанские генералы были убиты в ходе этой резни, однако генералу Франко, находившемуся вне страны, удалось овладеть всей северной испанской Африкой и почти без всякого сопротивления начать высадку своих войск на южном берегу Испании. На севере Испании также появилась новая сила: «карлисты» — приверженцы монархического образа правления, которые сразу присоединились к националистам и стали создавать свои боевые добровольческие части «красных беретов» под названием «рекете», командовали которыми выбранные добровольцами офицеры. К концу июля 1936 года объединенными антикоммунистическими силами была захвачена треть Испании. В «республиканской» коммунистической части Испании продолжал бушевать пожар «красного террора». Испанские коммунисты с невероятными жестокостями убивали офицеров, священнослужителей и государственных служащих. Испанские «чекисты» — члены коммунистической тайной полиции все совершаемые именем революции убийства сопровождали чудовищными пытками: священников сжигали заживо, распинали на самодель-

ных крестах, словно бы воскрешая былой опыт испанской инквизиции средневековья. Примечательно, что в вышедшей в свет еще в 1932 году книге Ильи Эренбурга «Испания», как отмечает рецензент¹ в газете «Парижский вестник», содержалось «кощунственное святотатство над христианскими обрядами, иконами, скульптурой, атрибутами культа, глумление над священниками и монахами... И переезжая с места на место, автор с торжествующим удовольствием сообщает: — Здесь они уничтожили все церкви! (Или несколько церквей или столько-то монастырей.) Он готов плясать от радости, получая сводку “успешных” святотатственных событий на антирелигиозном фронте... Эренбург бросал искры в пороховой погреб и своей цели достиг. Одна из его искр вспыхнула...»² Ввиду бедственного положения на фронте борьбы с роялистами республиканский премьер-министр Хираль обратился к председателю совета министров Французской республики Леону Блюму с просьбой о помощи. Во Францию, родину коммунизма, полетела телеграмма от правительства Испании о направлении оружия и боеприпасов. Одновременно с этим испанский коммунист Ларго Кабальеро телеграфировал просьбу об оказании подобной помощи в Москву. Французское правительство поручило Военному министерству направлять испанским коммунистам оружие и самолеты. Советское правительство послало военных специалистов и инструкторов. С молчаливого согласия премьер-министра Блюма в ряде городов Франции были открыты многочисленные вербовочные пункты для интернациональных бригад, состоявших из сочувствующих социализму добровольцев. А в начале августа 1936 года из Франции в сторону испанской границы тронулся первый эшелон с 700 «интернационалистами» на борту. В ответ на этот ход французской стороны итальянский дуче Бенито Муссолини согласился с решением парламента своей страны о направлении вооружений, само-

¹ Известный публицист эмиграции В. Унковский, автор вышедшей в 1942 году в Париже книги о русской эмиграции в Югославии под названием «Икары». — *Примеч. авт.*

² Унковский В. Сталинский поджигатель // Газета «Парижский вестник» № 39, 1943 г. С. 3.

летов и добровольцев на помощь националистам Испании. 15 октября 1936 года в Барселону прибыли и первые советские пароходы «Георгий Димитров», «Нева», «Большевик», привезшие огромное количество боеприпасов, оружия и грузовиков. Тем временем в Москве ИНО НКВД начало работу по кадровому обеспечению испанских коммунистов. Помимо политических руководителей в Испанию направлялись специалисты различных направлений: военные инструкторы, комиссары, артиллеристы, танкисты и летчики. По сведениям некоторых исследователей, в обмен на это республиканцы передали Советскому Союзу весь золотой запас страны. За что к концу 1936 года получили из Москвы: 160 000 ружей, 4 миллиарда патронов, 25 000 пулеметов, 400 орудий и 12 000 снарядов, 350 танков, 200 000 бомб и гранат.

В ноябре 1936 года в Испанию стали прибывать в массовом порядке советские офицеры и технические работники. Примерно в это же время на южном побережье Испании начали выгружаться две итальянские стрелковые дивизии и приданная им авиация. В декабре 1936 года из Германии прибыл авиаполк «Кондор» в составе 4-х эскадрилий бомбардировщиков, 4-х эскадрилий истребителей и батареи ПВО. Политический кризис в Европе 1938 года и появившийся ультиматум Гитлера вынудили европейские страны отказаться от помощи противоборствующим сторонам в Испании.

Премьер-министр Испанской «республики» Хираль был заменен альтернативной кандидатурой теневого премьер-министра — Ларго Кабальеро, что поставило испанское республиканское правительство в прямую зависимость от советских директив. Президент Азанья покинул страну. «Интернациональные бригады», на которые республиканцами возлагались большие надежды, начали постепенно рассыпаться. Республиканский полковник Касадо по собственной инициативе тайно связался с националистическим командованием и предоставил возможность эвакуации Мадрида.

После этого Касадо сверг Миаха, арестовал и расстрелял других печально известных своим участием в испанском «красном терроре» коммунистических вожаков. 27 марта 1939 года республиканские войска постепенно отступили к Средиземному морю, и фактически Гражданская война в стране завершилась. Героическая борьба ис-

панских патриотов против социалистов и коммунистов привлекла симпатии русских белых офицеров, многие из которых пытались принять в ней посильное участие. Однако Франция, управляемая правительством Леона Блюма, была всецело на стороне «красно-го» испанского правительства, и граница для добровольцев, пытавшихся выбраться из Франции, была закрыта. Средств у русских эмигрантов не было никаких, и они пробирались в Испанию своим ходом, по горным дорогам с постоянно присутствующим риском быть арестованными французскими пограничниками.

Как известно, около 80 белым офицерам все же удалось пробраться в Испанию, в том числе и генерал-майору Анатолию Владимировичу Фоку, служившему в подразделении (терсио) Зумалонореги и погибшему смертью храбрых на Арагонском фронте. В число пробравшихся на территорию Испании, конечно же, не входят те из белых эмигрантов, которые к началу Гражданской войны уже служили в Испанском иностранном легионе. В апреле 1937 года было получено распоряжение из штаба генерала Франко о формировании отдельной русской добровольческой части с русским уставом и русским командованием в составе терсио дона Мария де Молина.

Особую активность по организации записи русских добровольцев в армию генерала Франко проявил старший Парижской группы корниловцев полковник Г.З.Трошин. В начале марта 1937 года первая группа офицеров в количестве 7 человек, состоявшая главным образом из марковцев-артиллеристов, замечательно зарекомендовавших себя в качестве охраны великого князя Николая Николаевича еще в конце 1920-х годов, выехала из Парижа в Сен-Жан-де-Люс, расположившийся на границе с Испанией, как раз напротив испанского городка Ирун. Техническую переправу добровольцев через франко-испанскую границу обеспечивал поручик Савин. Генерал Фок, причисленный в армии Франко к штабу терсио, сам вызвался пойти в роту добровольцем. Анатолий Владимирович Фок, Яков Тимофеевич Полухин и генерал-майор Николай Всеволодович Шинкаренко приехали в Испанию из Африки: им пришлось нелегально перейти через границу испанского Марокко, чтобы попасть к испанским «белым». Пограничники встретили их

настороженно, так как все русские олицетворялись в глазах испанцев с Советским Союзом. Однако вскоре мнение о них изменилось. Поводом для перемены отношения к добровольцам послужила история с генерал-майором Фоком. Когда пограничный комендант в испанском Марокко выразил сомнение в способности генерала быть полноценно задействованным на фронте, указав на его высокий чин, а главное — возраст генерала, которому было тогда 57 лет, Анатолий Владимирович Фок ответил испанскому колониальному пограничнику: «Насчет чина не волнуйтесь, я в 1918 году уже был рядовым бойцом (в батарее капитана Козлакова. — *Примеч. авт.*), а насчет возраста судите сами...» и тут же на глазах изумленных испанцев проделал несколько акробатических приемов и показал гимнастические упражнения с винтовкой.

Все четверо из прибывших чинов бывшей белой армии были сразу же зачислены в испанскую офицерскую резервную роту. Генерал Фок вскоре получил назначение в $1/3$ батальона (терсио. — *Примеч. авт.*) под названием «Зумалакарреги». Вскоре за отличие в боях он был произведен в лейтенанты (тениенте. — *Примеч. авт.*) испанской армии и переведен на Арагонский фронт. В течение двух дней рота, где служил Фок и его боевые товарищи, мужественно сопротивлялась окружившим ее красным, больше половины ее погибло. Генерал Анатолий Владимирович Фок, штабс-капитан Яков Тимофеевич Полухин и испанский фельдфебель по фамилии Пастор перенесли раненых в часовню и, укрывшись там, открыли огонь по красным. Отрезанные от своих частей, они продержались в окруженной коммунистами часовне 12 дней, пока она и все, кто оставался в ней, не были сметены ураганным артиллерийским огнем испанских «красных». Так погиб начальник артиллерии 1-й пехотной дивизии Русской армии генерал-майор Фок Анатолий Владимирович, воевавший в Испании в чине подпоручика в подразделении «Зумалакарреги».

Из числа белых добровольцев еще один русский генерал-майор, Николай Всеволодович Шинкаренко, провоевал в чине лейтенанта франкистских войск, участвуя в борьбе против испанских коммунистов. Старший лейтенант Российского императорского флота Николай Александрович Рагозин был пожалован чином подпол-

ковника испанских ВВС за свои выдающиеся успехи в небе над Испанией. Еще один русский летчик — старший лейтенант императорского форта Всеволод Михайлович Марченко (погибший под Мадридом в 1939 году¹), посмертно был удостоен высшей испанской военной награды — коллективной Лауреады.

Подполковник Сергей Николаевич Благовещенский, директор страховой компании «Стандарт-Книон» в Париже, организовывал переброску русских добровольцев из Франции в Испанию. По окончании войны все русские добровольцы, из тех, кто не получил офицерского чина в испанской армии, были произведены в сержанты. Кроме того, русские добровольцы получили двухмесячные отпуска с сохранением за ними денежного содержания, а также (при наличии желания) испанское гражданство.

Один из доживших до XXI века участников русского добровольческого отряда в Испании, престарелый граф Григорий Павлович Ламсдорф, в интервью, данном в феврале 2002 года журналистке еженедельника «Совершенно секретно» Джин Вронской, так описывал свое участие в испанской кампании: «...уже через час после венчания ехал поездом к испанской границе. Ехал один. Знал, что мы там нужны. По-испански не знал ни слова. В этот мо-

¹ Н.А. Рагозин так описывает обстоятельства гибели В.М. Марченко в кратком очерке, помещенном в 3-м выпуске 12-го тома «Морских записок» за 1954 год, выпускаемых обществом русских морских офицеров в Нью-Йорке: «...очередь пробила крыло и бензиновые баки, и аппарат начал гореть. Марченко дал команду бросаться на парашютах, и последним выпрыгнул сам, уже сильно обожженный... Освободившись от парашюта, Всеволод Михайлович стал пробираться по направлению наших линий, бывших в 50—60 км, но недалеко от шоссе был внезапно обнаружен светом прожектора автомобиля, высланного на поиски экипажа, как только был замечен пожар “юнкерса”... Началась перестрелка между Марченко и красными, бывшими в автомобиле... И как только иссяк запас патронов, он был схвачен и отведен в ближайшее помещение красных, которое было занято советскими летчиками. Как только эти узнали, что Марченко — русский, все они отнеслись к нему скорее доброжелательно, и даже послали за доктором, чтобы осмотреть его ожоги, но в эту минуту в помещение вошли два красных испанца и, не говоря ни слова, убили Всеволода Михайловича из пистолетов». — *Примеч. авт.*

мент войска фалангистов брали Ирун. Я переплыл реку и явился к ним. Когда я сказал, что русский, они решили: чекист из Москвы, провокатор. Меня вывезли в Наварру и отправили назад во Францию. Там на границе я встретил Колю Зотова, бывшего поручика Алексеевского полка. В эмиграции он работал киномехаником в Париже. Он тоже хотел сражаться с коммунистами, и мы вернулись в Испанию. На этот раз нам повезло, правда, не сразу. Нас отвезли в Памплону, посадили в тюрьму, а потом начали разбираться и поняли, кто мы такие. Тогда нас послали в Сарагосу. У меня от рождения были способности к языкам, и я быстро схватил испанский, даже научился писать. Нам дали переводить какие-то советские документы. Мы встретили антикоммунистов из многих стран. Мир знает о сражавшихся в Испании на стороне республиканцев интернационалистах-коммунистах, а о нашем “антикоммунистическом интернационале” никто и не слышал. Была сформирована русская часть из восьмидесяти бывших офицеров белой армии и солдат. Меня назначили на пулемет, как молодого инженера со смекалкой, к тому же говорившего по-испански. С Зотовым нас разделили. Каталония была абсолютно красной — гнездом анархистов. Я два года провоевал в Испании. По вечерам писал письма за неграмотных солдат. Священник, князь Шаховской (о. Иоанн. — *Примеч. авт.*), регулярно нас навещал. В 1937 году в Сарагосе меня тяжело ранили — был поврежден левый глаз и разворочена вся левая сторона тела. Зотов в Испании спился. Умер он на улице Мадрида — замерз».

В феврале 1939 года батальон с русским отрядом был передислоцирован через Теруэль в населенный пункт Эль-Торо, где русские занимали боевые позиции «Пенья Кемада» и «Пенья дель Дьябло» вплоть до окончания боевых действий. На март 1939 года русские добровольцы были распределены следующим образом: русский отряд в терсио Донья Мария де Молина состоял из 26 человек и находился под началом лейтенанта испанской армии Н.Е. Кривошеи и сержанта П.В. Белина. В русском отряде в «Терсио рекетэ» Наварры служило 2 человека; в терсио Ареаменди — 1; в терсио Монтехура — 2; в легионе — 3; а в эскадроне рекетэ Бургонья — 1, и трое оставили военную службу, из которых один лишь ротмистр Г.М. Зелым-Бек вынуж-

ден был сделать это по состоянию здоровья. Из всех известных на сегодняшний день русских добровольцев в Испании было убито 34, а из оставшихся в живых — 9 ранено. В разное время в ходе боев погибли: князь Лаурсов-Магалов, З. Кампельский, В. Чиж, А.А. Бонч-Бруевич, Н. Иванов, морской летчик, капитан 2-го ранга М.А. Крыгин и др. Фалангист-легионер Куценко, раненный под Тэрузелем, был взят в плен коммунистами и замучен.

Ввиду окончания Гражданской войны в Испании 30 июня 1939 года русские добровольцы были официально уволены из рядов испанской национальной армии. Франко не забыл своих русских соратников — всем было присвоено звание сержанта (за исключением тех, кто уже получил офицерский чин в ходе боевых действий), и все получили двухмесячный отпуск с сохранением денежного содержания и испанские военные награды «Военный крест» и «Крест за воинскую доблесть». Кроме того, русским добровольцам была предоставлена возможность получения испанского гражданства, чем многие не замедлили воспользоваться. 29 октября 1939 года группа русских добровольцев во главе с полковником Н.Н. Болгиным была принята генералиссимусом Франко во дворце Прадо, под Мадридом. На прощание каудильо спросил их о том, что еще он может сделать для русских? От лица всех добровольцев Болгин ответил генералиссимусу: «Мы ничего не просим для себя лично, мы только просим, чтоб вы устроили желающих офицерами в Испанский африканский легион». Эта просьба была также удовлетворена.

Дальнейшая судьба «испанских русских» сложилась по-разному. Многие из них остались жить в Испании и выбрали себе различные мирные профессии, другие продолжили свою военную службу. Из первых четырех добровольцев (генералы А.В. Фок и Н.В. Шинкаренко, капитан Н.Я. Кривошея и штабс-капитан Я.Т. Лопухин) остался невредимым только капитан Марковского артиллерийского дивизиона Николай Евгеньевич Кривошея, который фактически командовал русским отрядом в терсио Донья Мария де Молина. Находясь в эмиграции, он постоянно следил за развитием военной науки, окончил в Париже Высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина и пользовался высокой боевой репутацией не только у своих соотечественников, но и у испанского командования. Во

время испанской гражданской войны Кривошея успешно воевал на различных участках фронта, однако по испанским законам как иностранец не имел права на занятие высших командных должностей. Ряд русских добровольцев, сражавшихся в Испании, в последующие годы советско-германской войны принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте в составе испанской «Голубой дивизии». Среди них были: Н.С. Артохов, К.А. Гончаренко, С.К. Гурский, В.А. Клименко, В.Е. Кривошея, Л.Г. Тоцкий, А.А. Трингам. Часть из них начинала службу в частях вермахта переводчиками. А.А. Трингам служил на должности конюха в одном из вспомогательных подразделений. Общая численность ветеранов испанской войны составила около 10 человек, трое из которых были убиты во Второй мировой войне на Восточном фронте. В составе итальянских частей на германо-советском фронте воевали чины белой армии П.В. Белин, Н.И. Селиванов, Н.К. Сладков, А.П. Яремчук-2-й¹. По мнению Франко, участие «Голубой дивизии» в борьбе против большевизма на территории СССР укладывалось в схему «трех войн», шедших в описываемое время в некоторой параллели. Первая была между США и Японией за господство на Тихом океане — в ней Испания не участвовала никак; вторая — между Германией и Италией с одной стороны, Великобританией и Францией с другой, Испании она не касалась, хотя она желала бы обеспечить свои интересы в Африке и вернуть себе Гибралтар; третья война — между христианством и коммунизмом, и в ней Испания участвовала на стороне христиан. «Голубая дивизия» укомплектовывалась добровольцами из числа студентов, военных, «фалангистов» и молодежи. Желających поступить на службу в ее ряды было больше, чем дивизия могла вместить по штату, и потому отбор добровольцев был строгим. Не отличаясь высокой строевой дисциплиной, эта испанская часть, была тем не менее известна своей стойкостью в боях и выносливостью личного состава, умевшего, при необходимости, ночевать на

¹ А.П. Яремчук 2-й является автором единственной в своем роде обзорной книги об участии белых русских в испанской гражданской войне, выпущенной малым тиражом в 1980-е годы в Сан-Франциско под названием «Русские добровольцы в Испании». — *Примеч. авт.*

снегу и преодолевать многокилометровые марш-броски по бездорожью. В отношении к местному населению на оккупированных советских территориях испанцы проявляли себя с лучшей стороны в сопоставлении с немцами. В их отношении не было грубой надменности и презрения к славянским народам, а также отсутствовала та бессмысленная жестокость в отношении военнопленных, свойственная немецким и иностранным частям СС и отдельным подразделениям вермахта. Вместе с отступавшей «Голубой дивизией» в Европу ушло и немалое количество русских с оккупированных территорий, напуганных грядущими расправами над «коллаборационистами», случавшимися после прихода Красной армии почти повсеместно. Известно участие в сражениях на Восточном фронте и представителей старейших гвардейских полков Российской империи, в том числе Кавалергардского и Конного, воевавших в различных чинах германского вермахта, как, например, барон Лев Львович Менгден и Федор Константинович фон Брюмер, барон Георгий Карлович Багте аф Боо и барон Густав Густавович Кнорринг. Кавалергард Федор Поспеев служил унтер-офицером Русского коргуса и пал в боях с советской армией в боях у Белграда в 1945 году. Иван Дмитриевич Звегинцов, бывший кавалергард, напротив, служил в чине лейтенанта в 7-й танковой дивизии Британской Королевской армии и погиб в бою с частями Африканского корпуса генерала Эрвина Роммеля 28 декабря 1941 года под Эль-Агелией в Ливии. «Многие члены Кавалергардской семьи взяли за оружие и в чужих, а подчас и чуждых им армиях, стали на защиту приютивших их стран. Все они, не за страх, а за совесть, честно выполнили свой солдатский долг. Были среди них и пленные и бежавшие из плена, были контуженные и раненые. Но не всем было суждено вернуться в лоно родных своих семейств»¹. С началом войны против СССР в Германии приступили к организации русских добровольческих частей в составе германского вермахта и позднее вошли в состав РОА граф Г.П. Ламсдорф и другие. Новая война «белых» и «красных» вступала в новую фазу.

¹ Бибиков Г.В. История Кавалергардов. Париж, 1992. С. 23.

Глава пятая

ЭМИГРАЦИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход...

Иван Савин (Саволяйнен)

5.1. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЕННЫХ ЭМИГРАНТОВ НА БАЛКАНАХ В 1936—1939 ГОДАХ

К середине 1930-х годов завершилась эпоха освоения русской эмиграцией западноевропейских стран. Жизнь диаспоры в Югославии становилась все более бесперспективной, и даже тягостной из-за активного нежелания большинства ассимилироваться. Это закрывало возможности трудоустройства и заставляло работодателей дискриминировать держателей «нансеновских» паспортов в сравнении с теми, кто принял югославское подданство.

Ухудшившаяся мировая политическая обстановка по мере возрастания противостояния западноевропейской цивилизации и крепнущего влияния советского социализма способствовала постепенному отчуждению между славянами. Вклад русской военной эмиграции в улучшение качества югославской жизни трудно переоценить, вспоминая бесчисленное количество дорог, городских зданий, возведенных по всем канонам европейского зодчества русскими архитекторами, и всего массива научных и технических знаний, использованных выходцами из России в деле обустройства страны. На политическом небосклоне Югославии на смену общественным деятелям прежних лет приходили «молодые львы», в большинстве своем ориентированные на интеграцию в западное сообщество, нежели чем исповедующих идеи панславизма. Их отношение к СССР, где больше не существовало традиционного русского уклада жизни, а создавался безликий «новый человек» для служения химере

мировых революций, было скорее благожелательным, нежели, как у их предшественников, основанным на прагматических принципах взаимной выгоды товарооборота с СССР. В предвоенные годы часть «молодых львов» балканской политики стремились к упрощению политических отношений с СССР, как в прошлом веке их деды, видя очевидную выгоду использования России в качестве гаранта национального суверенитета. Это не могло не вызвать беспокойства в стане эмиграции, особенно военной её части, ибо заигрывание с коммунистическим режимом в любое время могло обернуться гонениями на «белых» эмигрантов, пожелай того новый политический партнер Югославии.

Но более всего жители Королевства ощущали невероятную конкурентоспособность русских эмигрантов во всех сферах жизни, что не могло не сказаться отношении «к пришлым», напомнить гостям «их место» и вытеснить из всех отраслей деятельности, кроме неквалифицированного и тяжелого труда, не пользующегося среди народов юго-восточной Европы популярностью.

И если солдаты и офицеры Врангеля в начале 1920-х годов, проводящие дни, недели и месяцы на прокладке горных дорог и в шахтах, вызывали снисходительное отношение, то интеллектуалы 1930-х заставляли проявлять некогда «гостеприимных хозяев» свои далеко не лучшие качества. В 1930-е годы служащие Белградского университета, считавшие, что эмигранты отбирают их «хлеб», преподавая в югославских вузах, бойкотировали своих русских коллег.

Духовенство в Югославии, первоначально принявшее русских единоверцев с вежливым радушием, резко изменило своё отношение со строительством русскими новых храмов, опасаясь оттока паствы и, как следствие, снижения уровня доходов в виде пожертвований. Дело доходило до физического противодействия, как, например, в случае со строительством церкви, освящённой во имя Святой Троицы. Это вызвало большой скандал, так как сербское духовенство предприняло все усилия, чтобы построенный храм так и не был открыт, противодействуя и мешая русскому клиру на всех уровнях, включая банальные потасовки. Когда же на колокольне надо было подвесить колокол, то сербские клирики, служившие в

близлежащем храме во имя Св. Апостола Марка, стали так активно противодействовать этому, что русским багюшкам пришлось вызывать местную полицию, чтобы избежать столкновения.

Справедливости ради стоит упомянуть теплый приём военным эмигрантам, оказанный сербским офицерством, многие из которых хорошо помнили поистине материнскую щедрость собственного приёма в России, где до 1917 года обучались в военных училищах. В лице генерала Милана Недича в 1920-е годы русские военные обрели действенного помощника в отстаивании интересов русских кадетских корпусов и русско-сербской мужской гимназия. 126 кадет Одесского и Полоцкого корпусов и 20 чинов персонала были помещены с разрешения югославского правительства генералом Недичем в местечке Панчево под Белградом, на берегу реки Тамиш.

95 кадет и 18 чинов персонала Киевского кадетского корпуса отправились в хорватский город Сисак под Загребом. 25 апреля 1920 года к ним присоединились остатки двух взводов 1-й роты Одесского кадетского корпуса в количестве 39 человек. Среди кадет были раненые и больные, отходившие в дни эвакуации на румынскую границу под командой корпусного воспитателя капитана Реммерта.

10 марта 1920 года по приказу российского военного агента в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев обе группы кадет — Киевская и Одесская — были сведены в одну, получившую название Русского сводного кадетского корпуса. Директором нового корпуса был поставлен генерал-лейтенант Б.В. Адамович, бывший начальник Виленского военного училища.

В середине июля 1920 года обе группы Сводного корпуса, отправленные югославским правительством в город Сараево, образовали там новое учебное заведение, названное первоначально Русским кадетским корпусом в Сербии.

20 августа 1920 года по приказу главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля корпус переименовали в «Русский Киево-Одесский кадетский корпус», и уже незадолго до эвакуации из Крыма учебному заведению было присвоено окончательное на тот момент название «Русского кадетского корпуса в королевстве СХС». В обращении к кадетам последний

Главнокомандующий Русской армией выразил уверенность, что корпус станет «достойным представителем великой России и светочем русской культуры в братских землях Балканских стран»¹.

Корпус пробыл в Сараеве до 5 сентября 1929 года, пока правительство Югославии не перевело его в другой провинциальный городок под названием Белая Церковь, подальше от сравнительно крупных населенных пунктов, чтобы не портить отношения с советским правительством, недвусмысленно намекавшим югославам о необходимости распустить или максимально сократить «антисоветские организации» на их территории. В Белой Церкви Русский кадетский корпус был слит с другим русским военно-учебным заведением, Крымским кадетским корпусом, предназначенным югославами к закрытию, что количественно сократило их численность. Дабы выглядеть объективным и независимым от воли советского правительства, король Югославии Александр I «пожаловал» русских кадет назначением имени великого князя Константина Константиновича в качестве шефского для переименованных и слитых в один остатков кадетских корпусов в «Первый Русского великого князя Константина Константиновича».

8 декабря 1920 года русский пароход «Владимир» прибыл в бухту Бакар, откуда был перевезен в лагерь Стринице при Птуи в Словении, где местными властями кадетам были отведены заброшенные бараки для военнопленных, возведенные австрийцами в начале Первой мировой войны. Крымский корпус пробыл в Стринице до конца октября 1922 года, и был переведен в другой отдаленный уголок страны, местечко Белая Церковь, находившееся вблизи румынской границы, где располагалось Николаевское кавалерийское училище. Кадеты, число которых насчитывало к тому времени 579 человек, были размещены в двух каменных трехэтажных казармах. В них он и просуществовал до 1 сентября 1929 года, после чего стараниями югославской Державной комиссии был закрыт по её решению. Часть кадет были влиты в Русский

¹ Кадетские корпуса за рубежом 1920—1945. Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов. Под редакцией А.М. Росселевича. Монреаль: Monastery Press, 1970. С. 14.

кадетский корпус, другие — в Донской кадетский корпус, расположенный в другом югославском захолустье, городке Гораджэ.

В течение девяти лет своего существования в зарубежье Крымский кадетский корпус выпустил из своих стен свыше 600 кадет с аттестатом о среднем образовании и со свидетельствами об окончании 7-го и 8-го классов, что соответствовало установленным образовательным нормам Королевства СХС, предоставляя возможность для поступления в высшие учебные заведения страны. Генерал-лейтенант В.В. Римский-Корсаков оставался его директором до 11 декабря 1924 года, после чего уступил место генерал-лейтенанту М.Н. Промптову, остававшемуся с корпусом до самого его закрытия.

Тогда же в Югославии действовал еще один корпус — Донской императора Александра III, изначально учрежденный в Новочеркасске, и потому затронутый революцией 1917 года в меньшей степени в силу того, что казачьи земли еще некоторое время были свободны от влияния советской власти и общественный уклад жизни продолжался в рамках устоявшихся казачьих традиций.

Только в декабре 1919 года, когда казачьи и добровольческие части были вынуждены сдать наступающей Красной армии Ростов-на-Дону и Новочеркасск, Донской корпус походным порядком двинулся в направлении на Новороссийск, откуда на британских кораблях часть его, без больных тифом и отставших кадет, была эвакуирована в Египет и размещена в окрестностях города Исмаилии возле Суэцкого канала. Там кадеты прожили два года, а в 1922 году кадеты были разделены на две части — младшие классы были увезены в Буюк-Дере, а старшие в Болгарию. Британцы приложили все усилия, чтобы корпус не сохранился в качестве действующего учебного заведения: перед разделением его классов они постарались во чтобы то ни стало закрыть русское военно-учебное заведение на Ближнем Востоке.

В 1920 году в Крыму, до эвакуации инспектором классов Донского корпуса генерал-майором Иваном Ивановичем Рыковским, были собраны все выздоровевшие и отставшие кадеты, проходившие обучение в г. Евпатории и ставшие так называемым «евпаторийским отделением» корпуса. В условиях Гражданской войны Главнокомандующим генералом Врангелем был отдан приказ по казачьим частям о командировании на учебу казачьей молодежи из строевых

частей, находившихся на фронте для продолжения образования. С апреля 1920 года евпаторийское отделение было переименовано во 2-й Донской корпус, а генерал Рыковский стал его директором.

Во время крымской эвакуации 2-й Донской корпус был вывезен в Константинополь на пароходе «Добыча», и впоследствии проделал тот же путь, что и Крымский кадетский корпус, — с берегов Босфора до Стринице. Желая не допустить концентрации русских военно-учебных заведений в одном и том же месте своей страны, югославы постарались рассеять корпуса путем отправки Донского корпуса в 1921 году в Билеч, на границе Боснии и Герцеговины. Там корпус оставался еще пять лет, до сентября 1926 года, после чего был снова перемещен в боснийское селение Гораже, где и остался до своего расформирования югославскими властями в августе 1933 года. После закрытия кадеты и персонал корпуса были переведены в Белую Церковь, в последнее остающееся на территории Югославии русское военно-учебное заведение — Первый Русский великого князя Константина Константиновича корпус, продержавшийся в зарубежье до 1945 года и эвакуированный отступавшими под натиском советских войск частями вермахта.

Жизнь и занятия в Донском корпусе на протяжении оставшихся шести лет его существования на югославской земле были хорошо налажены, и приём кандидатов на учебу всегда проходил в условиях тщательного отбора лучших и наиболее способных детей. Корпус состоял из 3-х сотен, к которым были добавлены младший и старший приготовительные классы, а программа обучения в точности соответствовала таковой, применявшейся в системе военного образования в Российской империи, с прибавлением ряда предметов по требованию Министерства просвещения Королевства СХС. С начала 1922 года в Донском корпусе был введен дополнительный 8-й класс, по окончании которого, на условиях успешной сдачи выпускных экзаменов, кадеты получали аттестат зрелости, именуемый по-сербски «*великой матурой*». Аттестат открывал двери в высшие учебные заведения страны и был официально признан в качестве документа о законченном среднем образовании.

Соседями русских кадет по Белой Церкви на протяжении ряда лет были юнкера вновь воссозданного в зарубежье элитного Нико-

лаевского кавалерийского училища, располагавшегося до 1918 года в Петрограде. Приказом № 281 от 2 августа 1921 года по 1-му армейскому корпусу в Галлиполи кавалерийское училище, созданное во время пребывания армии на турецких берегах, было официально переименовано в Николаевское. Тем самым продолжилась прервавшаяся в 1917 году история старейшей военной школы, одним из выпускников которой был сам Михаил Юрьевич Лермонтов.

9 декабря 1921 года, после годового пребывания в Галлиполи, юнкера и персонал училища, погрузившись на пароход «Керсунд», отбыли в Югославию, где со станции Джевждели поездом проследовали до Белой Церкви в провинции Банат. Училищу, в отличие от кадетских корпусов, были отведены казармы сербских войск, носившие имя короля Александра, отреставрированные, но абсолютно пустые. Участник переезда в казармы вспоминал впоследствии: «Родовались все, и офицеры, и юнкера. Да как было и не радоваться: три года Гражданской войны в условиях невероятных трудностей как физического, так и морального значения и после всего этого — целый год в Галлиполи в полной неизвестности о дальнейшем, к тому же, на полуголодном положении. Постепенно жизнь налаживалась, и начались занятия. Было получено новое обмундирование из складов Главного командования, юнкера стали заказывать в городе у сапожников красивые сапоги, русские дамы охотно принимали заказы на гимнастерки и бриджи. Очень скоро все юнкера имели достойный вид юнкера Гвардейской школы, конечно не времен славного императорского периода, но все же обращающий на себя взоры, как институток, так и местных девиц... Очень скоро, благодаря общим стараниям, Училище стало образцовой воинской частью... Когда по улицам города проходили эскадроны и команды юнкеров, то нельзя было не любоваться их видом — красивая форма, алые бескозырки, шапки на белых португепях, при хорошей строевой выправке, все это вместе создавало красивую картину, которой даже мы, сменные офицеры, любовались и гордились!»¹

¹ *Стафиевский А.* Николаевское кавалерийское училище в Югославии // Сборник «Памятка Николаевского кавалерийского училища». Нью-Йорк, 1969. С. 231—233.

По прибытии Училища в Белую Церковь его состав был пополнен кадетами, окончившими курс Сараевского, Крымского и Донского корпусов, которыми были укомплектованы младший и старшие подготовительные классы, а первый выпуск в 120 человек состоялся 4 ноября 1922 года. Накануне в Белую Церковь прибыл бывший начальник Училища в бытность того в Петербурге генерал-лейтенант Е.К. Миллер с приказом, подписанным генералом Врангелем о производстве юнкеров Училища в первый офицерский чин. Обстановка оглашения приказа была самая торжественная. Производство проходило в конном строю, максимально приближенное к традиционному производству в былые времена империи. Очевидец события рассказывал о курьезной детали, характеризующей дух училища: «Мне было приказано заменить больного адъютанта и приготовить хор трубачей для участия в церемонии производства... Я спросил начальника училища, какой играть гимн, последний при мне спросил об этом генерала Миллера, который, не задумываясь, ответил: “Гимн у нас только один — “Боже царя храни”»¹.

На другой день, после молебна, состоялась церемония производства, и затем парадный обед в честь лиц, произведенных в корнеты, на которой присутствовали прибывшие с генералом Миллером штабные офицеры и сербские военные во главе с майором Тодоровичем, начальником белоцерковского гарнизона югославской армии. Через некоторое время молодые корнеты разъехались по своим полкам, находившимся на службе по охране границ Югославии, а оттуда стали прибывать из полков добровольцы со средним образованием для зачисления на младший курс Училища.

Несмотря на прекрасную подготовку Училищем офицеров для службы в югославской пограничной страже, правительство этой страны, при бездействии столь часто прославляемого русскими беженцами короля Александра, решило реорганизовать пограничную стражу, и под этим предлогом закрыть Училище, а для начала приказало закрыть в него прием. Последний выпуск Училища,

¹ Стафиевский А. Николаевское кавалерийское училище в Югославии // Сборник «Памятка Николаевского кавалерийского училища». Нью-Йорк, 1969. С. 236.

состоявшийся в 1923 году, столкнулся с неожиданной проблемой применения своих навыков и знаний на практике, а по существу, оказался безработным.

Генерал Врангель не мог повлиять на это решение югославских политиков, а король Александр, по-видимому, не имел желания вступать в конфликт с собственным правительством, дабы не возбуждать антимонархические настроения, грозящие ему потерей трона.

Русское Главное командование пыталось найти выход для молодых офицеров, насколько это было в его силах. Свидетель происходивших событий сообщал: «Предлагалось всем, кто может устроить свою жизнь самостоятельно, поступление в высшие учебные заведения в Праге, на правительственную стипендию, или в составе офицерского эскадрона отправиться на работы по постройке дороги Кральево—Рашка»¹.

1 сентября 1923 года был произведен последний выпуск Училища с производством юнкеров старшего курса в первый офицерский чин. Выпуск прошел с так и не успевшим стать традиционными на югославской земле обедом и балом, а юнкеров общеобразовательного курса выпустили в унтер-офицеры. После этого весь состав Училища прибыл 9 сентября в Кральево на работы по прокладке дорог.

В 1924 году архив Училища после расформирования был отправлен в штаб русской кавалерийской дивизии в городке Панчево. С одной стороны, лишние рабочие руки были как никогда нужны Югославии, но с другой — только ленивый не задавал себе вопроса — отчего этот неблагодарный труд взяли на себя русские военные, именующие себя «белыми». Что же касается простого населения страны, то есть крестьянства и рабочих, то тут было налицо почти полное непонимание того, кто такие «белые» и почему они эмигрировали из своего Отечества. Русские эмигранты вели «разъяснительную работу» по мере сил и возможностей: вы-

¹ Стафиевский А. Николаевское кавалерийское училище в Югославии // Сборник «Памятка Николаевского кавалерийского училища». Нью-Йорк, 1969. С. 241—242.

ступали с лекциями и докладами, печатали статьи в газетах, вели разговоры с жителями тех мест, где сами жили. Но всё равно в целом эти усилия не могли поколебать скептицизма сербов и черногорцев в отношении новоявленных «гастарбайтеров», чей образовательный и этический уровень порой значительно превосходил таковой местного населения, не утруждавшего себя тяжелым физическим трудом. К тому же большинство местных жителей, говоря о СССР, продолжали употреблять выражение «*мајка Русија*»¹. Естественно, что этим заблуждением воспользовались югославские коммунисты, проводя свою подрывную работу против русских эмигрантов и сербских патриотов.

Вскоре случилось событие, роковым образом отразившееся на всем ходе русской жизни в Югославии. В октябре 1934 года во время визита во Францию король Александр вместе с французским министром иностранных дел Луи Барту были убиты македонским террористом Величко Георгиевым² во время поездки в Марсель. Последними словами югославского короля были: «*Чувате моју Југославију*»³!»

Убийство монарха стало поистине большой потерей для всех народов Югославии, и само по себе предвещало немислимые несчастья для их государства. Многие русские эмигранты в Королевстве восприняли убийство Александра как личную трагедию. Они прекрасно осознавали, что король сделал достаточно для белых изгнанников, долгое время являвшимся их покровителем. Мо-

¹ Россия-мать (*серб.-хорв.*).

² По свидетельствам исследователей, Георгиев был превосходным стрелком, хладнокровным и жестоким человеком; эта репутация была заработана им в период Великой войны 1914—1918 годов, в бытность его службы в армии Болгарии, воевавшей на стороне Австро-Венгрии и Германии, и многократно подтверждалась в 1924—1930 годах. В этот период он «прославился» двумя громкими убийствами — болгарского коммуниста Хаджимова и соратника по Внутренней Македонской Революционной организации Наума Томалевского. В ходе исполнения марсельского теракта сам Георгиев погиб, сраженный пулями полицейских и получив множественные удары разъяренной толпы. — *Примеч. авт.*

³ Берегите мою Югославию! (*серб.-хорв.*).

нархическая, пусть и ограниченная парламентом, форма правления обеспечивала защиту от распространения социалистических идей, как несовместимых с идеологией государственного строя. Правда, во внешней политике даже королю приходилось соблюдать определенные условности. Когда государствами Малой Антанты, в которую входила и Югославия, был подписан с СССР договор о ненападении, белым эмигрантам были запрещены любые публичные антисоветские выступления.

Первым признаком изменившегося внутривластного климата в стране стало множество антирусских статей и радиопередач, появившееся в югославских средствах массовой информации. Их авторы и ведущие огульно обвиняли русских эмигрантов «в паразитизме на теле сербского народа». Тон статей и высказываний был недружелюбен, и вывод, который заключался в них, сводился к следующему: чем скорее «белые» покинут пределы Югославии, тем «свободнее вздохнут» её народы, вынужденные ныне мириться с присутствием чужаков.

Антиэмигрантская кампания началась почти сразу же при вступлении на престол сына Александра — Петра II (так как он был несовершеннолетним, то при нём был создан регентский совет во главе с принцем Павлом, двоюродным братом убитого короля).

Пытаясь противопоставить бездоказательным выпадам здравый смысл и восстановить историческую справедливость, заключающуюся в том, что благодаря русской армии и православным людям Сербия не раз была спасена от разгрома, эмиграция участвовала в общественной полемике. Безрезультатно или с малым успехом, ибо нарастающее влияние коммунистов и сепаратистов на общественное мнение, умело замешанное на национализме, не оставляло русской эмиграции шансов на «самооправдание».

Участие в чужом многоэтническом споре лишь ослабило позиции русских, самих являющихся этническим меньшинством. Поддерживая линию единства народов, населяющих Югославию, порой они выступали за права национальностей отстаивать собственную самобытность, имея в виду и собственное право на «русскую жизнь». Представители эмигрантских организаций, наряду с патриотами из Югославского национального движения «Збор» вы-

ступали против разделения страны на этнические анклавы, с так называемых «охранительных позиций», сформулированных еще в царствие Александра, заповедавшего «хранить Югославию».

Позиция русских, сколь бы аргументированной или дружественной ко всем народам страны она ни была, неизменно наталкивалась на непонимание и враждебность как коммунистов, так и национальных движений хорватов, словенцев, боснийцев и проч.

Масло в огонь подлило еще одно событие, произошедшее в июне 1940 года. Признание югославским правительством СССР как субъекта международного права дезавуировало заверения в 1938 году русской эмиграции премьер-министром Миланом Стоядиновичем в том, что позиция правительства будет оставаться неизменной, и диалог с советской властью не будет инициирован.

Это подорвало фундаментальным образом авторитет правительства в глазах «белых» русских и сделало их заложниками ситуации, при которой они могли подвергнуться насилию со стороны левых радикалов и коммунистических экстремистских групп. Лишь после того, как Германия, провозгласившая «крестовый поход против коммунизма», в 1941 году вторглась в пределы страны, жизнь русской эмиграции изменилась к лучшему. Прекратились нападения на безоружных русских офицеров, священников, женщин и детей. Коммунисты бежали, а либеральных деятелей эмиграции, часть которых до войны была тесно связана с масонскими кругами, немцы арестовали, начав расследование их антигосударственной деятельности.

В Белграде перед войной состоял уполномоченным, ведавшим интересами русской эмиграции и нуждами кадетских корпусов, бывший посланник российского императорского МИДа некто В.Н. Штрандтман. По сведениям немцев, еще в 1920-е годы он входил в некую ассоциацию российских послов и посланников¹, являвшихся членами масонских лож. На протяжении двадцати лет

¹ Можно привести примеры закулисной работы посла Гирса в Париже, Бахметьева в Вашингтоне, а также главы российского консульства в Харбине Г.К. Попова, отказавшегося принять ящики с останками алапаевских мучеников: великой княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, князя Владимира Палей и др. — *Примеч. авт.*

ассоциацией принимались решения по распоряжению зарубежными средствами российских загранучреждений; они же повлияли на то, что останки алапасвских мучеников и свидетельства, собранные следователем по особо важным делам Соколовым, исчезли, не попав для расследования в руки компетентных исследователей.

По окончании сбора германскими следователями данных, уличающих Штрандтмана в незаконном распоряжении государственными деньгами в пользу тайной организации, он был посажен под арест, однако, к своему счастью, нашел в лице первоиерарха зарубежной православной церкви митрополита Анастасия (Грибановского) своего активного защитника. Последний обратился к германским властям с просьбой об освобождении масона ввиду того, что он имел неоспоримые заслуги перед русскими военно-учебными заведениями в Югославии.

Заступничество православного архиерея спасло Штрандтмана от отправки в концентрационный лагерь, и Василий Николаевич вскоре был отпущен на свободу, но еще долго оставался под впечатлением ареста, сознавая, что был на шаг от гибели.

После начала германо-советской войны в 1941 году в Югославии произошел подъем в среде военной эмиграции. Для формирования военизированной организации эмигрантов-антикоммунистов немцами был назначен генерал-майор Михаил Фёдорович Скородумов. Он был офицером Российской императорской армии и отличился большой личной храбростью на полях Великой и Гражданской войн. Замысел генерала, ради которого он согласился встать во главе нового формирования, заключался в том, чтобы сплотить державно мыслящую эмиграцию для совместной с немцами борьбы с коммунизмом. Генерал не считал возможным участие немцев в определении будущего политического устройства России в послевоенном мире и рассматривал эмигрантскую силу равноправным партнером с войсками рейха.

Монархические и державные воззрения русских не укладывались в предложенную немецкими вождями концепцию «нового порядка», как ориентированную на атеистические ценности в совокупности с мистикой язычества, столь культивировавшейся в Германии. Разрешить Скородумову стать полноправным вождем

значило бы противопоставить его будущую деятельность по восстановлению православно-монархической модели развития России реальным планам Германии, в которые не входило содействие воссозданию Великой России, что не допускал дух национального эгоизма, издревле присущий европейским этносам.

Немцы попытались вбить клин между Скородумовым и православными иерархами в изгнании, пользуясь их стремлением к существованию вне политических организаций. Так как Скородумов мало задумывался о роли православного духовенства в опубликованной программе, в силу неосведомленности в церковных вопросах он поставил их богослужебную и миссионерскую деятельность в прямую зависимость от военного руководства. У Синода РПЦЗ возникли предсказуемые возражения, начало которым положил его курьезный приказ Синоду о вертикали управления, модель которой не предусматривала самостоятельности проповедников и миссионеров, как, впрочем, и всех остальных лиц духовного звания без разрешения на то самого генерала. Кроме прочего в нем было сказано, когда служить молебны и литургию, и давались самые неожиданные указания пастырям, которые, конечно, никак не могли принять распоряжения военного в части дел сугубо духовных.

Трения между духовенством и Скородумовым каждый в русской эмигрантской среде комментировал по-своему, но главной цели немцы добились: в русской среде снова не было единства. А некоторые русские молодые эмигранты написали доносы в Белградское отделение гестапо о том, что все синодальные клирики из РПЦЗ — не кто иные, как масоны, вроде Штрандтмана, и что с ними не нужно считаться, а генерал Скородумов просто обязан был навести порядок.

Митрополиту Анастасию (Грибановскому) пришлось снова послать своих представителей в гестапо, где ими было заявлено, что РПЦЗ никаким распоряжениям, которые издаются людьми, не имеющими отношения к Церкви, подчиняться не будет.

Генерал Скородумов был смещен в сентябре 1941 года, а на его место назначен генерал-майор Владимир Владимирович Крейтер¹, с

¹ Крейтер В.В. — генерал-майор Генштаба. Окончил Суворовский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаев-

которым у Синода не было никаких недоразумений: он лучше своего предшественника понимал задачи православной церкви в жизни эмиграции и в вопросе окормления чинов Русского охранного корпуса.

В первые месяцы германо-советской войны Синод РПЦЗ столкнулся со спецификой немецкой политики в отношении славян и русских в частности. В результате нескольких бесед с оккупационными властями стало очевидным, что немцы не хотят, чтобы Синод РПЦЗ себя как-то проявлял в Югославии. В особенности немцы стремились оберегать от его влияния православных в оккупированных странах. Это ясно обнаружилось в первый же день начала войны, выпавший на праздник Всех Святых в Земле Российской просиявших. В православные храмы в Югославии и в Синодальную канцелярию приехали представители гестапо, произвели обыски, некоторых прихожан и сотрудников Синодальной канцелярии арестовали. Одновременно чины германской тайной политической полиции явились и к владыке Анастасию (Грибановскому), в покоех которого ими был также произведен обыск. Из Синода был послан представитель с жалобой к командующему оккупационными войсками в Югославии генералу Вильгельму Листу. Тот приказал немедленно прекратить преследования клириков и прихожан РПЦЗ, назначил прием митрополиту и извинялся на нем за все, что произошло. Но, несмотря на принесенные извинения, было видно, что РПЦЗ рассматривалась германской оккупационной администрацией как не вполне лояльная религиозная организация. После

скую военную академию. Выпущен корнетом в Сумской гусарский полк. В 1914 году причислен к Генштабу. В Добровольческой армии с конца 1918 года Начальник штаба бригады, а затем 2-й дивизии в составе 5-го кавалерийского корпуса. В Русской армии генерала Врангеля был начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии, а затем конного корпуса генерала Барбовича. В октябре 1920 года генерал-майор и командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Награжден орденом Св. Николая Чудотворца за бои бригады во время Заднепровской операции. После эвакуации генерала Врангеля проживал в Панчево, Сербия, где служил в пограничной страже в начале 1920-х годов. Во время Второй мировой войны поступил в Русский охранный корпус в Сербии. В самом конце войны принял штаб корпуса. Скончался 23 июня 1950 года в городе Дахау близ Мюнхена. Похоронен на местном кладбище. — *Примеч. авт.*

войны среди документов, изъятых из германских архивов союзниками, нашлись бумаги, свидетельствующие именно о такой оценке. Как результат, гестапо добивалось раскола как в самой РПЦЗ, так и в связях русского зарубежья с так называемыми «подсоветскими» русскими, попавшими в плен или вывезенными на работы в Германию и пребывающими в других европейских странах.

Это хорошо объясняет трудности, возникшие у Синода РПЦЗ в ходе переписки с архиепископом, а затем и митрополитом Серафимом в Германии. Не желая развития его связей с Синодом в Югославии, ему не позволяли общаться даже по делам церковного управления с епископатом на Балканах, и особенно на оккупированных территориях СССР.

Для усугубления славянского раскола германцы приложили руку к созданию и финансированию так называемой Хорватской церкви. Хорваты в Югославии особенно злобно притесняли православных русских и уничтожали православных сербов. В результате спровоцированной хорватами резни в один из дней по реке Саве спускались трупы замученных сербов в таком количестве, что судоходство по реке остановилось. Лишь увидев, до чего дошло противостояние двух христианских конфессий, немцы решили, что нужно навести порядок и защитить православных от развития дальнейших эксцессов.

В качестве решения была принята идея об образовании Хорватской православной церкви. Но поскольку ни одного сербского епископа в Хорватии не было, немцы обратились к проживавшему на покое в монастыре Хопово архиепископу Гермогену (Максимову), обещая ему всемерную поддержку и вместе с этим угрожая, что если не согласится, то православным в Хорватии станет еще хуже. Таким образом, германская администрация добилась от архиепископа согласия благословить автокефальную Хорватскую православную церковь.

Когда митрополит Анастасий (Грибановский) узнал об образовании новой автокефалии, он немедленно выразил протест, а архиепископ Гермоген (Максимов) был запрещен в служении, но объявлять об этом Синоду РПЦЗ немцы не позволили, равно как и опубликовать это сообщение. Единственное, что добился Синод

РПЦЗ от оккупационной администрации, чтобы они не препятствовали объявить об этом устно в православных церквях в Югославии. Письменно и устно Синод уведомил лишь возглавлявшего Сербскую православную церковь митрополита Иосифа.

Вместе с тем последовательная антикоммунистическая позиция германского правительства в самой Германии, выработанная со времени прихода к власти Гитлера, весьма импонировала русским людям в изгнании, несмотря на то, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов Советский Союз шел на политическое сближение с Германией. Пик развития взаимоотношений двух стран пришелся на вторую половину 1930-х годов и совпал с наивысшей точкой взаимодействия русской эмиграции с гитлеровским режимом. В ходе внутриевропейской, по сути, войны 1939—1941 годов. Германия стремилась подавить политическую активность своего давнего противника и конкурента Франции, стремясь низвести до минимального уровня её военную и экономическую составляющие.

Ряд современных историков утверждает, что советская сторона предложила германским партнерам с пользой задействовать пребывавших в значительном количестве во Франции представителей русской военной эмиграции. Идея заключалась в том, чтобы, формируя мнение русских определенным образом, заронить искры неприязненного отношения к французам и самой Франции, и в некий день «X» попытаться использовать русских эмигрантов в качестве своеобразного троянского коня, облегчив задачу захвата страны. Не исключено, что результатом переговоров двух новых европейских союзников явилась навязанная РОВС во Франции с участием германских спецслужб новая политика сотрудничества с германскими правительственным и военными институтами. Для большей надежности управление РОВС было «усилено» лицами с прогерманской политической ориентацией, хотя таковых к концу 1930-х годов было не очень много. После гибели генерала Кутепова во главе Союза стал Миллер, немец по национальности, но русский по своему духу, продолжатель идей погибших вождей Белого дела, государственный по образу своего мышления. Такой человек по главе РОВС снова становился препятствием на пути германской внешней разведки, и, вероятно, по взаимному согла-

шению сторон именно это может объяснить его ликвидацию органами НКВД в 1939 году. Задача эта была выполнена в виде услуги новому партнеру — Германии, хотя и не оказалась легкой: Миллер отнюдь не был новичком на ниве внешней разведки. Еще во время Великой войны 1914—1918 годов Евгений Карлович служил представителем Ставки при итальянской Главной квартире. Его устранением НКВД расчистил дорогу для прихода в руководство РОВС менее ярких, зато управляемых извне фигур. Известно, что Миллер искал себе преемника, будучи уверенным, что его со временем попробуют устранить от ведения дел. «Идеальный офицер Генерального штаба, Миллер был совершенно лишен честолюбия. Волевой, тактичный, доступный для подчиненных, скупой на слова, исключительно трудоспособный и энергичный, он жил для России и ее армии»¹, — утверждает современный исследователь.

Миллер попытался предупреждать усилия НКВД по внедрению своих агентов в Союз, и даже успел приступить к созданию контрразведывательного аппарата. По замыслу председателя РОВС, это учреждение должно было стать составной частью Союза, для чего в октябре 1930 года он вызвал в Париж генерал-майора Константина Ивановича Глобачёва, служившего в начале века начальником Петроградского окружного отделения Корпуса жандармов. Он был лично известен Миллеру, как выпускник Николаевской академии Генерального штаба, и всей своей предыдущей биографией был основательно подготовлен для успешной контрразведывательной деятельности в эмиграции. Глобачёв представлялся Миллеру приемлемой фигурой еще и потому, что в свое время служил на ниве политического сыска в Царстве Польском: своеобразными «воротами в Европу» Российской империи. Оттуда Глобачёв распространил незримые нити агентурной сети по всей Европе, включая Францию, и зорко следил за перемещениями и замыслами российских революционеров, скитавшихся по Европе в поисках субсидий на террор и ниспровержение власти в России.

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции». М.: Язуа, 2004. С. 249.

Основной задачей, поставленной Миллером перед Глобачёвым в Европе начала 1930-х годов, стала отладка системы выявления советских нелегалов в среде русской эмиграции, и военных эмигрантов в частности. На стол председателя РОВС ложились доклады с достоверной информацией не только о деятельности представителей советской политической разведки в Европе, но и веяниях внутри самого РОВСа. Так, например, от одного из агентов Глобачёва в Чехословакии Миллеру стало известно, что внутри самого Союза возник некий тайный политический совет под руководством генерала от кавалерии П.Н. Шатилова. Это пугало и раздражало ряд генералов, входивших в РОВС, и после гибели Миллера стараниями генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, близкого к Шатилову, Глобачёва стали оттеснять от дела, а работу созданной им агентуры постепенно свернули под предлогом «нехватки средств» и сокращения расходов. Глобачев оставил службу и выехал в США, где стал работать... коммерческим художником в рекламном бизнесе.

Разумеется, по сравнению с финансами, получаемыми от государства ОГПУ—НКВД для проведения зарубежной работы, возможности контрразведки РОВС были сопоставимы далеко не в пользу последней. Финансовые сложности стали преследовать РОВС еще с начала 1930-х годов, а попытки пустить деньги в рост, предпринятые Миллером, привели к утрате 7 миллионов франков из казны Союза, вложенных генералом на свой страх и риск в одну из тогдашних финансовых пирамид. Основатель пирамиды швед Ивар Крегер покончил жизнь самоубийством, чем обрек многие тысячи своих вкладчиков на полный финансовый крах. РОВС не стал исключением.

Для разработки новых внешнеполитических операций НКВД получал достаточно средств, и, надо признать, оправдывал инвестиции, разработав одну из наиболее одиозных операций по внедрению сына генерала Абрамова в структуру 3-го отдела РОВС. Звали молодого человека, неожиданно появившегося во Франции через Германию, где, по его словам, он бежал с советского торгового судна, стоявшего под разгрузкой в гамбургском порту, Николаем Федоровичем Абрамовым. Предыстория неожиданного его появления такова: при уходе из России в ноябре 1920 года семья ге-

нерала была оставлена им, и 10-летний Николай Абрамов остался у большевиков. По какому-то странному стечению обстоятельств, волны репрессий обошли семью Абрамовых. «Маленький Николай жил в семье тетки и воспитывался в советской среде. Учился в советской школе, состоял в комсомоле, прошел разностороннюю подготовку в Осавиахиме. Был умелым шофером-механиком, хорошим фотографом, бойко стучал на пишущей машинке, любил спорт и вообще отличался недюжинными способностями. Советская школа привила ему атеистические взгляды на жизнь, преклонение перед сильной советской властью, ненависть к фашизму, презрение к демократии и белогвардейцам», — сообщал один из исследователей «дела Абрамова в зарубежье»¹.

На Западе Николай Абрамов объявился при странных обстоятельствах. Матрос советского торгового судна «Герцен», приписанного к ленинградскому порту, неожиданно легко в 1931 году сбежал с советского парохода, причалившего в Гамбурге. Не торопясь, добрался до германской столицы, отыскал штаб-квартиру РОВС, обратился за помощью к дежурному офицеру. После первых перекрестных допросов молодого человека, выяснивших его личность, о нем было доложено начальнику II отдела РОВС генералу фон Лампе. Алексей Александрович фон Лампе, в прошлом военный агент и один из ближайших сподвижников барона Врангеля в эмиграции, внешне сочувственно выслушал историю побега молодого Абрамова. При содействии генерала, организовавшего получение Абрамовым болгарской визы, тот был отправлен к отцу, проживавшему на тот момент в Софии. Рассматривая эту историю с точки зрения дня сегодняшнего, некоторые историки убеждены, что личные взаимоотношения Николая Абрамова с отцом едва ли подвигли советского матроса на столь отчаянный поступок, ибо с детства были «довольно прохладными». Несмотря на это, советский беглец прожил три года у отца, получая от него даже «карманные деньги» до той поры, пока не объявил, что нашёл постоянную работу, съехав из отцовской квартиры.

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции». М.: Язуа, 2004. С. 490—491.

Главной задачей Николая Абрамова было скорейшее внедрение в ряды РОВС любой ценой, что не ускользнуло от внимания со стороны контрразведки Союза. И хотя его повышенная любознательность и чрезмерное любопытство были столь очевидными, внедрение в РОВС и военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина оказалось несложным. Как перед сыном старейшего¹ белого генерала, перед Николаем были открыты двери многих русских организаций, а руководством РОВС были назначены лица, ответственные за политическую подготовку молодого человека. На беседах с офицерами РОВС Николай Абрамов превосходно сымитировал не только разочарование в идеях комсомола, но, «справедливости ради», «искренне осуждал некоторые отрицательные стороны эмиграции...»² Затем, как бы поддавшись на неоспоримые доводы со стороны своих кураторов, с показной неохотой он согласился работать в секретной структуре Союза — «внутренней линии». Сначала он был привлечен к «работе по контрразведке» офицером 3-го отдела капитаном Клавдием Александровичем Фоссом³. Параллельно с

¹ После исчезновения генерала Миллера Ф.Ф. Абрамов должен был бы «по старшинству» возглавить Союз, однако вместо этого на короткое время председательское кресло занял вице-адмирал М. Кедров, а после него — генерал Архангельский. Уклонение от возглавления РОВС обычно объясняется историками как, с одной стороны, нежелание Ф.Ф. Абрамова повторить судьбы предшественников, а с другой стороны — желанием НКВД сохранить этот важный контакт в руководстве организации «в тени», избрав на роль председателя «управляемую фигуру». — *Примеч. авт.*

² *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции». М.: Яуза, 2004. С. 492.

³ Капитан Дроздовского полка К.А. Фосс долгое время работал в Болгарии под началом бывшего российского военного агента Генерального штаба полковника А.А. Зайцова и активно участвовал в борьбе спецслужб болгарского Военного министерства против местных коммунистов, помогая в раскрытии конспиративных сетей и террористических операций. Капитан Фосс был на особом счету у ОГПУ, и на его жизнь только за время работы в Болгарии с 1925 по 1941 год было совершено десятков неудачных покушений. Последовательно работал на разведку РОВС, затем в абвере и после окончания Второй мировой войны — на американскую военную разведку, проживая в Западной Германии. Скончался в Мюнхене 11 ноября 1991 года. — *Примеч. авт.*

этим Николай вступил в «Национальный союз нового поколения» (НСНП) и еще ряд радикальных организаций, продемонстрировав настойчивое стремление продвинуться в них к руководящим постам. «Его попытки изменить тактику НСПП натолкнулись на решительный отпор. Подозревая в нем советского агента и невзирая на его родство с видным белым генералом, Михаил Александрович Георгиевский, настоял на его исключении из Союза. Генерал Абрамов и чины РОВСа были возмущены решением НСПП, и отношения между двумя организациями, уже омраченные... стали еще более неприязненными»¹. В связи с досадным исключением все свое основное внимание молодой Абрамов сосредоточил теперь на РОВС. Для начала Николай Абрамов, войдя в доверие к руководству 3-го отдела, добился направления на обучение диверсионной работе, показал превосходное владение различными видами стрелкового оружия и вскоре был допущен к руководству по обучению стрельбе в одной из секретных организаций².

По распоряжению III отдела РОВС Николай Абрамов первоначально выполнял незначительные поручения по линии контрразведки и ведению наружного наблюдения. Вполне естественно, что при наличии прежнего опыта подготовки в Советском Союзе он скоро достиг неплохих результатов. Со временем Абрамов-младший, стремясь обеспечить себе доступ к секретной оперативной информации РОВС, прилагал все возможные усилия, чтобы стать «своим человеком» в управлении III отдела, где сам постоянно бывал, оказывая помощь в канцелярской работе. Наконец, к 1935 году Абрамову-младшему удалось продвинуться дальше в реализации своего давнего замысла: он наконец был допущен к секретной документации III отдела, что открывало перед ним возможности передавать наиболее ценные сведения советской

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции». М.: Яуза, 2004. С. 492.

² Из заключения Особой комиссии РОВС, проводившей впоследствии расследование деятельности Абрамова-младшего, следовало, что еще до того, как оказаться за границей, тот прошел специальную подготовку в советской разведке, на что косвенно указывал ряд его навыков и умений, а также отменная спортивная подготовка. — *Примеч. авт.*

разведке. Несмотря на хорошую конспиративную работу по маскировке своей деятельности, в конце 1936 года у его куратора капитана Фосса все же возникли некоторые подозрения относительно подлинной деятельности его подопечного. Одной из причин, невольно привлечших внимание к личности Николая Абрамова, стал его весьма обеспеченный образ жизни при формальном отсутствии соответствующих заработков, а также легкий флер тайны, окутывавший происхождение «капиталов». Капитан Фосс не замедлил поделиться своими наблюдениями с болгарской политической полицией и контрразведывательным отделом РОВС, чтобы совместно с ними провести еще одну проверку Николая Абрамова. Почувствовав проявляемый к нему интерес, Николай начал постепенно отходить от текущей работы, очевидно догадавшись, что ему стали поручать задания, имеющие своей конечной целью проверку. Руководство РОВС, осознавая всю деликатность сложившейся ситуации, в которую оно невольно попало, не стремилось предавать возникшее дело Николая Абрамова широкой огласке в кругах военной эмиграции. «Провокационная деятельность Николая привлекла к себе внимание болгарской тайной полиции. За ним было установлено наблюдение. К середине 1936 года полиция выявила его связи с резидентом НКВД на Балканах. В дальнейшем она проследила его тайные встречи с проживавшими в Софии чекистами»¹. Проверяющими лицами было решено даже не докладывать о начавшейся проверке его отцу, генералу Ф.Ф. Абрамову, щадя его чувства. Впрочем, ничего определенного следствие и не могло собрать, ибо в его распоряжении какие-либо серьезные улики отсутствовали. В некоторой степени причиной тому было то обстоятельство, что Николай Абрамов работал квалифицированно, не оставлял контрразведке РОВС прямых улик. Правда, в течение всего 1937 года постепенно стали накапливаться косвенные улики. Под воздействием имеющихся данных контрразведка РОВС приняла меры по ограничению круга деятельности Николая Абрамова и усилению его

¹ *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции». М.: Яуза, 2004. С. 443.

изоляции внутри РОВС. Вскоре в Париже произошло похищение генерала Миллера и последовавшее за этим событием другое, не менее сенсационное, — бегство генерала Скоблина в Испанию, деятельность которого на ниве «внутренней линии» подверглась расследованию в комиссии генерала Ивана Георгиевича Эрдели. Очень быстро комиссия Эрдели дополнила свою основную задачу проверкой III отдела РОВС и деятельности в нем самого Николая Абрамова. Проверка комиссии генерала Эрдели была инициирована заявлением капитана Клавдия Фосса. В этом заявлении говорилось об открытой капитаном утечке сведений конфиденциального характера. При этом, как выяснилось при исследовании, под «утечкой» подразумевалось не физические пропажи каких-либо документов. Судя по всему, Николаем Абрамовым либо делались выписки из секретных документов, либо нужные страницы просто фотографировались.

В марте 1938 года в Белграде собралась комиссия, возглавляемая председателем РОВС генерал-лейтенантом Алексеем Петровичем Архангельским, в составе генерал-майора Виктора Алексеевича Артамонова и полковника Романа Константиновича Дрейлинга — преподавателя Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. Задачей комиссии стало дальнейшее расследование дела о советском агенте. Материалами расследования послужили протоколы и доклады Особой комиссии полковника Петриченко, назначенной осенью 1937 года генералом Ф.Ф. Абрамовым для изучения деятельности «внутренней линии». В качестве дополнительных свидетельств были подготовлены опросы большого числа членов РОВС и военных эмигрантов, не принадлежавших к Союзу, но имевших то или иное отношение к делу Николая Абрамова. Особое внимание комиссии было уделено проверке работы III отдела РОВС. В течение недели, с 13 по 20 октября 1938 года, в правлении РОВС комиссией были заслушаны доклады лиц, руководивших контрразведкой. В прозвучавших докладах была отмечена общая уверенность опрошенных лиц в причастности Абрамова-младшего к НКВД. Расследование, ведущееся в режиме повышенной секретности, продолжалось, сосредоточив внимание на выявлении источников материального обеспечения Абрамова-

младшего. Однако для этого были необходимы его собственные показания и объяснения. Возможно, принудительный привод подозреваемого человека на допрос и помог бы прояснить дело, но такой возможности у эмигрантов не было. Будучи иностранной общественной организацией, РОВС во Франции не мог применить против Николая Абрамова и каких-либо ограничительных мер, вроде взятия под стражу на время расследования. У полиции Болгарии тоже пока не было оснований для его задержания, ибо болгарских законов нарушено не было, а строго формально деятельность подозреваемого была направлена исключительно против общественной организации иностранной военной эмиграции.

И все же попытки избавиться от проблемы опосредованным путем были приняты болгарским правительством, когда летом 1938 года властями было настоятельно рекомендовано покинуть пределы Болгарии Николаю Абрамову. 13 ноября того же года Николай Абрамов выехал с женой Натальей из Болгарии, получив хлопотами отца визу на трехмесячное пребывание во Франции.

Верхушка РОВС, генералы А.П. Архангельский¹, А.А. фон Лампе и П.А. Кусонский, несмотря на наличие многих улик², не предъявили никаких претензий к отцу Николая генералу Абрамову, так как, по их данным, расследование установило, что сам генерал действительно ничего не знал о деятельности сына. Од-

¹ Проживавший во время Второй мировой войны в Брюсселе генерал Архангельский неоднократно вызывался в гестапо, его квартира подвергалась обыскам, корреспонденция изымалась, а любая деятельность была запрещена под угрозой ареста, видимо в силу того, что в 1918 году генерал «успел» послужить «военным специалистом» в РККА. — *Примеч. авт.*

² Помощник начальника РОВС генерал-лейтенант П.А. Кусонский был арестован гестапо во Франции 22 июня 1941 г. и отправлен в лагерь Брейндонк в Бельгии. 67-летнего генерала заставляли выполнять изнурительную работу, подвергая постоянным унижениям. Немецкий лейтенант однажды отхлестал при всех Кусонского перчатками по лицу за медленную работу. После этого, по воспоминанию одного из сидевших с ним лиц, «генерал как-то ушел в себя, все делал как автомат, уставившись в одну точку, еле-еле отвечал или совсем не отвечал, погрузившись в думы... тяжелые». 26 августа генерал Кусонский был забит насмерть охраной СС. — *Примеч. авт.*

нако обстоятельства самого дела показали, что авторитет генерала в среде русской военной эмиграции оказался надолго подорван. Часть исследователей полагала, что, замяв дело о советском шпione, руководство РОВС допустило непростительный компромисс, недопустимый на этапе обострения борьбы с коммунизмом. Возможно, это мнение нашло своё отражение в доносах на русский генералитет в период немецкой оккупации Франции и Бельгии.

Руководство Союза приняло внутреннее решение не предавать дело сына генерала Абрамова широкой огласке, поскольку публичное разоблачение Н.Ф. Абрамова могло нанести бы излишний моральный удар обществу и лично генералу Ф.Ф. Абрамову.

5.2. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ЕВРОПЫ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ И ЕЁ РОЛЬ В ЖИЗНИ СТРАН КОНТИНЕНТА

Если борьба пассионарной части военной эмиграции с большевиками в Европе 1930-х годов нередко выплескивалась в вооруженное противостояние там, где возникали масштабные войны между приверженцами христианской морали и традиционного уклада жизни титульных наций и атеистами-интернационалистами, то судьбы офицеров на американских континентах складывались иным образом. В Новом Свете им приходилось нести миссионерскую и развивающую роль в странах, где подготовка кадров национальных армий и флотов настоятельно требовала политическая обстановка.

Русские военные эмигранты в ряде стран Латинской Америки занимались вопросами строевой службы, выступая в качестве советников и командиров молодых армий континента. Офицеры часто ехали на другой континент в надежде на лучшую жизнь и открывающиеся возможности служить по специальности вместе с женами, детьми, товарищами по работе и прежней службе. «Группа чинов РОВС, находившаяся в городе Вильтце (Герцогство Люксембургское), в составе 32 мужчин, 8 женщин и 4 детей, переехала в Южную Америку, в Парагвай, колонизацией которого ведает ге-

нерал Беляев...»¹ — такие заметки можно было часто встретить на страницах военной эмигрантской периодики 1930-х годов.

Именно в эту пору Парагвай, в стремлении одержать военную победу над Боливией, сделал ставку на русских военных, проживавших в стране, ибо в начале 1930-х многие из них, по собственному признанию, были «неприхотливы, бездомны и бедны». Для привлечения иностранных военных инструкторов правительство Парагвая было готово предложить офицерские должности, и даже гражданство, в результате чего в рядах парагвайской армии к 1939 году, по разным данным, насчитывалось около 80 офицеров русского происхождения. Эмигрантские источники указывают значительно более низкую цифру: «Всего же, в этой войне в рядах Парагвайской армии приняло участие свыше 30 белых русских офицеров...»² Официально на военной службе страны состояло 2 русских генерала — Иван Тимофеевич Беляев и Николай Федорович фон Эрн, 8 полковников, 4 подполковника, 13 майоров и 23 капитана.

Проживающие в Боливии и Парагвае русские служили в авиации, артиллерийских частях и на различных штабных должностях. Большинство офицеров в полевых войсках составляли «местные кадры», произведенные в высокие армейские чины уже в ходе боевых действий. Именно они вынесли на своих плечах основные тяготы грядущей войны.

...Накануне боливийско-парагвайского конфликта в Асунсьоне была объявлена всеобщая мобилизация, и численность национальной армии в течение нескольких недель увеличилась в двадцать раз — с 3000 до 60 000 человек. Очевидец событий писал: «Сегодня с утра в городе творится что-то невообразимое. Первый день общей мобилизации. Толпы резервистов, все больше безусая молодежь везде и всюду. Непрерывные крики “Abajo Bolivia!” По словам газет — энтузиазм, не поддающийся описанию... Первый день войны — всюду одно и то же: бодрость, веселье, огромный

¹ Керманов Н.П. Русский Парагвай // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 439.

² Указ. соч. С. 446.

подъем, “дорогая родина”, “умрем за отечество” и т.д.»¹. При этом во многих отрядах солдаты были вооружены лишь ножами-мачете, а одна винтовка системы Маузер аргентинского производства приходилась на 5—7 человек. Вместе с тем, писал участник событий, «на вооружении армии были горные гаубицы Шнейдера, крупновские 75-мм пушки и мортиры Стокс-Брандта, и все мы в один голос признали, что парагвайскую армию вооружали, собственно говоря, боливийцы. Отношение к казенному имуществу было довольно, на наш взгляд, оригинальное, что объясняется, думается мне, большой примитивностью парагвайцев, совмещавших понятие о настоящем патриотизме с безразличным отношением к казенному добру»².

Парагвайскую армию возглавил полковник Хосе Феликс Эстигаррибиа — волевой руководитель, происходивший из племени индейцев гуарани. Его начальником штаба был генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев, до этого занимавший должность начальника военного училища в Асунсьоне.

Поначалу боевые действия сторон представляли собой беспорядочные перестрелки в джунглях и обмен атаками и контратаками в борьбе за «укрепленные районы». Парагвайская пресса передавала волнующие для местной читающей публики, но комичные для русских военных подробности с фронта: «Bahía Negra бомбардировалась боливийским аэропланом, сбросившим четыре (!) бомбы, которые не взорвались... Утренние газеты сообщали, что наши отбили у боливийцев два форта обратно. “Превосходящие силы неприятеля”, по-видимому, оказались на самом деле не Бог весть какими, ибо форты отобраны обратно одним лишь эскадронем»³.

В ходе боев местного значения стала вырисовываться линия фронта, которая на картах редким пунктиром пересекала мест-

¹ *Туманов Я.К., князь*. Как русский морской офицер помогал Парагваю воевать с Боливией. Морские записки. Том XI, № 3. Нью-Йорк, 1953. С. 63.

² *Стогов Н.Н.* Парагвай и русские офицеры // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 448.

³ *Туманов Я.К., князь*. Как русский морской офицер помогал Парагваю воевать с Боливией. Морские записки. Том XI, № 3. Нью-Йорк, 1953. С. 63.

ность, отмеченную как поросшую жестким кустарником равнину вперемешку с болотистой сельвой.

Сражающиеся стороны активно использовали познания в фортификации и возводили на завоеванных территориях деревоземляные укрепления, гордо именуемые «фортами». Солдаты полковника Эстигаррибиа минировали пространство вокруг фортов, делая их неприступными для противника.

Началась затяжная позиционная война. Войска зарывались в землю, опутывая свои позиции колючей проволокой, сооружая блиндажи и укрепляя пулеметные гнезда.

«Что дали Парагваю наши офицеры? Прежде всего они дали свой военный опыт Великой и Гражданской войны, и не только участием в самой войне, но и подготовкой офицерского состава... Наши офицеры были... знающими и опытнейшими инструкторами по пулеметному делу; были знающими, и даже учеными артиллерийскими техниками, наладившими работу в единственном в Парагвае Асунсьонском арсенале, особенно в его отделе взрывчатых веществ, в лаборатории и в починочных мастерских, где за время войны производили не только починку орудий, ружей и пулеметов, но занимались и выделкой авиационных бомб, ручных гранат и т.п. Наши моряки дали свой многосторонний опыт личному составу парагвайских речных канонерок¹, а наши врачи и ветеринары по-

¹ Особая заслуга в этом принадлежит капитану 1-го ранга князю Язону Константиновичу Туманову, соиздательно трудившемуся над укреплением парагвайских военно-морских сил. Как даровитый литератор, князь Туманов оставил немало интересных свидетельств о своей службе в Российском императорском флоте и на флоте Парагвая, опубликованных на страницах «Морских записок», издаваемых обществом русских морских офицеров в Нью-Йорке с 1943 по 1960-е годы XX века. В начале этого века в Петербурге были переизданы его рассказы об участии в походе 2-й Тихоокеанской эскадры и о Цусимском бое под названием «Мичмана на войне», Последовательно с 1939 по 1954 год князь Туманов был уполномоченным главы Российского императорского дома в Парагвае, одним из создателей и основателей православного храма в Асунсьоне. Князь Туманов явился прототипом князя Ивана Язоновича Бектабекова, лейтенанта флота, в авантюрном романе Ю. Галича «Остров жасминов». Рига, 1928. — *Примеч. авт.*

ставили на должную высоту санитарную и ветеринарную службу в армии. Наши топографы и частью офицеры Генштаба значительно продвинули вперед дело снабжения войск картами и планами, а наши инженеры, а также офицеры Генштаба научили и фортификационному, и дорожному строительству», — подводил итоги первых месяцев военной кампании русский офицер¹.

С начала 1934 года в затянувшейся войне стал намечаться перелом — парагвайцы начали хорошо подготовленное наступление на северо-западном участке фронта вдоль рек Пилькомайо и Монте-Линдо. В сезон дождей боливийская военная техника, первоначально сдерживавшая скорое продвижение парагвайских войск, стала чаще выходить из строя, и задача наступательной операции объединенными силами пехоты и кавалерии, где ей отводилась роль фланговых обходов, решила исход войны.

Несмотря на численное превосходство сопротивляющегося противника, за два месяца наступательных операций парагвайцам удалось продвинуться почти на 200 километров, захватив более 7000 пленных.

Весной 1935 года сражающиеся стороны достигли крайней степени финансового и морального истощения. Боевой дух парагвайской армии был крепок, и в конце марта еще многократно возрос, когда полковник Эстигаррибиа привел свою армию к границам Боливии, атаковав нефтеносный район у городка Вилья-Монтес, расположенный в 60 километрах севернее аргентинской границы.

Через две недели оборонительных боев воля к сопротивлению боливийцев угасла, и началось отступление по всему фронту. Попытки сдержать парагвайские войска малочисленной авиацией привели к потере двух боливийских «фальконов», сбитых пулетным огнем парагвайцев.

В конце мая 1935 года Вилья-Монтес, обороной которого руководил наёмный чехословацкий генерал Плачек, был окружен парагвайцами. После этого Боливия, у которой больше не осталось войск, обратилась в Лигу Наций с просьбой о посредничестве в заключении перемирия с Парагваем.

¹ *Стогов Н.Н.* Парагвай и русские офицеры // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 450.

11 июня 1936 года было подписано соглашение о прекращении огня. Потери сторон убитыми составили 40 000 солдат у Парагвая и 89 000 — у Боливии. В плену у парагвайцев оказалась практически вся боливийская армия — 300 000 человек.

За время трехлетней войны двух стран на стороне Парагвая погибло пять русских офицеров. Это есаул Василий Федорович Орефьев-Серебряков (воевавший в чине майора парагвайской армии), ротмистр Борис Павлович Касьянов (в чине майора), хорунжий Василий Павлович Малютин (в чине капитана), ротмистр-текинец Сергей Сергеевич Салазкин¹ (в чине подполковника) и штабс-капитан Марковского офицерского полка Николай Иосифович Гольдшмидт (в чине капитана).

Воздавая должное заслугам русских офицеров, в столице Парагвая их именами были названы пять улиц, а в Свято-Покровском православном храме Асунсьона установлена мемориальная доска.

Справедливости ради, стоит отметить и оборотную сторону отношения парагвайцев к своим недавним товарищам по оружию. «Что же война дала русским, принявшим в ней такое видное участие? Часть офицеров была оставлена на военной службе, часть — устроена на службу гражданскую, но... некоторые, по увольнении в запас, были предоставлены своей судьбе... Но вот довольно показательно, что когда в парламент был внесен проект закона о предоставлении русским врачам, принимавшим участие в войне, права практики наравне с врачами-парагвайцами, то... проект это был провален, и русские врачи, так много сделавшие и так потрудившиеся на войне, не получили права свободной практики и вынуждены, как и прочие иностранцы, работать только в тех местах, которые отстоят не ближе как на несколько десятков километров от места практики врача-парагвайца... В заключение думаю, что не погрешу против истины, если скажу: жаль, конечно, что русская кровь пролилась на парагвайских полях за совер-

¹ Именем ротмистра С.С. Салазкина, погибшего в одном из боёв, названа одна из основных улиц парагвайской столицы Асунсьона, а местными драматургами написана пьеса «Salazkin», поставленная на асунсьонской столичной сцене отцами-иезуитами. — *Примеч. авт.*

шенно чуждое нам, русским, дело...»¹ — горестно констатировал восный эмигрант.

В целом же настроение русских в Парагвае, спустя годы после победы над Боливией, лучше всего охарактеризовано в письме казаков из Парагвая, адресованного редакции казачьего журнала, выходящего в Париже: «Настроения... заставляют желать много лучшего... Бросается в глаза тоска и печаль по Родине, если можно так выразиться, тоска по Европе... Уж слишком нам приелась южноамериканская экзотика...»²

Для Парагвая победа в войне обернулась резким усилением влияния военных во внутренней политике. При этом среди офицеров, выходцев из низов общества, поначалу преобладали ярко выраженные «эгалитаристские» тенденции.

В феврале 1936 герой Чакской войны полковник Рафаэль Франко совершил военный переворот националистического характера и попытался вернуть страну ко времени великих лидеров XIX века, Хосе Родригеса де Франсии и Франциско Солано Лопеса — то есть провести ускоренную индустриализацию с опорой на собственные силы и усиление роли государства с введением элементов социализма. Естественно, что с такой программой полковник долго не удержался у власти — через полтора года его свергла Либеральная партия, требовавшая вести Парагвай по пути демократии «западного образца».

На выборах 1939 года президентом вновь был избран военный — маршал Хосе Феликс Эстигаррибиа, национальный герой страны и главнокомандующий вооруженными силами Парагвая в Чакской войне. В 1940 году он осуществил военный переворот и изменил конституцию, однако вскоре после того погиб в результате авиакатастрофы. К власти пришел генерал Ихинио Мориниго, установивший в стране жесткий диктаторский режим, который продержался до 1947 года.

¹ Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 454.

² В Парагвае. Париж: «Родимый край», № 44, январь—февраль 1963 г. С. 30.

Жизнь русских в Парагвае складывалась по-разному, но отдельно стоит сказать о личности генерал-майора Ивана Тимофеевича Беляева, чей вклад в победу Парагвая в Чакоской войне несомненен.

Он сыграл не последнюю роль и в жизни страны в целом. Современные биографы генерала раскрыли читателям многие грани его научной и политической деятельности, оставившей заметный след в истории Парагвая в 1930—1950 годы прошлого века.

Беляев прибыл в Парагвай в марте 1924 года. Смог устроиться в Военную школу Асунсьона на должность преподавателя фортификации и французского языка, а в октябре 1924 года по заданию Министерства обороны был направлен в район Чако-Бореаль, представлявший собой междуречье Парагвая и Пилеканой.

Правительству Парагвая было необходимо детально исследовать эту мало изученную еще местность и нанести на карту основные географические ориентиры. Это требовалось еще и для того, чтобы закрепить границу между Парагваем и Боливией, пусть пока лишь на бумаге. Закрепление границ «де-факто» помогло бы Парагваю если не предотвратить, то хотя бы отодвинуть казавшуюся возможной войну. Исследование и нанесение на карту топографических ориентиров на территории Чако в 1925—1932 годах оказалось важным вкладом Беляева и его немногочисленных русских спутников в мировую географическую и этнографическую науку.

Совершив 13 научных экспедиций, Беляев оставил после себя обширное наследие, разделы которого были посвящены географии, этнографии, климатологии и биологии Парагвая. Он изучил быт, культуру, языки и религии местных племен индейцев, составив первые словари: испанско-мокко и испанско-чамакоко.

Исследования Беляева-иностранца помогли местным учёным разобраться в сложной племенной и этнолингвистической структуре индейского населения Чако. Его записки об индейцах Чако приобрели научную ценность потому, что автор был не сторонним наблюдателем жизни данного этноса, а постигал его жизнь «изнутри», проживая рядом с индейскими поселениями.

Усилия Беляева способствовали укреплению дипломатических и военных позиций Парагвая и были отмечены правительством Парагвая, присвоившим ему генеральский чин.

В войне против Боливии, проходившей главным образом за нефтеносный Чакский район, Беляев лично участвовал во многих сражениях. Им был спланирован ряд наступательных операций в бытность начальником Генерального штаба Вооруженных сил Парагвая.

Эта война, нанеся серьезный удар по экономике Парагвая, не позволила Беляеву реализовать планы, связанные с привлечением талантливых и державно мыслящих представителей русской эмиграции, и в 1937 году он посвятил себя правозащитной деятельности, став во главе борцов за права индейцев. Национальный патронат по делам индейцев, который возглавил Беляев, не получал ни денег, ни земель для организации резерваций, и вскоре сам его руководитель был смещен со своего поста за отсутствием у правительства программы финансирования переселения индейцев.

В апреле 1938 года в Национальном театре Асунсьона с аншлагом прошла премьера спектакля первого в истории Америки индейского театра об участии индейцев в «Чакской войне». Автором либретто оказался Иван Тимофеевич Беляев. Через некоторое время труппа в 40 человек под руководством Беляева выехала на гастроли в Буэнос-Айрес, где ее ждал шумный успех.

Либреттист и правозащитник, бывший военный, не забывал Беляев и о русских сослуживцах, с которыми прошел тропы парагвайско-боливийской войны. Он устраивал их на работу, помогал, чем мог, был утешителем и наставником.

За время своей военной карьеры в Парагвае генерал Беляев успел побывать генерал-инспектором парагвайской артиллерии и начальником (с 1933 года. — *Примеч. авт.*) Генерального штаба парагвайской армии. Будущий парагвайский президент Стресснер начинал службу под его началом и навсегда вынес убеждение, что русские офицеры — люди чести и долга.

Мнение диктатора нашло отражение в топографии Асунсьона, где помимо улиц, названных по именам русских офицеров — участников Чакской войны, есть и улица России. На западе страны, в городе Фортин-Серебряков, стоит памятник генералу Беляеву — главному военному советнику парагвайской армии.

Неизвестной в наши дни осталась лишь часть гуманитарного наследия Беляева, которая касалась вопросов русской эмиграции. По убеждению генерала, сохранение и приумножение православных духовных ценностей, вдохновляющих в изгнании на творчество и открывающих иностранцам богатство русской души, всегда готовой поддержать слабого и отстаять правое дело, и было миссией отечественной эмиграции на Южноамериканском континенте.

Сам генерал стал инициатором создания в Парагвае первой колонии русских беженцев — так называемого «Русского очага» — духовного пристанища для сотен тысяч изгнанников с родной земли, где обычаи, религия и вековая культура России помогали всем носителям великой культуры сохраниться, «как в ковчеге», до «лучших времен».

Усилия либералов, «властителей дум» эмиграции, нанесли этому начинанию наибольший вред. Создание консервативной русской среды, пусть даже и вдали от центров скопления эмиграции, грозило пошатнуть позиции как либералов, так и консерваторов, погрязших в бесконечной говорильне, на которой и те и другие в Париже обеспечили себе авторитет и добились привилегий высказывать мнение от лица всего русского сообщества.

Серьезным ударом по планам «Русского очага» стал уход из жизни влиятельных фигур, так или иначе поддерживавших начинания Беляева, — смерть барона Врангеля в 1928 году, Африкана Богаевского в 1934 году, «таинственное исчезновение» из Парижа генерала Кутепова в 1930 году. Эти печальные события, как считал Иван Тимофеевич, помогли его недоброжелателям в Париже и в Парагвае окружить все начинания генерала плотной завесой молчания, замолчать и затмить деятельность Беляева по привлечению здоровых, национально мыслящих сил в страну.

Генералы Н.Ф. фон Эрн и С.П. Бобровский вступили в контакт с новыми руководителями РОВС в Париже, которые равнодушно отнеслись к начинаниям Беляева и были рады распаду русской колонии в Парагвае, как существующей вне союзов и общественных организаций, а значит, вне централизованного контроля.

Стараниями либералов в Париже усилия Беляева для привлечения эмиграции в Парагвай оказались напрасными. Патриотиче-

ская идея не выдерживала коммерческой нагрузки: путешествие за океан оказалось многим не по карману, а создание фонда в поддержку переезда не нашло поддержки финансовых воротил эмиграции, справедливо считавших себя не обязанными помогать консерваторам и державникам создавать прототип «реакционной России» в южноамериканской стране.

Стали появляться различные коммерческие предприятия, готовые за определенную плату организовать выезд желающих на жительство в Парагвай, но условия и стоимость услуг оказались столь грабительскими, что многие, первоначально согласившиеся, с негодованием отвергли идею переезда, в особенности когда им сообщали, что вырученные за переезд деньги поступают в распоряжение самого Беляева.

Так, пользуясь тем, что сам генерал находился вдали от Парижа, предприимчивые люди дискредитировали все добрые начинания, разрушая начатое им благое дело.

Одним из примеров растаскивания «иммиграционного проекта» генерала Беляева по незначительным частным акциям может служить известный случай с организацией эмиграции в Парагвай русских староверов и казаков из Прибалтики.

В марте 1934 года Беляев получил письмо от некоего президента общества «Русская эмиграция в Африку» Федорова с просьбой оказать содействие выезду в Парагвай 1000 семей русских староверов и казаков, осевших в Литве. Сначала они намеревались выехать в Марокко, но, прочитав в журнале «Казак» манифест Беляева, призывающий к отъезду в Парагвай, решили попытать счастья на южноамериканской земле. Беляев одобрил эту идею. Он пожаловал Федорова званием своего личного представителя в Парагвае и уведомил о том, что обратился в МИД страны с просьбой назначить его почетным консулом. Получив звание почетного консула Парагвая, Федоров заявил о независимом характере своей эмиграционной организации и предложил Беляеву принять в ней участие при условии полного разрыва с Колонизационным центром. На это Беляев пойти не мог. Он пытался дезавуировать Федорова как своего личного агента в Прибалтике. Но это уже не могло помешать Федорову проводить самостоятельную эмиграционную политику.

Распад русской колонии «Надежда» в Парагвае не привел к краху личных судеб колонистов лишь благодаря личной деятельности Беляева по устройству колонистов на службу. Всем вернувшимся в Асунсьон генерал выхлопотал у правительства квартиры, необходимые документы и помог найти работу. Конечно, это были небольшие должности, но при дешевизне парагвайской жизни прожить на такое жалование было можно.

Многие колонисты пошли в армию и с годами дослужились до высоких чинов. Так нашла свой конец, не воплотившись в жизнь, идея «патриотической эмиграции». Возможно, если бы Беляев уделил больше внимания «субъективному фактору», парагвайская колония сумела бы выжить.

В записках, оставленных генералом Беляевым, можно прочитать строки, граничащие с безнадежностью, но есть и другие, не допускавшие отчаяния, отказа от борьбы: «Памятником... остались тысячи русских интеллигентов, частью устроившихся в Парагвае или расселившихся по Аргентине, Уругваю, Бразилии, и двадцать тысяч крестьян, нашедших здесь спасение... не считая тысяч других, застрявших в иных краях. Поля, дома, хутора, скот — их тяжелый труд не пропал даром. И от этих людей я не слышал иного, кроме искреннего приветия и благодарности».

Велик был вклад русских военных и их потомков и в культурную жизнь страны. При участии многих российских архитекторов в эмиграции был выстроена и сама парагвайская столица Асунсьон, а вклад русской военной эмиграции и их потомков в культуру этой страны оказался, как и во многих странах мира, весьма заметным, а порой и новаторским.

Дочь генерала Н.Ф. фон Эрн, Тала Николаевна фон Эрн, стала основательницей первой в стране балетной школы. Еврейская колония в Парагвае, созданная в основном иммигрантами из России, дала Парагваю таких крупных художников, как Ольга Блиндер, Бернардо Краснянский и Бернардо Измахович, ярко проявивших себя в парагвайской культуре. Наши соотечественники всегда щедро и открыто делились своими знаниями и опытом с гражданами Парагвая, оставляя в их жизни благотворный след.

5.3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ С РЕЖИМАМИ ДЕРЖАВ «ОСИ» И ИХ СОЮЗНИКАМИ ДО 1939 ГОДА

1940 год в Европе, где уже бушевала Вторая мировая война, ознаменовался советско-финским военным конфликтом. С началом военных действий начальник РОВС генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский обратился к фельдмаршалу Маннергейму с предложением о посылке русских добровольцев на советско-финляндский фронт. В контексте сложившихся обстоятельств генерал Архангельский видел участие РОВС в войне с большевиками естественным продолжением Гражданской войны, своего рода повторением событий 1918 года, когда финские красные противостояли финским белым.

В отличие от прежних лет, в 1940 году из плоскости национального противостояния эта борьба переместилась в сферу международного конфликта, в котором снова с одной стороны выступала Красная армия, а с другой — противостоящие ей финляндские национальные части и белые добровольцы.

Число русских добровольцев Архангельским прямо указано не было, так как было вполне очевидно, что значительных сил РОВС мобилизовать не мог, а участие и помощь Финляндии должны были выразиться, по мнению Архангельского, в направлении отдельных специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии и поднятия восстаний в северо-западных районах СССР. Обращение к фельдмаршалу Маннергейму в полной мере отвечало общему желанию чинов Русского общевойскового союза принять участие в новом походе против советской власти, в полном соответствии с европейским чувством возмущения по случаю «агрессии СССР» против Финляндии.

Финансирование русских добровольцев, по мнению Архангельского, могло бы быть решено за счет пожертвований ряда общественных организаций европейских стран. Фельдмаршал Маннергейм ответил генералу, что в данном периоде войны он не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением, но высказался, что некоторые возможности для чинов русской военной эмиграции могут открыться в будущем.

Расплывчатость и неясность ответа несколько разочаровала Архангельского, так как еще до его получения РОВС стало известно, что финское правительство отдало распоряжение своим дипломатическим представителям за границей содействовать поступлению добровольцев в финскую армию. При этом оно запретило принимать русских, проживающих в Финляндии, и лишь в январе 1940 года, ввиду угрожающего положения на фронте, они были мобилизованы. Руководство РОВС не учло скрытые мотивы отказа Маннергейма, на деле имевшего обычную антирусскую подоплеку. Так как в этой войне советская власть объявила войну не Финляндии и финскому народу, а выступила в поддержку созданного ею «народного правительства» Отто Куусинена против «белобандитов и клики Таннера — Маннергейма», начав борьбу «красных» против «белых», идеологически воспринимать вооруженный конфликт в данной трактовке финны не могли. Это грозило бы единству их нации, и внешняя война могла бы действительно перейти в войну гражданскую, гибельную для любого государства, а тем более столь малого, как Финляндия.

Маннергейму было необходимо сохранить полное единение народа, а это возможно, лишь ведя войну национально-освободительную, и в данном случае направленную против русских. На этих условиях самая крупная фракция сейма — социалисты — гарантировала правительству полную поддержку со стороны представляемых ею групп населения. Ведением войны национально-оборонительной против «русских» единство нации действительно было сохранено, и в стране возник огромный национальный подъём. В этих условиях участие русских, да ещё окрашенных в «белый» цвет, для Финляндии было недопустимо по политическим соображениям. Это не только внесло бы недоумение в стране, но и дало бы повод советской власти вести агитацию о «захватнических белогвардейских» планах финнов, «поддерживаемых русскими белогвардейцами».

При этом финны считали, что вред от такой агитации не может быть компенсирован незначительностью белогвардейских сил, пожелавших участвовать в войне с большевиками. Вместе с тем Маннергейм понимал, что длительная война с СССР грозит не-

большой стране полным истощением и гибелью. К тому же пред- ставился случай использовать в этом конфликте русских против русских, основываясь на желании одной из сторон во чтобы это ни стало скрестить оружие со своим давним противником. Во второй половине февраля 1940 года, с появлением в Финляндии небольшо- го числа пленных красноармейцев, финское правительство реши- лось попытаться использовать их для организации пропаганды в тылу Красной армии и прочей подрывной деятельности.

По замыслу Маннергейма, идея состояла в том, что среди во- еннопленных красноармейцев должна была быть произведена со- ответствующая агитация, чтобы доказать им, что они во всём об- мануты советской властью. А затем, в случае успеха агитации, из пленных должны быть сформированы небольшие «русские народ- ные отряды» для партизанских и иных действий в тылу Красной ар- мии и для убеждения красноармейцев к переходу на сторону фин- нов для борьбы за свержение советской власти. При успехе отряды должны были быть развёрнуты в строевые части «Русской Народ- ной Армии». К командованию отрядами, а позднее частями Русской Народной Армии, предназначались чины и офицеры военной эми- грации, сначала по принципу добровольчества и в зависимости от их подготовки, а затем, по мере развития действий, и прочие чины РОВСа и других эмигрантских воинских организаций.

В середине февраля 1940 года правительство Финляндии, с со- гласия фельдмаршала Маннергейма, одобрило указанный выше план. Однако осуществление его несколько затянулось, так как для достижения максимального эффекта пропаганды финны сначала хотели произвести «опыт», позволявший им убедиться в её дей- ственности. Для этого ими был избран один из лагерей для воен-нопленных, в котором содержалось около 500 здоровых пленных красноармейцев (великороссы, украинцы и некоторое количество национальных меньшинств). Спустя всего одну неделю пропа- гандистской работы с участием офицеров РОВС, запущенных в лагерь финским военным командованием для «обработки умов», около 200 пленных красноармейцев выразили желание вступить в ряды «Русских Народных Отрядов» и идти на фронт для агитации среди чинов Красной армии и для борьбы с советской властью.

Тактика финского правительства предполагала, что при «обработке» красноармейцев не только не принуждали к предательству, но и предупреждали об опасности, напоминая, что их семьи, оставшиеся в СССР, могут пострадать. Красноармейцы, выразившие желание вступить в Русские Народные Отряды, были переведены в другой лагерь и там из них были сформированы пять небольших отрядов. Во главе отрядов были поставлены офицеры из РОВС, зачисленные в финскую армию на командные должности.

Заслуживает особого интереса факт, описанный белым мемуаристом, что когда красноармейцев, выразивших желание поступить в Русские Народные Отряды, спросили, с какими начальниками они желают идти на фронт, с лицами из командного состава Красной армии или с белыми офицерами — эмигрантами, они выразили желание, чтобы ими командовали «белые» офицеры. Формирование дальнейшего числа русских отрядов затянулось по разнообразным причинам, одной из которых могло вполне быть отсутствие большого количества желающих воевать с советской армией. Поэтому до конца финляндско-советских военных действий на фронт финнам удалось отправить только один отряд численностью 35—40 человек¹.

Служба этого отряда оказалась успешной — он привёл с передовой красноармейцев в количестве, превышающем значительно его собственный состав, — все они так же пожелали перейти на сторону Русского Народного Отряда². Генерал Архангельский вспоминал: «Нельзя не признать, что общая обстановка для подобного опыта и для пропаганды были неблагоприятны. Стояла суровая зима, и трудно было надеяться, что пленные красноармей-

¹ По данным исследователей, на самом деле на советско-финляндском фронте чины Финляндского подотдела РОВС во главе с капитаном Шульгиным сформировали 5 отрядов из военнопленных красноармейцев (по 30—40 чел. каждый) в феврале 1940 г. — *Примеч. авт.*

² Среди деятельных участников формирования русских отрядов был некто В.В. Бастамов, чин Марковской артиллерийской бригады, состоявший в 1927—1928 годах в числе кутеповской боевой организации и служивший в армии Финляндии во время обеих войн с СССР. — *Примеч. авт.*

цы, только что спасшиеся от опасности на фронте, попавшие после сильных морозов в тепло, накормленные досыта, могли быть возбуждены пропагандой до такой степени, чтобы идти опять на холод и голод и вновь подвергать свою жизнь опасности.

Несмотря на неблагоприятную обстановку и на короткий срок, отпущенный РОВС для воплощения своих замыслов, произведённый «опыт» с пленными дал необычный результат». Успехи большевиков на фронте и мир, вызванный не только ослаблением финской армии и недостатком снарядов, но и политическими условиями, положили конец попыткам радикальных кругов русской военной эмиграции принять участие в войне, и намечавшееся было для них «окно» для перенесения борьбы на родную территорию, едва приоткрывшись, захлопнулось окончательно...»

И если возможность для чинов РОВС принять участие в войне с Красной армией в Финляндии была ограничена временным пространством и спецификой антирусской позиции, в Германии в отсутствие необходимости антирусского маневрирования в политике русские военные эмигранты скорее рассматривались как деятельные союзники, нежели чем составная часть пропагандистской войны.

В довоенной Германии работа по линии РОВС велась стараниями коренного офицера Лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе. Летом 1922 года фон Лампе был назначен Врангелем представителем в Берлине, с сохранением должности военного представителя Главнокомандующего в Венгрии.

С 1922 по 1924 год фон Лампе постоянно проживал в Берлине, выезжая в Будапешт два раза в год и ведя там не слишком активную работу, главным образом исследуя настроения правительства в отношении расширения квот на прием иностранцев в страну. Несмотря на сокращение финансирования из канцелярии Врангеля и ухудшение в связи с этим материального положения его семьи, фон Лампе не последовал примеру многих эмигрантов, уезжавших из Берлина в Париж, решив не покидать «родину предков». Сначала он с большим трудом изъяснялся на немецком языке, так как его родители говорили дома только по-русски, и ему, выросшему в России, пришлось даже брать уроки немецкого.

В своей деятельности фон Лампе более всего желал объединения всей военной эмиграции под флагом умеренного монархизма. В ситуации, когда между «николаевцами» и «кирилловцами» развернулась открытая борьба за влияние на военные организации, фон Лампе по мере возможности противодействовал попыткам лидеров «Высшего монархического совета» сместить Врангеля и подчинить всю эмиграцию «диктатору», на роль которого претендовал все тот же великий князь Николай Николаевич. Врангель по достоинству оценил позицию фон Лампе и в декабре 1923 года произвел его в генерал-майоры.

В 1924 году, при организации РОВС, фон Лампе был назначен Врангелем начальником II отдела РОВС, имевшего свою штаб-квартиру в Берлине. В последующие за этим годы фон Лампе безоговорочно поддерживал Врангеля во всех его начинаниях, какими бы они ни были. Не изменил он своей привычке и тогда, когда разразился конфликт между Врангелем и его заместителем генералом А.П. Кутеповым, создавшим в недрах РОВС тайную боевую организацию. Защищая свою позицию, Кутепов обвинял Врангеля в «бездействии» и уклонении от продолжения борьбы с большевизмом.

Фон Лампе поддержал своего начальника, согласившись, что террор является далеко не самым действенным орудием борьбы, и полагая, что будущее России должно определить молодое поколение с учетом всех ошибок и просчетов предыдущих времен. Вместе с тем фон Лампе желал новому поколению эмигрантов использовать любую «...возможность ознакомиться с борьбой Белых в 1917—1920 гг. в России, которая даже в среде эмиграции, вследствие того, что многочисленные описания борьбы уже стали исчезать с книжного рынка и самая память о борьбе начала “порастать травой забвения”...»¹

Пребывая в Германии, в 1920-е годы Лампе занимался не столько политической работой, сколько популяризацией идеи Белого движения, начав с публикации сборника документов и воспоминаний лидеров Белого движения. Под его редакцией был выпущены 6 томов сборника документов «Белое дело», с использо-

¹ Лампе фон А.А. Пути верных. Париж, 1960. С. 9.

ванием при этом части архива Врангеля, которую ему, как начальнику II отдела РОВС, удалось получить на хранение из рук самого Главнокомандующего.

Кроме этого, фон Лампе собрал множество дополнительных документов и материалов по истории Гражданской войны и жизни эмигрантов за рубежом, сделав это на собственные средства и по собственной инициативе. В его «архив» входили комплекты газет «Россия» и «Великая Россия», коллекции газетных вырезок из русской эмигрантской и немецкой прессы, систематизированные по различным тематическим разделам, служебная переписка, сводки, брошюры эмигрантских издательств и все подобное в этом роде.

Так как средств на издание даже небольшого сборника к 1924—1925 годам ни у РОВС, ни у самого Врангеля уже не было, фон Лампе обратился к состоятельным эмигрантам, сочувствовавшим Белому движению с просьбой помочь в издании исторических материалов.

С 1926 года, с трудом собирая требуемые средства на каждый последующий выпуск, фон Лампе начал издание серии сборников «Белое дело. Летопись белой борьбы». Всего его усилиями было опубликовано 7 подобных сборников.

Чтобы прокормить семью, а отчасти изыскать средства для деятельности II отдела РОВС в Берлине, фон Лампе даже начал сниматься в кинематографе. В конце 1920 — начале 1930-х годов в Германии снималось немало «русских» фильмов (по русским сценариям и посвященным российской жизни, Великой и Гражданской войнам); немецкие кинорежиссеры не были вполне компетентны во многих вопросах русской истории и русского быта. Поэтому многие офицеры и гражданские эмигранты, желая подзаработать, приняли участие в съемках массовых сцен или получили места консультантов «по русской жизни», что считалось большой удачей. Сначала фон Лампе работал статистом, а затем его стали приглашать как знатока русского быта.

После смерти Врангеля года сменивший его на посту председателя РОВС генерал А.П. Кутепов прекратил финансирование II отдела, не простив фон Лампе его поддержки Врангеля в споре о методах борьбы. Единственным источником доходов фон Лам-

пе оставалась деятельность в кинематографе. Благодаря нетривиальной внешности его довольно часто приглашали сниматься в эпизодах, и, несмотря на недовольные замечания Кутепова по поводу того, что физиономия начальника отдела РОВС постоянно мелькает на экране, нарушая всякую «конспирацию», фон Лампе не оставлял съемок и продолжал содержать отдел на средства, полученные от своей актерской деятельности.

После похищения в 1930 году Кутепова, новый председатель РОВС генерал Е.К. Миллер возобновил финансирование II отдела, предложив фон Лампе взять на себя «дела» Кутепова в России. Как и другие начальники отделов, фон Лампе отказался от этого «наследства», мотивируя свой отказ тем, что «террористом никогда не был, конспирацией не занимался и учиться этому не хочет». Отчасти это было правдой, но в целом повторить судьбу Кутепова фон Лампе желал менее всего.

В начале 1930-х годов, когда материальное положение эмигрантов в Берлине в связи с углублением кризиса значительно ухудшилось, а «русские» фильмы снимать прекратили, фон Лампе вынужден был искать другую работу. Ему удалось устроиться на временное место в автомобильной фирме — работал торговым агентом по распространению противоугонных устройств, но вскоре его сократили, не выплатив выходного пособия на том основании, что он эмигрант и не имеет немецкого подданства.

В условиях начавшейся в Германии очередной предвыборной истерии фон Лампе поначалу занял позицию нейтралитета, пытаясь удержать своих офицеров от участия в политической жизни, однако после прихода нацистов к власти он принял решение о сотрудничестве с ними.

Этому предшествовал арест самого фон Лампе гестапо в самом начале осени 1933 года по обвинению... в шпионаже. Около трех месяцев он провел в берлинской тюрьме и был освобожден лишь по ходатайству немецких друзей, чтобы присутствовать при последних днях умирающей от туберкулеза легких единственной дочери (Евгения фон Лампе умерла в декабре 1933 г.). После смерти ребенка Алексей Александрович сосредоточил все свои силы на укреплении связей II отдела РОВС с германскими по-

литическими институтами. Он считал, что для русской военной эмиграции в Германии сотрудничество с нацистами — единственный шанс вернуться в Россию победителями большевиков. После похищения генерала Миллера, когда председателем РОВС в результате смены ряда промежуточных начальников стал генерал А.П. Архангельский, постоянно проживавший в Брюсселе, своим заместителем он назначил именно фон Лампе, который, со своей стороны, не захотел покидать милый его сердцу Берлин.

В августе 1938 года по требованию немецких властей, возмущавших против подчинения II отдела РОВС штаб-квартире в Брюсселе, руководство РОВС приняло решение формально выделить его в самостоятельную структуру во главе с фон Лампе — «Организацию русских военных союзов» (ОРВС).

Вторая мировая война застала фон Лампе в должности служащего крупной издательской фирмы, занимавшегося в свободное время организацией отделений Русского Красного Креста в Берлине и в завоеванных Германией странах Западной и Восточной Европы. Эти учреждения должны были помогать русским эмигрантам, попавшим в немецкий плен, так как многие из них были мобилизованы в армии тех стран, где имели постоянное место жительства до войны.

Русская эмигрантская община в Германии была вполне сопоставима по своему многообразию с таковой во Франции, а по представленным в ней эмигрантским организациям и институтам копировала те, что существовали во Франции.

К началу 1920-х годов в Германии поселилось более 200 тысяч эмигрантов, позднее большинство из них переехало в другие страны. Через пятнадцать лет, в 1935 году, в эпоху Третьего рейха, по данным гестапо, в стране насчитывалось немногим более 80 тысяч эмигрантов из России. Сто двадцать тысяч сочли за благо разъехаться по другим странам в период затяжного экономического кризиса. С возвращением экономики в нормальную колею, к 1936 году русских в Германии стало чуть больше — около 100 000 по свидетельству статистических сведений Министерства церковных дел рейха.

Поиски военной, духовной и гражданской эмиграции в Германии своих ниш и путей дальнейшего исторического развития

постепенно привели к появлению новых общественных организаций.

Возрождение национальной России представлялось части русской эмиграции еще вполне возможным, с учетом наблюдаемой ими практики борьбы с либерализмом, масонством и космополитическими течениями национал-социалистов в Германии.

Путь германского национализма, реанимировавшего увядающую страну, доведенную до краха совокупностью факторов, среди которых была и грабительская эксплуатация экономики международным капиталом, воспринимался эмигрантами в качестве допустимой практики для будущей практики в России... Агрессивный антикоммунизм виделся части эмигрантов как единственно возможный инструмент борьбы с насажденным в России духом III Интернационала. Антибольшевизм национал-социалистов привлекал к себе и эмигрантов старшего поколения. Они увидели в Гитлере воплощение своих несбывшихся мечтаний о всеокрушающей силе, которая сможет уничтожить советский режим и помочь восстановить в России национальное государство.

26 октября 1933 года достоянием общественности стало письмо генерала фон Лампе, в котором тот писал о проведенных переговорах с представителем НСДАП. В письме говорилось: «... После переворота 30 января с.г. в Германии, я и мои друзья предложили наше содействие в борьбе против коммунистов германской власти — я в последнее время вошел в частные переговоры с представителем отдела Иностранных сношений Германской Национал-социалистической рабочей партии (отдел г-на Розенберга), по вопросу о совместных действиях против большевиков».

Далее фон Лампе излагал существо проведенных переговоров: «Мне кажется, что достигнута возможность взаимного доверия. В данный момент начальник Восточного отдела выразил настоящее желание получить от нас, по возможности, разработанный план тех действий, которые мы предполагали... осуществить совместно с германскими национал-социалистами в направлении к уничтожению большевистской власти в России... по всем направлениям, пока при соблюдении полной тайны наших взаимоотношений с немцами, а потом и возможной интервенционной дея-

тельности в широком масштабе... По предложениям, высказанным во время имевших место переговоров, инициатор их — начальник Восточного отдела, на основании нашего плана... сделает соответственный доклад, который должен привести к дальнейшим переговорам с представителем Иностранного отдела партии... С переходом переговоров в следующую, так сказать официальную стадию, все лица, принимающие в них участие, как нами о том было оговорено, получают гарантии в том, что с ними не может повториться недоразумение, подобное тому, которое привело к моему аресту. Это совершенно необходимо, так как конечно мы примем все меры, дабы сведения о переговорах не просочились в эмигрантскую гущу, но гарантировать от слухов едва ли сможем...»

События ближайшего будущего ясно показали, до какой степени руководящие круги национал-социалистской партии заинтересованы в сотрудничестве с правыми радикалами русской военной эмиграции. Германская партийная и правительственная элита не возражала против появления союзных иностранных партий и движений для использования их в будущей борьбе с коммунизмом, но не позволяла им расти и развиваться, чтобы не затронуть национальные интересы страны, всегда подчеркнуто выделяемые немцами, как приоритет.

В марте 1934 года фон Лампе в одном из своих писем уже с некоторым недоумением писал о том, что начатые переговоры с нацистами неожиданно прервались. На поставленный вопрос о причинах представители нацистских партийных кругов отвечали фон Лампе, что руководство партии, несмотря на все желание, не в состоянии уделить время «русскому» вопросу. Другими словами, фон Лампе было дано понять, что возможное содействие в будущей борьбе белых с большевизмом не интересует власть в той степени, чтобы позволить себе расходы на поддержку иностранных общественных и политических организаций.

Позиция фон Лампе во взаимоотношениях с нацистским режимом являлась наглядным примером того огромного заблуждения, которым страдала значительная часть эмиграции в Германии и за ее пределами относительно будущих целей Гитлера в отношении России. Представляя фашизм в виде идеологического тарана, кото-

рый поможет русской эмиграции, образно говоря, пробить ворота в осажденную советскую крепость, многие представители русской эмиграции в Германии не могли до конца оценить подлинную мотивацию национал-социалистов. Поэтому все планы и оценки лидеров русской эмиграции накануне Второй мировой войны и их потенциального сотрудничества с нацистами выглядят прекраснодушными побуждениями, ничего общего с реальностью не имеющими.

В одном документе под названием «Соображения по некоторым вопросам международной политики», написанном в декабре 1933 года, Алексей Александрович фон Лампе пытался осветить существующие у российской эмиграции принципы относительно вопроса поддержки будущего германского и международного похода против Советской России. В частности, он писал: «...Надо делать все, что в наших силах, чтобы... увеличить шансы выступления Германии против СССР и... наилучше его использовать. В случае выступления какой-либо державы против СССР... мы должны стараться всемерно использовать создающееся положение в русских интересах, но не можем покрывать такое выступление иностранной державы нашим национальным флагом...»

1933 год стал «урожайным» по части возникновения русских политических организаций, во главе которых стояли русские военные. Тогда же в Германии возникла и партия российских «освобожденцев», именовавших себя также «Центральной организацией русских националистов» (ЦОРН). По оценке Алексея Александровича фон Лампе, в описываемое время ЦОРН «влачила жалкое существование». Тем единственным, что выделяло эту малочисленную партию из числа ей подобных русских общественных организаций, была ее тесная связь с русской фашистской организацией на Дальнем Востоке, с одной стороны, и младороссами Казем-Бека — с другой. Во главе ЦОРН встали генерал П.Р. Бермондт-Авалов и его бывший начальник штаба по Западной армии полковник П.П. Чайковский. Присутствие в руководстве этой русской организации германского должностного лица указывало на желание властей поставить под контроль стихийный процесс создания и деятельности иностранных общественных организаций и движений, пожелавших именоваться «фашистскими».

Между тем воспроизведение фашистских партий в начале 1930-х в Германии продолжалось. Возник и стал расширять своё влияние «Русский национал-социалистический семинар», основанный и возглавленный бывшим редактором одного из печатных органов РОНД А.В. Меллер-Закомельским. В него входила по преимуществу самая молодая и неопытная часть российской молодежи в Германии. Более взрослая часть молодых людей тяготела к «Национальному союзу нового поколения» (НСНП). Некоторая часть русских офицеров в Германии, чинов II отдела РОВС, объединилась в 1933 году в Военно-монархическую группу, которую возглавил полковник Иван Сергеевич Байбус.

Данная группа состояла примерно из 30—40 человек. Изначально она попыталась встать на путь конфронтации с РОВС, обвиняя его в «противодействии национал-социалистическому движению». В отличие от прочих организаций подобного толка в Германии, организации полковника Байбуса удалось попасть в так называемый «резерв национал-социалистических организаций», при этом все ее члены подписали обязательство не принадлежать другому политическому союзу. По этой причине ее участники вынуждены были подать заявления о выходе из рядов РОВС.

И, наконец, последней из созданных в 1933 году в Германии русских фашистских организаций стала группа генерала К.В. Сахарова, о которой фон Лампе писал, что она «...значения не имеет. После своего исключения из РОВСа, ...генерал Сахаров увлекся “вождем” Пельхау-Светозаровым и, по некоторым сведениям, присягнул ему. Последние события выбили его из колеи... Около генерала Сахарова <находилось> несколько чинов армии адмирала Колчака, тоже, по-видимому, критически относящихся к нему».

Два года спустя, в 1935 году, возникла еще одна русская общественная организация — «Российское национальное и социальное движение» (РНСД) во главе с полковником Н.Д. Скалоном. По своим установкам это движение мало отличалось от РНСУВ или других ему подобных, но влияние идеологии германского национал-социализма на нее было довольно очевидным. «Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного

вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи», — обратился к соратникам в своем докладе представитель РНСД в Берлине барон А.В. Меллер-Закомельский.

Из вышеприведенных примеров более или менее очевидно, что германский национал-социализм оказал существенное влияние на русскую эмиграцию в конце 1920-х — начале 1930-х годов прошлого века. Фашизм казался части эмигрантской молодежи движением будущего, тогда как западная модель демократии виделась многим из них отживающим явлением, место которому уготовано в будущем на свалке истории.

Глава шестая

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ В 1941—1945 ГОДАХ

6.1. ПРОБЛЕМАТИКА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА И ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ РУССКИХ ВОЕННЫХ ЭМИГРАНТОВ С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ

Незадолго до разразившейся Второй мировой войны в своей речи на собрании Русского национального союза участников войны бывший командир дроздовцев генерал-майор Антон Васильевич Туркул выразил мнение, бытовавшее среди консервативно настроенной части военной эмиграции: «...Мировые события приближаются... Русский народ, поработанный коммунистической властью “интернационала”, неминуемо будет вовлечен в это столкновение, но не во имя России, а во имя спасения советской власти и поработания... других народов. Что же делать нам, русским воинам, в эти грозные часы?.. Нельзя же до бесконечности ждать, что кто-то или что-то спасет Россию, и самим ничего не делать. Нам пора на-

чать верить в собственные силы, пора организовываться, работать. В эволюцию советской власти мы не верим. Сталин такой же палач русского народа, каким был Троцкий или Дзержинский. От России властью III интернационала уже отторгнуто 710 тыс. квадратных верст с 28 миллионами жителей, и какие еще “куски” будет отдавать советская власть, какие еще “похабные” договоры будет она заключать, чтобы только спасти свою шкуру? А так называемые оборонцы, пособники советского палачества, кричат здесь о защите России. Их главари и вдохновители, когда мы, солдаты, стояли в огне за Россию, были и против нас и против России, а когда рушилась в крови и смуте российская империя, они помогли ее крушению... К какой же “обороне” они зовут теперь? Они зовут к обороне не России, а советской власти. Но мы, русские солдаты, против советской власти. Каждый лишний год, месяц, день власти III интернационала над Россией губит российскую нацию. Большевики двадцать лет развращают и терзают русский народ. Вот почему мы, русские солдаты, непримиримые враги большевиков и всех их попутчиков. Мы верим в Россию и русский народ и не боимся наступающих событий, как бы грозны они ни были»¹.

Речь эта выражала умонастроения консервативной части военной эмиграции, определяя её позицию в ожидаемом конфликте западного мира и советского социализма, в разное время его контрагента и антагониста одновременно². В этом смысле весьма показательна статья другого эмигранта, где говорится о внешней

¹ Газета «Возрождение» от 16 июля 1937 г. Париж. С. 1.

² Запад с охотой принимал от советского правительства возможности выгодной ему торговли, покрывал сомнительную внешнеэкономическую деятельность Троцкого, Хаммера, Воровского и других представителей режима и их партнеров по сомнительным сделкам распродажи национальных сокровищ императорской России на Западе. Вместе с тем, уступая нажиму консервативных кругов своих стран, часто под давлением неоспоримых доказательств преступлений большевиков, отделялись от них формальными заявлениями протестов и политическими демаршами для проформы. По существу, взаимодействие с большевистским правительством было экономически выгодно для стран Запада, и эту выгоду он никогда не упускал из виду. — *Примеч. авт.*

политике большевизма: «И сейчас, когда эта советская власть продвигает свои полчища в Европу, когда ей достаются обширные области, когда везде говорят о росте влияния правительства Коминтерна — можем ли мы этому радоваться? Конечно, нет! Можно ли радоваться тому, что миллионы людей попадают под жестокую власть ГПУ? Можно ли радоваться тому, что гибнут кое-как уцелевшие очаги культуры?! Мы, находящиеся пока “за безопасным рубежом”, защищенные от Красной армии, можем ли мы радоваться, смеем ли мы радоваться большевистским завоеваниям? Иные говорят: они забирают русские области. Казалось бы, тем хуже для русских, попадающих под большевистскую власть. Пусть население польских “крестов”, имевшее основание быть недовольным польскими властями, порой искренно приветствует красноармейцев. Что из этого? Надо уметь взглянуть на несколько месяцев вперед! Надо себе представить, что станет с этим населением через несколько месяцев советской власти... Никто не знает будущего, но много более вероятно, что большевики утратят не только свои нынешние завоевания, но и многое другое раньше, чем будут окончательно повержены в прах. Соблазн советских завоеваний — опасный соблазн. Он заставляет русских сочувствовать своим злейшим врагам. Он вносит смуту в умы — и не в первый раз... Русские не вправе радоваться тому, что красноармейский сапог топчет землю, над которой некогда реял русский трехцветный флаг. СССР и Россия — не одно...»

Начало войны с Россией не стало полной неожиданностью для эмиграции, и было воспринято большей её частью, как преддверье последнего сражения с большевизмом. К этому событию в консервативной и монархической среде эмиграции готовились все последние двадцать лет, с той самой поры, когда за спиной русских воинов остался покоренный красными Крым.

Не ведая в точности, когда пробьет долгожданный час, военные эмигранты не оставляли вопросы военной подготовки молодого поколения без внимания, и везде, где это бывало возможным, создавали дружины, кружки или целые военно-спортивные общества, предназначенные для подготовки кадров будущей Русской армии.

Так, даже в относительно малой стране, такой, как Королевство Бельгия, еще с середины 1930-х годов прошлого века полковником А.Н. Левашовым была создана Русская Стрелковая Дружина и Военное училище при ней. Они выделялись сравнительно большими организационными структурами, с учетом немногочисленности русской диаспоры в этой стране как таковой. И задачи, которые ставились организаторами, намного превосходили таковые в движении «витязей» или балканского «сокольничества», призванных лишь напоминать эмигрантской молодежи об этнической идентификации и формировать привычку к здоровому образу жизни.

В Бельгии русские военные эмигранты пошли намного дальше, начав фактическую начальную военную подготовку по программам военных училищ. Все — и структура, и состав данной организации недвусмысленно говорило о ней, как о полноценном военном учреждении. Командный состав дружины и училища состоял из 15 штаб- и обер-офицеров, а среди преподавательского состава было 10 генералов и офицеров, 118 стрелков унтер-офицерского и рядового звания, включая 16 юнкеров.

Как замечали современники: «Помимо вопросов военной подготовки и воинского воспитания, дружина обращала большое внимание на политическое развитие молодежи, находящейся в её рядах, и на укрепление в их сердцах веры в нашу Родину, уважения к её прошлому и надежды на будущее её возрождение. Работа Дружины дала блестящие результаты, опыт полковника Левашова оказался нужным, ценным и полезным. Но, к большому сожалению, почти ни в одной стране не нашел еще должного подражания»¹.

Столкновение Запада в июне 1941 года с большевистской Россией породило в среде консервативной части эмиграции убеждение в необходимости скорейшего возрождения военизированных формирований, создания русских национальных частей, которые, примыкая на первых порах к армиям стран антикоминтерновского пакта, явились бы основной силой в свержении коммунистической власти.

¹ «Часовой», № 146—147. Орган связи русского воинства за рубежом. Пасхальный выпуск 1935 г. С. 3.

Особенно острым этот вопрос оставался в самой Германии, где кроме природных русских людей проживало значительное количество немецких репатриантов — менее чем четверть века назад бывших подданными Российской империи. С одной стороны, самосознание требовало от них лояльности собственному этносу, а с другой — годы, проведенные в России, воспоминания и переживания за судьбу своего первого отечества часто заставляли их играть буферную роль в защите населения от эксцессов оккупационных войск на территории России. Надо признать, что многие «благотетели» не удостоивались благодарности ни от населения, числившего их «немцами», ни от соплеменников, считавших их проявления гуманизма психологическим излишеством, приобретенным за годы жизни вне рейха.

Вторжение в Россию в 1941 году не было воспринято в качестве национальной трагедии даже либеральными эмигрантами, почти поголовно видевшими в германском руководстве единственную силу, способную изменить ход истории. Человек, чуждый идеям восстановления исторического самодержавного строя, республиканец до мозга костей, главный редактор воинского журнала «Часовой» Василий Викторович Орехов, незадолго до германо-советской войны писал в колонке редактора: «Нас русских в этих разговорах и соглашениях (Германии и Италии. — *Примеч. авт.*) больше всего интересует поставленный впервые на подобном государственном совещании вопрос о противодействии большевизму... Германский вождь-канцлер, приветствуя Муссолини, подчеркнул мировое значение фашистского режима, как воплощение права и социальной справедливости в противовес разлагающему эти понятия бесчестному и бунтарскому коммунизму... Каковы же конкретные достижения встречи Гитлера—Муссолини? Это, во-первых, признание неразделимости III интернационала и сталинского правительства и необходимости совместной борьбы против СССР... и, в-третьих — создание коалиции противобольшевистских государств... Вот, наконец, почему мы, русские люди, далекие от возможности вести политику от имени своей страны, но ясно видящие её гибель под властью большевиков, должны приветствовать смелые и открытые слова государственных людей, произнесенные от имени двух вели-

ких держав, понявших всю подлость, бесчестность и злую волю работодателей нашей России»¹.

Таково было понимание части русской эмиграции политической расстановки сил, и свои собственные ставки были сделаны на лидеров тех стран, которые были готовы возглавить поход против большевизма. Это объясняет факты записи эмигрантов в добровольческие части во время войны в Испании и поступление на службу в легионы СС и вермахт с началом германо-советской войны.

Эмигранты русского происхождения в большинстве своем попадали в строевые части германской армии, но для них всегда была открыта ниша административной работы в штабах и военных комендатурах. Вербовкой эмигрантов на эту работу и в качестве переводчиков занималось Русское представительство в Германии, именуемое *Vertauernsstelle für Russische Flüchtlinge* под руководством Сергея Таборицкого, действовавшего в тесном взаимодействии с руководителем русской общины в Германии, коренного офицера Лейб-гвардии Конного полка² и генерала германской службы Василия Викторовича Бискупского. В 1919 году Бискупский много и плодотворно интриговал против командующего Добровольческим корпусом на северо-западе России Рюдигера фон дер Гольца, активно интересовался германской внешней политикой, будучи страстным германофилом. В 1920 году он даже участвовал в так называемом «капповском» путче, а после его подавления вместе с генералом Людендорфом, знакомство с которым свел накоротке во время своей жизни в послевоенной Германии, разрабатывал планы подавления европейских революций.

¹ «Часовой», № 199. IX год издания. 5 ноября 1937 г. С. 2.

² Генерал Василий Викторович Бискупский, автор конногвардейского гимна, покинул ряды гвардии, женившись на знаменитой русской певице Вяльцевой. В эмиграции, получив средства от продажи участка земли на Сахалине, где японцами была обнаружена нефть, проживал в Берлине, в хорошем доме, где еще в начале 1920-х и предоставил убежище во время разгона полицией очередного собрания немецкой национальной организации некоему молодому человеку, ставшему в 1933 году германским канцлером. — *Примеч. авт.*

Тогда же Бискупский неосторожно обвинил одного из будущих нацистских чиновников высокого ранга в поддержке украинского сепаратизма, в ущерб русским интересам, за что впоследствии пострадал. В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, генерал был брошен в тюрьму. Позднее, в 1936 году, в качестве моральной компенсации за понесенные неудобства, Бискупского назначили на должность начальника германского Управления по делам русской эмиграции (УДРЭ). Кроме Германии похожие структуры создавались во всех оккупированных странах, где проживали русские эмигранты. Прямое сопротивление назначению Бискупского на официальную должность в рейхе оказало ведомство Розенберга, ввиду монархических убеждений разделяющего идею «единой и неделимой России».

На выступлениях перед эмигрантской аудиторией в Германии уже после начала войны Бискупский не переставал подчеркивать, что основная его забота на чужбине — защита русских, проживающих на территории рейха, от возможных национал-социалистических нападков.

13 июля 1941 года в разговоре с немецким дипломатом Ульрихом фон Гасселем В.В. Бискупский высказал тому свое мнение относительно политики Розенберга: «Война ведется не против большевизма, а против России... Смертельный враг русских, Розенберг поставлен во главе политического руководства... Если Гитлер будет так продолжать, Сталину удастся создать под своим руководством национальный русский фронт против германского врага...» В общественной работе Бискупский был незаменим, но и его энергии не хватало, чтобы охватить все сферы деятельности. Известны два его заместителя — Сергей Владимирович Таборицкий и Петр Николаевич Попов (Шабельский-Борк) — невольные убийцы либерала Владимира Дмитриевича Набокова, отца известного писателя. Пуля, предназначавшаяся профессору П.Н. Милюкову, читавшему публичную лекцию на тему «Америка и восстановление России» в берлинском зале филармонии, поразила закрывшего его своей грудью товарища по партии и убеждениям Набокова.

Его вина в деле развала Российской империи и пресечении линии законного престолонаследия огромна. Именно он в марте

1917 года, будучи управляющим делами Временного правительства, подготовил текст отречения великого князя Михаила Александровича от российского престола, тем самым косвенно приняв участие в лишении России потенциального законного монарха.

Однако главной целью молодых офицеров был сам Милюков, чья роль в заговоре против императора была значительна и несомненна. К тому же его антиправительственная риторика и необъяснимая ненависть к русскому монарху внесли столь много смуты в умы обманутых им людей, дезориентировав их и направив их деятельность в ущерб государственной безопасности.

Оба участника покушения на воинствующего либерала были приговорены берлинским судом к разным срокам заключения, но вышли досрочно, активно включившись в политическую деятельность. Участник Великой войны, Сергей Таборицкий, в отличие от своего соратника, стал активным членом НСДАП. По воспоминаниям современников, своим вмешательством и участием он спас жизнь многим русским берлинцам в 1945 году и помог многим из них покинуть Берлин перед входом в город частей Красной армии, сделал это, несмотря на категорический запрет Гитлера покидать столицу Тысячелетнего рейха.

Как свидетельствовал русский историк-эмигрант Б.И. Николаевский, проживая в Германии и неся службу в официальном ведомстве рейха, Таборицкий «...вел картотеку русской эмиграции, то есть занимался политическим за нею наблюдением», и лично знал очень многих проживавших в Берлине во время войны людей первой волны эмиграции и их умонастроения. Искренний враг масонства и либерализма, он провел большую исследовательскую работу по изучению антигосударственной деятельности тайных организаций и способствовал тому, что их деятельность в Германии была сведена практически к нулю в течение двенадцати лет нахождения НСДАП у власти.

Сергей Таборицкий был известен в берлинских кругах русской эмиграции еще и тем, что состоял главой Национальной организации русской молодежи в Германии, которую создали сами немцы в 1939 году для контроля над устремлениями эмигрантской молодежи. Его сотоварищ по покушению на профессора Милюкова,

Петр Николаевич Попов (Шабельский-Борк), корнет Туземной дивизии в годы Великой войны, занимался исторической публицистикой под псевдонимом «Старый Киребей». Всем другим жанрам он предпочитал историческую эссеистику¹ в рамках установленной германской цензурой политической корректности к стране проживания.

6.2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ХОДЕ ВОЙНЫ

С началом войны против СССР на прием в бюро к Таборицкому стали приходить эмигранты, обер-офицеры Добровольческой армии и просто гражданские лица, выражавшие искреннее желание быть отправленными на Восточный фронт. В большинстве своем это были эмигранты немецкого происхождения, которые направлялись на прохождение службы в составе германских (разведывательные подразделения) и итальянских (кавалерия) вооруженных сил.

Таборицкий предупреждал просителей, что помощь в получении ими должностей в ряде строевых частей вермахта будет оказана лишь с учетом тех знаний и умений, которые будут востребованы на момент поступления заявления. Многие из приходивших знавших иностранные языки русских офицеров, не замеченные в сочувствии коммунизму, либералам, масонам и проч. «врагам Тысячелетнего рейха», получали посредством Таборицкого возможность работы в качестве переводчиков. По роду своей службы они помогали немецким армейским чинам и чиновникам на оккупированных территориях при опросах пленных, допросах лиц, заподозренных в связях с партизанами и органами советской разведки. Переводчики в частях вермахта имели свои знаки отличия. Знаком переводчиков была белая нарукавная повязка, образец которой

¹ Одной из наиболее популярных среди читателей книг, созданных Петром Николаевичем Поповым (лит. псевдоним Шабельский-Борк), стала повесть «Павловский гобелен», выдержавшая два переиздания в Бразилии в 1950-х и в США в 1990-х. Повесть была опубликована и в современной российской периодической печати. — *Примеч. авт.*

был установлен приказом ОКХ от 24 декабря 1941 года. На белом фоне черными нитками была вышита надпись «Sprachmittler-Dolmetscher». Служившие в частях люфтваффе переводчики носили на левом рукаве ниже локтя красную повязку с черной надписью «Wehrmachtsdolmetscher». В своей повседневной работе переводчики доводили до сведения немецких властей жалобы, просьбы и ожидания местного населения. От правильного перевода подобных документов часто зависела жизнь человека. Многие переводчики старались максимально облегчить жизнь простых людей под оккупацией. Другим нравилось быть «вершителями судеб» на своем уровне или порой одолевало неодолимое желание выслужиться, результатом которого было подведение ни в чем не повинных людей под расстрел или заточение в концлагерь. Большую роль играли они и при налаживании контактов с местным населением, хотя порой занимались и так называемой «тайной деятельностью», невидимой на первый взгляд окружающим. Каждый переводчик имел на связи «доверенных лиц» — агентов, которые регулярно доносили о положении дел в той или иной местности.

О характере работы переводчика в вермахте весьма любопытно рассказал граф Григорий Ламсдорф в своем интервью семилетней давности журналистке российского еженедельника «Совершенно секретно»: «Мы остановились в Берлине в отеле “Эксельсиор” и пришли к генералу Бискупскому. После долгих разговоров он послал нас в Россию переводчиками. Сережа знал шесть языков, а я четыре. Это было в 1941 году, до знаменитой холодной зимы. Мы попали в Вязьму. Там командовал генерал Шенкендорф, который считал, что придется Палену каким-то дальним родственником. Сережа называл его “дядей” и при этом очень хохотал. Пален при нем и остался. А меня послали в шестую танковую дивизию переводчиком, где я научился неплохо писать по-немецки. Зима была лютая. Никто не мог припомнить такого холода. В Смоленске видел, как из окна госпиталя выбрасывали сапоги вместе с отрезанными обмороженными ногами. Наша танковая дивизия стояла в тылу. Я был там полтора месяца. Пален прислал письмо, чтобы меня вернули в Вязьму. А в этот момент началось формирование Русской национальной армии в Орше. Я был младшим лейтенан-

том РНА. Мы с Паленом поехали в Париж закупать материал для военной формы. А сами были в такой странной форме, да еще с какими-то немецкими фамилиями — Пален, Ламсдорф, — что все решили, что мы немецкие шпионы. Когда мы вошли в церковь на улице Дарю, батюшка, отец Александр Спасский, во время богослужения подошел к нам и спросил, что это за форма на нас такая и почему мы при оружии в церкви, это, дескать, не полагается. Смотрел на нас крайне неодобрительно. Я ему объяснил, что это форма РНА. Все оборачивались в нашу сторону. Потом мы рассказывали присутствовавшим <лицам> на службе о целях нашей армии. В церкви вокруг нас собралась толпа. Многие приглашали в гости, чтобы узнать побольше...»

Многочисленные возникавшие на оккупированных территориях России военные комендатуры, бургомистраты, тайная полевая полиция (ГФП), различные хозяйственно-заготовительные команды из Германии не могли общаться с населением оккупированных территорий, не прибегая в своей повседневной работе к услугам переводчиков. Помимо эмигрантов в переводчики вербовались и владеющие немецким языком представители местного населения. В большинстве своем ими становились школьные учителя немецкого языка, однако особое предпочтение германской администрацией отдавалось уроженцам немецких районов Поволжья.

Служили во время Второй мировой войны у немцев и родственники российской императорской фамилии. Одним из них был герцог Сергей Николаевич Лейхтербергский, уроженец Петербурга, родственник Николая II, руководивший отделом пропаганды и по совместительству служащий Ржевской полевой комендатуры и штаба 6-го Армейского корпуса вермахта. Сослуживцы утверждали, что его высочество прекрасно владел немецким, итальянским и английским языками, которые с легкостью использовал в работе.

Примерно в то же время в городском театре Ржева, открытом при немцах, вел свою активную работу по созданию труппы другой переводчик комендатуры, известный окружающим под именем Андреас. Он выдавал себя за артиста берлинского театра, частенько появляясь на репетициях в нетрезвом виде. На самом же

деле Андреас был, если угодно, сценический псевдоним Василия Федоровича Голубева, уроженца Воронежской губернии, бывшего офицера Добровольческой армии, эмигранта «первой волны», еще задолго до войны осевшего в Восточной Пруссии, в Кёнигсберге. Как ни странно, по свидетельствам очевидцев, сам Андреас владел русским языком не особенно хорошо, однако был ценим немцами в силу иных качеств, полезных для немецкой военной разведки.

Сотрудничество русских военных эмигрантов с абвером до начала военных действий против СССР проходило в основном на уровне абверштелле, сокращенно АСТ, и подчиненных им абвернебенштелле, сокращенно АНСТ, — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых «Кригс-сорганизацон», в сокращении КО, — военных организаций, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом. АСТ, АНСТ и военные организации вели сбор разведывательных данных о военной и экономической мощи СССР, помогали, насколько позволяла им компетенция в разработке контрразведывательных комбинаций.

Основной средой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и в особенности участники различных антибольшевистских организаций эмиграции. Для получения интересовавшей абвер информации агентам поручалось заводить знакомства с сотрудниками зарубежных советских представительств, моряками торгового флота и должностными лицами, прибывшими из СССР или имеющими обширные связи на его территории. Кроме использования отдельных эмигрантов абвер при необходимости объединял таких лиц в сети резидентур. Так, центр «Вена», действовавший на всем пространстве Юго-Восточной Европы, состоял из трех крупных резидентур — в Софии и Будапеште («Бюро Клатта») и Варне («Бюро Келлера»). Согласно некоторым исследованиям, сотрудником АСТ был и бывший командир Дроздовской дивизии генерал-майор Антон Васильевич Туркул.

В практике немецкой оккупации было обычным делом назначать некоторых белых эмигрантов, главным образом немецкого происхождения, бургомистрами населенных пунктов. Приведем

свидетельство того же графа Ламсдорфа, данное им в своём последнем интервью корреспондентке «Совершенно секретно»: «Палена <Сергея> назначили губернатором Шкловского района Могилевской области. Первое условие, которое поставил немцам Пален, — чтобы в его районе их духу не было. Хорошее условие, не правда ли? Он им сказал, что сам будет всем распоряжаться. Как он распоряжался, я вам сейчас расскажу. Приходит в госпиталь, где лежали вместе немецкие и русские солдаты и офицеры. Видит — на каждой кровати история болезни. Написано по-немецки. Он приказывает это выбросить и все перевести на русский. На стене висит портрет фюрера. Пален говорит: “Убрать эту мерзость!” На него, конечно, тут же донесли. Там ведь лежали и засланные — чекисты и гестаповцы. К счастью, немецкий полковник, перед носом которого положили написанный по-русски донос, ни слова по-русски не знал, и его вернули Палену на перевод. Так мы и дознались, кто Сережу продал. Мы этого типа судили и даже дали ему адвоката, все по закону. Но защита объявила, что полностью согласна с обвинением. Мы этого то ли Полякова, то ли Полянова расстреляли по приговору суда. Но донос все же возымел действие. Нас с Паленом вернули в Берлин. Мы там переводили какие-то бумаги, бегали по инстанциям и высматривали, кого бы обработать, чтобы вернуться в Россию. И добились своего. Мы вернулись в Россию и стали активно действовать. Вы не поверите, но я вел прямые переговоры с партизанами. Я сказал им, чтобы они не лезли в мой район и тогда мы не будем их преследовать. Они согласились».

Но не только административной и переговорной работой были заняты состоявшие на службе Германии русские эмигранты. Так, состоявшая во время войны из белых эмигрантов военная организация «Финляндия», наиболее известная как «Бюро Целлариуса», вела сбор информации о советском Балтийском флоте, Ленинградском военном округе и в целом о Северо-Западном регионе России. Официальными сотрудниками были бывшие офицеры Императорской и Белой армий: Добровольский, Пушкарев, Алексеев, Батуев, активный участник Кронштадтского мятежа Соловьянов и некоторые лица из числа прибалтийских немцев.

КО «Бюро доктора Делиуса» также тесно сотрудничала с военными кругами русской эмиграции. Так, секретарь болгарского отдела РОВС и начальник его разведывательного отдела Клавдий Александрович Фосс в первые годы войны снабжал абвер добытой информацией об СССР, собираемой для него подчиненными ему чинами РОВС и приехавшими эмигрантами «второй волны», начавшей формироваться в годы оттока части советского населения с отступавшими немецкими частями. Аналогичную работу вели участники так называемого «Петровского движения». После начала военных действий на Восточном фронте все русские сотрудники абвера из числа «эмигрантских» резидентур были включены в состав фронтовых органов абвера либо работали по специальности на оккупированной немцами территории. Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в абвернебенштелле под названием «Юг Украины». Он проводил свою контрразведывательную работу на различных территориях Украины, а с 1942 года — и в Крыму. Эмигранты украинского и русского происхождения возглавляли штатные контрразведывательные резидентуры, состоявшие из 2—3 штатных резидентов, проявлявших самостоятельность в вербовке агентуры.

Помимо вербовки в абвер на оккупированных территориях велась постоянная работа по привлечению в ряды РОВС. Созданный орган контрразведки «Абверофицер-3» при штабе командующего тылом группы армий «Юг-А» состоял из русских сотрудников — военных эмигрантов, служивших ранее в АНСТ «Юг Украины». Агентурной работой органа руководил упомянутый ранее К.А. Фосс. Орган вел контрразведывательную работу через сеть своих резидентур в Мелитополе, Херсоне, Борисполе и Одессе. Резидентуры успешно использовали в качестве информаторов не только пострадавших от произвола спецслужб граждан, но и тех, чьи права в годы советской власти были безжалостно попраны, а они сами сосланы, лишены гражданских прав и элементарной возможности заработка на хлеб насущный. Речь шла не только о клире Русской православной церкви, прозябавшем в последние двадцать лет перед Второй мировой войной в гонениях, но и о пастве, часто становящейся свидетелями расправ над

своими пастырями. Желание с оружием в руках противостоять несправедливости в годы оккупации предоставлялось далеко не всем, но работа по обеспечению информацией о перемещениях войск и техники противника, обычно доступная мирному населению в местах их сосредоточения, принималась германской военной разведкой с большим воодушевлением и практически всегда на безвозмездной основе. Именно по этой причине в западных областях СССР резидентуры абвера оказались столь эффективны не только во время войны, но и почти до её конца.

В марте 1944 года ввиду быстро меняющейся линии фронта и стремительного отхода немецких войск на запад штаб «Абверофицер-3» был переброшен в Румынию, откуда большая часть его русских сотрудников выбыла в Болгарию, а сеть тайных осведомителей была оставлена на советской территории «до лучших времен». Учитывая это, на освобожденных территориях советская администрация попыталась нивелировать возможные причины волнений путем демонстрации либеральных взглядов на деятельность православной церкви.

6.3. УЧАСТИЕ ЧАСТИ ЭМИГРАЦИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР НА СТОРОНЕ ГЕРМАНИИ И ЕЁ СОЮЗНИКОВ

Любая воинская часть не могла быть отделима от духовной составляющей, каковой в императорской России всегда являлся клир, наставлявший воинов и воспитывающий их в милосердии к поверженному врагу и жертвенности во славу Отечества. Возглавлявший сформировавшуюся часть генерал-майор Михаил Федорович Скородумов, выходец из воинской среды Российской империи, запросил правящего архиерея о направлении в распоряжение части православных священников.

Помимо текущих задач по охране правопорядка, жизни и имущества эмигрантов Скородумов обозначил и перспективу: корпусу была поставлена задача переброски его на Восточный фронт для борьбы против коммунизма.

В феврале 1942 года по III отделу РОВС было распространено сообщение, приглашавшее добровольцев в ряды корпуса. «Ника-

ких особенных обещаний. Служба на положении солдата... Записалось 90 корниловцев плюс взвод Кутеповской роты (молодежь, воспитанная в корниловском духе в Софии)... Обмундирование коричневого цвета, русского образца, русские знаки отличия; кто имеет ордена, надевает их... Оркестр грянул Корниловский марш. Выходит полковник Кондратьев, за ним знаменщик... ассистентами дроздец и марковец... Церемониальный марш под звуки старого Егерского»¹.

Тогда же Русский корпус причислили к вермахту и хорошо вооружили.

В практике набора в корпус случалось и такое: вступили представители трех поколений русской эмиграции. Наряду с 16—18-летними внуками белых офицеров был ряд лиц старше 70 лет. Особую жертвенность проявили старые офицеры, вынужденные за недостатком командных должностей всю службу в корпусе провести на рядовых должностях. Корпус, возглавленный генерал-лейтенантом Б.А. Штейфоном при начальнике штаба генерал-майоре Б.В. Гонтареве, состоял из пяти полков. Бригадами и полками командовали генерал-майоры В.Э. Зборовский, Д.П. Драценко, И.К. Кириенко, А.Н. Черепов, В.И. Морозов, Егоров, полковники А.И. Рогожин, Б.С. Гескет, Б.А. Мержанов, А.А. Эйхгольц, Д.В. Шатилов, подполковник Н.Н. Попов-Кокоулин. Русский корпус, выведенный заменившим внезапно умершего Штейфона полковником Рогожиным в Австрию, прекратил существование 1 ноября 1945 года в лагере Келлерберг, превратившись со временем в Союз чинов Русского корпуса. «Гложет сознание, что мы идем к гибели за чужое, нерусское дело... Понесены ненужные жертвы, но вина не наша, не Русского Корпуса. Многие из корниловцев награждены Железными крестами. Корниловцы исполнили свой долг...»² Впрочем, из-за недальновидной политики немецкого партийного руководства надежды русских эмигрантов — чинов корпуса попасть на Восточный фронт не оправдались.

¹ *Стефановский М.И.* Корниловцы в Русском корпусе // Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003. С. 353.

² Там же. С. 355.

В частях вермахта и особенно в СС не было православного духовенства по причине малочисленности русских чинов. Так, в 1943 году группа русских эмигрантов из Бельгии под руководством братьев Сахновских, вместе с двадцатью единомышленниками записалась в Валлонский легион СС.

По прибытии на оккупированные территории в СССР вместе с бельгийскими легионерами Н.И. Сахновский пользовался каждым удобным случаем, чтобы разъяснить населению необходимость смены существующего строя, апеллируя к опыту монархической России, как страны сильной и устойчивой, обращенной своими устремлениями в будущее. По некоторым данным, в формируемую Сахновским с дозволения немецкого командования часть для борьбы за свержение советской власти записалось 200 человек. Первым боевым опытом, который приобрели русские бойцы Валлонского легиона, был встречный бой с советскими войсками, проведенный во время Корсунь-Шевченковской наступательной операции советских войск в январе 1944 года. В ходе боя, быстрого и жестокого, погибла большая часть мало обученных добровольцев. Оставшиеся в живых русские были выведены с фронта вместе с Валлонским легионом СС и отправлены на отдых и пополнение в Западную Европу. Там «русская рота», уже в силу политических причин, была расформирована, а ее солдатам предоставлена полная свобода действий. Некоторые демобилизовались и разъехались по европейским странам, однако значительная часть из них осталась в рядах дивизии СС, надеясь продолжить борьбу с большевиками. 20 февраля 1944 года командира Валлонского легиона Леона Дегреля, носившего звание гауптштурмфюрера СС и командира бригады, наградили Железным рыцарским крестом за отвагу в бою. Гитлер сказал: «Будь у меня сын, я хотел бы, чтобы он был похож на Дегреля». На волне энтузиазма и в соответствии с замыслами немецкого командования в июле 1944 года штурмовая бригада «Валлония» приняла участие в сражении под Нарвой, и той же осенью бригаду развернули в 28-ю танково-гренадерскую дивизию войск СС «Валлония», хотя по численности своей она была полком. Дивизия снова вернулась на Восточный фронт в январе 1945 года и была брошена против советских войск на боевой

участок в Польше, под Штеттином. После тяжелых боев она отступила в Данию и сдалась англо-американским союзникам. Сам Дегрель беспрепятственно отбыл в Испанию, где и жил до своей смерти, последовавшей в 1993 году. Бельгийский Верховный суд приговорил его заочно к смертной казни за измену.

Некоторые русские эмигранты воевали и в рядах 32-й гренадерской дивизии войск СС под названием «30 января». Дивизия эта была сформирована лишь в январе 1945 года в Курмарке из разрозненных частей и подразделений различных школ СС. Первоначально планировалось использовать ее в боевых действиях против американцев, однако складывающаяся оперативная обстановка потребовала её срочного ввода в бой на Восточном фронте. Дивизия была сформирована из трех танковых гренадерских полков СС, полка артиллерии СС и отдельного 32-го саперного батальона СС. Последний состоял на 70 % из балтийских немцев, выходцев из немецких поселений в русском Поволжье, советских русских и украинцев. Батальоном саперов командовал бывший лейтенант РККА, а нынешний унтерштурмфюрер СС Антонов, получивший от командования в знак признания его заслуг ряд немецких наград. Дивизия СС «30 января» понесла исключительно тяжелые потери в сражениях на Одере в феврале — марте 1945 года. Затем некоторые части её были переведены и сражались в южной части Берлина. Уцелевшие их остатки сдались в плен западным союзникам 5 мая 1945 в Танемюнде.

В ходе самых ожесточенных боев за Сталинград командование германской армии использовало в качестве боевой единицы своеобразное подразделение, состоявшие как из представителей русской эмиграции, так и бывших советских военнопленных и казаков. Эта дивизия была сформирована в Сталинграде 12 декабря 1942 года. В дивизию были набраны русские добровольцы, казаки, украинские и русские полицейские, находившиеся в Сталинградском котле. В дальнейшем в состав дивизии принимали русских перебежчиков. Вооружена дивизия была в основном русским трофейным оружием. Для усиления дивизии в противотанковом отношении в нее были включены небольшие подразделения 9-й зенитной дивизии люфтваффе. Командный состав до уровня ко-

мандиров рот был направлен из различных дивизий и частей вермахта, оказавшихся в окружении. Но впоследствии на командные должности стали назначать бывших советских офицеров. Так, в январе 1943 года, командиром Каменского батальона стал бывший майор Красной армии Тухминов. Дивизия была полностью разгромлена советскими войсками под Сталинградом в феврале 1943 года. Когда капитулировала 6-я армия, часть этой дивизии заняла оборону на территории Тракторного завода, где и была уничтожена.

Любопытно отметить и еще одно воинское формирование, хотя и не связанное напрямую с русской эмиграцией, однако имевшее с ней некоторые контакты и связи во время пребывания в Европе. В СССР эта 29-я дивизия войск СС начала свою историю с октября 1941 года, когда немецкие войска вошли в город Локоть — небольшой поселок в тогдашней Орловской, а ныне — в Брянской области. Для обеспечения безопасности тыла 2-й танковой армии при поддержке командования 2-й немецкой танковой армии, возглавляемой генералом Хайнцем Гудерианом, а после его отставки генералом Рудольфом Шмидтом и командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге, была создана новая административная единица под названием «Локотский район». Во главе его стал советский учитель физики, преподававший до войны в местном техникуме — Константин Павлович Воскобойник.

Между тем во второй половине 1943 года ситуация на Восточном фронте становилась все более угрожающей для немцев и их союзников. Отход немцев с занимаемых позиций становился лишь вопросом времени. Каминский обратился к Генриху Гиммлеру с просьбой об эвакуации гражданского населения Локотского района. Рейхсфюрер дал согласие на вывоз в Венгрию 10 500 человек, где беженцам было разрешено образовать самоуправление в рамках отведенной им территории для поселения. Для охраны беженцев в Венгрию отправилось и некоторое количество бойцов РОНА.

Однако из-за проблем на железной дороге беженцам пришлось ехать несколько месяцев, и не в Венгрию, а в Южную Германию, где все вывезенные с Брянщины люди, вопреки ожиданиям, были направлены немцами на принудительные сельскохозяйственные

работы. Что же касается самой 29-й дивизии войск СС, то по приказу Гиммлера ее личный состав направлялся в Германию для переформирования. Однако этого не случилось, так как 2 августа 1944 года в Варшаве разгорелась восстание и немцам понадобилась помощь войск РОНА для участия в его подавлении. Немецкие части, подавлявшие восстание, находились под командованием обергруппенфюрера СС Эриха Юлиуса Эбергарда фон дер Бах-Зелевски, известного организатора массовых казней мирного населения в Могилеве и Минске. В 1942 году фон дер Бах-Зелевски долго находился в госпитале, «где лечился от психического расстройства, вызванного участием в массовых казнях»¹. После войны он неоднократно арестовывался немецкими властями и приговаривался к различным срокам заключения. В последний раз суд приговорил его к пожизненному сроку, во время которого он скончался в 1972 году в мюнхенской тюремной больнице.

В состав частей, привлеченных для выполнения этой задачи, входила и 29-я дивизия СС. Из каждого полка РОНА было выделено по 300—400 добровольцев, которые под командованием оберштурмбаннфюрера СС Ивана Денисовича Фролова были введены в польскую столицу. В состав полка Фролова входило свыше полутора тысяч человек. На вооружении полка состояли: советская САУ СУ-76, 4 трофейных советских танка Т-34 и 2 гаубицы. Для солдат РОНА уличные бои в большом городе были непривычны, что сразу же выразилось в больших потерях в личном составе. Солдаты РОНА ожесточились, что в свою очередь оборачивалось общим падением дисциплины, грабежами и насилием в отношении мирного населения. Насилия чинов РОНА над мирным населением в Варшаве постепенно достигли наивысшей точки, при этом их жертвами стали преимущественно жители кварталов, не охваченных восстанием (в районах Охота и Воля практически не было партизан). Если верить польским историкам, солдаты 29-й дивизии СС в Варшаве убили 15 тысяч людей. «Всего в ходе восстания и от последовавшего за ним террора от рук подчиненных Бах-Зелевски войск погибло

¹ Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. М.: Астрель, АСТ, 2002. С. 38.

200 тыс. человек»¹. Зверства солдат и офицеров РОНА грозили сорвать капитуляцию частей Армии Крайовой в Варшаве, о которой в описываемое время шли переговоры с немецким командованием.

На требование германского командования унять своих подчиненных Каминский, получивший ранение в ходе боев в Варшаве, раздраженно отвечал представителю немецкого командования: «Мои люди потеряли в борьбе с большевизмом все свое имущество, и я не вижу ничего дурного в том, что они стремятся поправить свое материальное положение за счет мятежных поляков, враждебных немцам».

В конце августа 1944 года группа оберштурмбаннфюрера СС Ивана Денисовича Фролова, потерявшая треть личного состава, была наконец выведена из Варшавы. Вскоре в лесу было обнаружено тело Каминского. Немцы заявили, что бригадефюрер был убит партизанами. В доказательство этого они показали уполномоченным чинам РОНА машину бригадефюрера, опрокинутую в кювет и изрешеченную пулями. Однако есть и иная версия, которую излагает в своих мемуарах Хайнц Гудериан, бывший в то время начальником Генерального штаба германских войск: «Бригада Каминского состояла из бывших военнопленных, главным образом русских, враждебно относившихся к полякам; бригада Дирлевангера состояла из немецких штрафников, которые должны были искупить свою вину... Сам фон дер Бах однажды, докладывая о наличии вооружения в его частях, сообщил мне о бесчинствах своих подчиненных, пресечь которые он не в состоянии. От его сообщений волосы становились дыбом, поэтому я был вынужден в тот же вечер доложить обо всем Гитлеру и требовать удаления обеих бригад с Восточного фронта [с подавления Варшавского восстания 1944 года]. Вначале Гитлер не согласился удовлетворить мои требования. Но даже офицер связи Гиммлера с Гитлером бригадефюрер СС Фегелейн вынужден был заявить в подтверждение моих слов: “Так точно, мой фюрер, они действительно босяки!” Гитлеру не оставалось ничего другого, как принять мое

¹ Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. М.: Астрель, АСТ, 2002. С. 38.

предложение. Фон дер Бах позаботился о том, чтобы Каминского расстреляли: этим он избавился от нежелательного свидетеля».

Целый ряд офицеров-эмигрантов принимали участие в деятельности РОА. Многие для РОА было сделано прибалтийским немцем, служившим в вермахте, капитаном В. Штрик-Штрикфельдом.

Среди руководства РОА представителями белой эмиграции были генералы В.И. Ангелеев, В.Ф. Белогорцев, С.К. Бородин, полковники К.Г. Кромиади (Санин), И.К. Сахаров (Левин), Н.А. Шоколи, подполковник А.Д. Архипов, а также М.В. Томашевский, Ю.К. Мейер, В. Мельников, а также Скаржинский, Голубь и другие. Некоторое время с армией Власова сотрудничал герой Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, человек бесстрашный и отчаянный, лично в 1920 году водивший в атаку на большевиков танки под Петроградом, генерал-майор Б.С. Пермикин.

Поддержку РОА оказывали также чины РОВС: генералы А.П. Архангельский, А.А. фон Лампе, А.М. Драгомиров, Н.Н. Головин, Ф.Ф. Абрамов, Е.И. Балабин, И.А. Поляков, В.В. Крейтер, Донской и кубанский атаманы генералы Г.Д. Татаркин и В.Г. Науменко. Правда, между бывшими советскими пленными и старыми эмигрантами существовал некоторый антагонизм, и последние постепенно были вытеснены из руководства РОА. Большинство из вытесненных белоэмигрантов служило в других, не связанных с РОА, русских добровольческих формированиях.

Лишь в конце войны часть белых формирований формально присоединились к РОА. Это была бригада генерала А.В. Туркула в Австрии, части 1-й Русской национальной армии генерала графа Б.А. Хольмстона-Смысловского, отряд «Варяг» полковника М.А. Семенова, отдельный полк полковника Кржижановского и, разумеется, казачьи соединения: XV казачий кавалерийский корпус и Казачий стан.

По свидетельству графа Николая Толстого-Милославского, в войсках Хольмстона-Смысловского командные посты занимали штаб-офицеры из старых эмигрантов: С.А. Ряснянский, Э. Месснер, Тарасов-Соболев, Бобриков, Истомин, Кондырев, Колюбакин, Каширин, Климентьев.

Командиру 1-й РНА в конце войны удалось вывести вместе со своими частями помимо прочего и великого князя Владимира Кирилловича в Лихтенштейн, чтобы избежать выдачи советской комиссии по репатриации. Хольмстон-Смысловский направил послание князю Францу Иосифу Лихтенштейнскому, где просил того предоставить убежище для 1-й РНА и беженцев, следовавших с ней.

В августе 1945 года в столицу княжества Вадуц прибыла репатриационная советская миссия. По воспоминаниям барона Эдуарда фон Фальц-Фейна, участвовавшего во встрече в качестве переводчика, «все советские представители производили впечатление самого низкого пошиба». Они настаивали на выдаче всех русских, без различия срока данности их пребывания за границей, и угрожали политическими скандалами, которые в случае отказа в выдаче СССР гарантирует Лихтенштейну.

Однако до 1947 года эта страна так и не согласилась пойти на уступки советским представителям. Более того, Лихтенштейн выдавал на содержание содержавшихся в княжестве на правах беженцев русских 30 тысяч швейцарских франков в месяц, а после оплатил расходы по эмиграции всех желающих в Аргентину, что дополнительно составило более 500 тысяч швейцарских франков.

Правитель Лихтенштейна отказал в убежище лишь князю Владимиру Кирилловичу и его свите, отосланной прочь на следующий же день по прибытии в княжество. После высылки великий князь и его «двор» поддерживали связь лишь с Михаилом Александровичем Семеновым, командиром русского полка «Варяг», обосновавшемся в Баварии, а после перебравшимся в Мадрид.

Известно, что большинство чинов РОА было выдано на основании определения их «советского» происхождения, но старые эмигранты выдаче в принципе не подлежали, и пострадали лишь некоторые из них. Среди офицеров РОА Т.И. Доманов, В.Ф. Малышкин, М.А. Меандров, М.В. Богданов, А.Н. Севастьянов и Ф.И. Трухин были офицерами императорской армии. С той лишь разницей перед белыми эмигрантами, что они либо служили в Красной армии, либо попали туда после пленения во время Граж-

данской войны. Наиболее тяжелая участь постигла казачьих офицеров. 28 мая 1945 года все они были переданы советским представителям. В их числе было более половины (1430 человек) не подлежащих выдаче старых эмигрантов, что в общей сложности составило 2756 офицеров. Среди выданных союзниками большевикам было 35 генералов во главе с П.Н. и С.Н. Красновыми. Там же оказались и А.Г. Шкуро, Т.И. Доманов, 167 полковников, 283 войсковых старшины, 375 есаулов, 460 подьесаулов, 526 сотников, 756 хорунжих, 124 военных чиновника, 15 офицеров санитарной службы, 2 фотографа, 2 священника, 2 дирижера, 2 переводчика и 5 офицеров связи РОА.

В действительности, за исключением не явившихся, покончивших самоубийством, бежавших и убитых, представителям советского командования было передано 2146, из которых 68 % составляли старые эмигранты. Большинство из них было расстреляно еще в Австрии в 1945 году.

Чины Русского корпуса в большинстве своем избежали выдачи. Основной контингент корпуса (охранной группы) составили офицеры, солдаты и казаки Русской армии П.Н. Врангеля, прочно осевшие в 1921—1922 годах в Югославии и Болгарии. Примерно 10 процентов от общего числа добровольцев составляла русская молодежь, выросшая вдали от родины. Циркуляры о наборе добровольцев рассылались по русским военным организациям и в других странах — в Германии и Протекторате, Польше, Франции, Греции, Италии, однако число призванных из этих стран было невелико.

С сентября 1943 года корпус пополнялся также за счет добровольцев из числа русского населения Буковины, Бессарабии и Одессы — территорий, аннексированных в 1941 году Румынией. Из этого контингента, составившего почти половину всего корпуса, удалось сформировать еще два новых полка. Кроме того, незначительное пополнение прибыло из лагерей военнопленных с Восточного фронта.

Всего же за годы войны через Русский корпус прошло свыше 17 тысяч человек. С начала 1944 года части корпуса сдерживали наступление партизан И.Б. Тито почти на всем протяжении сер-

бохорватской границы, а осенью вместе с отдельными немецкими подразделениями отражали наступление поддерживаемых югославскими партизанами войск советской 57-й армии, неся при этом большие потери. В ходе этих боев из отдельных батальонов и рот корпуса были созданы полноценные действующие полки под русским командованием — 1-й казачий, 4 и 5-й сводный. Капитуляция Германии застала корпус в Словении. В течение четырех дней подразделения корпуса смогли по отдельности прорваться в Австрию, где 12 мая в районе Клагенфурта капитулировали перед английскими войсками. К этому времени в составе Русского корпуса оставалось 4,5 тысячи человек.

Любопытен пример и еще одного антибольшевистского военного формирования, возглавляемого русским военным эмигрантом. В Словении началось развертывание батальона в полк «Варяг». Личный состав комплектовался из эмигрантов и советских военнопленных, которых набирали в лагерях на территории Германии и оккупированных ею стран. Один из батальонов полка формировался в Силезии. Общая численность достигала 2,5 тыс. солдат и офицеров. Командиром полка был назначен полковник М.А. Семенов, а его помощником — майор М.Г. Гринев. Организационно полк Семенова вошел в состав группы генерал-майора А.В. Туркула, являвшейся номинально частью Вооруженных сил КОНР. После капитуляции Германии личный состав полка был переведен на юг Италии в лагерь военнопленных около городка Таранто, откуда часть бывших подсоветских граждан была выдана большевикам, а остальные, вместе с военнослужащими словенских и сербских формирований, — партизанам Тито. Лишь небольшая группа лиц, присоединившаяся в последние дни войны к Русскому корпусу, избежала выдачи.

Таким образом, после Второй мировой войны русские воинские формирования так никогда уже более не возродились. Давние замыслы военной эмиграции свергнуть коммунистический режим в СССР потерпели сокрушительное поражение, а участникам этой борьбы от оставшихся в стороне от нее пришлось выслушать немало упреков в ошибочности их выбора.

6.4. ПРОБЛЕМАТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ЭМИГРАЦИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Генерал Краснов в очередной раз пережил крушение своих надежд, связанных с победой над большевизмом. Многие исследователи склонны видеть в нем радетеля о нуждах казачества, не стеснявшегося в средствах достижения цели, в том числе и в тактическом союзе с нацистами. Правда, давнее германофильство Краснова, ставшее особо заметным еще на полях сражений Добровольческой армии с большевизмом на Дону, развилось с годами, проведенными в Германии, до невероятных размеров, а любовь к стране проживания и германскому образу жизни плавно была перенесена и на новое нацистское правительство, пришедшее к власти в 1933 году. Красноречивым примером является искреннее письмо поддержки Краснова к Гитлеру по поводу неудавшегося на него покушения 20 июля 1944 года. В нем, в частности, говорилось: «Вождь! Казачьи войска, перешедшие на сторону Германии и вместе с ней сражающиеся против мирового еврейства и большевизма, с глубоким негодованием и возмущением узнали о гнусном и подлом покушении на Вашу жизнь. В чудесном спасении Вашем они видят великую милость всемогущего Бога к Германии и казакам, Вам присягнувшим, и залог полной победы Вашей над злым, жестоким и не стесняющимся в средствах борьбы врагом. Казаки усугубят рвение своего служения для спасения Германии и Европы от большевистской заразы. Живите многие годы, наш Вождь Адольф Гитлер. Генерал от кавалерии П.Н. Краснов».

Чисто практическими соображениями это письмо 75-летнего генерала, находящегося на закате своей жизни, объяснить трудно. Автор склонен считать, что здесь явно проявилось чувство искреннего уважения и развившееся с годами чувство восторженного обожания германского руководителя, кем бы тот ни был — от кайзера до канцлера. Ведь влечение к эпистолярному жанру у генерала Краснова возникло еще в царствование Вильгельма II в 1918 году. Петр Николаевич направил несколько писем германскому императору из охваченного кольцом большевистских войск

Дона, в которых атаман выражал свою уверенность в преданности казаков своим германским союзникам. Письмо к германскому руководству первой половины 1940-х годов также было написано в торжественном и возвышенном духе.

На оккупированной территории СССР штабом походного атамана С.В. Павлова было подготовлено конструктивное обращение к германскому правительству. В его тексте, содержались пункты следующего характера. «1. Немедленно освободить из всех лагерей военнопленных казаков всех войск и направить их в штаб Походного атамана. 2. Отпустить в распоряжение Походного атамана всех казаков, находящихся в Германской армии... 4. Отозвать хозяйственных комиссаров с территории казачьих земель, и производить снабжение Германской армии за счет продовольственных ресурсов казачества только на договорных началах... Донской Походный атаман ставит Германское правительство в известность: 1 — Воссоздаваемая Казачья Армия имеет свою историческую форму, прежние знаки военного различия, 2 — Донское Войско имеет свой национальный флаг: синяя, желтая и красная продольные полосы, 3 — Донской герб — олень, пронзенный стрелой. До времени созыва Войскового круга и создания Войскового правительства возглавителем Дона является Походный атаман»¹.

Свое понимание военной ситуации и отношение казачества к приходу германских войск в Россию Краснов выразил в личной переписке с Власовым: «Кзаки, как только немецкие войска подошли к их Землям, всем народом перешли на сторону Германии и, вооружаясь, чем попало, создали казачьи полки и сотни, сражались плечо к плечу с немцами, как при наступлении Германской армии, так и при отходе ее из пределов СССР. Германское правительство оцепило это добровольное сотрудничество с войсками. Оно признало казаков своими союзниками, а 10 ноября 1943 года объявило, что оно признает права казаков на их земли, кровью и трудами предков завоеванные, и их права на самобытность существования,

¹ Стоило бы задаться вопросом, о каком союзе шла речь, если Германия еще год назад, в 1917 году, была смертельным врагом Российской империи. — *Примеч. авт.*

то есть создание своих полков со своими казачьими начальниками и управление своими Атаманами. И цели — уничтожение большевизма в России, и средства — тесное сотрудничество для того с Германией, у Вас и у казаков — одни и те же. Какая же тут может быть размолвка? Если бы военные обстоятельства не прервали наших переговоров, мы бы с Вами договорились, и пошли бы, как и надлежит идти, как всегда шли русский солдат и казак. Нашей кажущейся размолвкой воспользовались большевики. Через своих агентов и заблудших казаков, авантюристов, личное честолюбие и выгоды ставящих выше блага Родины, они сеют смуту, говоря, что казакам следует отойти от своих вождей и начальников, идущих с немцами, и перейти к Вам, делающим Русское дело без немцев. Они возбуждают ненависть к немцам, подрывают доверие к Германской армии. Они говорят, что в Штабе Казачьих Войск и в станицах засели заскорузлые старики, которые только и думают подвести Казачество под протекторат Германии, и одновременно распространяют волнующие казаков слухи об успехах Вашей армии, подошедшей к самой Москве?! Все это ни Вам, ни казакам не на пользу. Это нужно только большевикам. Хорошо зная чаяния казаков, свидетельствую Вам: у казаков одна мечта — вернуться в родные Края, зажить там своей жизнью, какой они жили до прихода к власти большевиков. Казаки хотят иметь свое самоуправление: Круг (Рада) и выборных атаманов. Казаки ничего не имеют против того, чтобы те, кто жили и живут теперь на их землях, там и оставались жить равноправно с казаками. Казаки признают, что после победы Россия останется под наблюдением и покровительством Германии. Казачьи Войска, самостоятельно развиваясь, будут пользоваться помощью немцев, как союзники Германии».

Краснов искренне уповал на грядущий рецидив Гражданской войны, вспыхнувшей на оккупированных советских территориях как следствие предвоенных событий в СССР: насильственной коллективизации и массового террора НКВД. Он полагал, что казачество, а следом за ним и русский народ поднимется и сбросит ненавистное ему коммунистическое иго даже тогда, когда сама Германия находилась на волосок от пропасти и исход Второй мировой войны был уже предрешен. Он был и оставался принципиальным

и последовательным германофилом, искренним врагом еврейства и большевизма, и ничто не могло исправить человека, которому скоро должно было бы исполниться 80 лет. Его противники оказались не менее принципиальными в оценке его личности, поставив точку в деятельности генерала на московском процессе 1947 года.

Феномен массового сотрудничества населения России с оккупационной властью, не имевший столь масштабных аналогов в истории XX века, трудно объяснить. Можно предположить, что в случае единодушного порыва населения подсоветской России сплотиться вокруг национальной идеи защиты Отечества, но никак не «дела Ленина—Сталина», армия Германии встретилась бы с еще большими трудностями. Сам ход истории мог бы повернуться иначе, если бы первый год войны не обнаружил примеры массового *коллаборационизма* и открытой помощи оккупантам. Ярким примером этого может служить личность советского командира полка, в котором страх перед мощью германской военной машины и возможность потери собственной жизни заставили сыграть роль «идейного борца с коммунизмом» и, кроме того, конъюнктурно выдавать себя за представителя славного донского казачества. Иван Никитич Кононов родился в 1900 году в станице Ново-Николаевской, по его собственным словам, в семье есаула Войска Донского, расстрелянного местными коммунистами. Однако этот факт биографии не помешал ему в 1922 году оказаться в стане большевиков, в звании красноармейца 14-й кавалерийской дивизии Первой конной армии. В том же 1922 году он окончил школу младшего комсостава, в 1924 году вступил в комсомол, в 1929 году — в РКП(б), с 1927 по 1934 год после окончания Объединенной военной школы им. ВПИКа в Москве служил в 3-й кавалерийской дивизии в должности командира взвода, командира эскадрона, начальника полковой школы, командира полка, В 1935—1938 годах учился в Военной академии им. Фрунзе. Участвовал в Финской кампании в должности командира полка, был награжден орденом Красного Знамени. В самом начале войны полк Кононова в полном составе, за исключением нескольких комиссаров (опять же по рассказам самого Кононова), добровольно перешел линию фронта на участке, которым командовал генерал

фон Шенкендорф, один из злейших противников восточной политики Гитлера и большой либерал по своим убеждениям. В своем дневнике Кононов записал: «22 августа 1941 года 436-й стрелковый полк, 135-й стрелковой дивизии, под командованием майора И.Н. Кононова, вступил в открытую борьбу против советской власти, перейдя на сторону немцев».

Не в пример перебежчику, казачество, испытывавшее за двадцать лет непрерывных репрессий немало страданий, ждало прихода иностранной армии, чтобы с её помощью сбросить удушающее иго большевизма. И хотя крупных лидеров казачества практически не осталось к моменту выхода немцев к Дону, те казаки, кто почти два десятилетия таился от ГПУ и НКВД под другими фамилиями, перемещаясь по стране или ведя почти катакомбный образ жизни, обрели реальную возможность для борьбы с режимом.

В немецкие комендатуры стали обращаться бывшие казацкие офицеры, унтер-офицеры и просто казаки, предлагавшие свою помощь в наведении порядка в станицах, выявлении оставленных по заданию НКВД провокаторов, охране спокойствия мирного населения. Все приходившие не просили, как правило, ничего лично для себя, кроме возможности получить оружие, обещая лояльность военной администрации.

Формирование казачьих частей на донской земле проходило не всегда гладко: немцы не особенно доверяли обращающимся, оказывая протекцию совсем не тем лицам, кто действительно собирался помогать им, и демонстрировали свою крайнюю неразборчивость в людях. Благодаря этому в местных муниципальных образованиях оказалось множество бывших коммунистов, законспирированных работников НКВД и даже советских работников, сумевших убедить немцев в своей полной лояльности. Наряду с этим создавались и подлинные казачьи отряды под командой офицеров императорской армии, а платформой для крупного формирования на Дону суждено было стать Казачьему Стану — особому территориальному образованию со своей иерархической административной структурой, размещавшееся на обособленной земле, на которой дислоцировались действующие германские воинские части и располагались поселения казаков. Организатором и пер-

вым походным атаманом стал полковник Донской армии времен Гражданской войны Сергей Васильевич Павлов.

Он родился 4 октября 1896 года в Новочеркасске. В 1914 году окончил Донской кадетский корпус, а в мае 1916-го — казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петрограде. В том же году подхорунжий Павлов был командирован в Винницкую военно-авиационную школу, по окончании которой служил в боевой авиации на Юго-Западном фронте. За серию удачных вылетов получил ряд боевых орденов империи. Возвратившись на Дон в конце 1917 года, он поступил добровольцем в Семилетовский партизанский отряд и был ранен в бою с большевиками. С 1918 по 1920 год Павлов служил в рядах Донской армии, где был произведен в чин есаула, командовал автоброневиком «Казак», а впоследствии перешел в боевую казачью авиацию. В дни гибели Донской армии в марте 1920 года остался в Новороссийске, не успев эвакуироваться.

В советские годы скрывался под вымышленной фамилией, работая на заводах на разных должностях. Закончил заочный инженерно-строительный институт, получив диплом инженера-конструктора. Перед самым приходом немцев работал инженером Новочеркасского паровозостроительного завода «Локомотив», где пытался создать антибольшевистскую подпольную организацию. Его завод в ожидании прихода немцев был поставлен на консервацию. Павлов и группа преданных ему казаков занимались разминированием цехов завода и электростанции, подготовленных к взрыву.

Павлов не стал эвакуировать свою семью и дочь, студентку Политехнического института. После прихода немцев осенью 1942 года Сергей Васильевич Павлов приступил к формированию первой казачьей штабунской сотни на занятой немцами территории. Немецкое командование направило ему в помощь Т.И. Доманова, до прихода немцев бывшего вполне обеспеченным советским работником на должности снабженца северокавказских курортов. Семейно Доманов успел заблаговременно эвакуировать в глубь страны, а сам перебрался в окрестности Шахт, где тихо проживал, ничем себя не обнаруживая и выжидая, чья из воюющих сторон возьмет. Позже Доманов примкнул к отходящему Ка-

защему Стану С.В. Павлова в качестве «пассажира»-беженца и не более того.

Когда Казачий Стан подходил к Кривому Рогу, Доманов решил, что настал его час показаться на глаза немецкому начальству. Стал не без участия немцев начальником штаба походного атамана. На этой должности Доманов, как писал очевидец, только «мешал деятельности последнего, особенно в борьбе с партизанами, направлял некоторые обозы по опасным дорогам, извращал приказы и распоряжения Атамана, чем и вызвал неприязнь не только со стороны С.В. Павлова, но и казаков, а в особенности казачек, которых боялся больше, чем огня. Людей всегда сторонился и избегал. Его вообще в походе никто не видал. После предательского убийства С.В. Павлова Доманов стал появляться в безопасных местах, при усиленной охране, произнося «речи», полные угроз расправиться с «внутренними врагами». Был случай, когда игра Т.И. Доманова привела к тому, что советские танки гусеницами давили казачьи обозы от хвоста до головы, а сам Доманов с небольшой кучкой охраны был спасен немецким отрядом, перевезшим их на лодке через реку. Это гнусное дело расписали как «беспримерный героизм Т.И. Доманова», дорого стоивший казакам, за что он получил с помощью Радке (куратора Доманова от вермахта. — *Примеч. авт.*) Железный крест»¹.

В конце ноября 1942 года В.С. Павлов сформировал первый казачий полк. Независимо от этого в то же время в станице Грушевской создается конная сотня под командованием есаула Федорова и хорунжего Харитонова. Инициативу Павлова по созданию казачьих частей поддержал из Германии П.Н. Краснов. 11 ноября 1942 года он направил Павлову письмо, в котором дал ряд рекомендаций по организации повстанческой деятельности. Бывший офицер штаба Павлова Петр Донсков² в одном из писем Н. Беттелю — автору книги «Последняя тайна» — обвиняет П.Н. Крас-

¹ Опубликовано под псевдонимом «Новый офицер» в № 41 (июль—август 1963 г.) журнала «Родимый край». Париж. С. 32—33.

² Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Книга первая. Нью-Йорк: издательство им. Походного атамана Павлова, 1968. С. 212.

нова в «подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать Атаманом». Павлов действительно погиб при странных обстоятельствах, обстрелянный белорусскими полицаями, хотя, по некоторым данным, это случилось с ведома немецкого командования, увидевшего в Павлове независимого харизматического казачьего лидера. Доманов же после смерти походного атамана Павлова успел погреть руки на посылке казаков на усмирение Варшавского восстания в 1944 году, где те участвовали в этой кровавой вакханалии вместе с солдатами РОНА. «Сколько погибло там казаков, а у Т.И. Доманова появились варшавские “сувениры” — драгоценности и килограммы золота, которыми он сам хвастался, называя их “подарками от героических полков”. Известно, что и за эту гибель казаков он получил Железный крест (II класса. — *Примеч. авт.*)...»¹

В отличие от Доманова, Кононов, после того, как ему удалось ускользнуть из рук СМЕРШ в 1945 году, активно разыскивался советскими органами госбезопасности. С 1956 года его фамилия постоянно находилась в «Алфавитных списках агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников», подлежащих розыску КГБ. Возможно, что розыск достиг поставленной цели: 15 сентября 1967 года Кононов погиб в Австралии в автомобильной катастрофе в возрасте 64 лет. Подобная судьба постигла и еще одного чина РОА — К. Сахарова (Левина), и тоже в Австралии.

Сама же биография Кононова еще требует дальнейшего изучения и объективного осмысления, наряду с его ролью в РОА и казачьем движении во время Второй мировой войны. Современные исследователи отрицают даже казачье происхождение Ивана Никитовича на основании воспоминаний многих казаков в эмиграции. Несмотря на декларативные утверждения Кононова, что он пришел в расположение частей фон Шенкендорфа вместе с полком и полковым знаменем, что ошибочно повторил А.И. Солженицын в первом томе «Архипелага», где про подчиненных Кононова

¹ Опубликовано под псевдонимом «Новый офицер» в № 41 (июль—август 1963 г.) журнала «Родимый край». Париж. С. 34.

автор с наивной патетикой воскликнул: «...и весь полк пошел за ним!»¹

Сохранились документы, в которых сообщается, что Кононов был взят немецким патрулем в плен, и не вместе с полком, а вместе с группой, состоявшей из нескольких советских офицеров. Что же касается личного состава полка, то часть его еще некоторое время продолжала боевые действия против немцев. Полковое знамя в настоящее время находится в московском Музее Вооруженных сил РФ в Москве. На одном из допросов в СМЕРШ немецкий офицер связи при Кононове, некто Ритберг, показал, что при формировании своей первой казачьей сотни в составе вермахта Кононов объехал несколько лагерей для военнопленных красноармейцев и завербовал несколько десятков человек. О личном составе полка, который, по утверждению склонного к мифотворчеству Коконова, подбирался им с финской кампании, немецкий офицер ничего не говорит. Во всяком случае, оказавшись в немецком плену, Кононов весьма кстати «вспомнил», что он казак. Мы знаем, что отношение к казакам со стороны немцев было более лояльным, нежели к другим народам, в частности к русским. Тем более что сам Гитлер признал казаков «полноценной расой» и даже союзниками Германии в борьбе с русскими. Отсюда конъюнктурно появился первый кононовский призыв к казакам: «Первый враг — русские, второй — большевики». Многим позже, опять в силу быстро меняющейся фронтовой обстановки, Кононов изменил столь резкую постановку вопроса и призывал к объединению всех антибольшевистских сил в рамках Русской освободительной армии. Не до конца известны и действия Кононова на заключительном этапе войны. По мнению казачьих генералов Науменко и Полякова, он в тяжелую минуту бросил казаков, отбив из XV Казачьего кавалерийского корпуса в штаб Власова. Согласно некоторым воспоминаниям офицеров РОА, есть свидетельства о том, что этот поступок был продиктован также конъюнктурными соображениями — Кононов выбивал себе должность командира корпуса, уговаривая главнокомандующего ВС КОНР сместить

¹ Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. М.: Советский писатель / Новый мир, 1989. Ч. 5. Гл. 1. С. 31.

Хельмута фон Паннвица. Фон Паннвиц, как известно, был казнен в Москве, добровольно решив разделить участь подчиненных ему казаков. Генерал же Кононов оказался на пятом континенте.

Какое-то время Кононов состоял в рядах Союза Андреевского флага, в Австралии, где не пользовался авторитетом у представителей эмиграции первой волны, вскоре вышел из него и отошел от какой-либо общественной или ветеранской деятельности.

Вступление Советской армии в Европу проходило в то время, когда правительство Сталина проводило оценку степени опустошения западных областей СССР и малочисленности выжившего в них населения. Восстановление там экономического благосостояния хотя бы на довоенном уровне представлялось им практически невозможным хотя бы в силу того, что для реализации первоначальных задач требовались не столько оборудование и механизмы, сколь человеческие ресурсы, которых катастрофически не хватало. Переселение людей из Сибири и Дальнего Востока к границам Европы казалось Сталину весьма проблематичным из-за уже сложившейся системы хозяйствования в тех регионах, отличавшихся климатическими условиями и характером задач, поставленных в соответствии с экономической системой дальних регионов. Западные правительства, столкнувшиеся с массовым оттоком бывших советских граждан в свои страны, были озабочены снижением конкуренции на рынке труда и, как следствие, рыночным упадком стоимости услуг и производимых товаров. Вдобавок в умах западных парламентариев оставались извечные фобии в отношении «славянского засилья» в своих странах, что грозило размыванием традиций и уклада жизни западноевропейской цивилизации. На переговорах со Сталиным лидеры западных держав старались получить заверения последнего в том, что правительство СССР предпримет все возможные шаги по репатриации миллионов своих сограждан из Европы. Это лишь играло на руку Сталину, уже тогда понимавшему, как он может использовать столь мощный приток бесплатной рабочей силы, так как в силу существующих законов все репатрианты должны были пройти своеобразный фильтр проверок. Редкий человек, возвращавшийся в конце 1940-х годов из-за границы, мог быть уверен в том, что

он не окажется обвиненным в сотрудничестве с врагом, шпионаже или предательстве интересов родины. Виновность за самый факт пребывания за рубежом позволяла советской системе манипулировать людьми, убеждая репатриантов в том, что лишь ударный, бескорыстный труд на стройках социализма способен снискать прощение советской власти.

6.5. МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЭМИГРАНТОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СОГЛАШЕНИЙ 1945 ГОДА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ СССР 1944—1950 ГОДОВ

В октябре 1944 года по решению правительства СССР было образовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший начальник разведывательного управления Красной армии. В главные задачи этого ведомства входило осуществить полную репатриацию советских граждан — военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также отступивших с гитлеровцами их пособников; не допустить образования новой эмиграции. С самого начала Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации столкнулось с рядом трудностей и сложностей в отношениях с союзниками, весьма прохладно относившимся к идее полной репатриации советских граждан. Руководство СССР особенно раздражало стремление союзников подразумевать под советскими гражданами только жителей СССР, проживавших ранее в границах до 17 сентября 1939 года, а не по состоянию на 21 июня 1941 года. Не меньшее раздражение у советской стороны вызывали заявления союзников о праве самих перемещенных лиц решать, возвращаться им в СССР или нет.

После капитуляции Германии возник вопрос о передаче перемещенных лиц непосредственно через линию соприкосновения союзных и советских войск. На этот счет в мае 1945 года велись переговоры в г. Галле (Германия). Советскую делегацию возглавлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования — за-

меститель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К.Д. Голубев; делегацию союзников — представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск американский генерал Р.В. Баркер. На этих переговорах союзники предприняли попытку провести принцип добровольности репатриации и свое толкование понятия «советские граждане». Поначалу Баркер предложил осуществлять репатриацию всех советских граждан на основе добровольности. Но из-за решительных протестов советской делегации быстро согласился на принцип обязательной репатриации граждан СССР, проживавших в границах до 17 сентября 1939 года. Далее переговоры на некоторое время зашли в тупик из-за непреклонной позиции Баркера, заявившего, что жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии не считают себя гражданами СССР.

В мае 1945 года, в связи с окончанием Второй мировой войны, в Европе развернулась массовая репатриация в СССР военнопленных и гражданских лиц, бывших советских подданных, продолжавшаяся до 1 января 1952 года. По некоторым данным, к началу 1950-х годов в СССР было насильственно возвращено около 4,5 миллионов человек. В силу особенной активности проведения акций по репатриации бывших советских граждан или, как это случалось, заодно и «лиц без гражданства», владельцев так называемых «нансеновских» паспортов, к 1 января 1952 года за границей осталось всего 10 % от общего числа находившихся в лагерях беженцев, то есть около 450 тыс. человек. Шли эти волны в основном из Франции и Китая, а также некоторых других стран. Несмотря на добровольность возвращения, многие из репатриантов подверглись на родине немедленным репрессиям и гонениям. Судьбы многих репатриантов на поверку оказались куда как более трагичными, чем они могли представить себе даже в самых худших ожиданиях. Те из бывших эмигрантов, кто избежал расстрела после осуждения за государственные, воинские и иные преступления, направлялись после установления степени их «вины» в «штурмовые батальоны», в ссылку, на высылку или в «спецпоселения». В лучшем случае они работали в рабочих батальонах Наркомата обороны СССР или Наркомата внутренних дел СССР,

привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались всяким иным лишениям или ограничениям гражданских прав и свобод.

С марта 1946 года в мире наступило резкое обострение международной обстановки, началась «холодная война», что тоже отрицательно сказалось на темпах репатриации и судьбах репатрируемых русских людей. Бывшие союзники окончательно перестали оказывать какое-либо содействие СССР в репатриации советских граждан, зато чинили всякого рода препятствия с точки зрения их советских партнеров. Так, англо-американские власти не передали Советскому Союзу тысячи советских детей, увезенных гитлеровцами в малолетнем возрасте за пределы Советского Союза, просьбу о возвращении которых СССР неоднократно доводил до сведения американских и английских оккупационных властей в Европе.

Долгие годы послевоенный период жизни русских беженцев в Германии, как и сам факт репатриации, был окружен завесой молчания западной и советской прессы. По договоренности с союзными правительствами факт насилия в ходе репатриационных действий был строго засекречен. Мировая общественность о действительной стороне происходивших в лагерях для перемещенных лиц событий даже и не догадывалась. Глухо молчала и советская печать. Завесу чуть позже приподнимала лишь эмигрантская русская пресса. В специальных лагерях «DP» сокращение от английского выражения «перемещенное лицо» («displaced person») в американской, английской и французской зонах Германии в послевоенные годы помимо военнопленных, «фольксдойче», «остербайтеров» и др. находились со своими семьями и эмигранты «первой», «послеоктябрьской волны», в том числе и ученые, инженеры всех специальностей, врачи, технические работники, которые выехали из России еще в 1920-е годы не как советские подданные, имевшие в лучшем случае — выданные соответствующей комиссией Лиги Наций — «волчьи» «нансеновские» паспорта. Многим из этих людей приходилось по несколько лет ждать в лагерях своей участи. Над ожидающими решения властями своей участи людьми все это время нависал дамоклов меч страха перед возможной насильственной

репатриацией в СССР. Их положение в лагерях для перемещенных лиц было весьма непросто. В большинстве своем это были люди уже преклонного возраста, потерявшие в годы Второй мировой войны свои с таким трудом завоеванные научные позиции на рынке труда, в иных нишах, которые они занимали, а также европейских университетов и научных центрах. Мало кто успел покинуть Европу до войны или вскоре после ее начала. Большинство из эмигрантов, случайно оказавшихся в одних лагерях с бывшими советскими гражданами, стремилось уехать из Европы как можно дальше, за океан, в США, Канаду, Южную Америку. Такая возможность открылась не сразу, а, как это ни парадоксально, только с началом «холодной войны», то есть лишь с 1948 года.

Когда в конце 1955 года в СССР впервые прибыл с визитом канцлер ФРГ К. Аденауэр, одной из целей его визита было добиться освобождения бывших солдат и офицеров вермахта, все еще продолживших находиться после окончания советско-германской войны в советских лагерях. Одновременно был поднят и вопрос об освобождении казаков, сражавшихся в 1941—1945 годах против сталинского режима: среди тех, кто был выдан англичанами после войны в Советский Союз, было немало так называемых «старых эмигрантов» — либо не имевших никакого гражданства, либо граждан европейских государств. Тем более, что у некоторых из них к этому времени уже истекали их сроки заключения, определенные изначально советским судом. Из 1430 казаков-эмигрантов, переданных только в австрийском городке Юденбург советским властям, по объявленной в 1955 году амнистии за границу смогли выехать всего 70 человек. Остальные к этому времени погибли в тюрьмах и лагерях. В ходе освобождения Красной армией стран Восточной Европы и во время боевых действий в Маньчжурии было захвачено немало бывших белогвардейцев и деятелей так называемых антисоветских организаций, часть из которых являлись активными коллаборационистами с германским и японским командованием. Некоторые русские старики-эмигранты, избежавшие выдачи СМЕРШу в Европе и на Дальнем Востоке, доживают свой век в наши дни в иммигрантском доме престарелых, расположенном в южноафриканском городе Йоханнесбурге. Дом при-

зрения был создан Русским обществом Южной Африки, которое было организовано в Йоханнесбурге в 1952 году. Кстати, учреждение этого общества, можно сказать, «обязано» переселению в ЮАР в 1946—1949 годах примерно двух тысяч новых эмигрантов — бывших советских военнопленных и русских беженцев, спасавшихся от органов СМЕРШ, освобожденных западными союзниками, в том числе южноафриканскими войсками, из германских и итальянских лагерей. В это число вошла и группа казаков, украинцев и прибалтийцев, состоявших в «прогерманских» батальонах. Общество существует и поныне, но материальные трудности, нависшие над ним, рискуют ликвидировать его в ближайшие годы. Кстати, эта же участь постигла пять русских еженедельных газет, издававшихся в ЮАР в 1920—1940 годах.

После насильственной депортации как советских граждан, так и эмигрантов, на родину в СССР прошла волна новых судебных процессов. Среди наиболее крупных из них, проходивших в конце 1940-х годов, было и дело атамана Г.М. Семенова, слушавшееся в августе 1946 года. Кроме него был проведен суд над бывшими генералами Белого движения, служившими в вермахте. Обвиняемыми на процессе были П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и Султан-Гирей Клыч, а также С.Н. Краснов, Т.И. Доманов и Хельмут фон Панныц. Процесс завершил свою работу в январе 1947 года. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила большинство из обвиняемых к смертной казни через повешение.

Большой резонанс в Советском Союзе получили показательные процессы, проведенные в декабре 1945 — январе 1946 годов, состоявшиеся в Киеве, Минске, Риге, Смоленске и других городах над немецкими военными преступниками, виновными в злодеяниях на советской земле, а также над помощниками оккупантов. Из 88 обвиняемых, среди которых были 18 генералов вермахта и СС, 66 были повешены по приговорам судов. Однако наиболее крупным процессом все равно оставался тот, что был проведен над руководителями Русской освободительной армии — бывшими советскими генералами А.А. Власовым, В.Ф. Малышкиным, М.Н. Жиленковым и девятью другими чинами РОА. Все они по приговору суда были казнены.

Одновременно репрессиям подверглись десятки тысяч попавших в плен советских офицеров, которые из фашистских лагерей были отправлены в лагеря советские. Происшедшее сразу после смерти Сталина перераспределение обязанностей внутри руководящей верхушки партии и страны привело к слиянию в марте 1953 года МВД и МГБ в единое Министерство внутренних дел, которое возглавил Л.П. Берия. Однако это не привело к пересмотру дел обвиняемых по «антисоветским статьям» УК. Одному из крупных процессов над, как их называли, «семеновцами» советские газеты посвящали целые полосы. Если быть объективными, то «семеновцами» формально являлись только трое из восьми подсудимых — сам атаман Семенов, Власьевский и Бакшеев. Остановимся на первом судебном заседании, открытом председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульрихом. В конце процесса все подсудимые один за другим признали себя виновными. Всех обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме. 30 августа 1947 года суд признал подсудимых виновными. В.В. Ульрих зачитывал в течение 20 минут приговор обвиняемым. По нему атаман Г.Н. Семенов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года был приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества как «врага советского народа и активного пособника японских агрессоров». Власьевский, Родзаевский, Бакшеев были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Князь Ухтомский и Охотин, «учитывая их сравнительно меньшую роль в антисоветской деятельности», были приговорены к 20 и 15 годам каторжных работ, соответственно, с конфискацией имущества. Ни тот ни другой до выхода из лагерей не дожили. Охотин умер в 1948 году, князь Ухтомский — 18 августа 1953 года. Весьма показательна цитата из статьи покойного ныне А. Кайгородова о том, как убивали атамана Семенова: «Когда его вывели на голгофу, он потребовал священника, хотя хорошо знал, что у большевиков такое не практикуется. В требовании было отказано, при этом по расстрельному подвалу прокатился громкий идиотский хохот палачей. Атамана повесили старым, давно запрещенным способом: на шею петля, он

висел, но еще долго дышал. Двое палачей, наблюдая конвульсии, со смехом острили: “Кайся, гад, кайся, скоро ведь задубеешь!”» Казнили Г.М. Семенова 30 августа в 11 часов вечера. 4 апреля 1994 года в отношении Семенова, спустя почти четыре года, 26 марта 1998 года, в отношении остальных семерых подсудимых Военная коллегия Верховного Суда РФ пересматривала уголовное дело. По статье 58—10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело в отношении всех подсудимых прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации. Несмотря на размах репрессий против возвращавшихся на родину людей, Советский Союз интенсивно продолжал свою деятельность для привлечения все новых русских беженцев к возврату в Советский Союз, для чего прибегал ко всем легальным и нелегальным способам. Для этого было заслано в лагеря беженцев немало агентов для осуществления всякого рода провокаций и получения списков антикоммунистических деятелей.

Согласно статистике, послевоенные выдачи русских людей, в том числе эмигрантов «первой волны», охватили не только Австрию, Германию и Италию, но разошлись куда как более широко, по остальным странам Европы. В 1946—1947 годах правительства Швеции, Франции, Бельгии, Финляндии, Норвегии, Дании, Голландии и Югославии способствовали депортации не только бывших советских, но и дано живших в этих странах старых эмигрантов. Репатриации коснулись даже заокеанских стран, в чем отличились власти США, Австралии и Новой Зеландии. Организация депортаций в европейских странах была наиболее многочисленной хотя бы в силу того, что там «перемещенные лица» были поселены союзным командованием в специально созданных для этого лагерях.

Подписанное же в Ялте 11 февраля 1945 года межсоюзное соглашение «О репатриации советских граждан» лишало возможности политического убежища всех без исключения подданных СССР, которые покинули родные края вместе с отступавшими на Запад немецкими частями. Казачий Стан состоял как из беженских станиц, так и из казачьих полков, которые составляли 1-й Казачий корпус походного атамана. По мнению очевидца, эти полки

«не представляли войска в смысле требования нашего времени. Это был табор в разных формах одежды, частью в гражданской <одежде>; на повозках везлась рухлядь, тут же были свиньи и овцы». Начальник британской 78-й дивизии генерал-майор Арбатнот заявил казачьему руководству следующее: «Нет, военнопленными мы считаем тех, кого взяли в бою с оружием в руках. А вас я считаю лишь добровольно передавшимися». Однако, несмотря на подобные заверения отдельно взятого британского офицера, все казачьи части были ими разоружены и размещены в лагерях на положении военнопленных. Вместе с тем в этом же районе, где был сосредоточен Казачий Стан, «...примерно в 20 км от него находились чины горских частей войск СС: Северокавказский и Грузинский полки под началом штандартенфюреров СС Кучука Улагая и князя П. Цулукидзе. Командованием СС из этих частей в апреле 1945 года планировалось сформировать Горскую дивизию. По свидетельству Н.Н. Краснова, это была “распущенная орда, прекрасно вооруженная автоматами, в немецких формах, говорившая на 17-ти кавказских наречиях”, прошедшая огонь, воду и медные трубы в дни усмирения знаменитого Варшавского восстания. Они занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах. Они насильствовали женщин и жгли селения. Их безобразия бросали пятно и на тех, кто честно и по-солдатски пришел исполнять свой долг, на тех, кто шел бороться с коммунизмом». С ними британское командование старалось не встречаться, занявшись подготовкой захвата казачьих чинов и задействовав в этом организаторские таланты Доманова. В связи с этим вышел приказ «Походного атамана» Доманова об обязательном выезде на «сообщение» 2756 человек. Однако вопреки ожиданиям британского командования в назначенное время явилось и было погружено в транспорт лишь 2201, а по иным данным, 2461 человек. Всех их отвезли в городок Шпиталь, поместив в строго охраняемом лагере. Не менее интересной историей является выдача инспектора резервов Казачьих войск генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро. Так, по свидетельству переводчицы лагеря Пегтец О.Д. Ротовой, вечером 26 мая 1945-го «Шкуро был приглашен якобы на ужин к Походному атаману генералу Доманову. Генерал Соломахин, например,

бывший начальником штаба Походного атамана, никогда на такие ужины не приглашался, хотя его комната была напротив домановской. В 3 часа утра 27 мая 1945 года к ним в комнату ввалился Шкуро, сел на кровать и заплакал.

— Предал меня... Доманов, — восклицал он. — Пригласил, напоил и предал. Сейчас придут англичане, арестуют меня и передадут Советам. Меня, Шкуро, передадут Советам... Он бил себя в грудь, и слезы градом лились из его глаз. В 6 часов утра он был увезен двумя английскими офицерами». На следующий день, 28 мая 1945 года, Шкуро оказался вместе с другими казачьими офицерами в том же городке Шпитале. По некоторым свидетельствам, «Шкуро сорвал с себя британский орден и бросил его под ноги английскому офицеру. Он требовал оружия, не желая отдаться живым в советские руки». Казаки-ветераны, проживавшие в Западной Германии 1960-е годы прошлого века после возвращения из советских лагерей, вспоминали, что арест Шкуро проходил без излишней эмоциональности и надрыва: «...во дворе завода появился советский генерал Долматов, в сопровождении советского майора и еще 3-х офицеров. Быстро осведомившись о том, где находятся генералы П.Н. Краснов, Шкуро и другие, Долматов подошел к ним, поздоровался за руку и выразил свое удовольствие быть с ними знакомым. Тут же Долматов заговорил о Гражданской войне, напомнив генералу Шкуро одно из сражений, в котором он, Долматов, опрокинул части Шкуро. “Ну и мы вам давали” — не выдержал генерал Шкуро, прибавив крепкое словцо. “На то она и война”, — засмеялся Долматов и высказал... крайнее удивление... что англичане привезли и старых эмигрантов, сказав, <что> советское правительство требовало выдачи только своих советских граждан, а со старых эмигрантов нам спрашивать нечего, они не наши, но списки уже в Москве, и он отпустить нас не может, т.к. это дело Москвы...»¹

Для многих из выдаваемых советскому военному командованию казаков был особенно неприятен тот факт, что они попадали в

¹ Астахов И., Аверкиев А. и др. В статье «К сведению казачьей общестственности». Париж: «Родимый край» за июль—август 1962 г. С. 35.

большевистские руки с помощью солдат британской армии, на которую многие возлагали большие надежды, как на исторических врагов большевизма. Некоторые историки в эмиграции и теперь и в России старались делать недвусмысленные указания на то, что в насильственной репатриации казаков на территории Австрии была задействована некая Палестинская бригада.

Генерал-лейтенант В.Г. Науменко подтверждал, что выдачу казаков «производили чины не Палестинской бригады, а 8-го Аргильского Сатерландского Шотландского батальона британской королевской армии». Кубанский атаман добавлял при этом, что «не исключается возможность, что в их ряды 1 июня (1945 года. — *Примеч. авт.*) были вкраплены <чины> НКВД, чем и объясняется брань на русском языке, слышанная многими в дни насилия».

В мемуарах переводчицы Ольги Ротовой говорится, что подполковник Малькольм, командир 8-го Шотландского батальона, «никогда не видел каких-либо частей Палестинской бригады в этом районе, и никакие ее части не принимали участия в репатриациях, как в них не участвовали никакие лица еврейской национальности откуда бы то ни было».

Граф Н.Д. Толстой-Милославский, живший в Великобритании, создатель объемного труда о насильственных репатриациях, дает прямое указание на то, что «в составе английских войск была еврейская бригада, но она не была в Лиенце. В это время она была за пределами Австрии. Но в Лиенце у англичан были переводчики — евреи из Польши — знавшие русский язык». Это косвенным образом подтверждает и Николай Николаевич Краснов, непосредственный участник событий выдачи казаков. «Между нами юлят переводчики. Они передают приказания офицера, заведовавшего погрузкой. — Паны должны лезть в машины. Если не пойдут добровольно, против панов будет применена сила и огнестрельное оружие! — картаво, то с польским, то с галицийским акцентом кричали, надрываясь, “толмачи”... По какой-то странной случайности, все англичане говорят по-польски. Они горланят, дергают наших за рукава и заверяют, что в могилу они вещи с собой не унесут, а папироску выкурить успеют. Торгаши отличались особым цинизмом. Желая объяснить, что ожидает несчастных, они под-

носили к виску указательный палец, отчетливо щелкая средним и большим. Песенка, мол, ваша спета! Чего там валандаться!»¹

Очень немногие авторы упоминают о том, что некоторые представители британских частей в те дни находились на грани неповиновения приказу о насильственных действиях в отношении казаков; многие солдаты предупреждали их о предстоящей репатриации и даже помогали скрыться. Есть данные, что в связи с этим английское командование было вынуждено отозвать часть своих солдат.

По воспоминаниям терского казака Терско-Ставропольской станицы Казачьего Стана М.П. Негоднова: «...раздались выстрелы и появились бесы в английской форме... многие из них говорили по-русски... Эти бесы клещами врезались в гущу людей и палками, прикладами и штыками гнали их к грузовикам и там, как мешки с картофелем, грузили живых, больных, убитых, женщин, детей и священников. Кто оказывал сопротивление, зверски били палками, прикладами или просто закалывали штыками. Одного священника закололи штыком, пробив икону, которую тот держал в руках. Часам к 2—3 в лагере уже было относительное спокойствие...»

По сведениям, приводимым Алехиным, войсковой старшина Л.Н. Польский, служивший в Казачьем Стане, настаивает на том, что выдачу офицеров в Юденбурге «осуществляли чины палестинского корпуса под свист, улюлюканье и ликование собранных из газет 3-го Украинского фронта журналистов... Особенно неистовствовали женщины, изощряясь в грубейшей лагерной брани». Однако в письме к ставшему впоследствии в США атаманом кубанских казаков В.Г. Науменко от 14 октября 1956 года, направленном Б.К. Ганусовским, есть прямо противоположное свидетельство: «Относительно участия солдат с нарукавным знаком “Палестина”, скажу следующее: насколько я помню, эти солдаты в Юденбурге являлись только зрителями интересного для них зрелища. Оружия у них ни у кого не видел. Они свободно и без видимого дела бродили около наших грузовиков и старались сорвать

¹ *Краснов Н.Н.* Незабываемое. 1945—1956. Нью-Йорк: изд. «Книжный магазин» Р.М. Васильева, 1957. С. 36.

с нас, что только было можно. Вроде покупки часов за сигареты. Сколько их там было, я сказать не могу, ибо из грузовика полезрения было очень ограничено»¹.

Любопытные сведения приводились советским подполковником КГБ в отставке М. Соловьевым, служившим в 1945 году заместителем начальника отделения СМЕРШа в 57-й армии. Как-то его коллегам удалось арестовать некую Елену — любовницу Шкуро, которая на допросе показала, что «главари казачьих частей» имеют при себе «более 14 кг золота в изделиях, монетах царской чеканки и слитках». Если верить этим воспоминаниям, СМЕРШ использовал эту информацию на переговорах с англичанами, предложив им передать тех, кто не подлежал выдаче в СССР, а имеющееся у генералов золото оставить себе. По его словам, «все вышло так, как и договаривались». Англичане отобрали не только золото, но и другие ценности. Если это действительно так, то вполне вероятно, что данное золото могло принадлежать «Казачьему банку».

Граф Н.Д. Толстой-Милославский указывает на то, что «все имущество Казачьего Стана было просто украдено англичанами, хотя они и заверяли, что все передано советской стороне». «Пропала» и знаменитая шашка генерала А.Г. Шкуро. Англичанами была изъята именная шашка, подаренная тому, по его заверениям, еще императором Николаем II в бытность Верховным главнокомандующим русской армии. Шашка очень дорогая, украшенная бриллиантами. Вполне вероятно, что шашка представляла собой привлекательный трофей и просто была украдена предприимчивым «английским генералом и до сих пор находится у него дома». Имеются еще сведения о том, что около 1000 лошадей и всех верблюдов Казачьего Стана англичане перестреляли...

Из воспоминаний одного служившего в советском 5-м Донском кавалерийском корпусе чина следует, что его командир, советский генерал-майор М.Ф.Малеев, примерно 5—7 июня 1945 года «организовал выводку лошадей, которые раньше принадлежали генералам, сдавшимся в плен англичанам». Из более 1000 лошадей он

¹ *Ганусовский Б.К., Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб.: Нева, 2003. С. 396.

отобрал 87, которых из Юденбурга в течение 36 дней перегоняли в СССР. Расставание казаков с безгранично любимыми лошадьми было очень трагичным и для последних. По воспоминаниям одного очевидца, «как стаи голодных волков собирались англичане... и местные австрийцы; арканом или соблазнительным куском сахара старались овладеть “военной добычей”». Но «добыча» не шла им в руки... И еще долго-долго можно было видеть ищущих своих хозяев коней. Немаловажным является и тот факт, приведенный исследователем Г. Алехиным, что, даже находясь на советской каторге, казаки отнюдь не потеряли своего достоинства и решили хоть как-то отметить свое пребывание на ней.

Казаками-каторжанами в 1955 года в ОЗЕРлаге, что располагался в Иркутской области, был учрежден проект Каторжного креста. Автором его креста являлся ныне покойный донской сотник Константин Орлов. Получить эту награду имели право лишь казаки — участники Дальнего похода, а таковым называлась передислокация различных казачьих формирований в Югославию, Италию, Францию и другие страны Западной Европы в 1943—1945 годах, осужденные на заключение или ссылку по 58-й статье Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, и никто иной. Эта награда имела для них примерно такое значение, как для чинов Добровольческой армии — знак 1-го Кубанского «Ледяного» похода. Каторжный крест имел две степени: 1-я с блестками на концах креста для осужденных на 25 лет и 2-я степень без блесток для тех, кого осудили на меньшие сроки. Первая партия крестов 2-й степени была изготовлена в большой тайне на авторемонтном заводе «ЦАРМЗ» в года Тайшете Иркутской области в количестве 10 штук. По окончании срока была увезена казаками в ссылку в Караганду. Именно там, в Казахстане, трудами есаула 2-го Донского пластунского полка Николая Дутикова было выпущено еще 50 крестов, в том числе и 10 крестов 1-й степени в 1956 году. Последняя партия в 10 штук была изготовлена в Ростове-на-Дону благодаря инициативе бывшего подъесаула 1-го Донского пластунского полка Виктора Семеновича Дудникова.

Внешний вид Каторжного креста незатейлив и прост, ибо сначала его изготавливали в суровых условиях концлагерей СССР. Он

представляет собой латунный, равносторонний крест размером 40×40 мм, покрытый черной эмалью по периметру. Крест имел фаску шириной в 3 мм, в центре которой расположено полированное медное полушарие. Крест крепился к миниатюрной черной «бабочке» и носился на шее.

Стоит сказать, что после того, как о жестокостях методов выдачи русских и советских людей в Европе заговорила даже западная пресса, в ООН 15 декабря 1946 года о «перемещенных лицах» выступил с речью будущий советский министр иностранных дел А.А. Громыко, отрицавший какие-либо противоправные действия с советской стороны.

Динамика репатриации людей с 1944 по 1952 год носила весьма неустойчивый характер. Достигнув своего пика к концу 1945 года, волна насильственных возвращений постепенно пошла на убыль. Это объясняется отчасти тем, что после многочисленных трагедий, непременно случавшихся в лагерях беженцев при попытках союзников передать их в советские руки, происходил отток и бегство отдельных лиц и групп людей дальше на Запад Европы или в Соединенные Штаты. Самыми известными трагедиями был ознаменован путь сидельцев в лагерях Платтинг, Келлерберг-Аугсбург—Кемптен-Дахау и других.

Записанные устные рассказы об этом породили в послевоенный период возникновение целой литературы на русском языке, посвященной насильственным выдачам, часто использовавшейся госдепартаментом США в своих пропагандистских целях. Наиболее внушительным трудом стала книга полковника Б. Кузнецова, составленная из двух частей, опубликованная по горячим следам событий и выдержавшая второе издание в 1993 году в Нью-Йорке. В ней собраны не только рассказы очевидцев и свидетелей выдачи «от первого лица», но и составлена подборка официальных документов о переписке русских военных эмигрантов и духовенства с американским командованием.

Судьбы почти все выданных людей сложились одинаково: без различия гражданства, они проходили через ускоренную судебную процедуру, результатом которой становились разнообразные лагерные сроки.

Указом Президиума ВС СССР от 15 февраля 1947 года были запрещены браки советских людей с иностранцами, и на этом основании любые граждане СССР, попытавшиеся подобным путем избежать выдачи советской военной администрации, ставились вне закона и осуждались на различные сроки заключения.

С 1945 года в СССР числилось три основные группы возвращенных лиц — военные преступники, пособники врага и добровольно возвратившиеся граждане.

Последние появились вскоре после начала пропагандистской кампании по уговорам о возвращении в СССР.

Отчеты Ф.И. Голикова по «проделанной работе» для Политбюро носили традиционный характер бодрых рапортов о небывалом энтузиазме советских граждан в ходе кампании по возвращению на родину под контролем органов госбезопасности, выявлявших среди «энтузиастов» потенциальных и скрытых врагов, путь которых сразу же лежал в лагерь.

Записка председателя МГБ СССР И.А. Серова, поданная им в 1954 году об амнистии «советским гражданам» за рубежом на рассмотрение Совета министров привела к тому, что вышел соответствующий Указ от 17 сентября 1955 года «об амнистии граждан, сотрудничавших с германской армией и полицией».

Согласно плану, в случае дополнительного возвращения беженцев, эмигрантов и бывших советских граждан, рассеявшихся по всему миру, МГБ планировало расселять амнистированных в Сибири, Казахстане, Приуралье и верховьях реки Камы. Результатом этой декларации стало желание лишь 6—8 % готовых вернуться под гарантии неприкосновенности жизни русских эмигрантов, переживших годы выдачи за рубежом. Назад, в СССР, вернулись лишь тысячи вместо ожидаемых правительством СССР сотен тысяч. Ручейки эмигрантских судеб постепенно сократились до минимума, составив 300—400 возвращаемых лиц ежегодно после 1956 года, что совпало с обратным процессом оттока русских эмигрантов «первой волны» из Европы за океан.

Последние добровольные «возвращенцы» в СССР оказались лишь в 1959 году, поставив точку в процессе массового возвращения русских эмигрантов двух волн.

Глава седьмая

ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР И ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

...Это было в Париже,
На балу у кадет.
Это было в Париже
На старости лет.

В.Н.

7.1. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Военные и гражданские в зарубежье были разделены по направлению своей деятельности, политическим убеждениям, а также по возрастным критериям. Ввиду того, что еще в 1920—1930-е годы в эмиграции родилось немало детей — прямых потомков русских военных изгнанников, во многих семьях лучшим средним учебным заведением считался кадетский корпус, как в старые добрые времена в России, что обуславливало тогда не только начало блестящей карьеры, но и создавало определенный запас житейской прочности. К тому же любой кадетский корпус за рубежом становился своего рода островком национальной культуры, столь стремительно таявшей в океане мировых традиций.

Задолго до Второй мировой войны, 1 ноября 1930 года, в Париже был открыт Русский кадетский корпус-лицей имени императора Николая II, а его директором стал генерал Римский-Корсаков. Предыстория этого назначения была такова. Приехав в 1926 году в Париж на Зарубежный съезд, генерал Римский-Корсаков встретился с группой бывших кадет I Московского корпуса во главе с Его Высочеством князем Гавриилом Константиновичем, некогда выпускником 1-го Московского императрицы Екатерины Великой кадетского корпуса. Поговорив о современных кадетах, рассеянных по всей Европе, и в особенности о тех, что жили в своих семьях во Франции, собеседники пришли к выводу о создании кадетского корпуса для русских детей на французской земле. Летописи

сец корпуса сообщал: «Началась необходимая подготовительная работа, встретившая много затруднений и препятствий на своём пути. Душою дела был генерал Римский-Корсаков. Сколько спокойной выдержки, сколько силы духа и терпения надо было для осуществления задуманного начинания. Но понемногу нашлись русские люди, готовые помочь русскому делу. Возник комитет по устройству учебных заведений, первым председателем которого был Его Величество князь Никита Александрович. Русский эмигрант Анастасий Андреевич Вонсяцкий предоставил в бесплатное пользование будущему корпусу купленный им на средства жены (американки Марион Бакинэм Рим. — *Примеч. авт.*) дом, в местечке *Villiers le Bel*. в 18 километрах от Парижа»¹.

Приехав в Париж и полностью отдавшись делу устройства нового кадетского корпуса-лицея, В.В. Римский-Корсаков запомнился своим новым воспитанникам своей необычайной отзывчивостью и любовью к своему делу. Один из его учеников вспоминал впоследствии: «Не любить Владимира Валерьяновича было невозможно. Тот, кто хоть раз видел его ласковый взгляд, навсегда уже был им очарован. А кадеты, видевшие его ежедневно и понимавшие его отношение и любовь к ним, просто благоговели перед своим “Дедушкой”. Никто лучше него не понимал нашей детской души»².

Римский-Корсаков нередко повторял: «Кадеты должны чувствовать любовь к себе, чтобы полюбить корпус, а через корпус они узнают и полюбят Россию». Это подтверждалось повседневной практикой педагогической работы самого директора корпуса со своими воспитанниками, демонстрировавшей искреннюю любовь и заботу директора, проявлявшуюся во всех мелочах корпусной жизни. На глубоком уважении учеников к директору и на признании исключительного обаяния его личности было прочно основано огромное влияние Римского-Корсакова на ход учебных процессов. Он преподавал русский язык, историю и географию

¹ Русский Корпус-лицей имени Императора Николая II в Версале. Париж: издание попечительского комитета, 1939. С. 5.

² Винтер Ю. // Сборник «Памятка кадет 1-го выпуска Корпуса Императора Николая II». Париж, 1938. С. 3.

России. В свободное время читал кадетам произведения лучших русских писателей, и далекая, столь мало известная эмигрантским детям Россия постепенно становилась им понятной, а затем близкой и родной. Только за первые три года существования в Париже корпус приобрел известное имя и значительное количество приверженцев и меценатов. Русский педагогический комитет возглавлялся тогда генералом Е.К. Миллером, оказывал корпусу всемерную поддержку, да и сам глава РОВС, несмотря на загруженность по линии этой эмигрантской организации, вплоть до самого своего похищения из Парижа стремился уделять кадетам свое теплое внимание и оказывать всяческую поддержку.

7.2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В КОНЦЕ 1940-Х ГОДОВ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Русские кадетские корпуса за границей еще до начала Второй мировой войны выпустили плеяду талантливой молодежи, влившейся в общественную и политическую жизнь приютивших их стран. Выпускники не забывали и о традициях, унаследованных ими от кадет Российской империи — поддерживать между выпускниками связь и помогать нуждающимся собратьям. В 1950 году образовалось Общекадетское объединение (ОКО), первым председателем которого стал кадет Первого кадетского корпуса лейтенант императорского флота А.А. Геринг. Под его энергичным руководством жизнь ОКО закипела, стали устраиваться собрания, встречи кадет. Он же стоял у истоков издания в начале 1952 года журналов «Военная быль» и «Вестник Общекадетского объединения». Активистами кадетского объединения был расширена экспозиция из архивов и реликвий прошлого, носившая название Военно-кадетского музея.

По примеру ОКО во Франции во многих странах создавались объединения, которые в 1950-х годах все вместе насчитывали более 600 участников-кадет. Далеко не все выпускники корпусов согласились с принципом вхождения в объединение, считая его слишком упрощенным в сравнении с Союзом русских кадетских корпусов, существовавшим до Второй мировой войны. Некоторые, особенно те,

чьи кадетские объединения были многочисленны, стояли за воссоздание довоенного СРКК¹, что и было осуществлено ими к 1951 году.

Почетным председателем СРКК одно время являлся кадет Полоцкого кадетского корпуса, выпускник 1913 года, ротмистр 2-го лейб-гусарского Павлоградского Императора Александра III полка Николай Владимирович Заворотько.

В наши дни председателем Объединения является Андрей Дмитриевич Шмеман, брат покойного протоиерея либерала Александра Шмемана. Каждый год при его деятельном участии устраиваются три кадетские встречи: в октябре, на Рождество и на Пасху. В июне, в день кончины великого князя Константина Константиновича, активистами Объединения свершается своего рода паломничество на кадетские могилы, расположенные на муниципальном кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Раз в три года созывается общее собрание, на котором казначеем Объединения производится денежный отчет и выбираются должностные лица. Год от года членов Объединения становится все меньше и меньше.

На смену ушедшим старшим кадетам, боровшимся в дни оны за честь и славу былой России, создателям культуры и традиций русского зарубежья, приходят люди, сравнительно моложе своих предшественников, те, кто закончил кадетские корпуса между двумя мировыми войнами прошлого века. Зарубежные кадеты считают себя основной частью зарубежной России, наиболее сплоченной, наиболее знающей, что и как делать.

Не столь давно закрылось объединение кадет, берущее начало в 1925 году в городке Лувене в Бельгии, организованное по инициативе А.М. Росселевича, вице-унтер-офицера 2-го выпуска РКК. Анатолий Михайлович, имевший опыт создания таких объединений в Белграде, стал со временем и составителем фундаментального сборника, вышедшего в 1970 году в Монреале тиражом в 500 экземпляров, под названием «Русские кадетские корпуса за рубежом 1920—1945».

В Брюсселе при его участии было основано Объединение бывших кадет, учащих в те времена в Лувенском университете. 27 ноября 1925 года был утвержден устав Объединения его почетным

¹ СРКК — Союз Русских Кадетских Корпусов. — *Примеч. авт.*

председателем генерал-лейтенантом Б.В. Адамовичем. На уставе была сделана памятная надпись: «Дай Бог, чтобы исполнились благие желания кадет, выраженные в этом уставе». В 1929 году, в день корпусного праздника 6 декабря, Его Величество король СХС Александр пожаловал корпусу шефство великого князя Константина Константиновича, а в 1930 году было создано «Общество княжеконстантиновцев». На уставе общества собственной рукой Его Высочества великого князя Гавриила Константиновича 23 ноября в Париже было написано: «Одобрю и утверждаю».

Для ознакомления бельгийцев с деятельностью Объединения кадетами была издана маленькая брошюрка на французском языке. Она состояла из описания истории создания корпуса и подчеркивала его исключительную роль в деле просвещения и сохранения русских кадетских традиций и обычаев. Кроме того, на страницах брошюры читатели знакомили с вкладом корпуса в историю русской эмиграции и общими целями Объединения в Бельгии. Цели кадетов состояли в том, чтобы оказывать помощь младшим в получении высшего образования, особенно после окончания Второй мировой войны.

В первые годы существования Объединения его основная деятельность заключалась в проведении встреч, служении молебнов и устройстве банкетов в дни корпусного праздника. Вскоре объединению удалось осуществить столь дорогую всем идею помощи кадетам, заканчивающим корпус и желающим продолжать учиться. Усилиями многих добровольных жертвователей была создана стипендия Объединения при Лувенском университете. Для этого был организован первый благотворительный вечер Объединения, идея проведения которого была широко поддержана многочисленной тогда русской колонией в Брюсселе. Кроме этого, Объединением кадет были выпущены подписные листы для одновременных и ежемесячных взносов в фонд стипендий. Впоследствии поиск финансов для увеличения числа стипендиатов становится главной задачей Объединения. Своего первого стипендиата Объединение выбрало само, а затем право выбора было предоставлено почетному председателю генерал-лейтенанту Адамовичу, в чье распоряжение поступали вновь образуемые стипендии. Адамович лишь присылал в объединение каждую осень кадет последнего выпуска. В то же время по просьбе генерал-

лейтенанта Адамовича объединение занялось сбором средств на покупку штатского платья для кадет-выпускников. Сборы также производились по подписным листам, собранные суммы пересылались в корпус.

Все время своего пребывания в Бельгии и до своей кончины последний Главнокомандующий русской армии генерал барон П.Н. Врангель и его супруга Ольга Михайловна Врангель, бывшая почетной председателницей Объединения, оказывали ему много внимания. Преждевременная и загадочная смерть Главнокомандующего стала большой потерей как для кадет, так и для всех военных эмигрантов.

В мае 1940 года, после 18 дней сопротивления, Бельгия была оккупирована немцами вплоть до сентября 1944 года. На все это время Кадетское объединение прекратило всякую деятельность. Сразу после освобождения встали многочисленные и трудно разрешимые задачи помощи персоналу корпуса и кадетам. Эта помощь заключалась главным образом в хлопотах по выписыванию кадет в Бельгию. Активистами Объединения собирались средства для оказания материальной помощи, осуществлялись посылки вещевые и продуктовые, проводилась помощь больным участникам Объединения и даже организация похорон. Касса Объединения стала кассой взаимопомощи, однако постепенно, из года в год, ее деятельность уменьшалась. Потребовалось немало лет, чтобы осуществить пять основных задач, касающихся важных шагов в жизни кадетского Объединения. Они заключались в приобретении знаменного флага, прикреплении на флаг реликвии кадетских знамен, создании кадетского клуба для регулярных встреч, основания при клубе библиотеки кадет «княжеконстантиновцев» из книг русских, старых и новых писателей, переводов иностранных авторов и книг на французском языке и увеличения числа членов Объединения для расширения его деятельности.

В наши дни Бельгийское объединение кадет по своему численному составу является относительно небольшим; все его члены уже довольно пожилые люди. Среди кадет, проживающих в Бельгии, числились и «мертвые души»: несколько кадет живут за границей и не высказывают особого желания участвовать в жизни Объединения. В плане деятельности — проведение в жизнь широкой мемориальной

программы. Кадеты периодически посещают Швейцарию, где склоняют знаменный флаг и возлагают венки у памятника А.В. Суворову и его «чудо-богатырям», установленному в память и беспримерного перехода в 1799 году у Чертова моста. Памятник представляет собой огромный крест, высеченный в скале, поднимающийся вертикально под потолком ущелья, под которым надпись по-русски.

В новом веке кадетское объединение в Бельгии из-за естественной убыли его членов фактически перестало существовать, однако живо и продолжает активную деятельность кадетское объединение в Аргентине. В январе 1949 года в Буэнос-Айресе по инициативе кадета-аракчеевца С.В. Грузинцева было создано организационное собрание воспитанников Российских Императорских и Зарубежных кадетских корпусов. Этим было положено начало Общекадетского объединения в Аргентине. Из числа более 250 человек кадет, проживавших на территории Большого Буэнос-Айреса, в объединении зарегистрировались, изъявив готовность сотрудничать, 127 человек — кадет 26 Императорских и всех зарубежных корпусов. Было выбрано правление во главе со С.В. Грузинцевым, которое начало успешную работу для достижения поставленных целей Объединения воспитанников КК ради поддержания взаимной связи не только на территории Аргентины, но и на всех континентах. Был создан музей, собраны кое-какие средства после успешно проведенного бала, началось даже устройство Кадетского собрания.

В свое время в Аргентинском объединении произошел раскол: из одного образовались сразу два объединения, враждующие между собой, в результате чего многие кадеты, особенно зарубежных кадетских корпусов, отдалились от кадетской среды и жизни. Пагубное действие всего этого не замедлило сказаться на жизни и деятельности этих двух объединений. Оба начали постепенно замирать, и вскоре они существовали только номинально.

Зарубежные кадеты начали соединяться вне рамок ОКО, и стало намечаться образование нового объединения. Тогда «старые кадеты» во главе с покойным полковником Н.Ф. Петровым обратились к ним с письмом, прочитанном на празднике Крымского корпуса в 1955 году, прося не делать новой организации, а, войдя в ОКО, принять в нем руководство.

В июне 1956 года было образовано новое правление, руководящие должности в котором приняли зарубежные кадеты: председатель М.Л. Негоднов, вице-председатель В.Б. Островский, секретарь С.А. Якимович, казначей Г.Г. Бордоков — все Крымского корпуса. Полные юношеского идеализма, энтузиазма и энергии, члены нового правления усердно взялись за дело и в короткий срок среди русской общественности создали самое благоприятное впечатление об ОКО. Оно существует в Аргентине и по сей день. Организация кадетских встреч, которые по своей торжественности давно вышли из рамок традиционных эмигрантских чаепитий и носят теперь характер национальных манифестаций, в ходе которых происходит отдание должной чести родным корпусам. Встречи устраиваются два раза в год и приурочены к празднику Крымского корпуса в июне и к празднику «княжеконстантиновцев» в декабре.

В начале 1960-х годов спокойная жизнь Объединения была снова нарушена отъездом его председателя М.Л. Негоднова и болезнью и кончиной А.Г. Денисенко. С течением лет был приостановлен выход кадетского журнала, ибо достойной замены его прежнему редактору не нашлось. Жизненные условия и работа не позволяли временно исполняющему дела председателю В.Б. Островскому посвятить себя в должной мере работе в ОКО, и он в начале июня 1963 года сложил с себя обязанности председателя. Тогда снова собралась инициативная группа, реорганизовавшая правление, продолжившее дело предшественников. Во главе правления стал В.В. Юргенс, передавший эту должность 13 мая 1973 года С.А. Якимовичу. С тех пор продолжалась спокойная, размеренная жизнь Объединения, в которой смена председателей была обусловлена, как это ни печально, «естественной убылью» эмигрантов «первой» и «второй» волн.

7.3. ЗАРУБЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ИМПЕРАТОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. ИХ РОЛЬ В МИРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ПРОЦЕССАХ

Среди максимально деполитизированных и ориентированных на просветительскую деятельность в зарубежье и сохранение традиций для будущей преемственности необходимо выделить объединения

выдающихся по многим своим составляющим учебных заведения бывлой России: Императорского Александровского лицея, Бестужевских курсов и Мариинского Донского института.

Временное правительство, пришедшее на смену самодержавной власти в 1917 году, практически не уделяло внимания необходимости сохранения классических учебных заведений, например Александровского лицея, где в свое время учились А.С. Пушкин и блестящая плеяда его современников, но и не прерывало его финансирования. В январе 1918 года от Совета народных комиссаров в лицей прибыл уполномоченный по ликвидации (оказавшийся столяром-краснодеревщиком с фабрики Менцлера), несмотря на то, что еще с октября 1917 года администрация Александровского лицея пыталась обращаться с многочисленными просьбами. В них главным образом речь шла о том, чтобы оградить задние от занятия под различные советские учреждения, а учащихся — от необходимости проводить занятия на частных квартирах. Последний директор лицея А.А. Повержо был даже вынужден обратиться с личным письмом к комиссару народного просвещения А.В. Луначарскому, умоляя его подписать бумагу, гласившую, что здания «бывшего Александровского лицея» находятся под особой защитой советской власти и никто не имеет права их реквизировать. Однако и формальное согласие на «охранную грамоту» не далось лицее даром — пришлось пожертвовать именем. Из некогда устоявшегося благородного Императорского Александровского лицея название учебного заведения стало весьма усредненным — «Гимназией имени А.С. Пушкина». Столь важный образовательный ресурс, который являл собой Александровский лицей к февралю 1917 года, был низведен до уровня обычной гимназии. Кошунственная мысль закрыть лицей — учебное заведение, увековеченное Пушкиным, воспитавшее цвет российской дипломатии и государственной службы за сто с лишним лет своего непрерывного существования — неуклонно в течение зимы 1917—1918 годов постепенно претворялась в жизнь, ставя под угрозу уже сам факт его существования в России, стране, его создавшей как уникальный научно-педагогический феномен.

Еще в бытность Временного правительства Государственная дума проигнорировала просьбы руководства лицея о сохранно-

сти Пушкинского музея с его ценными рукописями, различными медалями и реликвиями. Случайные солдаты, приведенные для охраны музея работником Наркомпроса доктором Найменовым, не только не выполнили своей задачи, но и, взломав стенной железный сейф, располагавшийся на половине директора лицея генерал-лейтенанта В.А. Шильдера, похитили юбилейные медали из золота и серебра, золотое перо, кольцо, принадлежавшее Пушкину, талисман поэта и пулю, извлеченную после дуэли. «Бросились в казармы Гренадерского полка, но там о лицейском карауле не имели никакого понятия. На новообразованную милицию рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно...»¹

В начале 1918 года некими авантюристами, выступавшими от имени местных Советов, была предпринята попытка реквизировать частную библиотеку инспектора лицея «для нужд населения Петроградской Сторонь», и оставшимся служащим лицея стоило тогда больших усилий отстоять её от изъятия.

Вскоре в бывшей квартире директора Лицея и части квартиры инспектора поместили учрежденный росчерком комиссарского пера некий Петроградский политехникум, на деле являвшийся обыкновенной школой монтеров, а затем и последнему инспектору лицейских классов было предложено освободить остававшуюся часть квартиры.

Апрель 1918 года ознаменовался изгнанием единственного остающегося класса так называемой «Пушкинской гимназии», воспитанников которой приютил в своём особняке на Монетной улице светлейший князь Горчаков, сын известнейшего канцлера империи А.М. Горчакова. «Судьбе угодно было, чтобы последняя горсть лицейстов нашла себе кров в доме воспитанника I курса, друга Пушкина... Пушкинская гимназия перестала существовать. Оставалось еще дать возможность получить аттестаты некоторым

¹ Конец императорского Александровского лицея. По запискам последнего инспектора Лицея, Лицеиста XLVII класса А.А. Повержо, дополненным графом В.Н. Коковцовым и лицеистами младших курсов. Издание Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея во Франции. Париж, 1929. С. 25.

воспитанникам старшего курса, что и было сделано без особой огласки»¹.

Вся дальнейшая судьба лицейской собственности была решена характерным для многих учебных заведений в России образом. Библиотека лицея была изъята и отправлена в Екатеринбург для создаваемой там стараниями местных уполномоченных по народному образованию «Всеуральской библиотеки». Однако до Урала книги так и не добрались. Оставленные на одном из городских железнодорожных складов тома, чьи страницы перелистывали первые лицеисты, не были отправлены вовремя и забыты, а после просто растасканы. Очевидцы отмечали, что весенняя сырость 1918 года привела большую часть из книг в негодность, а стоящая в складских помещениях вода изрядно подпортила их большую часть. Академия наук любезно согласилась взять к себе экспонаты Пушкинского музея, Лицеаны и ковчеги с орлами из актового зала, выделив для этого целую комнату. Переговоры с академиками вели выпускники лицея П.Е Рейнбот и М.В. Шильдер, своими действиями, по сути, спасшие бесценные реликвии. Вынутые из рам царские портреты еще в феврале 1917 года были спрятаны в потаенных уголках лицейского здания, где и оставались, пока не были обнаружены в 1920-е годы и, вероятно, уничтожены. Богослужебные предметы лицейской церкви были переданы в близлежащий Троицкий собор — старейший петербургский храм, а в опустевшем помещении была устроена чайная, словно бы в просторном помещении лицея не нашлось для нее другого места.

Выпускники лицея, начиная с 1872 года и включая младший приготовительный класс 1917 года, в большинстве своём... оказались в эмиграции. Из каждого года выпуска по состоянию на 1929 год в 27 странах зарубежья проживало от 10 до 30 человек, составлявших лицейские объединения или персонально представляя Императорский лицей в стране проживания. Помимо

¹ Конец императорского Александровского лицея. По запискам последнего инспектора Лицея, Лицеиста XLVII класса А.А. Повержо, дополненным графом В.Н. Коковцовым и лицеистами младших курсов. Издание Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея во Франции. Париж, 1929. С. 35.

традиционных стран «русского рассеяния» лицеисты проживали в Китае, где в Шанхае находился представитель Объединения Артемий Михайлович Жуковский-Волынский, бывший служащий императорского Министерства иностранных дел. В Новой Зеландии Лицейское объединение с честью представлял Александр Сергеевич Тенцер, камер-юнкер, бывший представитель Канцелярии IV Государственной думы. В Уругвае, где главным связным с собратьями-выпускниками был Семен Александрович Сольский, участник Великой войны, служивший, как говорили тогда «в броневых частях». Лицейское объединение во Франции было, пожалуй, наиболее многочисленным и структурированным в определенных рамках. Так, в Париже располагались члены Постоянного правления, в которое входили бывшие лицеисты Н.В. Караулов, К.К. Миллер, Н.А. Татищев и секретарь правления Г.А. Афросимов. Кроме них во французской столице проживали А.А. Нератов, Г.Г. Лерхе, Н.Н. Флиге, А.Ф. Гарфельд, князь Е.Ф. Гагарин, А.А. Татищев, Н.Н. Шабельский и В.М. Миклашевский. В разных городах Франции находились тогда и представители групп курсов граф В.Н. Коковцов, бывший министр иностранных дел России, К.М. Ону, А.С. Хрипунов, Н.П. Вейнер, С.С. Воейков и А.А. Гулевич. На юге Франции было создано не только отделение выпускников, но и учреждено правление с председателем А.С. Гижицким во главе, членами правления А.Н. Яхонтовым и Ф.П. Кичем и непременным членом А.А. Гедехеном.

По решению членов Музейно-исторической комиссии и Правления Лицейского объединения, проживающих за границей, «ввиду непостоянства эмигрантского положения» архив Императорского Александровского лицея был передан по согласованию с администрацией Военного музея в Брюсселе в его хранилища. В середине 1930-х годов это учреждение стало, пожалуй, единственным такого рода учреждением в Западной Европе, принимающим на временное хранение музейные собрания русских организаций. Его услугами воспользовались не только представители Лицейского объединения, но и некоторые военно-исторические комиссии русских гвардейских полков, таких, как, например, Лейб-гвардии Казачий полк в зарубежье.

В феврале 1937 года лицейский архив был принят главным хранителем Военного музея Л. Леконтом по описи от лицейского представителя графа Владимира Коковцова и помещен в специально оборудованную для него витрину и шкаф в Русском отделе музея. По самым общим оценкам, список архива включал в себя памятные книжки Императорского Александровского лицея с 1852 по 1907 год, Устав Лицея от 1848 года, Правила для воспитанников лицея 1911 года.

Кроме того, в архив вошли лицейские журналы с 1906 по 1915 год, а также многие тома научных записок и сочинений лицеистов и о Лицее, опубликованные в XIX веке и в первой четверти XX века, и множество отдельных предметов и печатных материалов, имеющих отношение к повседневной лицейской жизни. Бюсты российских императоров, меню торжественных обедов, посвященных лицейской годовщине 19 октября, именные приглашения к обеду в Зимний дворец и даже списки тостов за завтраком 19 октября 1911 года. Часть архива как раз и составили программы любительских спектаклей лицеистов, порядки тостов на разных памятных мероприятиях, билеты для входа на спектакли и музыкальные произведения выпускников лицея.

Особое место в переданном архиве занимали материалы, так или иначе связанные с памятью выпускника 1-го курса — А.С. Пушкина. Среди них — описание Пушкинского музея, составленное лицеистами С.М. Аснашом и А.Н. Яхонтовым, обзор пушкинской юбилейной литературы В. Сиповского, изданный в 1902 году, «Пушкиниана» — каталог Пушкинской библиотеки и библиографический указатель статей о жизни Пушкина, составленный в 1886 году лицеистом Межовым. Всего, по предварительным подсчетам, архив насчитывал свыше четырехсот единиц хранения. Вошли в него и фотографии, негативы и переписка лицеистов разных лет, мундиры, медали, жетоны выпускников, а также статьи и документы, касающиеся Его Высочества князя Олега Константиновича, погибшего в первый месяц Великой войны, лицеиста 69-го курса, сына знаменитого поэта — великого князя Константина Константиновича.

Так на чужбине была перевернута последняя страница истории славного Царскосельского лицея, на протяжении столетия ставшего главным мужским гражданским учебным заведением России. Его

судьбу во многом повторили основанные в Петербурге Бестужевские курсы, фактически окончившие своё существование в России в 1923 году, будучи переименованными в Факультет общественных наук Петроградского университета. И хотя в Петербурге к началу 1917 года, включая Бестужевские курсы, было пять высших женских учебных заведений (Женский медицинский институт, Высшие женские естественно-научные курсы М.А. Лохвицкой и Высшие женские курсы П.Ф. Лесгафта, а также Императорский женский педагогический институт), именно это учебное заведение стало своего рода флагманом женского образования. В императорской России сохранялось разделение высших учебных заведений на мужские и женские, поскольку российские университеты были правительственными учреждениями. «Императорские» университеты состояли под опекой и контролем Министерства народного просвещения: они выдавали дипломы, предоставлявшие право на получение назначений на правительственную службу с чинами, соответствовавшими дипломам первой или второй степени¹. Студенты носили установленную форму, а профессора числились на правительственной службе и пользовались большими привилегиями в отношении чинов и награждений орденами. До 1905 года профессора должны были являться на лекции в вицмундирах. По канонам вековых традиций, женщины в императорской России на правительственную службу еще не принимались и чинов не получали, и так как количество учебных заведений для лиц женского пола было, естественно, ограниченным, то и состав поступающих для получения высшего образования был отборным.

Таким образом, знания тех из них, кто оканчивал Бестужевские курсы, были не ниже таковых, получаемых студентами российских университетов. И хотя выпускницы курсов чаще находили применение своим силам в преподавательской деятельности, чем в научной работе, в целом добрая часть курсисток составила весомый научный резерв для нужд государства, к сожалению, мало востребованный впоследствии, уже в советское время.

¹ В новейшей истории СССР и РФ подобные дипломы формально разделяются на «красные» и «обыкновенные». — *Примеч. авт.*

Разумсется, уровень преподавания на курсах, обусловленный профессорско-преподавательским составом, до 1917 года многократно превосходил тот, который сильно усреднился и поредел после революции. Когда-то перед 6000 курсистками, съезжавшимися в Петербург в это учебное заведение, выступали профессора Платонов, Карсеев, Венгеров, Котляревский, Лосский, Введенский — цвет интеллектуального сообщества Российской империи. Профессор И.И. Лапшин, после 1917 года высланный на «философском пароходе» вместе с некоторыми своими коллегами, например С.Л. Франком, читал курс психологии. За границей Лапшин успешно продолжил свою научную деятельность, работая в Русском педагогическом институте имени Яна Амоса Коменского в Праге. За рубежи России выехали в те годы и профессора историко-философского факультета Бестужевских курсов — Н.О. Лосский и С.Л. Франк. Из преподавателей-историков покинули Родину Л.П. Карсавин, А.В. Карташов, М.И. Ростовцев. Из профессоров юридического факультета — В.Н. Сперанский, П.Б. Струве, барон Б.Э. Нольде и другие. Профессора физико-математического факультета Н.И. Андрусов, С.И. Метельников и С.Е. Савич также оказались за границей.

Стоит отметить, что на женских Бестужевских курсах в императорской России преподавало немало женщин, занимавших не только доцентские должности и места ассистенток и преподавательниц, но и профессоров. Более всего женщин-преподавателей было на физико-математическом факультете, однако на естественном факультете работало 28 женщин, специализирующихся по всем отраслям знаний, включая зоологию и ботанику. Ассистентка читавшего курс геологии академика Левинсона-Лессинга Е.В. Еремина, эмигрировав из России после Гражданской войны, долгие годы преподавала геологию в Сорбонне и стала научным руководителем нескольких поколений русских геологов в зарубежье.

Можно с уверенностью сказать, что профессорский состав Бестужевских курсов практически сплошь состоял из имен мирового масштаба, что наглядно иллюстрируется хотя бы одной личностью Владимира Соловьева, читавшего курс философии слушательницам курсов, и это играло значительную роль при выборе девушками места будущей учебы. «Общее число слушательниц на всех факульте-

тах доходило... до 7000 человек. Из них (приблизительно) 3000 — на историческо-филологическом, 3000 на физико-математическом <факультете> и 1000 на юридическом... экзамены были строгие. Требования большие. Кроме лекций еще практические занятия. По математике — решение задач, физике и химии — лабораторные работы. По астрономии — занятия в обсерватории. Небольшая обсерватория была при... Курсах. Кроме того, ездили в Пулковскую обсерваторию»¹.

Открытые в Петербурге 2 сентября 1872 года Высшие женские Бестужевские курсы просуществовали в России немногим менее полувека, пока Народный комиссариат просвещения 13 сентября 1919 года не влил их в состав 3-го Петроградского университета, сначала на основе некоторой автономии, а через четыре года — сузив до величины факультета. Многие из слушательниц, кому удалось завершить образование в 1917—1919 годы, оказались за границей, где работа по специальности, полученной на Курсах, стала уделом лишь немногих счастливиц, кто был принят преподавать в русские учебные заведения, и в частности, в Русскую гимназию в Париже. Весьма характерен рассказ бестужевки Елены Кост-Холмогоровой о попытке получить в ней работу. «...директор Гимназии г-н Недачин мне объяснил, что желающих преподавать в ней очень много, и хотя у меня был самый настоящий университетский диплом, все же он в первую очередь даст места профессорам высших учебных заведений в России или заслуженным преподавателям средних школ. Меня он сможет взять только в Четверговую начальную школу, т.е. может дать мне всего 3 часа в неделю. Я, конечно, согласилась, и была даже очень рада. По четвергам с 2-х до 5-ти я занималась русским языком с детьми, учащимися дома или во французских школах»².

Судьба очень немногих выпускниц Курсов в Париже сложилась таким образом, что полученные в России знания были при-

¹ Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: издание Объединения бывших бестужевок за рубежом, 1971. С. 3.

² Там же. С. 23—24.

менены в полном объеме и нашли благодатную почву. В первую очередь это касалось тех из них, кому удалось в той или иной мере стать домашними учителями русской знати, стремящейся дать своим детям, растущим и учащимся во Франции, не просто хорошее знание русского языка, но и по возможности сделать это силами знаменитых бестужевков. Так, морганатическая вдова великого князя Павла Александровича княгиня Палей пригласила одну из выпускниц Курсов для занятий со своими двумя дочерьми. Дочь бывшего кадетского лидера IV Государственной думы П.Н. Милукова также пригласила для занятий с его внучкой Натальей русскую преподавательницу с дипломом Бестужевских курсов.

Неожиданную возможность применения своих знаний выпускницы курсов получили и во французской Академии Генерального штаба, где русский язык был одним из факультативных, но востребованных после Второй мировой войны предметов. Великолепное знание методик преподавания и французского языка, заложенные еще в России, давали возможность со временем русским женщинам получать профессорские кафедры даже в столь закрытом учебном заведении, каковым являлась главная военная академия Франции. А проживавшая в Чехословакии Ольга Георгиевна Кириллова-Нестерова до своего отъезда в США в 1964 году преподавала русский язык в Министерстве путей сообщения ЧССР. Проживавшая одно время в Болгарии бестужевка Ольга Михайловна де Клапье была приглашена Византийским институтом в Софии для организации научной работы по археологии. Результатом её деятельности стала полноценная монография, снабженная богатым иллюстративным материалом, опубликованная уже в годы её жизни в Испании, где де Клапье занималась искусством и после 1953 года устроила десять авторских выставок живописи в Мадриде. Русскому читателю в зарубежье Ольга Михайловна была известна как автор рассказов и раздела литературной критики ежемесячного парижского журнала «Возрождение» и романист, чьи произведения публиковались в газете «Русская жизнь», издающейся в Сан-Франциско. Благодаря своему диплому Бестужевских курсов была принята на работу в Базельский университет в Швейцарии бестужевка Эльза Эдуардовна Малер. В нем она заведовала «русской кафедрой» на протяжении последующих 38 лет.

За эти годы ею было составлено несколько учебников грамматики русского языка для швейцарских студентов и опубликованы литературоведческие работы по истории русской литературы — от Ломоносова до Ахматовой. Отдельно в ряду созданных ею работ стоит монография о художнике М.В. Нестерове под названием «Художник верующей России». В 1931 году в Швейцарии вышла её обзорная книга «История русского искусства».

В эмигрантской своей жизни многие бестужевки занимались и литературной деятельностью, особенно в области филологии и истории. Публиковались они в различных газетах и журналах, выходивших в том числе на французском и английском языках. Особенно хорошо изучавшие иностранные языки на Бестужевских курсах, такие как Татьяна Серговская и Наталья Дедингтон, становились буквально столпами научного перевода, занимаясь переводом современной научной литературы Франции, США и Великобритании на русский.

Ряд бывших бестужевок даже приводили в порядок научные архивы крупных научных библиотек ряда стран — в Государственном университете Белграда, в Нью-Йорке (в Колумбийском университете) и в Калифорнии (в Стэнфордском университете).

Справедливости ради, бывшие бестужевки — выпускницы историко-филологического факультета выдвинулись на научной работе и в СССР. Евгения Самсоновна Истрина — член-корреспондент Академии наук, специалист по лексикографии, получившая в 1970 году посмертно Ленинскую премию. А также и Э.А. Якубинская — доктор филологических наук, работавшая во время войны старшим научным сотрудником угро-финского кабинета в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и защитившая диссертацию по теме «Личные и указательные местоимения в прибалтийско-финских языках». М.П. Якубович и Н.П. Попова — две других выпускницы-бестужевки. 2 мая 1968 года в актовом зале главного здания Ленинградского государственного университета было даже проведено торжественное собрание, приуроченное к юбилею Бестужевских курсов, и разосланы приглашения выпускницам, в том числе и проживавшим на тот момент в Париже.

Однако если Бестужевские курсы и Императорский Александровский лицей, будучи закрыты в Советской России, окончили своё

существование в качестве высших учебных заведений навсегда, то Мариинский Донской институт, основанный по инициативе императрицы Марии Федоровны, жены Павла I, много уделявшей времени образованию женщин в России, продолжил свою деятельность в зарубежье.

Мариинский Донской институт, открытый в Новочеркасске, был рассчитан на 360 воспитанниц, две трети которых жило при институте, а одна треть приходила на занятия. Институт в Новочеркасске занимал целый квартал, а за его зданием был большой парк, принадлежавший этому учебному заведению, а еще домовая церковь, гимнастический и танцевальный зал, где по праздникам проводились балы, а в выходные дни принимались родители проживавших воспитанниц. В институте было 8 классов, включая приготовительный класс. Академическая сторона была организована сравнительно неплохо, все преподаватели были с университетским образованием, а воспитанницы, окончившие курс с золотой медалью, имели право на высочайшую аудиенцию у императрицы. В программу курса входили, как правило, два иностранных языка и обязательные музыкальные классы. Тем из воспитанниц, кто проявлял способности к музыке, давалась возможность продолжать обучение в специальных музыкальных учебных заведениях России.

23 декабря 1919 года вместе с частями отступавших Вооруженных сил Юга России институт во главе с начальницей Верой Федоровной Вигорст, инспектором классов Михаилом Федоровичем Павловским, классными дамами Натальей Викторовной Шефферлинг и Еленой Леонтьевной Кандауровой, учителем рисования Николаем Ивановичем Александровым и двумя служащими-экономами был эвакуирован из Новочеркаска в Екатеринодар. В кубанской столице к воспитанницам Донского Мариинского института присоединились еще 6 девочек, обучавшихся в Кубанском институте, и 6 девочек-беженок, взятых в состав учащихся ввиду того, что им просто некуда было идти. Из Екатеринодара по прошествии двух недель все преподаватели и полсотни воспитанниц были перевезены в новороссийский порт для погрузки на отбывающие суда. На пароходе «Афон» институт выехал в болгарский порт Варну, а затем, через Софию, был отправлен в Королевство Югославию.

По приезду в Югославию институт получил высочайшее разрешение короля Александра Карагеоргиевича обосноваться в небольшом городке Баната под Белой Церковью. Вера Федоровна Вигорст оставалась начальницей института вплоть до 1921 года, когда председатель учебного совета Державной комиссии М.В. Челноков попросил вдову генерала Духонина, убитого солдатами в Ставке Главнокомандующего в 1917 году, Наталью Владимировну Духонину, стать во главе этого русского учебного заведения.

Мариинский Донской институт занимал в Белой Церкви большое красивое здание в центре городка, в котором находились помещения для воспитанниц и удобный актовый зал, в котором по утрам и вечерам весь институт выстаивался на молитву. В том же зале по расписанию проходили уроки гимнастики и танцев, балы и институтские праздники, читались лекции приглашенными знаменитостями и проводились благотворительные и самодеятельные концерты русских, вынужденно проживавших в изгнании. Здесь же нередко можно было услышать исполнение духовной и светской музыки хором воспитанниц под руководством бессменного регента Е.В. Говоровой. Отдельное место в зале, на возвышении, занимал алтарь, в обычное время закрытый деревянной перегородкой. По праздникам перегородка разбиралась, превращая зал в домовую церковь, вмещающую не только всех воспитанниц, но и персонал института. В алтаре обычно прислуживали самые младшие девочки из первого класса: одна выносила свечу, другая подавала кадило. Службы в церкви проводили регулярно каждую субботу и воскресенье, и присутствие всех воспитанниц на них было обязательным. Рождественские и пасхальные каникулы длились две недели.

Большим событием стало посещение института в 1925 году генералом бароном П.Н. Врангелем и Её Высочеством княжной Татьяной Константиновной, в замужестве княгиней Багратион-Мухранской, со своей дочерью Натальей, которая была определена на учебу. Знаковые фигуры времени почтили своим визитом одно из немногих учебных заведений, продолжающее и в изгнании готовить кадры будущих специалистов для России. Убеждение, что вся образовательная работа в институте сможет действительно пригодиться будущей России, существовало не только среди эмиграции, но и было общей

уверенностью руководителей ряда европейских стран, исторически симпатизировавших России. Так, в 1930 году Её Величество королева Югославии Мария приняла институт под своё высочайшее покровительство, пригласив несколько раз начальницу и небольшую группу воспитанниц института во дворец на беседы.

Учебная программа в Югославии была одинакова для всех учебных заведений. Нужно было окончить восемь классов и получить аттестат зрелости «Велику матуру», дававший право выпускнику на поступление в высшие учебные заведения. Вместе с тем в Донском Мариинском институте существовала и другая, неформальная программа. Говоря про неё, современники отмечали: «...приобщение воспитанниц к русской культуре. Обращалось особое внимание на изучение русской истории... и русской литературы... В институт приезжали писатели и поэты: Б. Зайцев, Е. Чириков, И. Северянин, Е. Журавская, проф. Кизеваттер и др. Издавался своими силами журнал “Голубой Цветок”, в котором печатались стихи воспитанниц и выдающиеся сочинения. Очень поощрялось искусство... устраивались... литературные вечера, посвященные писателям “Вечер памяти Достоевского”, “Вечер памяти Некрасова”, “Пушкинский вечер”... Выдающимся событием... был приезд труппы М.Х.Т. (Московского Художественного Театра) ...Давали “Вишневый сад”. Увидеть блестящий спектакль в исполнении артистов знаменитого М.Х.Т. ... было большой радостью и надолго осталось самым сильным впечатлением тех лет»¹.

Однако и гостеприимству иностранного государства порой приходит конец. Не вдаваясь во внутривнутриполитические причины перемен в отношении русских эмигрантов, можно отметить, что уже в 1931 году была закрыта Кикиндская гимназия, а примерно год спустя — и так называемый Харьковский институт. Воспитанниц и персонал этих учебных заведений принял Мариинский Донской институт, подобный Ноеву ковчегу, собиравшему на свой борт спасавшихся от масштабного бедствия. В 1940 году настала очередь и самого института, когда по требованию военных властей он был переведен в худшие

¹ Мариинский Донской институт. Нью-Йорк: издание Объединения бывших воспитанниц МДИ за рубежом. 1975. С. 17.

помещения, располагавшиеся возле Белградского вокзала. Очевидцы вспоминали: «Казалось немислимым покинуть обжитое годами здание, где классы носили названия русских городов, нарисованных на стенах (Москва, Киев, и др.), а столовая вся была расписана эпизодами из русских сказок. Новое помещение состояло из здания против вокзального парка и также здания на углу Караджорджевой улицы, где были устроены комнаты для старших классов и маленькая учительская. В главном здании были размещены дортуары и классы младших, во дворе во флигеле была столовая. Самая большая классная комната служила залом. В ней же помещалась и церковь»¹.

Несмотря на то, что теперь институт был лишен многих прежних помещений, занятия продолжались в соответствии с учебным планом. Так продолжалось до марта 1941 года, когда югославским Министерством просвещения было издано распоряжение о закрытии всех школ в стране, а 31 марта в институт доставили телеграмму, предлагавшую его немедленное закрытие и роспуск воспитанниц, живших в нем по домам. Все лето и осень среди всеобщей неразберихи, охватившей страну в связи с вторжением германских войск и оккупации Югославии, оставалась надежда, что занятия в институте будут продолжены, и преподаватели даже начали занятия с небольшой группой воспитанниц 8-го класса в 19 человек и приняли у них выпускные экзамены в июне 1941 года. После этого всякая работа в этом русском учебном заведении замерла, а с началом войны Германии с Советским Союзом оккупационные власти посчитали для себя обязательным закрытие русского образовательного центра навсегда.

За 21 год его существования институт окончило свыше 1000 девушек, получивших аттестаты зрелости, продолживших образование в Европе и ставших юристами, архитекторами, врачами и получивших профессорские звания в Югославии и за её пределами. Необходимо отметить, что за эти годы наряду с русскими воспитанницами в институт принимались и сербские девочки, воспринявшие русскую культуру и язык на всю оставшуюся жизнь. В 1957 году в Нью-Йорке было создано Объединение бывших воспитанниц Мариинского Дон-

¹ Мариинский Донской институт. Нью-Йорк: издание Объединения бывших воспитанниц МДИ за рубежом. 1975. С. 19.

ского института за рубежом с целью оказания помощи нуждающимся подругам и персоналу. В первые годы своей работы Объединение устраивало ежегодный бал и чаепития, собирательно названные «Чашкой чая», однако уже к 1970-м годам прошлого века, за неимением достаточных средств, оставшиеся участницы Объединения ограничивались ежегодными сборами на традиционные «пельмени», куда приглашались бывшие воспитанницы, приезжавшие порой из самых экзотических уголков проживания — от Тасмании до Венесуэлы.

Отсутствие возможности полноценного возрождения Александровского лицея или Бестужевских курсов вне контекста российской жизни, материальные трудности и ограниченность применения полученных знаний в полной мере в странах проживания неизбежно обрекали любую идею полноценного воспроизводства русских учебных заведений за границей. Вместе с тем представляется важным отметить значительную недооценку советским правительством значительных высокообразованных человеческих ресурсов, живших и работавших, по существу, на интересы иностранных государств в то время, как в России продолжительное время остро ощущалась нехватка в профессорско-педагогических кадрах и квалифицированных специалистах в различных отраслях знаний.

Оставляя за рамками обсуждения вопрос отношения большинства выпускников за границей к советской власти, должное отношение правительства к интеллектуальному слою России, вынужденно находящемуся в эмиграции, правильное использование всего его творческого и научного потенциала вывело бы страну на новый уровень развития и, возможно, по-другому бы повернуло ход Истории.

Оглядываясь на давнюю историю рассмотренных нами учебных заведений, овеянную славой имен и страниц русского прошлого, невольно проникаешься глубоким уважением к тем, кто и в вынужденном рассеянии по миру сохранил верность традициям своих учебных заведений. Тех, кто с достоинством пронес сквозь весь свой жизненный путь звания лицеиста или бестужевки, кто в чужих странах сохранил частицы национальной культуры и воспитал детей в любви к нелегкой истории своего Отечества.

Глава восьмая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПОЛИТИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

...И скоро улетит — во марке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

Федор Иванович Тютчев

8.1. ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК ПРИМЕР СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ВЫСОКООРГАНИЗОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ — ХРАНИТЕЛЯ ОСНОВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ДЕРЖАВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Минуло уже шестьдесят пять лет с тех пор, как окончились активные боевые действия на территории СССР и вместе с частями и обозами отступавшего вермахта на запад потянулись советские граждане и старые эмигранты, уходившие с немцами в обетованный «весенний поход» на большевиков. Европу и другие континенты в 1970-х годах еще населяли представители первой волны эмиграции, но все чаще периодическая печать русской военной и гражданской эмиграции пестрела новыми некрологами.

Взятые наугад объявления о кончине тех или иных чинов гвардии можно встретить почти в любом номере «Вестника гвардейского объединения». За скупыми строчками об основных вехах жизни ушедших стояла жизнь поколения. Извещения о кончинах, сообщавшие краткую биографию покойного, его боевой путь, указывали и место вечного упокоения эмигрантов, расположившихся от Сен-Женевьев-де-Буа до дальних погостов экзотической Южной Африки.

Незаметно, друг за другом уходили представители старших поколений, согласно возвышенной метафоре поэта Ивана Савина, на свой последний смотр «Лейб-гвардии Господнего полка». Листая выцветшие от времени страницы полковых журналов, неизменно наталкиваешься на множество известных фамилий, перечисле-

ние блистательных полков погибшей империи, краткие зарисовки подвигов. «Ушедшие... Кавалергардский Государыни Императрицы Марии Федоровны полк. 6 мая скончался Генерал-Лейтенант Александр Павлович Родзянко, производства 1899 г. В гражданскую войну генерал Родзянко командовал Северо-Западной армией. 16 июня скончался Ротмистр Олег Федорович Дубасов, производства 1912 года. Лейб-гвардии Преображенский полк. 15 октября 1970 г. в Париже скончался Полковник Юрий Владимирович Зубов, выпуска 1913 года, кавалер Ордена св. Георгия 4 ст. Погребен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Лейб-гвардии Семеновский полк. В ночь на 4 сентября, в Англии, скончался Капитан Анатолий Владимирович Иванов-Дивов, выпуска 1908 года из Павловского Военного Училища. Прах перевезен в Южную Америку... Гвардейский Экипаж. 8 сентября 1969 года, в штате Нью-Йорк, скончался Старший лейтенант Павел Алексеевич Воронов, производства из Морского корпуса (“Мессинского” выпуска) 1908 года. По окончании заграничного плавания Корабельным Гардемарином и по производстве в офицеры, был зачислен в Гвардейский Экипаж с назначением на крейсер “Олег”. В 1911 году был зачислен на Императорскую яхту “Штандарт”, потом плавал на яхте “Александрия”. С началом войны, с батальоном Гвардейского Экипажа был отправлен на Западный фронт, где батальон отличился в боях на Висле. После отступления в 1915 году, одно время состоял в Собственном Его Величества Сводном пехотном полку, после чего вернулся к себе, в батальон. Во время Гражданской войны был в Вооруженных силах Юга России. Годы эмиграции покойный провел со своей супругой в США. Служил в разных фирмах, главным образом в Филадельфии и Чикаго. Выйдя на пенсию, проживал сперва в окрестностях Нью-Йорка, потом недалеко от Св. Троицкого монастыря, где и скончался 8 сентября после тяжелой болезни... Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В мае месяце в Нью-Йорке скончался Ротмистр Борис Александрович Борзенко, выпуска 1912 года из Эскадрона Николаевского Кавалерийского училища. В 1918 году, в Киеве, был расстрелян вместе со своим однополчанином Полковником Домонтовичем. Раненный пятью

револьверными пулями, упал. Был сочтен за мертвого — чудом спасен...»¹

В последней четверти XX века каждый год число гвардейских офицеров в зарубежье таяло столь стремительно, что порой казалось, что за «железным занавесом» уже не осталось ни одного живого представителя этого блистательного племени. Так, в Справочной книге Гвардейского объединения, составленной в Париже, в начале 1970-х годов, можно отыскать звучавшие отголоском безвозвратно канувшей эпохи имена и адреса секретарей и председателей гвардейских полков за границей. На её страницах отмечено, что, например, в XV округе Парижа, на 3, rue Pierre Mille располагалось объединение Лейб-гвардии Измайловского полка под руководством капитана Александра Александровича Грунау. Там же базировался и представитель всей Гвардейской пешей артиллерии полковник фон Рейнгард, проживавший по адресу 208, rue Vaugirard.

А в VI округе, на улице Висконти 24, находилось объединение Лейб-егерского полка и его председатель подполковник Владимир Владимирович Бутчик. Лейб-гвардии драгуны «квартировали» в XVI округе французской столицы, на авеню Адрион Эбар, 6, и были представлены полковником Иваном Мартыновичем Кучевским и секретарем полкового объединения штабс-ротмистром Алексеем Алексеевичем Озеровым. Соседями лейб-драгун по округу оказалось объединение Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, помещавшееся на улице Фзандери, 95, во главе которого стоял ротмистр Иван Николаевич Фермор, которому можно было дозволиться, набрав его парижский номер 870—71—52...

«Корпоративный дух» и полковая изолированность гвардейских объединений сыграли с ними злую шутку. Объединения и их члены, а также другие общественные организации Императорской гвардии за рубежом, с течением времени обрекались на неизбежный уход и забвение. Потомки военной эмиграции в 1980-е—1990 годы основательно ассимилировались в странах пребывания; немногие из них пожелали и смогли продолжать поддерживать угасающий огонь обществ, столь значимых когда-то для их дедов и прадедов. Более

¹ Вестник Гвардейского объединения. № 21. Париж, 1970. С. 4.

других за рубежом «повезло» Обществу галиполийцев, членами которого стали и чины российской гвардии, пребывавшие в Галлиполи, «дотянувшему» до начала нового тысячелетия, правда, уже в значительно измененном виде, и вобравшему в себя множество обыкновенных любителей истории, что само по себе не отражало подлинный дух Белого воинства.

После Второй мировой войны были предприняты меры по восстановлению подразделений Общества галиполийцев и возобновлению их нормальной деятельности. Приказом начальника РОВСа генерала А.П. Архангельского за № 1611 было воссоздано (до возможности провести выборы) Временное Главное правление Общества галиполийцев под председательством Генерального штаба генерал-майора Петра Никитича Бурова при секретарстве капитана К.М. Бобчёнка. Членами временного Главного правления стали: полковники Левашов, С.Н. Ряснянский, А.И. Горбач, гвардейцы, кирасиры Его Величества, корниловец капитан Григуль, подполковник Г.А. Полянский и бессменный редактор «Часового» В.В. Орехов.

К 1950 году отделы Общества галиполийцев существовали во Франции и Бельгии; отделения — в Аргентине, Калифорнии (США) и Келлерберге (Австрия). Кроме того, была налажена связь и принимались меры к объединению с галиполийцами в Австралии, Северной Америке, Англии, Марокко, Швейцарии и Бразилии. Работа по воссозданию Общества продвигалась успешно и в начале к середине 1950-х годов была полностью завершена: во многих странах мира были восстановлены прежние или открыты новые отделы и отделения Общества. Возобновилась и издательская деятельность галиполийцев: с 1951 года отдел Общества в США приступил к изданию ежемесячного журнала «Перекличка».

В конце 1952 года генерал-майор В.Г. Харжевский был назначен председателем Общества галиполийцев и возглавляющим объединение частей и групп 1-го армейского корпуса, а полковник А.И. Горбач — председателем Главного правления. С целью привлечения в ряды галиполийцев русской молодёжи, 8 июня 1958 года председатель РОВСа генерал А.А. фон Лампе утвердил дополнение к Уставу Общества. Согласно этому дополнению, несовершеннолетние дети и внуки галиполийцев и действительных членов Общества полу-

чили право зачисления в Общество членами-соревнователями по письменному заявлению их родителей или опекунов. Причём при достижении 18-летнего возраста эти молодые люди, при их желании, получали и права действительных членов Общества. Помимо этого, безусловно нужного, изменения в Уставе, открывавшего двери в Общество галлиполийцев перед русской патриотической молодёжью, генерал фон Лампе утвердил ещё одно дополнение, относившееся к галлиполийским знакам. Теперь каждый галлиполиеца ещё при своей жизни имел право ходатайствовать о наследственной передаче нагрудного знака с надписью «ГАЛЛИПОЛИ 1920—1921» одному из своих детей, по его личному выбору, независимо от пола и возраста. Разрешение на наследственную передачу знака выдавало Главное правление Общества.

В 1958 году Правление отдела Общества галлиполийцев во Франции выступило с инициативой соорудить на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где уже были погребены многие белые воины, копию Галлиполийского памятника. Памятник этот воздвигнут в Галлиполи в 1921 году на могилах воинов 1-го армейского корпуса генерала Кутепова руками самих галлиполийцев. Но впоследствии он сильно пострадал от землетрясений 1939 и 1940 годов. Необходимые для сооружения нового памятника средства были собраны среди членов РОВСа и Общества галлиполийцев, разбросанных по всему свету. И вот, наконец, это свершилось. 2 июля 1961 года на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, в присутствии председателя РОВСа, многих галлиполийцев и других белых воинов, проживавших в Париже, а также представителей многочисленных организаций, состоялось торжественное открытие и освящение памятника, представляющего собой уменьшенную копию галлиполийского. В отличие от первоначального монумента, разрушенного в Галлиполи, новый памятник посвящён не столько памяти галлиполийцев, сколько всех без исключения белых вождей и воинов, сражавшихся за честь и достоинство России. Забота о его сохранении легла на отдел Общества галлиполийцев во Франции.

Обособленность Гвардии в эмиграции продолжилась и в наши дни, поддержанная историками-энтузиастами и частью потомков ее чинов. И поныне в XVII округе Парижа, в доме № 9 на авеню Карно,

существует «Гвардейский союз», представляемый современными энтузиастами. Это значит, что тонкая нить истории, связывающая прошлое Гвардии и ее настоящее, не прервалась, и Бог знает, возможно, именно с нее когда-нибудь и начнется возрождение славных полков в новой возрожденной России будущего.

8.2. МОНАРХИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОЙ ИСТОРИИ

...В преддверье Второй мировой войны, как показывают многочисленные документальные источники, военная эмиграция усиленно обсуждала вопросы смысла своей деятельности на протяжении двух десятилетий в изгнании. Причиной горячей полемики, вспыхнувшей с новой силой в конце 1930-х годов, стало отношение русских к своему историческому будущему, а именно: осознание роковой ошибки отречения от монархической формы правления, сломавшей основу многовекового уклада отечественной общественной жизни и выкинувшей из пределов страны огромное количество населения. В первые годы эмиграции мыслители и философы русского зарубежья пытались осмыслить возможности, предоставленные временной изоляцией от советской жизни, позволявшие эмиграции воссоздать в своей среде оптимальные формы правления и выработать соответствующую программу, которая бы позволяла в кратчайшие сроки после падения власти интернационалистов вернуть страну в русло созидательного государственного строительства.

Обсуждения и дебаты на зарубежных съездах, приводившие к дальнейшим расколам в эмигрантской среде, создали тем не менее предпосылки для осознания частью эмиграции ряда важных моментов. В частности, крушение России императорской стало не следствием нежизнеспособности самодержавного строя или личных качеств императора, якобы не сумевшего распорядиться, а результатом ряда первопричин, среди которых особое место принадлежало всем тем, кто, находясь на государственных постах, командуя фронтами и составляя основу политической жизни страны, попустительствовали искусственному развалу самодержавного института власти.

Эмигрантские исследователи «февральской катастрофы» отмечали высшую точку ослабления непоколебимой преданности царскому престолу тех, чья общественная деятельность и род занятий как раз предполагал её.

Преданность подданных самодержцу некогда превратила раздробленные удельные княжества в могучее государство Российское, ибо царь являлся равнодействующей основной силой, точкой опоры всех сторон народной жизни.

В течение XIX века из сознания общества «выпала и потускнела эта преданность Царскому престолу... Одного царя заменяли другим, но никому и в голову не приходила мысль о возможности уничтожения или искажения самой царской власти. Все понимали, что без Престола невозможно существование русского народа и невозможна его нормальная жизнь... У нас в 1917 году наши сановные революционеры больше всего добивались именно того, чтобы был изменен строй государственной жизни, им ненавистно было Самодержавие, они хотели его заменить конституцией, а затем и республикой. Они были неудовлетворенны не столько личностью Государя, сколько ненавидели строй государственной жизни, выражаемый Самодержавием... Это был поистине заговор против души русского народа. Заговор блестяще удался, и осуществление его в жизни принесло нам то, что мы имеем сейчас»¹.

Этот отрывок из статьи келейника митрополита Антония (Храповицкого) характеризует трагический общественный опыт, приведший с окончанием Гражданской войны в эмиграцию миллионы соотечественников.

Целый год беззащитная царская семья, претерпевая неслыханные оскорбления и лишения, находилась под охраной случайных людей: солдат, начальствующих над ними лиц, и была перемещаемая без суда и следствия из одного узилища в другое. Попытки её освобождения были смехотворны, пугались в бесконечных заседаниях и обсуждениях, время оттягивалось под предлогом нехватки денег. Армия, вернее, её первые добровольческие дружины, была брошена на подавление частных. А те немногие части, преданные своему государю и го-

¹ *Никон (Рклицкий)*. «Царский вестник». № 173. 22.5/4.6.1931. С. 1.

товые отправиться на его спасение в Сибирь, обманным путем были заверены старшими военачальниками в его полной безопасности и отвлечены в бессмысленных маневрах между Кубанью и Доном под невнятными лозунгами борьбы за демократию.

Полный политический коллапс и принимавшая угрожающий размах анархия и проникновение чужеродных элементов во власть собрали в рядах белых армий как приверженцев республиканского строя, так и поборников монархии, сплотившихся перед лицом единого врага, но это и предопределило в конечном счете само поражение Белого движения и последующую «эмиграцию несогласных». Если возврат к монархическим принципам гарантировал скорое восстановление порядка в стране, ибо базировался на веками проверенных практиках, то переход к республиканским формам грозил лишь усугублением смуты, в силу отсутствия достаточного опыта его апологетов в деле успешного восстановления государственной жизни. В рядах белых армий не оказалось численного перевеса сторонников парламентаризма, но много просто осторожных лиц, боявшихся повлиять поддержкой монархистов на отмену мифических «завоеваний революции». Эти люди, вопреки здравому смыслу, все еще находились под ложным впечатлением неких великих социальных преобразований, которые принесли две революции, и, будучи изгнанниками, инерционно продолжали верить, что и в их судьбах свержение традиционного строя сыграло некую освободительную роль. Иначе как гипнотическим помутнением сознания это состояние трудно назвать. Страх потерять неприобретенное или прослыть ретроградом, смущение от позднего прозрения — вот совокупность чувств многих людей, далеких в силу своей воинской службы или рода занятий от политики, составлявших множество единого организма эмиграции. Осознание утраты самодержавного строя, как стержня сильной русской цивилизации, и искреннее чувство собственной вины за попустительство врагам русской государственности частично возникнет в эмиграции лишь в 1930-е годы, и приобретет формы позднего раскаяния в мемуарах в начале 1960-х.

В первые месяцы и годы Великого исхода при изучении настроений военной эмиграции и духовенства, осознание вселенской катастрофы государства было присуще лишь единицам. Наи-

более ярко это прослеживается в очерке очевидца, посвятившего свой рассказ попыткам немногих инициативных людей заказать панихиду в походном казачьем храме на греческом острове Лемнос. Лето 1921 года для многих изгнанников вольного Тихого Дона — время осмысления пройденного пути и нравственного выбора своей жизненной позиции. Очевидно, что бессмысленная, ориентированная на некие абстрактные формы благоустройства Отечества борьба не только не помогла победить захвативших власть интернационалистов, но и бесперспективна в дальнейшем. Нет ничего такого, чего бы уже не пообещали народу хитроумные большевистские политики и что могли бы противопоставить им поборники демократического лагеря. В том и ином случае народ чувствовал себя обманутым в своих лучших ожиданиях. А немногим прозревшим среди эмигрантов, в силу их невероятной малочисленности, не под силу было повернуть вспять закрученное большевиками колесо пропагандисткой лжи и дискредитации самодержавной идеи.

«На острове бугор, а на бугре маркиза-шатер. В нём церковь. Сюда лениво тянутся и медленно идут... Их мало. Не считают долгом чести русской почтить покойного Царя. Из тысяч беженцев здесь нет и сотни... Долго думали, судили: можно ли? Удобно ли здесь, на Лемносе, помолиться за убитого Царя? И сильно сомневались, не будет ли неделикатно объявить о панихиде по лагерям? Пугливо озираясь, пророчили, что “Мало ли что может быть? Ведь политическое дело тонко”»¹...

Напомним, что дело происходило не на тайном собрании в центре большевистской столицы, под носом вездесущего ЧК, а в центре временного расселения на далёком греческом острове, находившемся в ведении британской колониальной администрации, наиболее консервативного сословия бывшей Империи — казачества. Той ударной части Русской армии — последнего резерва белых армий Юга, предпочитавших изгнание на неопределённый срок мирному сосуществованию с разрушителями своего Отечества.

¹ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград, 1931. С. 85—94.

«Решили сделать дело тихо, по-семейному... Робко заявили коменданту, и друг через друга оповестили своих... Инициаторы пошли сначала за разрешением к коменданты (ген. Ф.Ф. Абрамову. — *Примеч. авт.*). Маститый старец, полный генерал с двумя Георгиями. Русский воин, увенчанный наградой Государя, — он брал когда-то Эрзерум... Он разрешает: “Если хотите, молитесь за гражданина Николая!” Идут к епископу. Благообразное лицо. Не старый. Изгнанник на Лемносе. Десятки лет отец духовный поминал в богослужении благочестивого Царя, и величаво возглашал Самодержцу долголетие. На проповедях говорил о Вере, О Царе, Отечестве...

— Что? Панихида? По Царю? Пойдите! Дело не так просто. И думает: “Что скажут партии? Эсэры? Кто победит?” Вслух: — Нет, я разрешить молиться за Государя не могу! Вдруг спохватился пастьрь: — Да впрочем, официально неизвестно, убит ли Царь! А если жив? Нет — неудобно... Ну, знаете, я не могу: поговорите с отцом Георгием (Шавельским. — *Примеч. авт.*). Как хочет, а я умываю руки. Идут к священнику. Модный проповедник. Громит порок и разгильдяйство. Требуя от паствы долга, служения родине: он не откажет. Сухопарый, некрасивый человек с лицом аскета. — Гм... Не того... Гм... За Царя? Подернулось суровое лицо брезгливой судорогой. Недовольство овладело на миг обыкновенно послушной мимикой... — Но позвольте: Он не Царь! Он “бывший”! Служить нельзя! ... Забыл ораторствующий поп, что сам он “бывший”, что вместе с Царем низвергнут “именем народа”... — Ну, ладно, отстуду, но только не за Царя, а за Николая, и это помните... Пришли к палатке-церкви отдать честь Родине в лице почившего Царя. Все больше старики, в погонах, с орденами. Здесь были бойцы Императорской армии, два-три чиновника. Немного женщин. Пришли оплакивать Россию... Было в храме тихо и мрачно. А те, кто понимал всю низость происшедшего <дела>, шептали: “Вот подлость человека!” Вот вышел служитель храма. И полилось из уст его — не речь, не слово. Неукложе торчала золотая риза на угловатых плечах. В порывистых движениях сжимали руки крест святой и злобно искривлялось суровое лицо... Дерзко кощунствуя, священник надругался над Тем, кому еще недавно перед Богом возносил хвалу и славу. Слуга Царя Небесного так поносил Царя земного... — Не Царь, а “бывший”! Не Государь, а раб Божий

Николай! Кто чтит Царя — уходите вон! Так подлый раб смердящим словом жалил душу! Молчат седые генералы. Смущен взор женщин. — Он должен так говорить из соображений политики. Иначе не позволяли служить, — пытаются оправдать поклонники аскета... Отслужил панихиду не по Царю, а по безымянному Николае. Окончилось. Все разошлись и словно шапку-невидимку надели на то, что видеть было стыдно»¹.

Так было еще в самом начале эмиграции, но взгляды многих претерпевали эволюцию. Речь, разумеется, шла не о прямых врагах русской государственности и государя. Не о либеральном сообществе, умудрившемся так и остаться глухим к сакральному смыслу собственной истории до своих последних дней на чужбине. Ощущения простых эмигрантов под гнетом все новых переживаний на чужбине претерпевали свои изменения. В конце концов это привело правую эмиграцию к мысли о необходимости сплочения вокруг легитимных потомков Дома Романовых, хотя и не бесспорно, являвшихся претендентами на царствование. Начавшаяся Вторая мировая война прервала фактически начинавшееся объединение здоровых сил в эмиграции вокруг самодержавной идеи. Решенная было проблема поиска исторической перспективы в послевоенные годы сменилась на более фундаментальную: преемственность царской власти и готовность к самопожертвованию в рамках принятия на себя миссии главы российского государства, создайся для того в России тех лет неожиданные предпосылки. В связи с этим должно рассмотреть несколько весьма показательных примеров потомков Романовых, имевших право заявить о себе как о законных престолонаследниках. Так, князь императорской крови Николай Романов, родившийся на юге Франции, в приморском курортном городке Антиб в 1922 году, в семье князя Романа Петровича Романова и графини Прасковьи Шереметевой, не декларировал интереса к российскому престолу, предпочтя считаться историком, энциклопедистом и библиографом². Жизнь его

¹ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград, 1931. С. 41—45.

² В начале Второй мировой войны с родителями жил в резиденции короля Виктора Эммануила III, супруга которого Елена Черногорская была

прошла в Италии, где этот потомок романовской ветви Николаевичей женился на даме из старинного итальянского графского рода Делла Гаральдеска. От этого брака родилось три дочери. Интересы князя, помимо семейного круга, всю жизнь занимали книги, щегольство и «приятное ничегонеделанье». Как иронически писала о нем «Независимая газета», он «хотел бы носить одежду от “русских мастеров”, но за неимением таковой на Западе обходится костюмами от Кардена». Впрочем, все вышесказанное не мешало ему считать именно себя главой современного дома Романовых, хотя бы потому, что объективно он является «старейшиной» рода. При этом сам он утверждал, что восстановление монархии в России вряд ли возможно на данном историческом отрезке, который проходит в наши дни Россия¹.

Много лет князь Николай занимался тем, что враждовал с Кирилловской ветвью — семейством князя императорской крови Владимиром Кирилловичем и его супругой Леонидой, обосновав это тем, что ниспровержение ложных претендентов на престол является для него своего рода *point d'honneur*. Претензии этой ветви потомков Дома Романовых на российский престол князь Николай Романов называл

сестрой его бабки. В 1942 году, по его словам, отверг предложение руководства Италии стать королём оккупированной итальянцами Черногории. После того как король Виктор-Эммануил в сентябре 1943 года бежал из Рима, вместе с семьёй в течение 9 месяцев скрывался от итальянских фашистов и немцев. С июля 1944 года работал в британо-американском Управлении психологической войны. По совету короля Умберто II семья уехала из Италии в Египет в 1946 году. В Египте Николай занимался торговлей табаком, затем работал в страховой компании. Вернувшись в Европу в 1950 году, работал в Риме в Austin Motor Company до 1954 года. По смерти своего шурина в 1955 году стал управляющим бизнеса семьи своей жены — большой фермы в Тоскане; до 1980 года занимался разведением скота и виноделием. В 1982 году продал ферму и с женой переехал в Ружмон. В 1988 году принял итальянское гражданство (до того был лицом без гражданства). — *Примеч. авт.*

¹ Налицо характерное для многих морганатических потомков Романовых, легковесное отношение к естественному историческому пути России, нежелание бремени самодержавной власти и страх перед мнением пресловутого «международного сообщества». Зададимся вопросом: мог ли такой претендент, даже гипотетически стать настоящим императором российским? — *Примеч. авт.*

«смешными» по многим причинам, хорошо известным в эмиграции¹.

Если следовать каноническим законам о престолонаследии, среди потомства по мужской линии Романовых едва ли отыщется полностью соответствующий претендент. Превосходным примером этого может служить потомок по линии великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, сестры императора Николая II — Андрей Андреевич Романов, родившийся 21 января 1923 года. Являясь праправнуком императора Николая I по мужской младшей линии и потомком Александра III по женской младшей линии, князь Андрей — сын князя Андрея Александровича Романова (1897—1981) от морганатического брака с Елизаветой Фабрициевной Руффо, дочерью герцога дона Фабрицио Руффо и княгини Наталии Александровны Мещерской, князь Андрей приходится младшим братом князю Михаилу Андреевичу Романову и двоюродным братом князю Михаилу Федоровичу Романову. Князь Андрей Романов был трижды женат и имеет троих сыновей: старший Алексей (1953) — от первого брака, младшие Петр (1961) и Андрей (1963) — от второго. Законных прав на российский престол у него, разумеется, нет, так как и сам он происходит от морганатического брака. С точки зрения сторонников избрания нового царя на Соборе, князь Андрей Андреевич мог быть рассмотрен в качестве одного из кандидатов на престол, как потомок императора Николая I по мужской линии, как и другой его родственник, князь Дмитрий Романович Романов, родившийся 17 мая 1926 года во Франции. Он является праправнуком императора Николая I по мужской младшей линии и правнуком великого князя Николая Николаевича Старшего (1831—1891). Дмитрий Романович — внук великого князя Петра Николаевича (1864—1931) и черногорской принцессы Милицы.

¹ Тема для особого исследования, не входящая в задачу данной работы. Основные доводы противников Кирилловичей заключаются в поведении самого великого князя в дни февральского переворота, описанном тогда же в петроградской газете «Солнце России», в совокупности с женитьбой на разведенной жене американского торговца пылесосами «Кирби» — Леонидой, известной по своей жизни в Испании своими недвусмысленными любовными эскападами. — *Примеч. авт.*

В 1936 году он вместе с родителями переехал в Италию, где королевой была Елена, родная сестра Милицы Черногорской. Незадолго до освобождения Рима англо-американскими союзниками Дмитрий Романович даже скрывался, так как немцы решили арестовать всех родственников итальянского короля. После проведения общенародного референдума в Италии в 1947 году о будущем монархии, Дмитрий Романович, следуя за отрекшимся итальянским королем Виктором-Эммануилом и его супругой, отбыл в Северную Африку, а именно в Египет. В Александрии Дмитрий Романович работал на автомобильном заводе Форда простым механиком, а позже получил должность торгового представителя, продавая малолитражные американские автомобили египтянам. После свержения египетского короля Фарука и начала очередных гонений на проживавших в стране европейцев Дмитрий Романович уехал из Египта и вернулся в ставшую республикой Италию. Там он проработал секретарем начальника частной судоходной компании.

В 1953 году, по линии «Интуриста», князь впервые побывал в России, увидев своими глазами родину предков. Будучи как-то раз в отпуске в Дании, князь Дмитрий Романович познакомился там со своей первой женой, через год венчался с ней и переехал в Копенгаген, где зажил жизнью обыкновенного западного клерка, проработав более 30 лет в одном из городских банков¹.

Вся общественная деятельность князя Дмитрия в зарубежье заключалась в том, что в 1973 году он вошел в «Семейное объединение членов Дома Романовых», во главе которого в конце 1980-х стоял его старший брат, князь Николай. Впрочем, уже в новейшей истории, в

¹ Потомок Дома Романовых, согласившийся приехать в 1953 году в страну, власти которой в 1918 году расправились с императором и его многими родственниками, свернули державу с исторического пути, подавляя, где только возможно, истребляя память о самодержавии, едва ли может характеризоваться как человек чести и принципов. Едва ли он когда-либо мог стать достойным кандидатом на престол. Жизнь в течение трех десятилетий в рамках корпоративных интересов датского банка также не характеризует личность князя Дмитрия как публичного поборника православно-монархической идеи, лежащей в основе деятельности будущего царя. — *Примеч. авт.*

июне 1992 года, князь Дмитрий стал одним из основателей и председателем учрежденного «Фонда Романовых для России». В 1993—1995 годах он пять раз приезжал в Россию, а в июле 1998 года прибыл в Санкт-Петербург на похороны неких останков, объявленных тогдашней российской властью принадлежащими императору Николаю II и членам его семьи. Современные исследователи убеждены, что князь Дмитрий является, по его собственным словам, противником реставрации монархии, обосновывая это тем, что в России «должен быть демократически избираемый президент»¹.

Долгое время наряду с работой в «Фонде Романовых для России» князь Дмитрий сочетал коллекционирование орденов и медалей. Им было написано и издано несколько книг о государственных наградах, наиболее близких ему по родственным соображениям — черногорских, болгарских и греческих. Время от времени он возвращается к работе над книгой о сербских и югославских наградах, а в планах — книги о старых российских и советских орденах и медалях. Не обойдены его вниманием и награды «постсоветской» России. Князь Дмитрий женат вторым браком на переводчице Доррит Ревентроу, датчанке по происхождению. Детей у этой пары нет. Венчался с ней он в июле 1993 года в одном из костромских православных соборов, где в 1613 году венчался на царство Михаил Федорович Романов.

Другие примеры потомков Романовых мало чем отличаются по пестроте географического местопребывания и выбору спутниц жизни. Так, старший родственник князя Дмитрия — князь Михаил Андреевич Романов, появившийся на свет 19 июля 1920 года, был праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии, потомком Александра III по женской младшей линии и сыном князя Андрея Александровича Романова. Жизнь его протекала и завершилась в Австралии, где он в 1953 году женился на некоей Эстер Бланш, разведясь с ней уже в следующем году по причине появления новой «княгини» — австралийки Элизабет Шерли. Эта пара не оставила потом-

¹ Это говорит либо об ангажированности высказываний князя Дмитрия, либо об ограниченности его историософских воззрений, впрочем, и в том и в другом случае прекрасно иллюстрирует его антимонархическую позицию. — *Примеч. авт.*

ства, да и права князя Михаила так же, как и его родственников — князя Андрея и князя Михаила, сомнительны.

Среди других престарелых князей, как бы переживших своё время и возможность претендовать на участие в строительстве российской монархии, был и князь Михаил Романов, родившийся 4 мая 1924 года. Являясь праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии и Александра III по женской линии — правнуком великого князя Михаила Николаевича, внуком великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, он всегда оставался малозаметным. Его отец, сын князя императорской крови Федора Александровича (1898—1968) и великой княгини Ирины Павловны (1903), дочери великого князя Павла Александровича от морганатического брака с Ольгой Валериановной Палей, не видел для сына определенных занятий и едва ли занимался воспитанием его монархического правосознания. Князь Михаил прожил свою жизнь в Париже.

В 1958 году он женился на немке Хельге Стауффенбергер, и в 1959 году у пары родился сын, названный, как и отец, Михаилом. Младшим потомком этого семейства является внучка Татьяна Михайловна, 1986 года рождения. До недавнего времени жил и здравствовал князь Никита Романов, родившийся 13 мая 1923 года. Он был праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии, правнуком великого князя Михаила Николаевича (1832—1909) и внуком великого князя Александра Михайловича (1866—1933). Отец князя Никиты, князь императорской крови Никита Александрович Романов (1900—1974), был женат на графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой, родившейся в 1903 году. Жизнь князя Никиты завершилась в Нью-Йорке. Там еще в 1979 году он стал вице-председателем созданного им же «Объединения членов Дома Романовых», председателем которого в XX веке был князь Николай Романович Романов. Несколько раз князь Никита посещал Россию, побывал в Крыму, посетил имение своего деда в Крыму, в месте Ай-Тодор. Его младший брат князь Александр, 1929 года рождения, проживал в США и был женат на Жанет Шонвальд, 1933 года рождения, крещенной некогда по православному обряду в Анну Михайловну.

Есть в списке потомков Романовых, живущих в настоящее время за рубежом, и еще одна колоритная фигура — Павел Дмитриевич Романов (Ильинский), натурализованный американец Paul R. Pulincki. Он родился 27 января 1928 года. Правнук Александра II, внук его пятого сына — великого князя Павла Александровича и принцессы Александры Греческой, сын великого князя Дмитрия Павловича (1891—1942), Павел Дмитриевич, родился от брака его отца с принявшей православие американкой Одри Эмери (1904—1971). Великий князь Дмитрий Павлович умер в Швейцарии в разгар Второй мировой войны, а разведенная с ним в 1937 году и крещенная в православии Анной г-жа Эмери вышла замуж вторым браком за грузинского князя Дмитрия Георгадзе, проживавшего в эмиграции. Описывая Пола Ильински, журналисты любят подчеркнуть, что он имеет чин полковника морской пехоты США¹, находясь ныне в отставке. Он является членом муниципального совета города Палм-Бич во Флориде, побывав одно время даже мэром этого городка. Американец Пол Ильински — член Республиканской партии США и одновременно масон высокого градуса посвящения в ложе «Великий Восток» Франции. Павел Дмитриевич был женат на американке Мэри-Ивлин Пренс, с которой у него есть дети: Дмитрий, 1954 года рождения, Михаил — 1960-го, Пол — 1956-го, Анна — 1959-го. В новый век Пол Ильински вступил женатым вторым браком на принявшей православие американке Анжелике Кауфман, имея семерых внуков от прежних браков.

¹ Его отец — бездеятельный участник заговора против Распутина и соучастник его убийства в декабре 1916 года в Петрограде, был тесно связан с британской разведкой, под началом которой и был подготовлен, а впоследствии и осуществлен план ликвидации «старца». *Единственный из современных ему российских великих князей, получивший чин капитана британской армии, вероятно в качестве признания заслуг в заговоре.* Человек малопочтенных наклонностей, лицемерный и замкнутый, великий князь Дмитрий Павлович был первоначально обласкан императорской четой, планировавшей одно время выдать за него одну из старших своих дочерей. За участие в заговоре был выслан Николаем II на Месопотамский фронт, откуда при известии о революции в России переехал в Европу. — *Примеч. авт.*

В списке романовских потомков за границей есть и более легитимные с точки зрения вопросов престолонаследия лица, такие как Эмих-Кирилл Лейнинген, седьмой князь Лейнингенский, родившийся в 1926 году в Германии. Сын Фридриха-Карла, шестого князя Лейнингенского и великой княгини Марии Кирилловны Романовой — дочери великого князя Кирилла Владимировича, провозгласившего себя в 1924 году «императором Кириллом I». Отец его, германский морской офицер, погиб от голода в советском плену в лагере под Саранском в августе 1946 года. Мать, княжна Кира Кирилловна, неожиданно умерла от сердечного приступа 27 октября 1951 года в Мадриде, после визита к ней супруги Владимира Кирилловича Леониды Георгиевны¹. В детстве Эмих-Кирилл был членом столь популярной одно время в Германии организации «Гитлерюгенд». Есть у него и два младших ныне здравствующих брата — Карл-Владимир, 1928 года рождения и Фридрих-Вильгельм, 1938 года рождения, а также три сестры — Кира-Мелига, 1930 года рождения, Маргарита — 1932-го, и Матильда — 1936 года рождения.

Эмих-Кирилл состоит в отдаленном родстве с королевским домом Болгарии и сербской династией Карагеоргиевичей. По мнению «кирилловцев», этот претендент и его германские родственники стоят «первыми в очереди» на российский престол после князя Георгия Гогенцоллерна, права которого и без того сомнительны. Соответственно, в случае бездетной кончины Георгия и пресечения старшей линии Кирилловичей Эмих-Кирилл Лейнинген или его сыновья унаследуют права на престол — при условии перехода в православие.

До сих пор активно позиционирует себя претендентом на российский престол Майкл, принц Кентский, родившийся в 1942 году, являющийся прапраправнуком Николая I и двоюродным братом ныне здравствующей королевы Великобритании Елизаветы II.

Принц Майкл Кентский — внук английского короля Георга V, младший сын Георга, герцога Кентского (1902—1942), и принцес-

¹ Современные исследователи вопроса склонны видеть в этом прямое участие ныне покойной княгини Леониды, печально прославившейся как отравительница в ряде семейных драм потомков Дома Романовых. — *Примеч. авт.*

сы Марины (1906—1968), дочери греческого королевича Николая (1872—1938) и великой княжны Елены Владимировны (1882—1957), приходившейся сестрой великому князю Кириллу Владимировичу. По линии своего деда Николая Греческого, сына великой княжны Ольги Константиновны (1851—1926), он приходится праправнуком второму сыну русского императора Николая I, великому князю Константину Николаевичу Романову (1827—1892). По линии своей бабки Елены Владимировны — праправнук русского императора Александра II. Соответственно, приходится троюродным братом великой княгине Марии Владимировне. В английской линии престолонаследования занимал первоначально 8-е место. Его отец Георг, герцог Кентский, был младшим братом королей Эдуарда VIII и Георга VI, но, женившись на католичке, утратил права на престол — согласно закону от 1701 года. Жена Майкла Кентского — ранее разведенная австрийская баронесса Мария-Кристина фон Рейбниц, отец которой состоял в нацистской партии и дослужился до невысокого звания штурмбаннфюрера СС. Теоретически принц Майкл Кентский сохраняет права на русский престол — при условии перехода в православие. Он окончил военное училище, где выучил русский язык, получил профессию военного переводчика. Служил в штабе военной разведки. Вышел в отставку в звании майора. Неудачно пытался заняться бизнесом. Затем сделал два телевизионных фильма — о королеве Виктории и ее супруге Альберте и о Николае II и царице Александре. После 1992 года Майкл Кентский неоднократно бывал в России. В авантюрно-приключенческом романе Фредерика Форсайта «Икона», вышедшем в 1997 году, Майкл Кентский фигурирует как кандидат на престол, приглашенный в Россию для ее спасения от диктатуры. Майкл Кентский — масон, по некоторым данным, глава «Великой ложи Востока».

Члены Дома Романовых, проживающие в результате эмиграции в разных странах мира и объединенные в «Ассоциацию Дома Романовых», отрицательно относятся к претензиям потомков «Кирилловичей» на некое особенное положение в эмиграции и права на российский престол. Современные публицисты и, в частности, Михаил Назаров, убеждены, что так называемый «великий князь Георгий Михайлович», единственный сын принца Франца-Вильгельма Прус-

ского и княгини Марии Владимировны, законодательно является членом династии Гогенцоллернов и отношения к Романовым не имеет. Те, кто в России и за границей интересуются историей России и Российским императорским домом, постоянно вводились в заблуждение матерью и бабушкой Георга, в результате чего ребенок с 1991 года публично позиционировался в качестве «великого князя Георгия Михайловича Романова».

Семья Романовых исторически разделена на четыре ветви, идущие от императора Николая I, скончавшегося в 1855 году. Титул «великого князя» или «великой княгини» по «Статусу о престолонаследии» не может носить сегодня ни один член семьи Романовых. Только сын или дочь монарха или внук, или правнучка по мужской линии, являющиеся наследниками монарха, имеют на это право. Таких лиц в живых сегодня нет. Это как раз тот случай, который имел место с «почившим в Бозе» в 1992 году князем Владимиром Кирилловичем. Последним великим князем был умерший в 1956 году великий князь Андрей Владимирович, а последней великой княгиней была великая княгиня Ольга Александровна Куликовская, урожденная Романова, скончавшаяся в 1960 году. Следовательно, княгиня Мария Владимировна по такому закону не может являться главой Дома, а ее сын, принц Георг Прусский, никак не может являться «наследником российского престола». Настойчивые попытки княгини Марии Владимировны получить от правительства России особый статус на церемонии захоронения останков трагически погибшей царской семьи были отрицательно прокомментированы ее родственниками в зарубежной среде. В октябре 1995 года, после очередного безосновательного заявления Марии Владимировны российским средствам массовой информации, данного в качестве главы Дома Романовых, другие потомки семьи от мorganатических браков за границей решили, что настало время разъяснить правительству России их официальную позицию. На имя тогдашнего президента Ельцина было передано «Заявление» с копией в адрес ряда министров и ответственных членов правительства. Экземпляр «Заявления» был направлен и Патриарху Московскому и всея Руси, и некоторым общественным деятелям России, Европы и США. Его авторы недвусмысленно дали понять российскому руководству накануне участия в символическом

захоронении останков, что если на церемонии особый статус будет предоставлен княгине Марии Владимировне и ее сыну принцу Георгу Прусскому, то все члены Дома Романовых в знак протеста откажутся принять участие в пародии на традиционную церемонию.

От правительства Российской Федерации был получен ответ с уверением, что на предстоящей церемонии в 1998 году все члены Дома Романовых будут приняты одинаково. Мэр города Петербурга Анатолий Собчак также передал потомкам Романовых за границей свои заверения в равноценном приёме всех будущих участников церемонии захоронения своим специальным письмом, чем снял накал страстей, разгоравшихся вокруг предстоящей поездки в Россию между свойственниками и родственниками Дома Романовых.

Интерес к прошлому России и векам жизни царствовавшего в ней Дома Романовых, периодически возникающий в разных социумах, можно считать положительным явлением, связанным с переосмыслением смысла истории и роли нашей страны в мировых исторических процессах.

Период, когда в России на престоле была династия Романовых, должно изучать и анализировать для понимания задач, стоявших перед православными государями, и степенью их реализации в опоре на все сословия империи, дабы правильно оценить масштабность и вину февральского предательства 1917 года, последовательно приведшего Россию к крупномасштабным геополитическим катастрофам в XX веке.

Московские сторонники княгини Марии Владимировны, внучки великого князя Кирилла Владимировича, видят в ней, ошибочно, исторический символ династии Романовых. На самом деле она является очень неподходящим символом Романовской семьи, являющейся скорее символом предательства России в разное время и в разных обстоятельствах¹.

¹ Мемуарист приводил любопытную подробность из времен отрочества великого князя Кирилла Владимировича, весьма характеризующую его личность. «Взводным унтер-офицером был у меня гардемарин великий князь Кирилл Владимирович. Он не жил в Корпусе. На классных и строевых занятиях не бывал. Почти все преподаватели ездили читать ему лекции во дворец. В строю батальона бывал только в день “майского”

Великого князь Кирилл Владимирович, приведший Гвардейский экипаж к Таврическому дворцу, дабы показать лояльность республиканскому Временному правительству, был бы лишен вообще всех прав и отдан под суд, если бы легитимная власть сохранилась. Однако вскоре он понял, что получить трон из рук заговорщиков не удастся, и письменно отказался от претензий на престол, присоединившись к отказу брата царя и переложив само будущее монархии на усмотрение избираемого народом Учредительного собрания. После всего этого его провозглашение себя в 1924 году императором в эмиграции было самозванством, что так и расценили вдовствующая императрица-мать и все главные эмигрантские инстанции: Русская зарубежная церковь, Высший монархический совет и Русский общевоинский союз генерала Врангеля. Лишь позже Первоиерарх Зарубежной церкви, не знавший о секретном лишении семьи Кирилла прав престолонаследия и руководствуясь необходимостью объединения эмиграции, положил почин признанию его, и затем его сына «Главой Дома Романовых», но не все связывали это с правом на престол, рассматривая этот титул лишь как внутреннее дело семьи Романовых. Потомки Кирилла не имеют права на титул великих князей, ибо он не передается далее внуков императора. Кроме того, брак князя Владимира Кирилловича с разведенной госпожой Кирби, урожденной княжной Багратион-Мухранской, не одобрили даже его сторонники-архиереи, поэтому пришлось венчаться не в русской, а в греческой церкви в Швейцарии, прячась от русской общественности. Кроме

парада и на репетициях его... Так воспитывал в то время своих сыновей великий князь Владимир Александрович... Так вот, когда батальон был уже готов для следования на Марсово поле и выведен со знаменем на набережную, мы долго еще здесь ожидали великого князя. Наконец, со стороны Николаевского моста, показывалась пролетка с толстым кучером в темно-синем кафтане с медалями на груди. Это означало, что на ней следует великий князь, который, не доезжая до батальона, останавливался у тротуара, принимал у служителя винтовку и направлялся к батальону. Следовала команда: «Смирно, господа офицеры!» и только тогда, когда наш взводный унтер-офицер занимал место на правом фланге нашей роты, батальон следовал на Марсово поле». *Ищев П.П., князь. Осколки прошлого. Воспоминания 1889—1959. Нью-Йорк, 1960. — Примеч. авт.*

того, согласно Уложению об Императорской фамилии, учрежденном императором Павлом I, Багратион-Мухранские¹ считались неравнородными. Так, из-за брака с князем Багратион-Мухранским княжна Татьяна Константиновна, чье разрешение на брак испрашивал сам государь император у своей матери вдовствующей императрицы Марии Федоровны, как старшей в царствующем доме, была вынуждена в 1911 году подписать отречение от своих прав на престол.

Владимир Кириллович был последним мужским потомком в линии великих князей Владимировичей. Его дочь Мария вышла замуж за прусского принца, и их сын Георгий, таким образом, согласно ст. 133 причисляется по отцу к династии Гогенцоллернов. Странным было бы оказывать особые почести принцу Георгу Прусскому, праправнуку кайзера Вильгельма II, объявившего войну России в 1914 году. Как известно, это была война, которая стала ключевым актом, подтолкнувшим Россию к национальной катастрофе.

Михаил Назаров отмечает поразительное стремление этой ветви сесть на русский трон при помощи любых антирусских сил, даже ценою измены православию, так как еще великий князь Кирилл Владимирович обещал Ватикану унию! Через своего личного представителя он установил контакт с кардиналом Пьетро Гаспарри, государственным секретарем Святого престола, а также с иезуитом Мишелем — Жозефом д'Эрбиньи для того, чтобы заручиться поддержкой Ватикана, а взамен обещал после занятия трона даровать официальное признание католицизма в России в виде Русского экзархата и возможной католическо-православной унии. Однако Ватикан предпочел продолжить свои секретные переговоры с большевиками, рассудительно решив в отсутствии значительных шансов у великого князя на получение престола. В частности, сам д'Эрбиньи курировал вопросы переговоров с большевиками о восстановлении католической иерархии на территории СССР, сильно пострадавшей в годы революций и Гражданской войны. В 1929 году великий князь Кирилл Владимирович снова повторил попытку сближения. Выяснив, что

¹ Князья Багратион-Мухранские — одна из шести ветвей Картлийского царского дома, утратившего статус Владетельного дома после вхождения Грузии в состав Российской империи в 1801 г. — *Примеч. авт.*

переговоры Ватикана с большевиками не оказались успешными, он пригласил к себе в Сен-Бриак иезуита д'Эрбиньи и передал через него послание папе, в котором снова обещал предоставить католицизму в России свободу религиозной пропаганды в случае падения советской власти и занятия трона. В качестве ответной «любезности», он желал, чтобы папа оказал поддержку продвижению его кандидатуры и признал его в качестве легитимного и ниспосланного провидением наследника российского престола.

И в этот раз обращение великого князя Кирилла Владимировича было проигнорировано. Причиной тому явились далеко идущие планы Ватикана построить отношения с советскими властями. Правда, в 1950-х годах Владимир Кириллович отчасти получил своеобразный знак внимания от Святого престола, будучи принят папой Пием XII, о котором написал: «Его духовность потрясла меня. Он милостиво спросил меня, желаю ли я получить благословение. Я опустился на колени...»

В 1930-е годы «Кирилл I» открыто покровительствовал просоветскому движению «Младороссов», о котором мы писали в предыдущих главах, выдвигавших в те годы известный своей нелепостью лозунг: «Царь и Советь», который великий князь не в последнюю очередь проецировал на собственную персону. Казалось, что союз с большевиками под новым лозунгом может состояться в любое время, и в 1937 году глава Младороссов А.Л. Казем-Бек даже перестал скрывать свои связи с советским посольством.

Это стремление сотрудничать с любой властью, осуществляющей своё правление в России, не иссякло, и в наши дни Кирилловичи согласны на присутствие в России даже в виде декоративной монархии, видимо, считая, что таинство помазания на царство, по выражению Владимира Кирилловича, «просто форма... совместимая с любой политической системой». В том числе с нынешней системой. Так, в Рождественском обращении 2000 года «государыня Мария» все еще пытается убедить «дорогих соотечественников», что «только правильное развитие демократических институтов» позволит «достичь желанных целей... Я в любых условиях старалась всеми силами способствовать развитию демократического сознания россиян... По данным, собранным исследователями, в 1974 году на III Всезару-

бежном соборе лишь два архиерея из 13 поддерживали Владимира Кирилловича как престолонаследника. Поэтому фотографии 1970—1980 годов, где Кирилловичи изображены рядом с архиереями, вовсе не означают «признания прав» их, а к кресту в конце богослужения может подойти каждый.

Наконец, последние — обширный клан «Михайловичей», потомков великого князя Александра Михайловича и его жены, его собственной двоюродной племянницы великой княгини Ксении Александровны, дочери Александра III. На сегодня потомки этих двух лиц Императорского дома насчитывают 17 мужских представителей, рождённых от морганатических браков, но о них слишком мало известно, и потому их культивируют как наиболее достойных, так как они не борются за корону. Едва ли большинство из них чувствуют в себе способность и призвание к роли монарха. Необходимо, как они считают, выбрать новую династию. Но в этом случае они попадают в некий логический тупик, так как непонятен критерий выбора новой династии. По меткому замечанию современного публициста, аристократии в России уже нет, «советское» (номенклатура и олигархи) и «осовеченное» (потомки аристократии, проживавшие в СССР) дворянство нельзя отнести к аристократии, иностранных принцев призывать никто не желает.

Это еще связано и с тем, что мужских потомков Дома Романовых, рождённых в законных и династических браках с правом престолонаследия, нет. Поэтому и наследство должно перейти в женские линии, которые в большинстве своём в настоящее время представляют германские владетельные и царственные дома. Именно поэтому они активно выступают за упразднение или мораторий в отношении тех статей династического права Российской империи, которые недвусмысленно запрещают потомкам членов Императорского дома, рождённым от неравнородных браков, наследовать престол. Упразднение статей 36 и 188 Основных Законов Империи неизбежно повлечёт обретение прав на престол для мужских потомков великих князей Петра Николаевича и Александра Михайловича, но лишит права иностранных принцев, которые на сегодня имеют преимущество только в силу этих статей. К сожалению, защитники этой точки зрения забывают, что Петр III был рождён от неправославного отца

герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, но это не помешало внуку лютеранина государю Павлу Петровичу стать одним из самых почитаемых монархов.

Можно сказать, что История уже подвела черту под героическим и прекрасным временем «первой волны» русской эмиграции и драматичной, полной нравственных противоречий эпохой «второй волны».

Сегодняшняя их жизнь остановилась и обрела форму хранения реликвий, исторических трудов и воспоминаний. Понемногу эти свидетельства возвращаются к современному читателю и исследователям, становясь нашим общим национальным наследием. Дай Бог восстановиться исторической справедливости, а русским героям обрести заслуженное место в общей Русской Истории, от которой они, несмотря на километры и расстояния, никогда отделимы не были.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Общеизвестно, что История имеет свойство повторяться в те судьбоносные моменты мировой жизни, когда цивилизациям необходимо найти выходы из духовных тупиков и преодолеть кризисы и тупики собственного развития. Столь уникальное явление, как русская эмиграция, появилось на стыке времен, когда опустошающая Великая война 1914—1918 года привела европейскую цивилизацию к тому переломному моменту, за которым отчетливо виделось её неизбежное угасание в силу утраты сакрального смысла её существования, на протяжении столетий наполнявшего государственную идеологию и общественную мораль. В первый раз Европу спасло то роковое для Византии обстоятельство, связанное с победой турок и установлением их владычества. Из древней христианской столицы с 1453 года в Западную Европу хлынул поток беженцев, принадлежащих к высоко духовному, образованному социальному слою византийцев, принесших с собой ту культуру, которая до XV века была неизвестна и недоступна западноевропейцам. Она не только органически влилась в уже существующую и по-своему развитую цивилизацию Европы, но и оказала огромное влияние на её духовную, а впоследствии и политическую культуру, обогатив и укрепив интеллектуальный и творческий потенциал народов континента, задав новые векторы общественного развития на столетия вперед.

Смута русской общественной жизни, приведшая к падению самодержавного строя и возникновению очагов Гражданской войны, пошатнула фундамент общественного устройства России, вынудив многие сотни тысяч её граждан искать спасения вне страны. Они образовали схожий с XV веком поток исходящей интеллектуальной, духовной и профессиональной элиты там, куда не могла простираться

власть, установившаяся в стране по окончании вооруженной борьбы противоборствующих сторон. Наряду с этим великий русский исход имел своей целью показать миру непримиримость с большевистским режимом и его идеологией, состоявшей в уничтожении вековых национальных устоев в пользу создания «плацдарма» для «мировой революции», что противоречило подлинным русским ценностям, традициям и самосознанию. Исход неизбежно порождал перед эмигрантами череду важных задач, сформировавших впоследствии основную идею их миссии: спасения национальной чести, демонстрации непримиримости к силам зла и разрушения, объединение на союзных началах со всеми людьми доброй воли, осознающими потенциальную опасность революций в собственных странах, проходящих неизбежно по единому сценарию: от разрушения духовных основ и смысла существования и роли человека в обществе до разделения его на части и вовлечение их в бессмысленное братоубийство, а также мобилизацию наиболее бездуховной части для служения химерической идее мирового господства. При более глубоком рассмотрении, лежащим за рамками данной работы, сверхзадачей русского исхода являлась и та цивилизаторская миссия свидетельства преимущества православной культуры, не знакомой большинству европейских и американских государств, способной обогатить иностранный мир новым смыслом. У сверхзадачи была и иная сторона, наиболее важная для самой русской эмиграции, — сохранить ростки унесенной с собой цивилизации для будущего переноса в освобожденную от гнета чуждых социальных учений страну. Сохранение не только духовных основ, но и практических знаний внутри русской эмиграции обусловило невиданно быстрый переход от демобилизации армии к созданию новых образовательных и научных центров в изгнании, иногда органически дополнявших имевшиеся в странах пребывания учебные заведения и исследовательские институты, давшие новые импульсы к развитию русской науки. Весомый вклад в мировые научно-технические и культурные процессы внесли русские ученые, порой вчерашние беженцы, — изобретатель телевидения В. Зворыкин и создатель высокооктанового бензина химик В. Ипатьев, социолог П. Сорокин, нобелевские лауреаты — физик И. Пригожин, писатель И. Бунин и экономист В. Леонтьев, авиакон-

структор И. Сикорский и многие другие. Десятки и даже сотни менее известных инженеров, военных, искусствоведов, ваятелей и зодчих не просто обогатили культурологический ландшафт Европы, Азии и двух Америк, но стали основоположниками своих дисциплин. Произошло это во многих странах, где до прибытия туда русских либо отсутствовала фундаментальная и прикладная наука, либо где с их участием оба этих раздела значительно обогатились за счет русской эмиграции «первой волны». Для более глубокого понимания жертвенного подвига многих людей русской эмиграции важно понимание политического контекста, в рамках которого им приходилось жить, творить и участвовать в мировой геополитике в первой половине XX века. Эволюция задач русской эмиграции, простиравшаяся от первоначальных планов вооруженной борьбы до последовательного возвращения к тезису «делай, что должно, и будь, что будет», хорошо видна на примерах её деятельности в период с 1920 по 1950-е годы, период, превосходно характеризующийся данной поговоркой.

Основное внимание исследования уделено смыслу военной эмиграции и влияния на политические и культурные процессы в том аспекте, который позволяет понять её миссию в первую очередь по отношению к собственной стране, нежели чем к приютившим военных изгнанников государствам или себе самой, как наиболее естественной задачи — оставаться полезной для возрождения будущей России.

Особенно важным это являлось в тех условиях, когда на родине эмигрантов было провозглашено истребление традиции и национального самосознания. Эмигранты продолжили объективно труднейший путь продолжения духовных традиций своей нации, осуществляя задачу сохранения памяти о дореволюционной России и духа того времени. За пределами отечества эту миссию в достаточной мере исполнила эмигрантская литература: множество мемуаров, наряду с художественной литературой и переизданием отечественной классики, навсегда запечатлели ту цивилизацию и основные ценности её, которые были непоправимо истреблены на родине. Особая роль здесь принадлежала Российской православной церкви за границей, вплоть до нынешнего века остававшейся настоящим столпом духа эмиграции.

Вместе с тем любая деятельность по консервации знаний была хороша лишь до той поры, пока своей перспективой она видела осуществление преемственности собственной работы. Плоды её распространялись не только на молодые поколения эмигрантов, но и на те здоровые силы в российском обществе, продолжившие сопротивление осуществляемому над страной эксперименту и загнанные режимом в условия подполья и катакомб. Вооруженное сопротивление со временем приняло формы простого выживания и отстаивания ценностей, привычного образа жизни и соблюдения традиций, а в послевоенные годы — попыток участия в реставрации и восстановлении исторических памятников зодчества и культуры. Эта деятельность стала своего рода завершающим этапом эволюции сопротивления власти, и хотя, по сути, не противоречила закону и политическим установлениям режима, рассматривалась им весьма настороженно. Неслучайно председатель КГБ Андропов призывал соратников, ответственных за политический сыск в государстве, уделять особое внимание тем лицам в обществе, кто бережно относился к культурному наследию, считая их большей угрозой советской системе, чем все вместе взятые диссиденты либеральной ориентации.

В той работе, которую вела эмиграция в данном направлении, представлялось важным знакомство подсоветских людей с истинным положением дел в их собственной стране и основополагающими трудами по российской новейшей истории. Главным двигателем оставалось чувство нравственного долга по отношению к соотечественникам, переживавшим один за другим невероятные социальные катаклизмы, вытравливающие из них национальное сознание и исторические ориентиры. Классовый террор и многочисленные чистки 1920-х годов, коллективизация и индустриализация, запрет на выезд из страны, антицерковная кампания и шаг за шагом опрощали общественную жизнь, отдаляя её все более от той, что царила в России еще пару десятилетий назад. Постоянные военные конфликты с соседними странами, курс на победу социализма в мире, требовавший многих и многих усилий и человеческих жизней, ввергли жизнь целого народа в какую-то противоестественную череду событий, затмивших даже естественный смысл существования русского человека. Аресты, борьба политических кланов, продажа национальных

ценностей и достояний, система лагерей и постоянная угроза жизни за малейшее отступничество заставили даже очень стойких людей в стране отказаться от попытки сопротивления или даже простого исповедания традиции, как религиозной, так и бытовой. Жизнь эмиграции в относительно лучших условиях накладывала на её мыслящих представителей моральные обязательства необходимого оправдания перед народом за «железным занавесом» путем жертвенной деятельности, направленной на будущие преобразования в России. Именно так восприняла лучшая часть эмиграции свою миссию, бывшую своего рода видом аскетического служения идее.

Это объясняет большую просветительскую работу, проведенную эмиграцией в определенный период для соотечественников в деле возрождения национального духа и придания авторитетности в глазах мирового сообщества. А также многочисленные попытки участия эмигрантов в локальных и мировых вооруженных конфликтах и войнах, где они выступали в качестве носителей государственной идеологии дореволюционного Российского государства, противостоящего разрушительному «соблазну социализма».

Все это явилось своего рода аверсом миссии русской эмиграции, а реверсом, или оборотной стороной, стала её органическая интеграция в общемировое, культурное и научное пространство, столь обогатившая страны и народы плодами труда русских изгнанников.

Стремительная трансформация послевоенной политической и, как следствие, экономической жизни в Европе и мире изменили и задачи, стоявшие перед первой волной эмиграции, и внесли в её собственную жизнь важные коррективы в ходе осуществления «второго исхода» русских людей, пришедшегося на период Второй мировой войны и первые несколько лет после её окончания. Новый социокультурный слой эмигрантов, бежавших из СССР, внес свои коррективы и в смысл эмиграции, наглядно показав ей, как сложен и долог остается её путь к возрождению России и как невелики результаты, достигнутые за четверть века активной деятельности. Новая волна эмигрантов в большинстве своём оказалась не только не ближайшим союзницей первой, но и вошла с ней в некоторый антагонизм, порожденный общим разочарованием от того образа, что представляли собой люди «второй волны», за редкими исключениями. Являющиеся

продуктами безжалостной системы истребления исторической памяти, изголодавшиеся по «благам цивилизации», эти люди стремились найти на Западе комфорт и уют, а также воспользоваться минимальным набором политических свобод для самореализации. Прежний жертвенный дух эмигрантов «первой волны» был заменен преобладающим конформизмом и политической гибкостью, позволявшей представителям «второй волны» без особых угрызений совести идти на сотрудничество не только с антисоветскими, но и по-настоящему антирусскими силами на Западе. Однако исследование этого феномена не входит в рамки задач, поставленных данной работой, и достойно отдельного рассмотрения.

Достижения в мировой науке и искусстве, сохранение основ национальной культуры и религиозного смысла православия и общая устремленность на качественные преобразования в российском обществе русской эмиграции «первой волны» являются несомненными и важными её заслугами перед сегодняшней Россией и миром в целом.

Правильно распорядиться этим наследием является актуальной задачей современного общества, получившего и продолжающего получать его из русского зарубежья. Это позволит восстановить не только имеющиеся пробелы в исторической науке, но, возможно, повернет нас лицом к национальным истокам, бережно сохраненным в изгнании, для того чтобы осознать и понять подлинный исторический путь развития России в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Монографии и исследования русской эмиграции

Александровский Г.Б. Цусимский бой. 50 лет. 1905—1955. Нью-Йорк: издательство «Россия», 1956.

Артемов В.П. 1-я дивизия РОА. Материалы к истории освободительного движения народов России (1941—1945). Издание СБОНР, Сан-Франциско, 1974.

Берг, фон В.Ф. Последние гардемарины. Издание Военно-морского союза. Париж, 1931.

Бибиков Г.В. История Кавалергардов. Париж, 1992.

Вертепов Д., есаул. Русский корпус на Балканах 1941—1945. Издание «Наши вести». Нью-Йорк, 1963.

Верцинский Э.А. Гвардейские стрелки. Таллинн, 1931.

Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Издание газеты «Сигнал». Париж, 1938. Обложка выполнена подпоручиком Лейб-гвардии Гренадерского полка В. Красуским

Горчаков М.К., светлейший князь. Политика митрополитов Сергия и Евлогия. Выпуск 2. Париж: издательство «Долой зло!», 1930.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Издательство «Возрождение». Париж, 1934.

Донсков П. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Книга первая. Издательство им. Походного атамана Павлова. Нью-Йорк, 1968.

Ефремов А.Г. Ижевцы и воткинцы (борьба с большевиками 1918—1920). Сан-Франциско, 1974.

Ильин И.А. О монархии и республике. Изд. «Содружество». Нью-Йорк, 1979.

Ишевский Г.П., поручик. Честь. Издание Общекадетского объединения. Мюнхен, 1957.

Ицеев П.П., князь. Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1960.

Карташев А.В., профессор Свято-Сергиевской духовной академии в Париже. Воссоздание Святой Руси. Издание Особого Комитета под председательством Сильвестра, епископа Мессинского, vicария митрополита русских право-

славных церквей Западной Европы и экзарха патриарха Вселенского. Париж, 1956.

Катков Г.М. Февральская революция. Париж: YMCA-Press, 1987.

Керсеновский А.А. История Русской армии. В 4 томах. Белград, 1933.

Кириенко И.К., генерал-майор. От чести и славы 1613 г. — к позору и подлости февраля 1917. Сан-Паулу, 1963.

Кобылин В.С. Император Николай II Александрович и генерал-адъютант Алексеев. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1970.

Ковалевский П.Е., профессор. Зарубежная Россия. Париж, 1973.

Ковалевский П.Е., профессор. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Издательство ЦОПЭ, Мюнхен, 1960.

Кравченко В.М. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1—2. Мюнхен, 1973—1975.

Кромиади К. За землю, за волю. Из истории русской освободительной борьбы 1945—1947 гг. Издательство «Глобус» (В. Азар-Азаровского). Сан-Франциско, 1980.

Кузнецов Б.М. В угоду Сталину. Нью-Йорк, 1993.

Лампе фон А.А. Пути верных. Париж, 1960.

Марков 2-й Н.Е. Войны темных сил. Книги 1-я и 2-я. Издательство «Долой зло!». Париж, 1930.

Матасов В.Д., подпоручик Конной артиллерии. Белое движение на Юге России 1917—1920. Монреаль: Monastery Press, 1990.

Назанский В.И. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930.

Никон (Рклицкий), архиепископ. «Мой труд в винограднике Христовом. Т. II. Свято-Троицкий монастырь, типография Преподобного Иова Почаевского. Джорданвилль, 1993.

Павлов Л.И. Под Андреевским флагом. Издательство «Глобус» (В. Азар-Азаровского). Сан-Франциско, 1977.

Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918—1920 годов. Т. I—II. Париж, 1962—1964.

Плющов Б. Генерал Мальцев. История военно-воздушных сил Русского освободительного движения в годы Второй мировой войны (1942—1945). Сан-Франциско: Globus Publications, 1982.

Попов К.С. «Война и мир» и «От двуглавого орла к красному знамени». Париж 1934.

Савин И.И. Моему внуку // под ред. Люд. Савиной «Только одна жизнь 1922—1927». Нью-Йорк, 1988.

Саллогуб А.А., граф. Русская православная церковь за границей 1918—1968. Издательство Русской Духовной миссии. Нью-Йорк, 1968.

Стеенберг Свен. Андрей Андреевич Власов. Издание Русского дома в Мельбурне, 1974.

Филимонов Б.Б., поручик. Конец Белого Приморья. Издательство Виктора Камкина. Вашингтон, 1971.

Хартлинг К.Н., полковник. На страже Родины. События во Владивостоке в конце 1919 — начале 1920 г. С предисловием Б.Б. Филимонова. Шанхай, 1935.

Хольмстон-Смысловский Б.А., генерал-майор Сборник статей. Буэнос-Айрес, 1953.

Новые мученики Российские // Первое собрание материалов. Сост. Протопресвитер М. Польский. Типография Преподобного Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре. Джорданвиль, Нью-Джерси, 1949.

Новые мученики Российские // Второй том собрания материалов. Сост. Протопресвитер М. Польский. Типография Преподобного Иова Почаевского в Свято-Троицком монастыре. Джорданвиль, Нью-Джерси, 1957.

II. Официальные документальные материалы

Убийство Войкова и дело Бориса Коверды // Перевод с польского. Париж: Возрождение, 1927.

Русский Корпус-лицей имени Императора Николая II в Версале. Издание попечительского комитета. Париж, 1939.

Мариинский Донской институт. Издание Объединения бывших воспитанниц МДИ за рубежом. Нью-Йорк, 1975.

Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского. Пер. с французского. Издательство М.А. Суворина «Новое время». Белград, 1924.

Архив Императорского Александровского лицея, временно хранящийся в Королевском военном музее в Брюсселе. Париж, 1937.

Дань светлой памяти Императора великого мученика. Сооружение креста-памятника и ознаменование 20-летия Екатеринбургской драмы. Издание Союза Ревнителей памяти Императора Николая II. Париж, 1938.

Корниловский ударный полк // Под редакцией поручика М. Критского. Париж, 1936.

Софронов Н. Краткая история Забайкальского казачьего войска. Сан-Франциско, 1974.

Навигацкая школа — Морской кадетский корпус, 250 лет. Юбилейный сборник. Париж, 1951.

Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. Сан-Франциско: Globus Publications, 1978.

III. Воспоминания и дневники русской эмиграции и российские переиздания

Адамович Б.В. Тристень. К 225-летию Лейб-гвардии Кексгольмского полка. Париж, 1933.

Безруков Н. Из царства сатаны на свет Божий. Захват «Утриша». С предисловием генерала Е.К. Миллера. Издательство Светлейшего князя Горчакова «Долой зло!». Париж, 1927.

Бельий В.И., вauxмистр. Галлиполи в сборнике «Жирасиры Его Величества». Глава «Жизнь за рубежом». Париж, 1944.

Белявский В.А., полковник. Голгофа, воспоминания. Сан-Паулу, 1964.

Берестовский В.В. Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра — Тирана 10—26 декабря 1924 года в сборнике «Русская армия в изгнании» М.: Центрполиграф, 2003.

«Бизертинский Морской сборник». М., 2004.

Валентинов А.А. Крымская эпопея. В сборнике «Белый Крым». М.: изд. РГГУ, 2003.

Винтер Ю. Воспоминания. В сборнике «Памятка кадет I выпуска Корпуса Императора Николая II». Париж, 1938.

Витковский В.К. Константинопольский поход Русской армии. Париж, 1933.

Витковский В.К. В борьбе за Россию. Воспоминания. Сан Франциско, 1963.

Витте С.Ю., граф. Воспоминания. В сборнике «Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма» СПб.: издательство «Пушкинского фонда», 2001.

Врангель П.Н. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.

Князь Императорской крови Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Издательство им. Чехова, Нью-Йорк 1955.

Геруа Б.В., Генерального штаба генерал-майор. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Париж, 1968.

Гоппер К.Я., генерал-майор. Четыре катастрофы. Рига, 1927.

Даватиц В.Х. Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. 2-е издание. Нью-Йорк, 1985.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. II. Берлин: Медный Всадник.

Достовалов Е.И. Записки. Сборник Константинополь—Галлиполи. Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003.

Дрейер В.Н. фон, Генерального штаба генерал-майор. На закате империи. Мадрид, 1965.

Евлогий, митрополит. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: УМСА-Press, 1947.

Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. Париж, 1919.

Кавалергарды на Великой и Гражданской войне. Часть II. В.Н. Звегинцов. Париж, 1938.

Кавалергарды на Великой и Гражданской войне. Часть III. В.Н. Звегинцов. Париж: Танаис, 1966.

Кадесников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 гг. Нью-Йорк, 1965.

Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Сборник «Казачий исход. Серия «Белое дело». М.: изд. РГГУ, 2003.

Каратеев М.Д., князь. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977.

Кнорринг Н.Н. Сфаять. Воспоминания о Морском корпусе в Африке. Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1933.

Конец императорского Александровского Лицея. По запискам последнего инспектора лицея, лицеиста XLVII класса А.А. Повержо, дополненным графом В.Н. Коковцовым и Лицеистами младших курсов. Издание Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея во Франции. Париж, 1929.

Краинский Н.В. Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград, 1931.

Краснов Н.Н. Незабываемое. 1945—1956. Изд. «Книжный магазин» Р.М. Васьлева. Нью-Йорк, 1957.

Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925—1941. Париж: YMCA-Press, 1977.

Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. 1784—1922. Сан-Франциско: Globus Publications, 1978.

Кузнецова Г. Грасский дневник. Книгоиздательство Виктора Камкина. Вашингтон, 1967.

Ларионов В.А. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984.

Левитов М.В. Материалы к истории Корниловского ударного полка 1917—1974. Париж, 1974.

Лукин А.П., капитан II ранга. Флот. В 2-х книгах. Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1936—1937.

Лукомский А.С., генерал-лейтенант. Воспоминания. В 2-х томах. Изд. Отто Кирхнер. Берлин, 1922.

Макаров Ю.И. Моя служба в Старой гвардии 1905—1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951.

Маклаков В.Н. Воспоминания. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1955.

Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Сборник воспоминаний. Париж: издание марковцев-артиллеристов, 1967.

Мартынов А.П., полковник. Моя служба в отдельном жандармском корпусе. Издание Станфордского университета. США, 1972.

Моисеев М.А. Былое. Сан-Франциско: Globus Publications, 1980.

На службе Отечеству. Сборник воспоминаний выпускников Виленского юнкерского училища // под редакцией полковника Шайдицкого. Сан-Франциско, 1963.

Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевков за рубежом. Издание Объединения бывших бестужевков за рубежом. Париж, 1971.

Никон (Ряблицкий), архиепископ. Слова, беседы и речи митрополита Антония. Свято-Троицкий монастырь. Типография Преподобного Иова Почаевского. Джорданвилль, 1968.

Одоевцева И.В. На берегах Невы. Издательство Виктора Камкина. Вашингтон, 1967.

Одоевцева И.В. На берегах Сены. Издательство La Presse Libre. Париж, 1983.

Осокин В., поручик РОА. Андрей Андреевич Власов. Краткая биография с приложением Пражского манифеста. Всеславянское издательство. Нью-Йорк, 1966.

Первые начавшие (Ледяной поход). Сборник воспоминаний участников. Нью-Йорк, 1958.

Петров В.П. Шанхай на Вампу. Вашингтон, 1985.

Петров В.П. Город на Сунгари. Вашингтон, 1984.

Петров В.П. Русские в Китае. Вашингтон, 1990.

Розеншильд-Паулин В.А., Воспоминания в сборнике «Кирасиры Его Величества». Т. III. Париж: изд. «Возрождение», 1944.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: изд. В.П. Сияльского, 1927.

Слащев Я.А. Крым в 1920 году. М.: изд. РГТУ, 2003.

Смирнов М.И. контр-адмирал. Адмирал Колчак. Издание Военно-Морского Союза. Париж, 1930.

Сталь фон Гальштейн А.И., барон. В сборнике под редакцией поручика М. Критского «Генерал Кутепов». Париж, 1933.

Стафиевский А. Николаевское кавалерийское училище в Югославии. В сборнике «Памятка Николаевского кавалерийского училища». Нью-Йорк, 1969.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гея», 1996.

Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. Нью-Йорк, 1961. Издание американского общества для изучения русской морской истории.

Тимофеевский К. На крейсере «Генерал Корнилов». В сборнике «Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма». М.: Центрполиграф, 2003.

Трубецкой В.С., князь. Записки кирасира. В сборнике «Россия воспрянет». М.: Военное издательство 1996.

Трубецкой С.Г., князь. Генерал Кутепов как общественный деятель. В сборнике «Генерал А.П. Кутепов». Париж, 1933.

Туманов Я.К., князь. Как русский морской офицер помогал Парагваю воевать с Боливией. Морские записки. Т. IX. № 3. Нью-Йорк, 1953.

Федоров Г. Путешествие без сантиментов. Сборник «Константинополь-Галлиполи». М.: изд. РГТУ, 2003.

Федорович А.А. Генерал Владимир Оскарович Капель. Мельбурн, 1967.

Филатов Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Париж: YMCA-Press, 1985.

Финляндские драгуны. Сборник воспоминаний. Калифорния, 1959.

Чебышев Н.Н. Близкая Даль. В сборнике «Константинополь — Галлиполи». Серия «Белое дело». М.: изд. РГТУ, 2003.

Шавельский Г.П., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х томах. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1956.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1961.

Яремчук 2-й А.П. Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско: Globus Publications, 1983.

IV. Периодика, повременные издания, газетная публицистика и письма

Алдан А.Г., Генерального штаба полковник. Армия Обреченных. Труды Архива Русской Освободительной Армии. Т. 3. Нью-Йорк, 1969.

Астахов И., Аверкиев А. и др. К сведению казачьей общественности. «Родимый край» за июль—август 1962 года, Париж.

Белый архив. Альманах по истории революции и Белого движения. 1926—1928 гг. Т. I—III // Под редакцией полковника Я.М. Лисового.

Бубнов А.Д., Головин Н.Н. Тихоокеанская проблема в XX веке. Прага, 1924.

Журнал «Вестник конногвардейца». Париж, 1975.

Журнал «Вестник Гвардейского Объединения». Париж, 1970.

Журнал «Военная быль». Париж, №№ 53—125 (1960—1974).

Газета «Возрождение» от 16 июля 1937 года. Париж.

Журнал «Двуглавый орел». Монархический вестник. Париж, 1929.

Драгуны дома и на войне (сборник воспоминаний). Кн. I—IV, 1928—1931.

Издательство В.П. Сияльского. Париж.

Записки Музея Лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полка. Париж, 1967.

Слова Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. Сан-Франциско: Русский пастырь, 1994.

Иоанн (Шаховской) Сан-Францисский, епископ. Время веры. Издательство им. Чехова. Нью-Йорк, 1954.

Каноническое положение православной русской церкви за границей. Париж, 1927.

Памятка Николаевского кавалерийского училища. Изд. Бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Нью-Йорк 1969.

Письмо под собирательным именем «Казачи из Парагвая». «В Парагвае». Париж: «Родимый край», № 44, январь—февраль 1963 г.

Письмо под псевдонимом «Новый офицер». Париж: «Родимый край», №41 (июль—август 1963 г.).

Газета «Православная жизнь», № 9. Брюссель, 1954.

Православные русские пастыри (XIX — начало XX в.). Переиздано Комитетом Русской Православной молодежи за границей. Харбин, 1942.

Журнал «Родимый край». Зарубежный казачий политический журнал. Орган Донского войскового объединения. Заявлен как «Орган общеказачьей мысли». Основное издание казачьего зарубежья после 2-й Мировой войны. 1962—1964.

Светлой памяти Незабвенного Августейшего шефа Кавалергардов (на правах рукописи). Издание «Кавалергардской семьи» // сост. Барон К.Н. Розен. Париж, 1929.

Славное прошлое Южной Школы. Очерки жизни Елисаветградского кавалерийского училища. Нью-Йорк, 1969.

Унковский В. Сталинский поджигатель. Газета «Парижский вестник», № 39, 1943.

Газета «Царский вестник», № 173. 22.5/4.6.1931.

Журнал «Часовой», № 146—147. Орган связи русского воинства за рубежом. Пасхальный выпуск, 1935.

Журнал «Часовой», № 199, IX год издания, 5 ноября 1937 г.

Морские записки. Издание общества русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1944—1962.

Церковный раскол. Издание Светлейшего князя Горчакова «Долой зло!». Париж, 1927 (текст Н.Д. Тальберга).

Шатов М.В. Материалы и документы Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны. Т. 2. Всеславянское издательство. Нью-Йорк, 1966.

V. Современные исследования и монографии

Ауски С. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Издательство В. Азар-Азаровского «Глобус Пабликешнз». Сан-Франциско, 1982.

Вострышев М.И. Патриарх Тихон. В серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1995.

Ганусовский Б.К., Науменко В.Г. Сборник «Великое предательство». СПб.: Нева, 2003.

Григорий (Габбе), епископ. Завет Святого Патриарха. М.: 1996.

Дрляча Д. Сербь и русские в Сербии (взаимоотношения основного населения и национального меньшинства) // Расы и народы. Т. 24. М., 1997.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. 2000.

Ипполитов Г.М. Деникин. В серии ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2000.

Карпов Н.В. Крым — Галлиполи — Балканы. М.: Русский путь, 2002.

Керманов Н.П. Русский Парагвай. Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003.

Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

Мартынова М.Ю., Каишуба М.С., Дрляча Д. Русские жители Сербии: историко-культурный аспект. В сборнике «Европейская интеграция и культурное многообразие». Ч. 1. Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

Мясников В.С., академик. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1—2. М., 2000.

Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004.

Регельсон Лев. Трагедия русской церкви 1917—1945. Париж: YMCA-Press, 1977.

Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1922—1945 гг. М., 2005.

Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. М.: Советский писатель / Новый мир, 1989.

Стефановский М.И. Корниловцы в Русском корпусе. Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003.

Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры. Сборник «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003.

Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам. В сборнике «Русская армия в изгнании». М.: Центрполиграф, 2003.

VI. Справочные издания

Кадетские корпуса за рубежом 1920—1945. Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов. Нью-Йорк. Под редакцией А.М. Росселевича. Издательство Monastery Press. Монреаль, 1970.

Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. М.: Астрель, АСТ, 2002.

Донской Мариинский институт. Памятка бывших курсисток. Нью-Джерси, 1975.

Памятная книжка лицеистов за рубежом. Издание Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея. Париж, 1929.

Справочная книга Гвардейского объединения за 1961 г. Париж.

Андоленко С.П. Нагрудные знаки русской армии. Париж: Танаис, 1966.

Горденев М.Ю. Традиции, церемонии и праздники Императорского флота. Сан-Франциско, 1936.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
Глава первая РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ.....	15
Глава вторая ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ЭТАП ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ.....	44
Глава третья РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ЭМИГРАНТЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ И СЕВЕРЕ АФРИКИ.....	111
Глава четвертая ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ХОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 1924—1939 ГОДАХ.....	157
Глава пятая ЭМИГРАЦИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	219
Глава шестая РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ В 1941—1945 ГОДАХ.....	269
Глава седьмая ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР И ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ	319
Глава восьмая ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПОЛИТИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ ...	342
ПОСЛЕСЛОВИЕ	368
БИБЛИОГРАФИЯ	374

Научно-популярное издание

Военный архив

Гончаренко Олег Геннадьевич

ИЗГНАННАЯ АРМИЯ

Полвека военной эмиграции. 1920—1970 гг.

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес и адрес местонахождения:
127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Почтовый адрес для направления корреспонденции:
129337, Москва, а/я 63.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 08.02.2012. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 12. Тираж 2000 экз. Заказ № 1084.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Перед вами новая книга О.Г. Гончаренко, рассказывающая о нелегкой жизни солдат и офицеров Русской армии в вынужденной эмиграции в 1920—1970 гг. Автор, используя малоизвестные источники, подробно воссоздает быт и жизнь изгнанников в лагерях на турецкой земле и в странах рассеяния, рассказывает о процессе превращения Русской армии в Русский общевоинский союз (РОВС), борьбе активной части эмиграции против спецслужб СССР. Особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны и участию в ней чинов РОВС, а также судьбам этих людей после 1945 г. Книгу дополняет рассказ о политическом и духовном наследии офицерских союзов и воинских организаций.

ISBN 978-5-9533-5866-8

9 785953 358668

